

Свобода выбора

Том первый
Лис

16+

Андрей Емельянов

Андрей Игорьевич Емельянов
Свобода выбора.
Том первый. Лис

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64969827
SelfPub; 2021*

Аннотация

Удивительный мир фэнтези, где демоны безнаказанно бродят по земле, собирают души, устраивают войны. Ведьмы плетут свои козни. Брат идёт против брата. И в самую гущу событий попадает простой парень из большого города. Выживание становится его главной целью, но он и не подозревает какая судьба ему уготована.

Содержание

Пролог!	4
Судьба!	7
Калхен!	9
Ричард!	50
Глупец.	89
Чип!	119
Вильям!	164
Леорик!	192
Юлианна!	208
Ведьма!	225
Лягушонок!	270
Безымянный!	283
Ёрш!	320
Дитрих.	342
Жирдяй!	370
Густав!	438
Айлис!	464
Гвенделин!	479

Андрей Емельянов

Свобода выбора.

Том первый. Лис

Пролог!

История, которую я собрался вам поведать, вначале покажется забавной и в определённой степени наивной. Но позвольте со всей ответственностью заверить вас, что описанные в ней события имели место и произошли со мной одиннадцатого июня две тысячи девятого года. Почему же, разумно спросите вы, я решил поведать всё только сейчас, спустя целых десять лет? Всё дело в том, что меня терзали вполне обоснованные сомнения. Вправе ли я открыть вам тайну, несомненно способную изменить Ваше представление о вселенной? Как воспримете вы это открытие? Да и вообще, станет ли кто-то слушать очередного писаку, возомнившего себя носителем знания? Эти сомнения всё ещё одолевают меня, тисками сдавливая горло, мешая дышать полной грудью. С другой стороны – сколько ещё я способен носить тяжкий груз на своих плечах? В какой из дней, или, быть может, ночей, я окончательно сдамся и разом покончу со всем, отправившись в иной мир? Подумать страшно, ведь случись всё

иначе, я, как и вы, воспринял бы эти слова как признак глубочайшей депрессии, проявление отчаяния. К счастью всё обстоит иначе.

Некоторую часть времени, прошедшего до настоящего года, я попросту отсутствовал на Земле. Нет, я вовсе не покидал планету, усевшись в огромный космический корабль. Я принадлежу к числу тех людей, кто свято верит в невозможность такого полета. И всё же я отсутствовал и довольно долго не видел родного дома.

– «Чушь» – хором воскликнут ученые.

– «Бред наркомана» – заявят борцы за здоровый образ жизни.

– «Сказка» – вторят им скептики.

– «Богохульство» – возмутятся приверженцы всех религий мира.

Разве стоит продолжать, будучи уверенным в полном провале? Но сейчас, смотря в ночное небо, я думаю – разве могу я отступить? Кем же я тогда стану, идя на поводу страха и сомнений? Смогу ли вновь подняться, гордо заявив «Я – ГРАЖДАНИН!» Разве смогли бы вы, просто отбросить все в сторону? Смогли бы и дальше жить, куда последняя песчинка жизненных часов, часов бытия, не оповестит вас о наступившем конце?

Трижды «ха», если Ваш ответ – «да».

Трижды «позор», если Вы и правда на это способны.

Но давайте для начала, я поведаю вам о тех событиях, по-

сле которых, – произойди они с вами – всё обстояло бы именно так, как я и сказал. От возбуждения у меня уже трясутся руки, а ведь я только начал...

Судьба!

Когда ты постоянно за рулем, и приходится заезжать на автозаправку несколько раз в день, любая передышка кажется блаженством. Так было и в тот раз. Заправив своего железного коня и расплатившись, я решил заскочить в уборную. Именно это роковое решение и изменило всю мою дальнейшую жизнь.

В тот момент, когда рушилась вся моя жизнь, я находился в туалете. В силу природной скромности мне не хотелось бы писать о таких интимных вещах, но, увы, судьба-злодейка подкинула мне подлянку именно в тот момент, когда я был менее всего к этому готов.

Разумеется, тогда я ни о чем подобном и помыслить не мог. Я был обычным человеком, твердо верящим в законы физики и Большой взрыв. Все эти фильмы, где люди проходят сквозь некий мост Эйнштейна-Розена (сквозь который, к слову, я не проходил), и попадают на другие планеты или в другие эпохи, расценивались мною как сказка о Коньке-Горбунке.

Как выяснилось, мир намного сложнее. Хотя, Маркус утверждает, что он прост и понятен. По его мнению, мир усложняет тот факт, что из него вычеркнули слишком много «невозможного», сузив его до неких законов и огласив их незыблемыми. Ведь если что-то невозможно, необходимо

придумать кучу формул, доказывающих это. Но представьте доктрину, где у вселенной нет никаких ограничений. Разве нужны будут куча формул, подтверждающих это? Но я забегаю вперед.

Итак, я уже собирался выходить из уборной, как вдруг почувствовал неладное. Первым тревожным сигналом стала внезапная тишина. Нет, не так.

Первым тревожным сигналом стала внезапная ТИШИНА! Полная. Абсолютная. Не имеющая аналогов тишина. Вы можете себе представить, чтобы огромный город внезапно смолк? Ни звука проезжавших поблизости автомобилей, ни работающего неподалеку автосервиса... Даже музыка, играющая на автозаправке, в один момент заглохла. Не слышно было даже звука моего дыхания.

Естественно, я решил, что оглох и даже не успел толком испугаться, как все вокруг поплыло, и я понял, что проваливаюсь куда-то. Потянувшись к дверной ручке, я попытался ухватиться за нее, но ручки там уже не было как, впрочем, и самой двери. В следующую секунду я провалился в темноту.

Калхен!

Открыв глаза, я не сразу понял, где нахожусь. Вокруг было темно и сыро, а откуда-то со спины тянуло сквозняком. Я лежал на чем-то твердом и холодном, уставившись в темноту невидящим взглядом.

Радовало лишь одно – в мир снова вернулись звуки! Где-то капала вода, шелестел ветер, да и дыхание свое я слышал отчетливо. Эта новость, само собой, вытеснила все остальное, и я резко вскочил на ноги, о чем тут же пожалел. Голова раскалывалась, словно в нее насыпали килограмм гвоздей и немилосердно трясли. При этом гвозди впивались в черепную коробку то тут, то там, вызывая острые приступы боли, похожие на мелкие взрывы.

– Аааа... чтоб тебя!

Застонав, я схватился за голову обеими руками, словно боялся, что она вот-вот лопнет как переспелая дыня, и рухнул обратно на пол, больно ударившись локтем.

– Да что же это такое? И где я нахожусь? В сознание ворвался каскад мыслей, и некоторые из них откровенно пугали. – Так, стоп. Я был в туалете, потом... Потом все. Ерунда какая-то. Скорее всего, я потерял сознание, упал и ударился головой. Ну, точно. Теперь у меня сотрясение, а не вижу я ничего потому.... Ну, мало ли почему? Может, ударился сильно, а может я уже в больнице и сейчас ночь. А может я

уже того? Умер!

Я прислушался к собственным ощущениям. Руки-ноги на месте, голова, вроде, тоже, хотя и болит как зараза. Как-то не вязалось все это с версией про смерть. Да и на больницу что-то не очень похоже. Тогда где я?

– Ладно, хватит гадать. Пора разобраться, наконец, в чем дело!

Голова больше не собиралась лопаться, так что я медленно разжал руки и ощупал пол. Твердый, холодный, слегка влажный и шершавый как... камень. Легче не стало. Гадать было бессмысленно, и я снова попытался встать. На этот раз все прошло без эксцессов, да и голова уже почти не болела. Приободрившись, я сложил руки рупором, поднес ко рту, набрал побольше воздуха...

– Ааауууу!

Я крикнул, что было сил, и тут же испуганно присел. Ответом мне было многократное эхо, раздавшееся в ответ и ещё долго вторившее: «ааауууу... ааауууу... аааууу...».

– Как в бездонной пропасти. Блин, да что же это такое? Может, я сплю?

Последняя мысль вселила надежду, что все ещё может быть хорошо, надо всего лишь проснуться, и этот кошмар закончится. Хотя, признаться по правде, на сон это мало походило. Мне часто снятся сны, но все происходящее не вписывалось ни в один из них, всё было слишком реалистично.

Во-первых – запахи. Я отчетливо улавливал запах сырости

и гнили, хотя, по идее, сны не передают запахов. А во-вторых – мое тело и разум оставались под моим полным контролем, в общем, совершенно точно, это был не сон.

– Так, нужно успокоиться и взять себя в руки.

Я говорил нарочито бодро, и звук собственного голоса немного привел меня в чувство.

– Зажигалка! Как же я раньше не догадался!

Слава всем богам, зажигалка оказалась на месте. Я чиркнул пару раз и веселый огонек в один миг разогнал темноту вокруг.

Водя зажигалкой из стороны в сторону, я осмотрел себя и убедился что это все ещё я, а не какой-то бестелесный дух, каким должен был стать в случае смерти. Под ногами обычный каменный пол и, скорее всего, я в какой-то пещере. О том, в какой именно, и главное, как я сюда попал, я старался не думать.

Зажигалка быстро нагревалась, и пришлось ее погасить, дабы не лишиться единственного источника света. Снова наступила крошечная тьма. Я прислушался, но кроме звука каплюющей воды ничего не услышал.

– Ну ладно, – решил я тогда, – пойдём на звук.

Снова чиркнул зажигалкой, осветил небольшой участок впереди себя, выбрал направление и тут же потушил огонь. Подумал пару секунд, достал сигарету, снова чиркнул, прикурил. Сделал пару затяжек, кивнул сам себе и пошел.

Идти приходилось медленно. Каменный пол был неров-

ный, а зажигалку приходилось беречь – чиркнул, осветил небольшой участок и тут же погасил. Одна рука все время вытянута вперед, слепо шарит перед собой, ноги в дорогих туфлях шаркают по полу, стараясь не зацепиться за неровности. И так шаг за шагом.

Казалось, что этому не будет конца, но звук становился все ближе. В очередной раз чиркнув зажигалкой, я обнаружил, что наконец-то добрался до цели. Путь упирался в каменную стену, по которой стекала вода. В одном месте камень выступал из стены в виде сосульки, с нее-то и капала вода.

Кап... Кап... Кап...

По спине пробежал предательский холодок паники, но я усилием воли прогнал ее прочь.

И что теперь? Пока шел, у меня была цель, а теперь вот она, достигнута, но стало только хуже. Что ж, нужно двигаться дальше.

Оставалось только выбрать в каком направлении. Налево или направо? Для меня не было принципиальной разницы, в какую сторону идти. Постояв немного вспоминая, откуда тянуло сквозняком, я решительно повернул налево.

Держась правой рукой за стену и иногда подсвечивая себе путь, я брел по этой бесконечной пещере. Темнота была такой плотной, что, казалось, можно потрогать её, или даже отломить кусочек и положить в карман брюк. Ни лучика света, ни намека на выход. Страх и паника накатывали волна-

ми, и с каждым разом мне становилось все трудней с ними бороться.

Судя по стене, от которой я старался не отходить, пещера уже дважды круто заворачивала влево и один раз вправо. Иногда под ноги попадались мелкие камушки, задев которые, я каждый раз вздрагивал. Звук улетевшего в темноту, и с громкими щелчками ударявшегося об пол камня, эхом разносился по всей пещере, и я ждал, когда же все утихнет.

Как назло, в такие моменты вспоминаются все виденные вами фильмы ужасов, и предательский ком подступает к горлу. В какой-то момент мне надоело шарахаться от каждого звука, и я решил петь. Подумал немного, кивнул сам себе, прочистил горло и запел:

– У солдата выходной, пуговицы в ряд.

– Ярче солнечного дня, золотом горят...

Не знаю, почему мне на ум пришла именно эта песня, но кроме нее в голову лезла всякая муть, так что я был доволен своим выбором. Сюжет у песенки незамысловатый, а слова запоминающиеся. Так и шел, негромко напевая, и чувствуя, как постепенно отступает страх.

Сколько это продолжалось? Знаете, я до сих пор задаю себе этот вопрос. Час? Два? Десять? Как тут определить время?

Телефон остался там, на автозаправке. Я редко доставал его из машины, только если покидал ее надолго. Сейчас, впервые в жизни, пожалел об этом. Будь у меня телефон,

можно было бы попробовать позвонить спасателям, ну или, на худой конец, в полицию. Не думаю, что здесь бы он ловил, но ведь всегда есть небольшой шанс? В крайнем случае, мог бы спокойно светить себе под ноги, включить музыку. Но телефона не было и этим все сказано.

Я так задумался об этом, несомненно досадном, недоразумении, что не сразу заметил изменения, а когда заметил – чуть не подпрыгнул от радости. В пещере стало светлей! То есть стало светлей, это не совсем точное определение. Раньше вокруг была крошечная тьма, куда ни шагни. Ни зги не видно. А теперь я стал слабо различать контуры стены и камней под ногами. На радостях я позабыл про зажигалку и прибавил шаг. Выход там, и он совсем близко. Иначе откуда ещё мог проникать этот свет? Были опасения, что это всего лишь щель в потолке или стене, и выбраться через нее я не смогу, но я упорно гнал их прочь.

– Это выход и точка!

Свет становился все ярче, и вскоре я уже бежал. Пещера снова начала забираться вправо и в какой-то момент стена по правую руку от меня резко ушла в сторону, и я понял, что нахожусь в огромном зале, а на противоположной стороне горит яркое пятно света. Он слепил меня так, что пришлось прикрыть глаза ладонью.

– Выход! Я знал! Я спасен!

Меня переполняли эмоции, и я на полном ходу устремился к маячившему впереди, маняще яркому жёлтому пятну.

По мере приближения пятно росло, а я все ускорялся и ускорялся. Разумеется, долго так продолжаться не могло.

До выхода оставалось всего ничего. Тридцать, максимум сорок метров. Я уже чувствовал запах свежего воздуха и зелени. От радости хотелось прыгать и плясать. Но вот не врут пословицы, хоть убей. Не говори гоп, пока не перепрыгнул.

Забыв обо всем на свете, кроме самого света, маячившего так близко, я на всем ходу налетел на особенно крупный камень. Нога запнулась, и я с ужасом понял, что лечу лицом вперед и уже ничего не могу с этим поделать. Единственное, что успел – выставить перед собой руки, чтобы это самое лицо не разбить.

Лицо я, конечно, не разбил, но удар все равно вышел болезненный. В грудь словно кувалдой шандарахнули. Воздух с громким «хек» вырвался сквозь стиснутые зубы, а перед глазами замелькали серебристые мушки. Какое-то время разевал рот как рыба, выброшенная на берег приливом, и силился побороть боль в груди.

Несколько минут, проведенные на полу, показались мне вечностью. Постепенно боль начала отступать, а дыхание пришло в норму. Я с трудом повернулся на бок и открыл глаза. Прямо передо мной лежал череп. Человеческий череп, давно растерявший всю плоть, с огромной царапиной, начинающейся от макушки и оканчивающейся на подбородке. Будто кто-то злой и голодный пытался добраться до содержимого, оставив отметину одним из своих клыков.

Я испуганно отпрянул. Череп пялился на меня пустыми глазницами и ухмылялся своей подлой улыбкой. Словно насмеялся надо мной. Для полноты картины не хватало только фразы: «Ну что, добегался?».

Больше терпеть я не мог. Все эти пещеры, камни, темнота, страх, паника. Все ушло на второй план, подняв из глубин обиду и злость. Я был просто в бешенстве, и череп этот попался весьма кстати. Вскочив на ноги, я замахнулся как заправский футболист.

– ДА ЧТОБ ТЫ ПРОВАЛИЛСЯ!

Прокричал я черепу прямо в его ухмыляющуюся рожу и закрепил проклятие чувствительным пинком. Череп взмыл в воздух, словно игрушечный мяч и, пролетев с полсотни метров, упал с громким «чпок».

– О Боже....

Страх и паника в одно мгновение вытеснили гнев и снова уселись где-то в районе груди. Я проследил за полетом ненавистой черепушки, и только когда та упала в кучу костей, я обратил внимание на то, что меня окружало.

Практически все видимое пространство было усеяно костями и черепами всех видов и форм. Тут были и человеческие останки, и разных животных. О причастности некоторых к тому или иному виду я догадывался, иные же видел впервые. Сотни черепов и тысячи костей.

Предательский холодок страха прополз по спине, пере-

брался на затылок. Волосы на голове встали дыбом. Нет, костей я, конечно, не боялся. Да и что страшного в костях? Ну, лежат себе и лежат, никого не трогают. Но в голове сразу пролетела подлая мыслишка, о том, откуда они взялись. Перед глазами, одна за другой, всплывали картины различных вариантов, и в каждом обязательно присутствовало одно из виденных в фильмах чудовищ. Я опасливо оглянулся назад, уже зная, что увижу там. Это был ещё один череп, именно о него я и споткнулся.

Я вздрогнул от накатившего отвращения и уже решил побыстрее свалить из этого кошмарного места, когда услышал громкий треск, словно кто-то колот камни огромной кувалдой. На поверку все обстояло почти так, за тем лишь исключением, что камень никто не колот, он разлетался сам. Присмотревшись внимательней, я в ужасе попятился от светлого пятна выхода.

Справа от него оживал камень. Я поначалу и не заметил глыбы, что лежала там, а теперь было поздно. Мозг лихорадочно искал выход, но ничего толкового подсказать не мог, а камень, или не камень вовсе, поднимался все выше и менялся на глазах.

Прошло всего несколько секунд, и вместо безжизненного булыжника передо мной предстал самый страшный из кошмаров, какой только можно вообразить.

Огромная косматая тварь, высотой с трехэтажный дом. Точно сказать не берусь, у страха, как известно, глаза вели-

ки. Все тело чудовища покрывали уродливые наросты в форме иголок шиповника. Изогнутые внутрь, с острыми, как иглы, концами, они были даже на лице. Хотя нет, на лицо этот кошмар мало походил – размером с двухсотлитровую бочку морда, на которой расположились несколько пар желтых глаз с вертикальными зрачками. Если увеличить паука до размеров той твари, его глаза будут выглядеть так же. Не в смысле вертикальных зрачков, а по способу расположения.

Сразу под ними красовался провал вместо носа. Чем-то он напоминал провал на черепах, разбросанных вокруг. Рот заслуживал отдельного внимания. Вы видели фильмы с участием акул-людоедов? Так вот что я вам скажу – любая акула при виде такой пасти и такого количества зубов, умерла бы на месте от зависти!

Нет, зубы у него не были в восемь рядов, или как вы там сейчас представили. Ряд был только один, но все это напоминало картину сюрреалиста. Я мог сравнить их с грядкой на огороде, куда агроном-недоучка набросал семян. При этом сделал он все так небрежно, что, в конечном итоге, побеги выросли как попало: в одном месте они стояли плотно друг к другу, в другом – оставались огромные прорехи. Росли зубы-побеги также непредсказуемо. Они расходились в стороны от основания, или же, наоборот, – скрещивались, а по форме напоминали огромные иглы, ничем не уступая последним в остроте.

Я представил, как они смыкаются на моей шее, пронзая

её в самых неожиданных местах, и рука невольно потянулась к горлу. Собрав всю волю в кулак, я заставил её вернуться на место.

На месте ушей у чудовища болтались сотни щупалец с присосками. Издали они напоминали змей, беспомощно шевелящихся в надежде отцепиться от головы. Стоял он, как ни странно, на обычных ногах, разве что размером они были с небольшую колонну каждая. А вот руки, или лучше сказать лапы, напоминали передние конечности богомола. Они, так же, как и щупальца-присоски, жили каждая своей отдельной жизнью.

Что ещё я упустил? Ах да, кожа. Ну, о шипах я уже говорил, они покрывали каждый участок его тела и между ними, сквозь поры, куда спокойно пролез бы указательный палец, сочилась густая мерзкая жидкость. Я бы назвал ее гноем, не будь она иссиня-черного цвета.

Представили себе такого «красавца»? А теперь попробуй-те представить ужас, сковавший все мое тело. Я огляделся по сторонам в поисках убежища, но вокруг были только кости и черепа. Подлые, мерзкие черепа. Все они ухмылялись своими чудовищными осками и явно были довольны. Ведь ни одни они попались в ловушку к этому монстру. Нашелся и ещё один неудачник. Им теперь, вроде как, не так обидно за свою глупость – я ведь оказался ещё глупей.

Эх, если бы я раньше заметил кости, разбросанные вокруг, все могло бы сложиться иначе. Но кто знает, было бы

это лучшим вариантом? Гадать бессмысленно, к тому же, все уже произошло именно так, как произошло.

Выхода из сложившейся ситуации я не видел. Бежать назад, в темноту? Нет, не успею. Этому великану стоит сделать пару шагов, и вот я уже в его пасти. А если и успею, что дальше? Сверну себе шею в темноте, или того хуже – буду медленно умирать от голода и жажды?

Попробовать прорваться к выходу из пещеры? В это верилось с трудом. Тварь стояла в метре от светящегося пятна, и выпускать меня явно не собиралась. Видимо, так он и охотился. Жертва случайно забредает в пещеру, беспокоит хозяина, и уйти ей уже не суждено.

В общем, я так и стоял столбом, уставившись расширившимися от страха глазами на эту машину смерти, а тварь, наконец, закончила разминку, и все его лапы, ноги, щупальца замерли в ожидании дальнейших команд. Желтые зрачки несколько раз моргнули, сомкнувшись горизонтальными веками, и уставились на меня. Рот растянулся в зловещей улыбке, предвкушая нежданный завтрак. Напоследок он склонил голову сначала в одну сторону, затем в другую, при этом раздавался хруст, как если бы все кости из этой пещеры закинули в камнедробилку и включили ее на полную мощность.

– Ну, вот и все, Андрюша, на этом заканчивается твоя бесславная и безызвестная история.

Решил я в тот момент, когда он сделал первый шаг в мою сторону, не сводя с меня пристального взгляда восьми неми-

гающих глаз.

Как я и ожидал, ему стоило сделать всего три шага, и вот он я – стою, разинув варежку в ожидании неминуемого конца. Но он не спешил, наслаждаясь моей паникой.

– ГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ, ЧЕРВЬ!!!

Прорычал он, делая второй шаг. Едва я все осознал, меня, как обухом по голове огрели.

– Демон, – неизвестно откуда пришло понимание природы твари. – Да, безусловно демон. И он говорит, а значит...

А значило это только одно. Присутствие разума. Если он может передавать информацию с помощью вполне человеческой речи, значит, он может эту самую информацию воспринимать и как-то реагировать? Уж, не знаю страх ли это задействовал какие-то рецепторы в содержимом моей черепной коробки, или я всегда умел так мыслить, гадать не стану, не до того сейчас. Я не ученый, но в одно мгновение в моей голове будто пролетели сотни фрагментов информации. Все, что я когда-либо читал, видел и слышал, прокручивалось как кинолента, поставленная на ускоренную перемотку.

Есть у меня одна знакомая, Юлия. Психолог от природы. В две тысячи шестом она с отличием окончила институт и открыла собственную частную клинику. Как-то мы разговорились, и она поведала мне историю, приключившуюся с ней сразу после выпускного. Именно это событие предопределило её дальнейшую судьбу – сотрудники её клиники помогали жертвам насилия.

Завелся у нас в районе, самый что ни на есть настоящий маньяк. Выбирал в основном молодых девушек, только окончивших учебу, насиловал, а затем убивал самыми извращенными способами. На его счету было больше десятка жертв. Полиция, конечно, искала его, но безрезультатно.

Юля как раз возвращалась из ресторана, где вместе с друзьями праздновала успешное окончание учебы. Было это где-то за полночь, когда на улицах редко встретишь прохожих.

Ей не повезло, и она встретила. Спас ее только природный талант мозгоправа. Как она рассказывала, едва взглянув в глаза – сразу поняла, кто перед ней и что ждет ее дальше. Маньяк ещё рта раскрыть не успел, а она руки в стороны развела и давай переть на него.

– Ну, наконец-то, – обрадованно произнесла Юлька. – Хожу тут, понимаешь, туда-сюда, одна-одинешенька, приголубил бы кто. Хорошо хоть тебя встретила.

Маньяк так и замер разинув рот, а Юлька продолжала напирать на него, не прекращая нести околесицу.

– Наконец-то хоть раз повезло! Ну, ты чего застыл, али совсем тебе не нравлюсь? – Юлька сделала обиженное лицо и полезла расстегивать блузку, – Ну ничего, мы это дело быстро поправим. Да иди уже сюда.

Выпятив оголенную грудь она, наконец, добралась до него и обняла как родного. Продолжая горячо шептать ему на ухо весь тот бред, одной рукой достала из сумочки, все это время

висевшей на сгибе локтя, электрошокер и так долбанула его в шею, что маньяк от такого сюрприза мешком свалился к её ногам. Ну, Юлька зря времени не теряла и, твердо решив раз и навсегда покончить с бесчинствами душегуба, связала его ремнем все той же сумочки и вызвала полицию. Ей потом грамоту вручили, премию за проявленную инициативу и смелость выписали, а маньяку пожизненное дали.

Историю о том, что Юлька маньяка обезвредила, знали все, но никто не знал, как именно она это сделала. Спасибо тебе огромное, Юлёк. Ты и мою жизнь спасла.

Как она сама объяснила, тут все дело в понимании психологии подобных личностей. Он ведь чего ожидал? Криков о помощи, мольбы о пощаде и тому подобное. Тогда бы он поизмывался над ней, а потом и убил. Он ведь от этого удовольствие получал. А тут раз – и на тебе!

Не бежит, не кричит, да ещё и сама на шею виснет. Вот он и растерялся на какое-то время. Ну, мы тогда поржали от души и больше об этом не вспоминали.

Конечно демон – не маньяк. У тех ведь мозги набекрень. Как Юлька призналась – в тот момент боялась страшно. Будь он обычным человеком, решившим, что ему не хватает тепла и ласки, такой фортель вышел бы ей боком. Но у психов своя, только им понятная логика, и любое отклонение от нормы – опять же по их стандартам – поведения, приводит их в ступор.

А демон? Он ведь, по идее, психически здоров, если су-

дить с точки зрения демонов. Ему природой предназначено людей да животных жрать, вот он и жрет. Я понятия не имел, сработает с ним такой номер или нет, но луч надежды уже забрезжил и мозг ухватился за эту спасительную соломинку. Я постарался придать себе более уверенный вид. Расправил плечи, выпятил вперед грудь и шагнул ему навстречу.

– Всегда готов.

Ляпнул я первое, что пришло на ум, и, подражая исчезнувшему давно пионерам, вскинул руку. Я старался придать голосу бодрости, уверенности и немного насмешливости. Вот словно всю жизнь ждал встречи с подобной тварью и сейчас испытывал огромный прилив положительных эмоций.

Демон как раз сделал последний шаг, остановившись метрах в трех от меня, занес искривленную лапу богомола над моей головой, но в последний момент замер, хлопая глазами. Вид у него был такой, словно на этот раз обухом огрели уже его. Все восемь глаз уставились на меня в немом изумлении.

– НЕ ПОНЯЛ!

Честно призналось чудовище. Я едва сдержал вздох облегчения. Раз не убил сразу, значит мои шансы на спасение резко возросли.

– Ну, ты сказал: «готовься к смерти, червь!», – стал разъяснять я ему как ребенку, – А чего к ней готовится? – небрежно пожав плечами, я продолжил свою игру, – я и так уже готов.

Демон пару раз хлопнул глазами, видимо ещё не разо-

брався, чудится ему это, или я правда сошел с ума.

– ПОСТОЙ, – хищно оскалился монстр, склоняя к моему лицу свою огромную голову, – ТЫ ЧТО ЖЕ, СОВСЕМ НЕ БОИШЬСЯ МЕНЯ?!

– Вот ещё, – легкая усмешка коснулась моих губ. – Стал бы я тебя искать, если бы боялся?

Демон недоуменно почесал затылок той лапой, которой собирался оборвать мою несчастную жизнь. При этом он закатил глаза к своду пещеры, размышляя о чем-то.

– ЭТО СКОЛЬКО ЖЕ Я СПАЛ, – неизвестно, у кого спросил монстр, – РАЗ МИР ОКОНЧАТЕЛЬНО ВЫЖИЛ ИЗ УМА? ПОСТОЙ-ПОСТОЙ, – новая догадка осенила его, и все глаза снова уставились на меня. – ТЫ, ИСКАЛ МЕНЯ???

– Ну да. И, признаюсь, начал бояться, что уже никогда не найду. Но, как видишь, сегодня мне везет.

Демон прищурился, выискивая подвох, но я вел себя все так же уверенно-небрежно, и любопытство взяло над ним верх.

– И ЧТО ТЕБЕ ОТ МЕНЯ НАДО?

– Как что? Скажешь тоже. Ты же людей жрешь? Ну, за этим, стало быть, и искал тебя. Только мне бы это, – я понизил голос до шепота, – в туалет бы сначала сходить.

– В ТУАЛЕТ? ЭТО ЕЩЁ ЗАЧЕМ?

Демон растянул рот в зловещей улыбке, решив, что наконец-то раскусил мою хитрость.

– Как зачем, – я изобразил на лице неподдельное удивле-

ние, – Ну ты, брат, дал. Ты разве не слышал историю, как старый демон учил молодого, охотится на людей?

Демон наморщил лоб, честно пытаясь вспомнить, но такой истории он точно не слышал, в этом я был уверен. Наконец он сдался.

– ЧТО-ТО НЕ ПРИПОМНЮ ТАКОЙ.

Я сочувственно покачал головой и поспешно продолжил:

– Ну, тогда слушай. Как-то молодой демон задает вопрос пожилому: «Ты как на людей охотишься?». А пожилой ему отвечает: «Да тут все просто. Выслеживаю человека, подкрадываюсь к нему сзади и с ревом начинаю бегать вокруг. Сначала делаю большой круг. Потом поменьше. Затем совсем маленький. И, только после этого, лопаю». Молодой в недоумении: «А зачем ты круги нарезаешь? Можно ведь сразу сожрать». А старый усмехается: «Эх, молодежь, всему вас учить надо. Можно конечно и сразу, так ведь тогда его с дерьмом придется есть!».

Я замолчал, ожидая его реакции. Демон нахмурил лоб, осмысливая мои слова. Я уже начал переживать, что смысл до него так и не дойдет. Наконец, его глаза просияли, а уродливые губы растянулись в подобие улыбки. Сперва он хмыкнул, затем издал звук, очень похожий на смех, а через минуту он уже ухал так, что вся пещера содрогалась, а кости и черепа тряслись и подпрыгивали как во время землетрясения. Смех у него был жутковатый. Если напильником водить по камню, звук и то получится приятней.

Смеялся он долго, наверное, минут десять или около того. Я все ждал, когда он закончит. Грохнув пару раз напоследок, демон схватился за живот, а я в ужасе подумал, что он голоден и все-таки сожрет меня.

– ЭТО Ж НАДО ТАКОЕ ПРИДУМАТЬ?! КРУГИ НАРЕЗАТЬ! – он еле сдерживался, чтоб не заржать снова, – ДАВНО Я ТАК НЕ ВЕСЕЛИЛСЯ! А ТЕПЕРЬ ОТВЕТЬ, С ЧЕГО ЭТО ТЫ РЕШИЛ, ЧТО ТЕБЯ ДОЛЖЕН СОЖРАТЬ ИМЕННО Я? И ОТЧЕГО НЕ НАШЕЛ СПОСОБ ПОПРОЩЕ? СПРЫГНУТЬ С ОБРЫВА ТАМ, ИЛИ В ПЕТЛЮ ЗАЛЕЗТЬ? И КАК ТЫ ВООБЩЕ НАШЕЛ МЕНЯ? ОТВЕЧАЙ, ЧЕРВЬ!

– Видишь ли, – я в очередной раз начал объяснять ему, – я очень суеверный человек. – Ты слышал, что самоубийцы не попадают на небеса? Наверняка ведь слышал. А мне очень нужно туда попасть. Хочу родных навестить. Здесь-то меня уже ничего не держит, – я вздохнул так обреченно, что и сам готов был поверить в свои слова, – А нашел я тебя очень просто. Живет у нас один старец, он про вашего брата все знает. Я у него спросил, где мне найти самого мудрого и уважаемого демона, вот он и указал мне дорогу в эту пещеру.

– ВРЕШЬ!!! – внезапно заревел демон, хотя лесть явно пришлась ему по вкусу – ТЫ НЕ МОГ НАЙТИ ЭТО МЕСТО! НА ВХОД НАЛОЖЕНЫ ЗАЩИТНЫЕ ЧАРЫ, НИКТО НЕ МОЖЕТ НАЙТИ ЕГО САМОСТОЯТЕЛЬНО. КТО ТЕБЕ ПОМОГАЛ? СКОЛЬКО ВАС ЕЩЁ? ОТВЕЧАЙ, НЕ

ТО ЖИВО В ПАСТЬ ОТПРАВЛЮ!

– Давно пора. А то тянешь резину. И ничего я не вру. Вот смотри, – с этими словами я вынул из кармана зажигалку и высек пламя, держа перед собой на вытянутой руке. – Старик дал мне это. Сказал, как дойдешь до места, зажги этот огонек, он и укажет вход в логово.

Демон подозрительно уставился на зажигалку, но, разумеется, ничего подобного он раньше не видел. Я вел себя уверенно, и, видимо, такой ответ его устроил.

– ВИДНО ДОЛГО Я СПАЛ, РАЗ У ВАС ПОЯВИЛИСЬ ТАКИЕ СТРАННЫЕ МАГИЧЕСКИЕ АМУЛЕТЫ. НЕ ТАК-ТО ПРОСТО РАЗРУШИТЬ ИЛЮЗИЮ, НАЛОЖЕННУЮ НА ВХОД. ДОПУСТИМ, ТЫ ГОВОРИШЬ ПРАВДУ. ЕСЛИ ЭТОТ ТВОЙ СТАРЕЦ ТАКОЙ ВСЕЗНАЮЩИЙ, МОЖЕТ ОН ТЕБЕ ЕЩЁ ЧЕГО РАССКАЗАЛ?

Я сделал вид, что пытаюсь вспомнить. Закатил глаза к потолку, почесал подбородок. Демон ждал, а я чувствовал, что этот вопрос почему-то важен для него. Для видимости я нахмурился и, наконец, отрицательно мотнул головой.

– Нет, больше ничего. Да я и не спрашивал ни о чем. Только то, что я уже рассказал.

Ответ его удовлетворил. Я видел, как роятся в его безобразной голове мысли, сталкиваясь одна с другой. Он жаждал найти подвох и не мог. Я стоял все так же спокойно и расслабленно, но это только с виду. Внутри меня все сжалось в тугую узел, сердце бешено колотилось в груди.

Демон отвернулся от меня, словно потерял интерес, и стал расхаживать по залу. При каждом шаге каменный пол вздрагивал, а черепушки подпрыгивали. Выглядело это зловеще и забавно – в зависимости от того, с какой стороны посмотреть. Казалось бы, что может быть забавного в огромном монстре, раздумывающем как бы сожрать меня побыстрее? Но вы бы видели выражение его уродливой морды! Там и психологом быть не надо, чтобы понять происходящее. Он сомневался, приходил в ярость, рычал что-то себе под нос и снова его одолевали сомнения.

Наконец, он пришел к какому-то умозаключению и вновь уставился на меня.

– ЗНАЧИТ ЖИЗНЬ ТЕБЕ УЖЕ НЕ МИЛА, И ТЫ РЕШИЛ ПОГИБНУТЬ КАК ГЕРОЙ?

– Ну да, это и был мой план.

– ПЛАН У НЕГО, – усмехнулся демон, – СОВСЕМ СТРАХ ПОТЕРЯЛИ. ОДНИ НАЧИНАЮТ МЕЧАМИ РАЗМАХИВАТЬ, ДРУГИЕ ГРОЗЯТ КАРОЙ С НЕБЕС. А ТЕПЕРЬ И ВОВСЕ – ПСИХИ ПОЛЕЗЛИ. РЕШИЛ, ЧТО Я ВОЗЬМУ ПРОСТО ТАК, ДА И СОЖРУ ТЕБЯ, И ТЫ С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ ОТПРАВИШЬСЯ НА НЕБЕСА?! ЧТОБЫ Я... – он хотел сказать что-то ещё, но промолчал. – А ЧЕГО Ж ТЕБЕ ЖИТЬ ТАК НАДОЕЛО?

Я посмотрел по сторонам, выискивая, куда бы сесть, но нашел только небольшой камень. Посмотрел на демона вопросительно, на что тот раздраженно махнул лапой: «валяй,

МОЛ».

Поблагодарив его кивком, я уселся на камень, и хотел достать сигарету, но вовремя одумался. Бог его знает, как он отреагирует на такую выходку. Демон терпеливо ждал, а я все думал, что же такое соврать.

– Тут такое дело, – я обреченно вздохнул, делая вид, что этот разговор мне весьма неприятен. – Я ужасно люблю охоту. Можешь называть это слабостью, как тебе угодно. Все из-за этой проклятой охоты. Я как раз вернулся с трофеями, хотел похвастать перед своей... ай, теперь и не знаю, как ее назвать. Пусть будет «своей женщиной». Поднимаюсь я, значит, в ее спальню, открываю дверь, а там она, верхом на моем лучшем друге. Любовь у них, понимаешь ли. Так и сказали, ты только представь!

Демон заметно оживился. В тот момент я подумал, что ему просто наскучило одиночество, а тут хоть какое-то развлечение.

– И ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ?

Демон с надеждой уставился на меня, а затем подумал и плюхнулся на задницу, прямо на черепушки. Те с громким хрустом разлетелись на мелкие кусочки и снова всё стихло.

– А что я?! – Пришлось изобразить гнев, зарывав ему в лицо. Конечно, это могло быть моей ошибкой, возможно – последней, но раз начал игру – играй до конца, – Развернулся и пошел искать старика, который якобы знает все о демонах.

– ПОЧЕМУ?! – неожиданно вскочил демон, и я слышал в

его голосе недоумение, – ПОЧЕМУ ТЫ УШЕЛ? ПОЧЕМУ НЕ УБИЛ ЭТОГО ЖАЛКОГО ЧЕРВЯ?

– А смысл?

– КАК?! – демон снова начал расхаживать по пещере, а я удивился не на шутку. Что-то странно он отреагировал на мою историю, – ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ БЫЛО ПРОСТО УБИТЬ ЕГО, РАЗОРВАТЬ НА КУСКИ? НУ, ПОДУМАЕШЬ, РЕШИЛА ОНА ПОРАЗВЛЕЧЬСЯ, ПОКА ТЕБЯ НЕТ. ЧТО ТУТ ТАКОГО?

Демон явно был возбужден. Да и говорил он как-то странно, будто и сам...

«Ба, – осенило меня, – Да ты никак сам любитель погулять. Вон чего тебя так корежит».

– Не понимаешь?

С легкой усмешкой прервал я его тираду.

– НЕ ПОНИМАЮ!

Не стал врать наш ловелас и снова уставился на меня. Я видел в его глазах надежду.

– Ну да, ты же демон. Тебе бы все убить да сожрать. Ну, убил бы я его – признаюсь, был такой соблазн – ну и что с того? Она предпочла мне другого мужчину, значит, что-то во мне ее не устраивало. Мало любил, недосмотрел, да какая разница? Она больше не принадлежит мне, и этим все сказано.

Демон задумался. Уж не знаю, что у него там произошло, но, видимо, такие мысли раньше его не посещали. Думал он

долго и основательно. Видно было, как его разрывает на части. С одной стороны, ему хотелось принять мою точку зрения, а с другой – это бы означало признать свою ошибку. У демонов тоже бывают семейные ссоры? Вот уж никогда бы не подумал.

– ЛЮДИ! ВЕЧНО ВЫ ВСЕ УСЛОЖНЯЕТЕ, – придя к какому-то решению, проревел тот, грохнув своей огромной клешней по камням так, что я чуть не слетел со своего места, – И ЧТО ПРИКАЖЕШЬ ДЕЛАТЬ С ТОБОЙ?

– Как что? – искренне удивился я. – Съесть, конечно, и дело с концом. Я ведь за этим и пришел.

В который раз повторил я.

– СЪЕСТЬ? ТО ЕСТЬ ОКАЗАТЬ ТЕБЕ УСЛУГУ? БЕСПЛАТНО? – на этот раз демон скептически усмехнулся, – Я НЕ ОКАЗЫВАЮ УСЛУГ ДАРОМ. ХОЧЕШЬ, МОЖЕМ ЗАКЛЮЧИТЬ СДЕЛКУ? Я ОКАЗЫВАЮ ТЕБЕ УСЛУГУ, А ТЫ ВЗАМЕН ОТДАЕШЬ МНЕ СВОЮ ДУШУ?

– И как же я тогда попаду на небеса?

Демон подумал немного, скривился, словно уксуса глотнул, и с надеждой уставился на меня.

– НУ, ХОРОШО, ДУШУ МОЖЕШЬ ОСТАВИТЬ СЕБЕ. НО ЧТО-ТО ЖЕ У ТЕБЯ ДОЛЖНО БЫТЬ?

– Все что у меня есть, ты видишь перед собой.

– А КАК НАСЧЕТ ДУШИ ТВОЕГО СОСЕДА? МОЖЕШЬ РАСПЛАТИТЬСЯ ЕЮ.

– Кто после этого пустит меня туда? – я кивнул на пото-

лок, – Нет, ничью душу я тебе дать не могу, и точка. Либо давай задаром, либо я пойду, поищу другого демона.

– ДА НЕ МОГУ Я СЪЕСТЬ ТЕБЯ БЕСПЛАТНО, КАК ТЫ НЕ ПОНИМАЕШЬ? ТАКОВ ПОРЯДОК, И НЕ Я ЕГО ВЫДУМАЛ. НЕ МОЖЕТ ДЕМОН ОКАЗЫВАТЬ УСЛУГ БЕСПЛАТНО. НАМ ДОБРЫЕ ПОСТУПКИ СОВЕРШАТЬ ЗАПРЕЩЕННО.

Тот ещё добряк. Съесть человека живьем – добрый поступок?

– Тогда как же мне быть?

– А Я ПОЧЕМ ЗНАЮ? СВАЛИЛСЯ ТЫ НА МОЮ ГОЛОВУ. ВОТ ЧТО, ЕСТЬ Я ТЕБЯ ТОЧНО НЕ СТАНУ, ПОКА НЕ ПРИНЕСЕШЬ ЧТО-ТО ВЗАМЕН. РАЗ НЕ ХОЧЕШЬ ПЛАТИТЬ, СДЕЛКИ НЕ БУДЕТ. ПРОВАЛИВАЙ ОТСЮДА.

Я готов был подпрыгнуть до потолка. Нет, вы только подумайте! Он не только есть меня не собирается, так ещё и сам выгоняет. Было желание вскочить и поскорее свалить отсюда, но не в таком же виде? Я уже примерно понимал, куда меня занесло. Вот только откуда исходило это понимание? Будто кто-то подкидывал мне идею за идеей. Я был в другом, отличном от родного, мире. Мечи, демоны и все такое. А на мне костюм-тройка и лакированные туфли. Чего доброго, пришьют за странную одежду.

– Просто так я не уйду, – упрямо сказал я, – Все мое имущество ушло на оплату информации о тебе. Выбрал же се-

бе демона! Кто бы мог подумать?! Давай так. Ты ведь много народу пожрал? Может, осталось от них чего? Сапоги там, или ещё что? А взамен я принесу... – как назло, ничего не приходило на ум, – Что попросишь, то и принесу. Но о душах забудь, – остановил я его речь, видя, как он оживился, – Мне ещё наверх надо как-то попасть.

Демон думал не долго, видимо, вариант на такой случай у него имелся.

– ПРИВЕДЕШЬ МНЕ ВЗАМЕН ДВУХ ЧЕЛОВЕК, И ТОГДА ДОГОВОРИМСЯ.

Я задумался. Просто так я отсюда не уйду, это и дураку понятно. Не выпустит он меня. Стоит отказаться от своей просьбы, сожрет за милую душу. Кстати о душе – её я тоже продавать не собирался. А как насчет парочки подонков? Сколько в мире всякой швали, которую, кроме как демону в пасть, и девать-то некуда? Убийцы, насильники, каннибалы. Думаю, вы бы на моем месте тоже согласились.

– Идет. Но не двух, а одного. И никаких душ. И учти, я сам выберу из того, что у тебя в кладовке завалилось. Наверняка там половина – хлам. Ну, что скажешь?

– СОВСЕМ ОБНАГЛЕЛИ, ЕЩЁ И УСЛОВИЯ СТАВЯТ, – он разве что руками-клешнями не всплеснул. – ПУСТЬ БУДЕТ ТАК. ПОДПИСЫВАЕМ СТАНДАРТНЫЙ ДОГОВОР, НА ВЫПОЛНЕНИЯ ВСЕХ УСЛОВИЙ НЕ БОЛЬШЕ ГОДА. ПРОЛЕЙ КАПЛЮ КРОВИ, ЧТОБЫ СКРЕПИТЬ СДЕЛКУ.

– Так не пойдет, – запротестовал я, – Может, у тебя и нет уже ничего? Все давно заржавело и сгнило. Предлагаешь мне kota в мешке? Показывай, что у тебя есть, только потом заключим твой договор.

– ОТКУДА ТЫ ТАКОЙ ВЗЯЛСЯ?

Демон подозрительно всматривался в меня, явно не понимая, что происходит. Ещё бы, он, небось, не слышал, кто такие кредиторы. Тем палец в рот не клади, сожрут и круги нарезать не станут. Наконец он сдался.

– ЛАДНО, БУДЬ ПО-ТВОЕМУ. ИДИ ЗА МНОЙ.

И, не дожидаясь меня, зашагал прочь от входа, и вскоре скрылся в темноте. Я слышал только громopodobные шаги, мешающие спокойно следовать за ним. При каждом таком шаге пол под ногами вздрагивал, и приходилось прикладывать немало усилий, чтобы просто устоять на ногах. Я осилил едва ли полпути, когда демон остановился и бросил раздраженно:

– ПОШЕВЕЛИВАЙСЯ, МЕЛЮЗГА, НЕТ У МЕНЯ ВРЕМЕНИ С ТОБОЙ ВОЗИТЬСЯ!

Надеюсь, он не заметил усмешки на моем лице. Ещё бы ему не злиться, ведь это, пожалуй, самая невыгодная сделка на его памяти. Поменять одного человека на другого, да ещё отдать ему что попросит. Я бы и сам пришел в бешенство.

Тут я сделаю небольшое отступление, дабы предостеречь вас. Если вы когда-нибудь окажетесь на моем месте, и решите провернуть подобную авантюру, не сильно радуйтесь

успеху. Я бы вообще посоветовал вам не заключать сделок с темными сущностями, в частности – со старшими демонами. Легко обмануться, думая, будто провели самого хитроумного и кровожадного монстра, отделавшись лишь легким испугом. Но в любой сделке и в любом контракте есть лазейки, вы это и без меня знаете. Только тут за вами не судебный пристав придет.

Продумайте сотни, тысячи вариантов, и все окажутся иллюзиями. Будьте уверены, демон уже придумал, как поквитаться с вами за такое нахальное поведение. Но тогда я, безусловно, ни о чем таком не подозревал.

Я, наконец, нагнал демона, тот как раз замер перед небольшой дверью, врезанной прямо в каменную стену. Свет сюда почти не попадал, и последние метры пришлось пробираться почти на ощупь. И каково же было мое удивление, когда вместо огромного монстра, впереди замаячил силуэт человека.

– Проходи, давай.

Я сделал вид, что не обратил внимания на то, как ловко он сменил внешний облик, но теперь хотя бы стало ясно, как он пролезает в эту малюсенькую дверь.

Демон в человеческом облике вставил в замочную скважину ключ, повернул, громко щелкнул замок, и дверь плавно и бесшумно распахнулась. Внутри со свистом засосало воздух. Вакуум у него там что ли? Он посторонился, пропуская меня внутрь.

– Поживее там, я не собираюсь торчать тут вечность.

Я заглянул в помещение за дверью, но разглядел лишь слабые отблески в крошечной тьме.

– И как, по-твоему, я найду там хоть что-то? Там же самое... эээ... Темно там.

Не произнося ни слова, он вытянул перед собой руку и на ладони тут же вспыхнул крохотный огненный шар. Размером он был не больше теннисного мяча, но я чувствовал исходящий от него жар даже с расстояния в пару метров. Прищурившись от внезапной вспышки, я чуть не прозевал момент, когда демон зашвырнул шар вглубь комнаты. Тот пролетел пару метров и взорвался сотнями крохотных огоньков, каждый из которых устремился к своей цели.

Как оказалось, кладовка была размером чуть больше футбольного стадиона. По периметру в стену было вделано множество факелов, к ним и устремились огоньки. Они достигли цели одновременно, несмотря на то, что факелы находились на разном расстоянии.

В одно мгновение зал озарился ярким светом и сотнями бликов, отраженных от доспехов, наваленных на полу в полном беспорядке. Демон хмыкнул, наслаждаясь произведенным эффектом, и снова велел поторапливаться. При ярком свете он выглядел ещё отвратительней, чем в обличии той твари.

Человека он напоминал лишь отдаленно и только силуэтом. Рожа осталась прежней, только уменьшилась в разы.

Вместо колючек все тело покрывала черная сморщенная кожа, которая накладывалась слоями, как чешуя у рыбы, а между ними сочилась уже знакомая черная жижа. Я поспешно отвернулся, сдерживая рвотные порывы.

Кладовка оказалась завалена всевозможным хламом, по большей части состоящим из доспехов и оружия. Я даже ужаснулся, представив, сколько людей навечно оставили здесь свое добро. Жуть. Но их судьба уже была решена, а вот моя участь пока неизвестна.

Пора было что-то выбрать. И вот тут я вдруг подумал, что понятия не имею, как обращаться со всем этим. Я где-то читал, что доспехи – штука непростая. Всевозможные подкладки, застежки, ремни. Как тут разобраться? Не думаю, что терпение у демона безгранично, а проверять на себе как-то не хочется.

Уверенно переступив порог, я стал обходить зал, пробираясь между нагромождений хлама, делая вид, будто точно знаю, что мне надо. А сам ведь дуб дубом. Чтоб не ломать голову, решил начать с обуви. Подходящая нашлась не скоро. То ли они все здесь великаны, то ли сапоги носили на шесть размеров больше. За что ни брался – все приходилось с сожалением отбрасывать.

Наконец, минут через пятнадцать, нашел что-то более-менее подходящее. Сапоги, чуть ниже колена, из грубой, но эластичной кожи, с бронзовыми пряжками. Размер, конечно, не мой, у меня сорок второй, а там как минимум сорок чет-

вертый. Пришлось порвать какое-то тряпье, найденное там же и использовать как портянки. Благо в армии научился. А ещё говорят, ничему армия не учит.

Далее пришла очередь одежды. Признаюсь, трудности возникли и тут. Все, что попадалось мне на глаза, можно было смело списать в утиль. Вы не пробовали носить штаны из мешковины? Я примерно представлял, как буду чувствовать себя в них. Если не сварюсь от жары, то уж от своего пота точно помру. В них, скорее всего и мороз нипочем. К тому же мешковина ужасно кололась, и ноги моментально начинали чесаться.

Демон явно был недоволен. Ворчал что-то, но, как ни странно, торопить не собирался. Я невольно мысленно сравнил его с мужьями слишком придирчивых женщин, вынужденными сопровождать их во время шопинга. Вот кто бы точно посочувствовал этому уродцу.

Настроение от таких мыслей приподнялось от отметки минус один до нуля. Лучше, чем ничего.

Зато рубаха, вопреки ожиданиям, нашлась довольно быстро. Пришлось раскапывать ее из-под завалов, гремя железяками, но оно того стоило. Она оказалась не такой грубой и почти идеально сидела на мне. Из чего она была сделана, я так и не понял. На месте пуговиц, вшитые медные застёжки. После примерки, хотел было отнести к сапогам, но тут на глаза попалась потертая сумка.

Если исходить из логических соображений, то у них здесь

эпоха Средневековья. А значит короли, рыцари, драконы... Хотя, насчет драконов не знаю. Но почему бы и нет? Я оглянулся на демона. Стоит, переминается с ноги на ногу, косится в мою сторону. Странно, чего это он в зал не входит? Раньше ведь заходил, иначе как бы тут оказалось все это барахло? Тоже мне, дракон.

Так вот о Средневековье. Если я не ошибаюсь, по пещерам бродили только рыцари, или воины – называйте их, как хотите. Не крестьяне же полезли сюда? Думаю, вы меня поняли.

Вернемся к сумке. Если сравнивать с чем-то вам знакомым, то нашел я нечто вроде школьного портфеля, с одной лямкой через плечо и большим клапаном, закрывающим одну сторону почти до половины. Внутри оказался кинжал с рукоятью, перекрученной по оси, и несколько свитков. Решил оставить всё и добавил туда найденную рубаху.

Из головных уборов были только неподъемные шлемы из различных сплавов, и... не знаю, как это назвать. Скорее всего, это надевали под шлем, чтоб не натирало кожу и не жгло нагретым металлом. Водолазы надевают такие при погружении, при этом открытым остается только лицо.

Ладно, шут с ним, с головным убором, и без него обойдусь. А вот без чего я точно не обойдусь, так это без оружия. Кинжал в сумке не придавал особой уверенности, он годился разве что рыбу разделывать, и внимание мое он заслужил именно как вспомогательный инструмент. Нужно было что-

то посущественней. Пришлось бродить по завалам, переворачивая щиты и нагрудные доспехи, опрокидывая целые горы железа, в надежде подобрать, что-либо подходящее.

Нет, оружия здесь было полно. Мечи, топоры, пики. Но все это было таким громоздким и неподъемным, что впору было заключить ещё одну сделку, потребовав нарастить мышечную массу.

Я поднял один из мечей, с ужасом представив его бывшего хозяина. Он, скорее всего, был метра два ростом и весом чуть больше ста пятидесяти килограмм. Меч весил никак не меньше десяти килограмм, попробуй такой потаскать! Я уже не говорю о возможности пустить его в дело. При моем росте в сто семьдесят два сантиметра и весе в шестьдесят пять килограммов, это было просто нереально.

Хотел взять топор или, на худой конец, пику, но древко за долгие годы подгнило и не внушало особого доверия. Подведет в самый неподходящий момент.

Не подумайте, я не собирался ни с кем драться. С местными мне явно не тягаться. Но я исходил из чисто бытовых соображений: зверье отпугнуть, если таковое встретится на дороге, или шалаш соорудить. Обычные мысли обычного человека.

Так и ходил, хватаясь за всё, что попадалось, и с сожалением признавая, что всё не годится. А ведь ещё надо было со штанами что-то придумать. Я оглянулся назад, но демона не увидел. Его надежно скрывали горы хлама. Уже решил,

что обойдусь и кинжалом, но тут взгляд зацепился за непонятное свечение, пробивающееся сквозь кольчужную сетку. Решительно отбросив ее в сторону, я уставился на меч, отливающий серебром.

Короткий, с удобной рукоятью, почти невесомый. Повертел его в руках, любясь переливами цветов и легкостью, с которой тот лежал в ладони.

– То, что надо. Ещё бы ножны подобрать.

Но подходящих так и не нашлось. Решив не ломать голову и не испытывать терпение демона, я замотал меч в первый попавшийся кусок мешковины и продолжил поиски штанов. Как вы уже догадались, ничего стоящего так и не попало, поэтому взял первые попавшиеся, из грубой и колючей ткани, проверил, подходит ли размер, и сунул в сумку.

Хотел было вернуться, но тут в голову пришла новая мысль. Мысль вполне современного человека. Деньги. Конечно, я подумал о них. По дороге я видел несколько непонятных мешочков, как в фильмах о Средневековье. Там они использовались вместо кошельков.

Наконец я нашел один, развязал и вытряхнул содержимое. О камни звонко ударились монеты. В основном медные и серебряные, золотых оказалось всего две. Повертел одну в руках, представляя, сколько за нее заплатят у нас, и собрал всё обратно. Дальше началась «золотая лихорадка».

Я находил всё новые мешочки, вытряхивал содержимое, стараясь собрать как можно больше золотых. Как оказалось,

не так их тут и много. Опомнился, только услышав недовольное сопение у двери.

– Что я делаю? Меня там демон ждет, а я решил заодно разбогатеть?

Вот вам и современное воспитание.

Наскоро пересчитал все монеты. Получилось девять золотых, тридцать серебряных и десять медных, или бронзовых, я в этом не очень разбираюсь. Чеканка почти на всех монетах оказалась разная. Странно, а когда собирал, даже внимания не обращал, хватал все что попало, и желательно побольше золотых и меньше медных.

Вот ведь зараза. Мог и совсем спятить на радостях, а там, глядишь, и душу бы продал, лишь бы вынести отсюда как можно больше. Люди только и делают, что предают и убивают из-за золота.

Обругав себя, на чем свет стоит, я закинул мешочек в сумку и поспешил к выходу. По дороге прихватил сапоги, сунул их к остальным вещам и, в итоге, остался с сумкой, перекинутой через плечо и мечом, завернутым в мешковину.

Демон стоял на том же месте, вот только взгляд у него был далеко не дружелюбный.

– А что ты хотел? Шопинг, он и в средневековье шопинг, – подумал я.

– Чего ты там копался так долго? А это ещё что?

Он ткнул корявым пальцем в сверток с мечом.

– Меч, что же ещё?

– Мы так не договаривались. Ты говорил о сапогах. Как ты сказал? Сапоги или ещё чего? Нашел?

– Всё тут, – я похлопал свободной рукой по сумке. – А в чем проблема? Мы же договорились, что я возьму всё, что найду. Разве нет?

– Ещё как нет.

Впервые сорвался демон. Теперь его голос звучал угрожающе и зло, от чего я невольно сжался, но только внутренне.

– Это, – он снова указал на меч, – оружие. Поправь меня, если я ошибаюсь? С этим цена снова поднимается. Два человека, иначе сделки не будет.

Вот же зараза. И что прикажете делать?

Спорить с ним не хотелось, он уже был на грани. А ну как наплюет на эти свои правила, и сожрет вместе со всем добром?

Внезапно в голову пришла новая мысль.

– Идет. Но раз ты поднял цену, то мне нужно ещё кое-что. Понимаешь, я не из этих мест. По дороге я встретил пару человек, и ничего не смог от них добиться. Диалект у нас разный. Ну, язык, понимаешь? Так вот, я хотел бы получить от тебя знание местного языка и тогда по рукам.

– Знание?

Демон задумался ненадолго, явно довольный тем, что я решил оставить меч. Это он ещё содержимого сумки не видел. Боюсь, за монеты мне пришлось бы заплатить дороже.

– Без этих знаний мне трудно будет выполнить свою часть

договора. А я привык держать слово.

– Договорились, – нехотя согласился он. – А теперь пролей каплю крови.

– Сначала я должен удостовериться, что ты способен выполнить обещание. Давай свои знания, я все проверю и тогда подпишу. А то знаю я вас.

Демон с минуту буравил меня гневным взглядом, а я все больше боялся, что его терпение лопнет, и он разорвет меня на части. Но он, разумеется, не разорвал. Я заметил усмешку в его глазах, а следом на меня накатила волна того, что даже и описать сложно.

Не знаю, как чувствует себя человек, приговоренный к смертной казне на электрическом стуле, но если это хоть отдаленно напоминает те ощущения, которые испытал я, то я за отмену такого наказания. Нет, есть, бесспорно, люди, которых и людьми-то назвать сложно. Бешеные шакалы, заслуживающие смерти. Но только не таким способом.

Меня как молнией прошило, с головы до самых пяток. Всё тело содрогалось от жутких спазмов, рот застыл в немом крике, но горло словно парализовало. Я уже мечтал, чтобы это быстрее закончилось, неважно как, пусть даже я умру, главное – поскорей бы. Когда я уже готов был отдать Богу душу, все прекратилось так же внезапно, как началось. Уверен, можно было сделать все менее болезненно, но эта тварь нарочно выбрала такой изощренный способ.

Едва всё закончилось, как я, сам того не осознавая, схва-

тился за меч, готовый порубить эту скотину на мелкие кусочки, и плевать, демон он или нет, убьет его простой меч или только разозлит. Он продолжал молча смотреть на меня, а все его глаза выражали удовлетворение и насмешку.

«Ну, ничего, мы ещё вернемся к этому разговору. Ты мне за все ответишь».

План созрел в голове моментально, и я с трудом взял себя в руки. Демон поморщился, явно сожалея, что я не поддался эмоциям.

– Ну как, – спросил он, насмехаясь. Слова, которые он произносил, были мне совершенно незнакомы, но, тем не менее, я его понимал. – Доволен результатом?

– Доволен, – ответил я, сам не понимая, как произношу звуки, о существовании которых, ещё две минуты назад и не подозревал. – И пора уже покончить с этим. Как мне тебя называть?

– Что? – демон насторожился, и в его голосе вновь скользнула угроза, – Ты хочешь услышать мое имя? Имя демона? Да знаешь ли ты, что я только за этот вопрос, могу порвать тебя на мелкие кусочки, и плевать я хотел на эту сделку. Имя демона не для человеческих ушей. Знание имени, это власть над тем, кому оно принадлежит. Прикинешься дурачком, сделаешь вид, что не знал этого? Решил, что умнее меня, что я попадусь на твою...

– Всё-всё, – поспешил я остановить его, видя, как он меняется на глазах, снова превращаясь в огромного монстра, –

Понял, был не прав. Своё имя можешь не называть, мне это ни к чему. Я, правда, не знал. Но для заключения сделки, нужно огласить имена обеих сторон. Что скажешь насчет псевдонима?

– Псевдо... Что?

– Ну, скажем, имя Калхен тебя устроит? Я же не могу с его помощью получить власть над тобой?

– Не можешь.

– Тогда пусть будет Калхен. Что скажешь?

– Скажу, что впервые встречаюсь с такой странной особью вашего вида. Ладно, пусть будет Калхен, я не возражаю.

– Вот и отлично. Значит ты, демон, далее именуемый как Калхен, отдаешь мне в безвременное пользования все эти вещи, оружие и знание. В свою очередь я, жалкий червь, далее именуемый как Скуал, – я представился вымышленным именем, из тех же соображений, которые до этого озвучил сам Калхен, – обязан в течение одного года, привести тебе двух человек, неважно какого возраста, пола, национальной принадлежности, рода деятельности, духовного воспитания и мотивации. При этом я не отдаю тебе их души, или жизни, а ручаюсь только привести. После этого я могу считать любые обязательства перед тобой выполненными, и спокойно покинуть эту пещеру. Ты не вправе предлагать мне новых сделок, или выставлять не оглашенных выше условий. Всё так?

Демон молча буравил меня множеством своих хитрых

глазенок, ища подвоха, но, так и не найдя, кивнул.

– Так. А теперь пролей каплю крови, и покончим с этим.

– Есть ещё кое-что, – с этими словами я достал из кармана зажигалку, – Старик сказал, что этот амулет одноразовый, и теперь им можно разве что костер развести. Как я снова попаду в эту пещеру? Там же твоя магия на входе, ты сам сказал, что просто так сюда не попасть. Что, если я приведу сюда людей, а войти мы не сможем? Я, получается, нарушу условия договора, хотя и не по своей вине. А что там полагается, за невыполнения обязательств одной из сторон?

– Если ты не выполнишь условия в положенный срок, то твоя душа достанется мне, уже без твоего на то согласия. Но можешь не волноваться, я тоже условий нарушать не могу. Ты найдешь это место даже в темноте, без глаз, ушей, рук и ног, об этом я уже позаботился. Хватит тратить моё время, окропи землю этого места своей кровью, и проваливай отсюда.

– Хорошо.

Я достал из сумки кинжал, тот оказался на удивление острый, даже ржавчина на нем не выступила. Подумав ещё немного, и решив, что выбора у меня всё равно нет, я слегка надрезал большой палец левой руки и выдавил на пол пару капель своей крови.

Я уже говорил, чтобы вы никогда не соглашались на подобные сделки, даже если вам кажется, что вы просчитали все наперед? Я скажу это ещё ни раз, и даже ни один десяток

раз. В тот момент, когда вы решили, будто смогли перехитрить зло, ловушка захлопывается. Темная сторона уже выбрала вас очередной жертвой, и уже никогда не отпустит. **НЕ ОБМАНЫВАЙТЕ СЕБЯ**, подобные сделки всегда выгодны только им, а вы потеряете всё, включая свою бессмертную душу.

– Сделка заключена, твое время пошло, – произнес демон, отворачиваясь от меня и возвращаясь на свое место, не забыв принять прежний облик. – **У ТЕБЯ РОВНО ГОД, НЕ ЗАБУДЬ ЭТО. НО МЫ УВИДИМСЯ РАНЬШЕ, НАМНОГО РАНЬШЕ.**

Было в его последней фразе что-то зловещее, угрожающее, но тогда я не придавал этому значения. Я ведь наивно считал, что смог обвести его вокруг пальца, и в дальнейшем смогу сделать то же самое. Вы ведь не думаете, что я правда привел бы ему на убой людей, пусть даже и каких-нибудь душегубов? Кто я после этого? Такой же душегуб, как и они? Нет, я задумал кое-что поинтересней, но об этом чуть позже.

Демон лег справа от выхода и уже через минуту ничем не отличался от обычного камня. Для него я перестал существовать, до тех пор, пока не придет время платить по счетам. Мне уже порядком надоела эта пещера, и я поспешил поскорее убраться. Бросил последний взгляд на глыбу у входа, и вырвался на свободу.

Ричард!

Мир встретил меня сотнями звуков, запахов и цветов. Весело щебетали птицы, где-то неподалеку журчал ручей, деревья шелестели листвой. Живой, яркий солнечный свет слепил, заставлял жмуриться. На глазах выступили слезы, но вскоре я привык к свету и смог осмотреться по сторонам. Я находился на небольшом возвышении, за моей спиной возвышалась огромная гора, пронзающая своей верхушкой само небо. Снежная шапка и облака не давали оценить весь ее масштаб.

Внизу растелилась небольшая долина, с ярко-зеленым ковром травы, которая ходила волнами при каждом дуновении ветра. За ней начинался лес с многовековыми деревьями. Над кронами то и дело взмывали стаи птиц, с веселым щебетанием проносились над самыми макушками, едва не цепляя листву и, усаживаясь на новое место, продолжали свою звонкую перепалку.

– Из ада в рай, – поразился я такой смене обстановки. От такой красоты захватывало дух, хотелось прямо сейчас упасть в траву и просто лежать, наслаждаясь набегающим изредка ветерком. – Неужели выбрался? Был на волосок от смерти, но все же выбрался!

Я не могу передать вам эмоций, обуявших мой разум. Я ликовал, наслаждался каждым вздохом, смотрел на веселое

и яркое солнце, шурился, и не мог насладиться этим чувством свободы. Бросил взгляд за спину, но не увидел ни входа, ни даже намёка на него. Я знал, что стоит пройти сквозь камень, и я снова окажусь в логове этого монстра. Но ведь сейчас я тут, жив и здоров, почему бы не радоваться?

– Ещё посмотрим, как ты обрадуешься моему возвращению.

Бросил я напоследок камню перед собой, и зашагал прочь, строя план отмщения.

«Привести тебе двух человек? А если двести? И если при этом они насадят тебя на свои копья, или покромсают своими мечами»?

Я усмехнулся сам себе, представляя его рожу, когда я приведу к нему целую толпу, когда мы все вместе ввалимся в пещеру. Тогда я ещё не знал, что темная сторона уже плетет паутину, строя свои планы на мой счет. Да и откуда мне было знать? Для меня картина будущего выглядела не так уж удручающе. Мало ли в мире найдется храбрецов, мечтающих сразиться с демоном? Романтики, мечтающие прославиться. Глупцы, решившие доказать, что не боятся самого черта. А сколько человек позарятся на сокровища, коих полно в его кладовке?

Да, я обязан привести ему двух человек, не менее. Но кто сказал, что их не может быть больше? Расскажу людям правду, что я знаю, где находится пещера, забитая чуть ли не доверху доспехами, оружием, золотом, в конце концов. Скажу,

что ищу смельчаков, желающих отправиться со мной, и избавить мир от зла, живущего там. Я уже не говорю о церкви, которая просто обязана бороться со злом во всех его проявлениях.

Что я теряю? Да ничего. У меня есть год, чтобы освоиться тут и найти нужных людей. Даже если он всех убьет, это уже не моя забота. Я никого обманом туда тащить не собирался, пусть каждый сам делает свой выбор. В крайнем случае, стану примером, и первым брошусь с ним сражаться. Ведь и об этом в нашем договоре тоже ни слова? Как я узнал позднее – всё это были мечты глупца и романтика, коим никогда не суждено было сбыться. Но пока никто не мешал мне мечтать и верить в лучшее.

– Ни за что я не стану поганить свою душу, чтоб спасти ее оболочку. Не дождетесь.

Может и зря я стал бросаться такими громкими словами? Кто знает, может этим я сам накликать беду на свою бестолковую голову? Ведь говорят люди, что зарекаться не стоит.

Ладно, чего уже гадать? Что сделано, то сделано. Назад не воротишь.

Я бодро спустился к ручью, пересекающему луг поперек. Кристально чистая вода шустро бежала вправо, блестела серебром на солнце, манила окунуться в ее прохладу. Трава по краям ручья росла густая, сочная. Я уже хотел наклониться и окунуть лицо в ручей, но тут нервное истощение дало о себе знать. Видимо, я слишком долго глушил в себе страх и

панику, и теперь наступил откат.

Всё тело была крупная дрожь, ноги подкосились, и я рухнул на четвереньки. Меня рвало, хотя желудок и был пуст. В отличие от фокуса демона, когда он закачивал в меня знания, здесь всё не закончилось внезапно и просто. Я обессилел, руки и ноги отказывались держать, подчиняться командам мозга, голова стала неподъемно тяжелой. Последние силы ушли на попытку доползти до ручья, но я рухнул всего в нескольких сантиметрах от вожденной прохлады, и лежал так очень долго.

Птицы пронеслись над лугом, совершенно не обращая на меня внимания. Пчелы кружили вокруг, собирая нектар с цветов. Жуки бестолково бродили вдоль ручья. Рядом пробежали муравьи, вечно спешащие по своим муравьиным делам. Никому не было дела до человека, скорчившегося от спазмов боли. Меня словно разорвало на кусочки, на крошечные атомы. Любое движение приносило все новые приступы и, в конце концов, я затих. Я лежал тихо, спокойно и бесконечно долго.

Последующие несколько часов просто выпали из моей жизни. Сколько ни стараюсь, никак не могу вспомнить, что со мной происходило. Я не спал, это, пожалуй, единственное, в чем я уверен на сто процентов. Остальное скрыто где-то в глубинах моего разума, и доступа туда нет. В себя пришел, когда уже начало смеркаться. Солнце скрылось за деревьями слева, помню, как отметил про себя, что в той сторо-

не запад, и осторожно пошевелился. Боли больше не было, спазмов тоже, остались только слабость и головокружение.

Дополз до ручья, ополоснул лицо. Холодная вода вернула реальность происходящего. Скоро ночь, я один, непонятно где, совершенно не знаю, куда идти дальше и с чего начать осуществление задуманного?

– Утро вечера мудреней, – решил я, наконец. – Вот с утра и решу.

Желудок протестующе заурчал, ему до утра ждать определенно не хотелось. Из еды не было ничего, но, хвала Господу, вода имелась в избытке. Я стал пить, пытаюсь впихнуть в себя как можно больше. Никогда я ещё не пил такой вкусной воды. Прохладная, отдающая свежестью и травами. Я пил и все не мог остановиться. Вам бы попробовать той воды, и больше вы не смогли бы утолять жажду чем-то другим.

Наконец, желудок наполнился, и это хоть немного притупило чувство голода. Надо было решать что-то с ночлегом. В лесу спать я отказывался категорически. Волки, медведи, да мало ли кто ещё мог бродить там, в ночи? Решил заночевать прямо у ручья, только набрать в лесу дров и развести костер. Всё добро оставил тут же, с собой взял только меч.

Лес встретил меня своим молчаливым величием. Я бывал во многих лесах, но этот отличался кардинально от всего, что я видел раньше. Первое, что бросалось в глаза – отсутствие продуктов жизнедеятельности людей. Где такое видано, чтоб ни одного пакета, ни одной пластиковой или стеклянной та-

ры, ни единого следа кострищ? Раньше, помню, собираясь отдохнуть на природе, приходилось брать с собой даже дрова. Это кажется, что в лесу их полно, а на деле – все доступные уже собрали до тебя, и приходится чуть ли ни как обезьяна – скакать с одно дерева на другое, чтоб найти сухие ветки, пригодные для розжига.

А здесь даже глаза поднимать не надо, на земле полно хвороста и опавших веток. Я даже углубляться не стал, натаскал огромную гору, перекидывая всё на ту сторону ручья. Делал я это исключительно в целях безопасности. С той стороны опасность исходила только от демона, а вот кто полезет ночью из леса, ещё не известно. Ручей – это, конечно, не кремлевская стена, но, всё же не каждый зверь полезет через воду, посмотреть, кто это решил жечь ночью костер в его владениях.

Дров я натаскал с запасом, вдруг ночи здесь холодные и длинные? Когда покончил с этим, до заката оставалось ещё немногим больше часа. Сидеть без дела не хотелось, в голову сразу лезли дурные мысли.

– Ладно, может, найду в лесу что-нибудь съедобное?

С этими словами снова вернулся в лес, но на этот раз направился вглубь. Заблудиться я не боялся, демон не соврал, сказав, что я найду пещеру даже без глаз и в полной темноте. Не знаю, откуда шла эта уверенность, но я четко знал, в какой стороне пещера, а значит, и место ночлега найду.

Бродил я недолго, отошел едва ли на двести метров, ко-

гда наткнулся на первый гриб. Как он называется, я не знал, но на вид не слишком яркий и разноцветный, а значит, есть вероятность, что он не ядовит. За первым нашелся второй, а через полчаса я уже брел обратно, с наполовину заполненной сумкой. Настроение заметно поднялось, и будущее уже не казалась таким безнадежным.

По дороге срезал несколько молодых и сочных веток, чтоб не загорелись от углей. Вернувшись, первым делом помыл грибы, нанизал их на получившиеся прутики, и взялся за костер.

Чтоб не мучатся ночью, заранее порубил все запасы древесины, и развел костер. Вот уж никогда бы не подумал, что буду так рад простой зажигалке. В пещере она спасла мне жизнь, а теперь обещала сделать эту жизнь теплее и сытнее.

Как вы понимаете, найти кирпичей для импровизированного мангала здесь вряд ли удалось бы, но камней под горой оказалось предостаточно. Обложил свой очаг, дождался, пока дрова превратятся в угли, и выложил сверху «шампура» с грибами. Через минуту по округе разнесся аппетитный запах, и желудок снова заурчал, напоминая о себе.

Пока грибы прожарились, пришлось дважды бегать к ручью, чтоб не захлебнуться собственной слюной. Вы думаете, я сразу бросился набивать брюхо? А вот и нет. Я съел всего один, выждал положенные два часа и, убедившись что ничего страшного со мной не произошло, стал жадно глотать один за другим.

– Хлеба бы сюда, да немного сметаны. На худой конец хотя бы соли.

Произнес я, разглядывая очередной гриб. Подумать только, ведь вроде такая простая вещь как соль, может стоять всех монет, находящихся у меня в сумке. Я бы с радостью променял их в тот момент на то, к чему относился как к само собой разумеющемуся, доступному всегда и везде.

Когда желудок был полон и, наконец, успокоился, ночь уже давно вступила в свои права. Луны я не видел, только звезды. Огромные, размером почти с кулак, они казались такими близкими и далекими одновременно. Это завораживало. Почему я раньше не смотрел на звезды? Нет, само собой я смотрел на них и раньше, но лишь мельком, и сразу забывал об этом. Может звезды здесь другие, или воздух чище, от чего видимость иная, сказать трудно.

От созерцания такой красоты меня отвлек вой, огласивший всю округу. Следом за первым последовал ещё один, а потом весь лес ожил сотнями звуков.

Выли волки, ухали совы, неподалеку кто-то рычал и скреб когтями по дереву, где-то запищала пойманная кем-то мышь. Я тщетно вглядывался в темноту, но видел не дальше, чем позволял костер. От всех этих звуков мурашки по спине поползи. И как тут прикажете заснуть? А завтра нужны силы. За день придется найти хоть какие-то следы людей, или место для нового ночлега. Теперь спать в лесу я точно не стану.

Подкинув в костер дров, я расстелил вещи, взятые в пещере, на манер матраца, лег и упрямо попытался заснуть. Как назло, и спать не особо хотелось. Полночи я ворочался, вздрагивал от каждого звука. Иногда, подолгу вглядываясь в темноту, сжимал в руке меч. Чем больше понимал, что мне просто необходимо выспаться, тем дольше я не мог сомкнуть глаз. Злился, проклинал свою несчастную судьбу, ночных обитателей леса, сам лес, снова свою судьбу. Так и маялся почти всю ночь, и заснул лишь под утро.

Не знаю, сколько я проспал, но, когда открыл глаза, солнце уже выглядывало из-за деревьев. Я выругался вслух, заново развел костер, который уже давно прогорел, а сам спустился к ручью. Купание в ледяной воде никогда не числилось в списке моих любимых занятий, но тут уж ничего не поделаешь. Запоздало подумал, что нужно было выстирать вещи, неизвестно, сколько пролежавшие в пещере, но было поздно. Остаться тут ещё на одну ночь я не собирался.

Помывшись, прибежал к огню, стуча зубами. Долго наслаждался теплом, с одной стороны от костра, с другой от солнца. Согревшись, напялил на себя обновки. Долго разбирался с застежками на сапогах. Это вам не шнурки. С рубахой проблем не было, знакомые пуговицы, разве что непропорционально большие, были просты и понятны.

Пока возился, костер прогорел. Положил сверху остатки грибов, разогрел, наскоро позавтракал. Подкинул дров, раздул пламя и кинул сверху свои, теперь уже ставшие ненуж-

ными, вещи. До отвала напился из ручья, не зная, когда ещё найду воду, и тронулся в путь.

Идти через лес было легко. Деревья не пропускали солнечный свет, и жара мне не грозила. Кустарника или травы тоже не наблюдалось. Деревья, ковер из листвы и сухих веток, и снова деревья. Деревья, деревья, деревья... Конца не было этим деревьям. Идешь час, идешь два, идешь три, а картинка все та же, будто и с места не сходил. Эта однообразность навевала скуку.

Единственным развлечением были животные, изредка встречавшиеся на пути. То заяц проскочит между деревьями, то лиса замрёт вдалеке, настороженно наблюдая. Видел пару раз белок, скачущих с ветки на ветку. Слава Богу, волков да медведей на пути не встречалось, и на том спасибо.

Честно, я рассчитывал бродить по лесу не один день, а, возможно, и не одну неделю. Мысль о том, что я могу просто сгинуть, так и не найдя ни одного человека, упорно гнал прочь. В пещере были скелеты людей, а значит, они откуда-то пришли, и я непременно найду их. И нашёл, да вот только лучше бы, в самом деле, сгинул в том лесу, и делу конец.

Я прошагал большую часть дня, и уже хотел выбрать место для привала и подкрепиться грибами, которых тут было в избытке, но внезапно лес расступился, и я понял, что стою на дороге. Признаюсь, я был шокирован. Ну разве можно поверить в такую удачу? Дорогой, по-видимому, пользо-

вались часто, о чем говорило полное отсутствие растительности. Шириной она была не больше двухполосного шоссе, с вытоптаным и утрамбованным грунтом.

Есть как-то сразу расхотелось. Возможная скорая встреча с людьми, ЖИВЫМИ людьми, заставляла бросить все и бежать, бежать пока есть силы. Постояв немного, успокаивая выпрыгивающее из груди сердце, я немного подумал, выбирая направление, и уверенно шагнул вправо. Нет, на самом деле, уверенности, конечно, не было. Я мог ошибиться и тогда брел бы по этой дороге не одну неделю. Но меня словно подталкивали в нужном направлении. Я посчитал это простой интуицией, не придав значения. Почему я был так глуп? Считал себя умнее всех? Даже демона обвел вокруг пальца! Идиот. Тупица. Кретин.

Нет, я уже не мог ничего изменить, сделка была заключена, кровь пролита, и назад пути нет. Знаю, я уже говорил, но я буду повторять это снова и снова, пока вы не поймете всю суть. Если вы заключили подобную сделку, пусть вам не кажется, что вы заплатили незначительную цену. Хотите вы этого, или нет, темная сторона сделает все, чтобы цена оказалась непомерно высокой, а изменить вы уже ничего не сможете, назад пути нет.

Не прошло и часа, как дорога стала круто забираться влево, и я слышал человеческие голоса. Сердце на радостях чуть из груди не выпрыгнуло. Но я ещё не потерял остатки разума и решил посмотреть, что там ждет меня впереди, из более

безопасного места.

Свернув с дороги, я стал пробираться сквозь кустарник к голосам. Слов разобрать не мог, но слышал смех, а это радовало.

«Может, крестьяне возвращаются с полей? Или купец везет товар из дальних стран?»

Воображение подкидывало всё новые картинки, а я всё больше радовался.

Скажу, что путник, иду издалека, конь пал, волки загрызли. Сам чудом спасся, бреду уже неделю. Да мало ли чего набрехать можно?

Голоса раздавались всё ближе, я уже хотел прибавить шагу, но тут, наконец, стал разбирать слова, и услышанное мне совсем не понравилось.

– Смотри-ка, а он уже не такой герой. Что, небось, теперь жалеешь?

Я сбавил шаг, а потом совсем остановился. Впереди явно происходило совсем не то, что рисовало мне воображение. Подумав немного, я решил всё же посмотреть. Свалить я всегда успею, если останусь незамеченным.

Сжав покрепче меч, пригнулся и медленно подкрался ближе, оставаясь под прикрытием густого ельника, что рос по обе стороны дороги. То, что я увидел, заставило сердце пропустить пару ударов, а дыхание остановиться.

Посреди дороги стояла карета, запряженная парой лошадей. Неподалеку столпились человек десять, в грязном и рва-

ном тряпье, но все при оружии. У одного я заметил меч, у двоих – странные кривые кинжалы, остальные же были с дубинами. На вид – стопроцентные уголовники. Морды небритые, носы почти у всех сломанные, и не один раз, целых зубов, и тех не было почти ни у кого. Перед ними на коленях стоял светловолосый мужчина лет сорока.

В отличие от «уголовников», на нем были сверкающее доспехи, лицо у него было чисто выбритое, ухоженное. Руки ему связали за спиной, и на то были причины. Рядом с каретой валялись трое оборванцев, и признаков жизни они не подавали.

Воин казалось, не слушал их, смотрел в одну точку. И взгляд у него был полон боли и отчаянья. Я посмотрел в ту сторону и чуть не выронил меч. На земле лежали две девушки, судя по всему, мать с дочерью.

Та, что была старше, лежала, широко раскинув ноги, в красивом зеленом платье, залитом кровью. Вместо одного глаза, сплошная опухоль.

Вторая, на вид лет шестнадцати, на ней платье отсутствовало вовсе, а вся грудь залита кровью из перерезанного горла. Мое проклятое воображение нарисовало картину произошедшего, и от злости челюсти сжались так, что зубы готовы были вот-вот полопаться.

Эти ублюдки напали на карету, воин отбивался, убил троих, но остальные все же скрутили его. В отместку за своих, они решили изнасиловать девчужку, явно его дочь. Жена

бросилась её защищать, за что получила по лицу, а когда не пожелала успокоиться, её прирезали. Сделали свое грязное дело, заставив отца наблюдать за всем, а после перерезали дочери горло.

Как только я всё понял, первой мыслью было выскочить на дорогу, и рубить, кромсать, резать, вырывать им глаза. Заставлять жевать свои собственные яйца, и снова рубить, кромсать, резать.... Нет, злостью это не назовешь. Это бешенство, лютая ненависть.

Я представлял, как заживо снимаю с них шкуру, как они вопят, молят о пощаде, а я смеюсь и продолжаю. Нет, просто смерти они не заслуживали, это было бы слишком легко. Я желал, чтобы они мучились бесконечно долго. Готов поспорить, выскочи в тот момент из кустов Калхен, и предложи продать душу, за такую возможность, я бы даже думать не стал.

Но, как вы понимаете, я был обычным человеком из двадцать первого века. Я из того мира, где люди проходят мимо, когда других грабят и избивают. Нам ведь, по большей части, плевать на остальных, лишь бы своя шкура была цела.

Нет, я вовсе не трус, вы не подумайте. Я понимал, что ничего не смогу сделать. Ну, убью я одного, выскочив неожиданно из кустов, а дальше они очухаются, и я присоединюсь к числу их жертв. Больше всего меня пугала не смерть. Что страшного в смерти? Рубанут поперек горла, и почувствовать ничего не успеешь. Но ведь этим мало просто смерти.

Они заставят меня помучаться, как заставили страдать этого несчастного. И не важно, что со мной нет жены и дочери, они найдут способ. Поэтому я просто сидел, не в силах уйти, и не в силах изменить что-либо.

– Ладно, пора кончать с этим. Чего доброго, разъезд появится.

Произнес самый здоровенный из них, с мечом в руках. Он, видимо, был главарем этой банды, а меч, скорее всего, принадлежал рыцарю в доспехах.

Я с ужасом понял, что сейчас произойдет, и смотреть на это мне совсем не хотелось. Ненавидел сам себя, но всё же решил уйти. Исчезнуть, провалиться сквозь землю, раствориться в воздухе, только бы не видеть и не слышать продолжения.

Я уже хотел отползти обратно, и тут за спиной послышался шорох. Хотел обернуться, и уже начал поворачивать голову, но тут что-то тяжелое опустилось мне на затылок, и я рухнул лицом в землю.

Ещё не успел удивиться, как кто-то схватил меня за волосы и рывком поставил на ноги. Перед глазами все поплыло, по шее стекало что-то теплое, а в кадык больно уперлась холодная сталь, пробив тонкий слой кожи.

– Мужики, я тут ещё одного нашёл.

Пинок в спину, и я полетел сквозь кустарник, споткнулся, упал лицом вперед, успел выставить руки в самый последний момент, больно ободрав ладони.

– Это что ещё за оборванец? – Обернулся на звук главарь, – Ты где его нашёл?

– Прятался в кустах. Может и оборванец, но глянь, какой у него меч.

Я с трудом приподнялся с земли, в затылке пульсировала боль, но зрение уже прояснилось.

Как оказалось, поймал меня тощий как жердь парень, в таком же рванье, как и остальные. Под левым глазом у него красовался свежий синяк, но улыбка не сходила с его лица. От передних зубов остались только клыки сверху, и два гнилых корешка снизу. Улыбался он, демонстрируя мой меч. Солнечные лучи пробегали по лезвию, вызывая разноцветные переливы. Главарь подошел к доходяге, вырвал меч из его рук, после чего отвесил тому звонкую оплеуху.

– Сколько раз тебе говорить, чтобы не лапал добро своими погаными руками?

Парень обиженно потер щеку, но возражать не стал. Главарь повертел меч в руках и явно остался доволен.

– Знатная вещица, и в руках какого-то бродяги. Поди, украл где?

Здоровяк наклонился ко мне поближе, в нос шибануло воню изо рта. Запах перегара и никогда не чищенных зубов. Я поспешил отвернуться, не без удовольствия скривив лицо от отвращения. Здоровяк засопел как закипевший чайник, и наградил меня ударом ноги в грудь. Я повалился на землю, судорожно пытаюсь вдохнуть.

Наконец, когда дыхание восстановилось, приподнялся на локтях и глянул на воина. Тот так и сидел со связанными руками, но лицо его изменилось. Взгляд застыл на мече, и было в нём что-то странное. Удивление и... узнавание? Он видел этот меч прежде? Знал хозяина? Снова моё воображение стало строить теории, но меня отвлек всё тот же голос.

– Косой, кончай обоих и побыстрей. Мы уже слишком долго торчим на тракте, не стоит искушать судьбу.

В голове пролетела вереница образов. Вот один из оборванцев подходит к воину, бьет его по затылку, тот падает. Двое других спешно стягивают с него доспехи, ещё несколько человек тянут в лес карету со всем добром. Затем ещё один подносит нож к моему горлу, резкое движение, и я падаю в пыль, захлебываясь собственной кровью. Та ещё картинка.

«А вот хрен вам».

– Эй, как там тебя, – окрикнул я здоровяка, – дело есть.

Тот обернулся, смерил меня оценивающим взглядом, ухмыльнулся. Небось, решил, что я сейчас просить пощады стану, или к ним в банду проситься, кто его разберет?

– Ну, выкладывай, что у тебя за дело?

Произнес он с издевкой. Все дружно заржали, и замерли в ожидании предстоящего зрелища.

«Шутка дня значит? Ну-ну, шутник. Ты ещё не знаешь, какое у меня богатое чувство юмора».

Косой, а им оказался тот хлыщ, что так ловко поймал ме-

ня, подошел к воину в доспехах, примеряясь как бы половчей отправить того к праотцам.

– Если этот, – кивнул я в сторону Косого, – мужичка загубит, дел у нас с тобой не будет.

– Ишь ты, какой делец. С чего ты взял, что я вообще дела с тобой иметь захочу?

– Захочешь, – самоуверенно кивнул я, – в сумку загляни, а там сам решай.

С минуту здоровяк буравил меня своими пороссячьими глазками, но любопытство взяло верх.

– Косой погодь, дай-ка, я гляну, проверю, чего он там лепечет.

Хлыщ уже собирался как следует вдарить воину дубинкой по затылку, но всё же остановился, хотя недовольства скрывать не стал. Здоровяк подошел ко мне, грубо стянул с шеи сумку, и заглянул внутрь. Копошился он минуты две, я ведь мешочек с монетами завязал на славу, чтоб не просыпались и не звенели.

Здоровяк все же справился с завязками, звякнули монеты, и его брови удивленно поползли вверх. Какое-то время он жадно разглядывал нежданную наживу, но вскоре опомнился, захлопнул сумку и уставился на меня.

– Говори.

«Вот так вот просто? А где же насмешка? Где высокомерие? Что, за горсть монет готов перед кем хочешь стелиться?»

С отвращением подумал я, а вслух спросил:

– Звать тебя как?

– Ну, допустим, Глыба, тебе что с того?

– Вот что Глыба, давай-ка мы отойдем в сторонку и перетрем кое-что. И смотри, чтоб этот твой убогий, мужичка раньше времени не пришиб. Иначе не видать тебе остального.

Косой заревел как паровоз и бросился ко мне. Видать, хотел поквитаться за обиду, но нарвался на очередную затрепщину от Глыбы.

– Косой, я смотрю, ты совсем страх потерял? Тебе кто разрешал руки распускать?

– Так я же... Он же это....

Стал оправдываться тот, не забывая обиженно почесывать ушибленную щеку.

– Слушай, отрыжка, лучше не беси меня, – зло зашипел Глыба, от чего Косой сжался, ожидая очередного удара, но того не последовало. – Я пока потолкую с нашим оборванцем, а вы пакуйте добро и тащите на стоянку. Этого героя до моего возвращения не трогать. Тащите в лес, а там посмотрим. Ну что, пойдём, поговорим? Охотно тебя выслушаю.

Это уже относилось ко мне. Я поднялся, нарочито неспешно отряхнул пыль с одежды и проследовал за главарем.

Мы прошли мимо повозки, за которой оказалось ещё два трупа. Первый, скорее всего кучер, получил стрелу в шею.

В его взгляде навеки застыло удивление. Я поспешно отвел взгляд, не жалея выяснять как погиб его товарищ, а он, скорее всего, был одним из охранников, но с него уже успели стянуть доспехи, валявшиеся там же.

Нет, я не испытывал жалости к этим уродам, но отчего-то не хотелось мне тащить их в пещеру обманом. Но был ли у меня выбор? Или здесь останусь, кормом для местного зверья, или всё же попытаюсь вывернуться.

– Ты уже понял, – начал я, когда карета и банда остались позади, – что я не купец знатный, и не дворянин какой? Хочешь знать, где меч взял, да золото раздобыл?

– Не тяни, я ведь могу и передумать. Жадных виселица ждет, а мне и этого добра хватит. Ну?

– Тайник я нашёл, – заговорщически понизив голос, признался я, – добра там навалом. Золото, серебро, доспехов море. Место не простое, сразу признаюсь. Заколдованное оно. Попасть туда не просто, но я нашёл способ. Хотел потихоньку домой всё перетащить, да подвела нелегкая, на вас наварлся. Сам понимаешь, жить мне ещё не надоело, а мертвому и золото ни к чему. Сделку с тобой заключить хочу. Улавливаешь?

Глыба помолчал немного, снова осмотрел меня с ног до головы, на купца я вряд ли тянул, как и на боярина знатного. Однако же добра при мне немало. Уж не знаю, сколько по их меркам, но, судя по тому, как он сжимал мою сумку, не мало. А насчет того, что ему и этого добра хватит, это он пусть

бабушке своей рассказывает. Знаю я таких. Он эту самую бабушку за ржавый медяк продаст.

– Ты мне тайник, я тебе жизнь?

– Именно.

– А этот тебе зачем?

Глыба кивнул назад, хотя за каретой всё равно ничего рассмотреть не удалось бы.

– Знаю я его, – соврал я, – он мне как-то жизнь спас. Пора бы вернуть долг.

– Ага, – кивнул здоровяк, – то-то я смотрю, узнал он тебя.

Зыркалы чуть на лоб не повылазили.

– Ну, так что, идет?

– Сначала клад твой посмотрим, а там уже решим.

– Хорошо. Только это, – я не знал, что бы такое соврать, чтоб не тащить с собой ещё и бедолагу этого. Он немало натерпелся, а что в пещере будет? Загубит его демон, и ляжет это на мою совесть. – Давай ты парня отпустишь, а я к кладу провожу? У меня к тебе доверия нет, а так – хоть какая-то гарантия. Идёт?

Глыба набычился, приблизил ко мне свое лицо, снова обдав смрадом изо рта.

– А давай, я сейчас шкуру с него живьем снимать стану, пока не согласишься провести. Идёт?

Я испуганно сглотнул, представив себе эту картину. Он не оставлял мне выбора. Как бы вы поступили на моём месте? Не похоже, что он блефовал. У него на роже написано, что

он так и делает.

«Угораздило же вляпаться. Ладно, до пещеры дойдем, а там посмотрим. Один раз я уже выкрутился, придумаю и ещё что-нибудь».

– Ладно, твоя взяла. Проведу вас к тайнику, и там ты нас отпустишь. Дай слово!

– Клянусь!

Тут же отозвался здоровяк.

«Ага, как же, клянется он. Да я бы за твоё слово гвоздя ржавого не дал».

Глыба повел меня обратно. Картинка там кардинально изменилась. Трупы уже успели куда-то утащить, светловолосого воина тоже нигде не было видно. О недавнем нападении говорила только карета, да и той недолго осталось. Один из оборванцев тянул за собой отчаянно сопротивляющихся лошадей.

– Ну, чего встали? Пошли, кому сказал.

На нас он не обратил ровным счетом никакого внимания. Мы свернули с дороги, углубились в лес метров на триста и вышли к небольшой поляне. Остальная компания уже поджидала нас там.

Возле дерева в одну кучу было свалено всё барахло, которое они называли «добром». Здесь были пара сундуков, какие-то тряпки, но хуже всего смотрелись доспехи, снятые с убитого охранника. Его лук валялся здесь же, и все оставалось в темных потеках крови. Эти выродки не побрезговали

даже этим, ну и кто они после этого? Нет, моя совесть определенно была чиста.

Другое дело светловолосый воин. Он стоял во весь рост, со связанными руками, и отчаянно отбивался от наседавших на него оборванцев. Трое бандитов зажали его с разных сторон, а прямо перед ним замер ухмыляющийся Косой. Я со злорадством заметил кровь из разбитой губы, что стекала на его подбородок. Видимо, он решил поиздеваться над пленным, да не тут-то было.

– Косой, я тебе что сказал? – зло зашипел на него Глыба, – Всё, отрыжка, ты меня достал.

– Глыба, так я чего? Мы же доспехи с него снять хотели, а он вон, драться полез.

Косой с досадой потрогал разбитую губу, и замахнулся дубиной, собираясь наказать несговорчивого пленного. Тот приготовился отразить удар, но Глыба оказался быстрее. В один прыжок он очутился за спиной Косого, в руке блеснул нож, а через секунду недоумок уже заваливался на землю. Дубина выпала из его рук, а из перерезанного горла толчками, фонтаном била кровь. Ещё минуту он отчаянно сопротивлялся смерти, пытался зажать рану руками, но вскоре затих. Все молча наблюдали за этой сценой и, судя по всему, горевать по убитому никто не собирался.

– Уберите отсюда эту падаль, – пнув ногой тело, с отвращением произнес главарь, и уставился на пленного, – Всё никак не угомонишься? Дружок твой спасти тебя хочет, убить

не дал, а ты? Значит так, либо снимаешь доспехи, либо я и ему горло перережу. Выбирай.

Я с ужасом понял, что речь идет обо мне. Вся уверенность улетучилась в миг. А ну как не шутит? Представив себя на месте Косого, я с ужасом уставился на беловолосого воина. Сейчас всё решал он, и, видимо, решал не в мою пользу. Он гневно сверлил главаря взглядом, всем своим видом давая понять, что только и ждет шанса вцепиться ему в горло и рвать его зубами.

– Как скажешь. Значит и этот будет на твоей совести.

Глыба отвернулся и направился ко мне. Все слова вылетели из головы, я даже имя своё забыл. Здоровяк приблизился ко мне, замахнулся...

– Стой, – услышал я, наконец, голос пленного, – Не трогай его, я всё сделаю.

– Вот и правильно. Раньше бы так.

Воин посмотрел на меня, и опустил голову. Уж не знаю, что произошло там, на дороге, но, похоже, он винил во всем случившемся именно себя.

Дальше всё происходило довольно быстро. Ему развязали руки, стянули с него доспехи и всё то, что было под ними, оставив, в чем мать родила. Затем Глыба распорядился насчет одежды.

Один из бандитов убежал в лес, вернулся с тряпьем, видимо, снятым с одного из своих погибших товарищей. Воин всё так же безмолвно оделся, дал связать себе руки. К этому

времени от дороги послышалась возня, это тот несчастный, что тянул лошадей в лес, наконец-то справился.

Когда всё было готово, светловолосый рыцарь ничем не отличался от остальной банды. Выдавало его только ухоженное лицо и глаза, полные печали. Провалиться мне на этом месте, если я вру, но не было у меня желания вести его к демону на убой. Но темная сторона уже решила все за меня, а я лишь играл по ее правилам.

Глыба окинул взглядом разношерстную компанию, посмотрел на меня, и, наконец, заговорил:

– Косой, хоть и был на ум не богат, но напоследок всё же сделал благое дело. Оборванец, которого он так удачно выцепил, базарит, что знает где клад спрятан, а там добра на счастливую жизнь хватит.

– Да врет он всё, – вмешался один из бандитов, смачно плюнув себе под ноги, – первый раз, что ли, нам богатство за шкуру свою предлагают?

Толпа согласно закивала, поддерживая товарища, а пленник буравил меня ненавидящим взглядом. Глыба поднял руку, призывая всех замолчать и все тут же притихли.

– Возможно, он и брешет, однако, меч где-то взял. Меч не простой, как вы сами видите, а одет как попрошайка какой-то. Откуда взял? Всё одно: либо украл, либо взаправду клад нашёл. Думаю, проверить стоит. Соврал, так мы ему такую смерть устроим – пожалеет, что здесь горло не перерезали.

– А если не врет?

Снова вмешался всё тот же субъект.

– А если не врет, мы его отпустим, вместе с дружкой его, – кивнул он на пленника, – Я ему слово дал.

Кто-то из толпы довольно хмыкнул, но, получив болезненный тычок локтем под ребра от своего соседа, умолк. Ну, ещё бы, слово он дал. Тут и дураку понятно, что ждет нас обоих в конце пути. Точнее, это они так думают. У меня было на этот счет иное мнение, но я, разумеется, не собирался делиться им с окружающими.

– Вот как мы поступим, – снова заговорил Глыба. – Я возьму с собой двоих, и мы проверим слова этого проходимца. Коли наврал, так мы их втроем на ленточки пошинкуем. Остальные пока перетащат нажитое в лагерь, и будут ждать нас там.

«Как-то странно он себя ведет, – подумал я в тот момент, – О монетах, что в сумке, словом не обмолвился. С собой берет только двоих, хотя сам понимает, если там добра навалом, как я и обещал, то людей там больше понадобится. Мутит он что-то».

Все это пролетело у меня в голове, вызвав какое-то смутное предчувствие, но я не придал этому значения. Для меня главным было то, что этих скотов оказалось на одного больше, чем я задолжал Калхену. А значит, можно было выторговать за них жизнь пленника. Правда, на тот момент я совершенно не представлял, как проверну подобную аферу, но

думать иначе не мог. Это означало бы признать, что я поступаю подло, что надо искать другой выход, а этого я себе позволить не мог. Да и не было другого выхода, так что оставалось надеяться на лучшее.

Через несколько минут мы уже шагали по лесу. Глыба, как и обещал, взял с собой двоих. У одного из них был меч пленника, второй держал наготове лук. Звали их незамысловато.

Одного, худощавого парнишку лет двадцати, с прыщами, размером с горошину, усыпавшими всё лицо и шею, звали Гнилым, второго – Ловкачом. Увидев, как ловко он выдернул из колчана стрелу и заложил её в тетиву, я сразу вспомнил кучера с простреленной шеей и понял, что стрелял именно Ловкач. С ним следовало быть осторожным.

Глыба оказался не так глуп, как я подумал вначале. Пустил нас вперед, предупредив, что, если ему не понравится хоть что-то в нашем поведении, стрелу схлопочем оба. Так мы и шагали. Впереди я и пленник, которому наотрез отказались развязывать руки, а позади, отставая на десять шагов, трое матерых хищников.

Я попробовал высказаться по этому поводу, но удостоился только клинка, уткнувшегося в мою шею. Какое-то время шагали молча, под хруст сухих веток и шелест опавшей листвы. Я всё не мог придумать, с чего начать разговор, но воина необходимо было предупредить, и чем быстрее, тем лучше.

– Послушай, там...

– Откуда у тебя этот меч?

Тут же перебил меня пленник. Чересчур резко, и при этом так посмотрел в мою сторону, что я невольно отодвинулся от него на шаг. Не спятил ли он? Мало ли, что могло произойти после того ужаса, что он пережил?

– Ты чего? – с опаской поглядывая на него, прошептал я, – Я тебе не враг.

– Где ты взял этот меч?

Упрямо настаивал на своем воин.

– Сдался тебе этот меч? Ну, положим, нашёл я его, тебе от этого легче стало?

Он замолчал, с усмешкой поглядывая на меня.

«Вот же зараза такая, я ему жизнь спасти хочу, а он строит из себя непонятно кого».

– Значит, насчет тайника ты не врал?

– Не врал. Но и всей правды не сказал. Тайник есть, и как в него попасть – знаю. А вот как нам с тобой оттуда выбраться, придумать не могу.

– Понятно!

Снова усмехнулся он.

– Ничего тебе не понятно.

– Кто-то охраняет тайник?

– Охраняет, – нехотя согласился я, – и не «кто-то», а самый настоящий демон.

– Ты...

Расширил глаза пленник, и даже шаг сбавил. Мне при-

шлось подхватить его за локоть и тащить дальше.

– Что я?

– Ты заключил с ним сделку, продал свою душу?

– Ничего я не продавал, я не так глуп, – я уже и сам не был в этом уверен, а это злило меня ещё больше, – Просто договорился, что приведу вместо себя замену. Не смотри на меня так, никого я ему скармливать не собирался. У меня был план, однако сам видишь, как всё обернулось.

– План говоришь? – прошипел он, от чего я снова на шаг отступил, – Умный такой? Решил потягаться с силами, что старше тебя на тысячелетия? Думал, сможешь выйти сухим из воды? Глупец. Сопливый мальчишка. Выпороть бы тебя, да толку? Всё равно недолго тебе осталось.

– Это ещё почему?

Искренне удивился я. За свою шкуру я как раз не переживал, а вот его жизнь собирался сохранить.

– Ты всё ещё не понял? Думаешь, наша встреча случайна? Эти уроды, случайно попались на твоём пути? Если так, то ты ещё глупее, чем я считаю. Усмири свою гордыню, прими реальность. Демон ни за что не отпустит ни тебя, ни ещё кого бы то ни было.

«Вот же упрямый. И как прикажете с таким разговаривать?»

Ответ был прост: никак. Его можно было только обхитрить. Не мог же я позволить, чтобы он испортил всё в самый последний момент? Правильно, не мог. Мне нужно было пе-

ретащить его на свою сторону, заставить поверить в правильность моих действий. И я поступил не лучше, чем тот же демон.

– Имя у тебя есть?

Как можно дружелюбней спросил я. Ответил он не сразу. Я решил, что он и вовсе не собирается отвечать. Шел молча, уставившись себе под ноги. Я уже открыл рот, чтобы спросить снова, но он опередил меня.

– Ричард.

– Ричард? Это который «Львиное сердце», что ли?

– Чего?

– Да это я так, мысли вслух. Послушай, Ричард, неужели ты не хочешь отомстить этим уродам? – я кивнул за спину, и сделал паузу, давая ему обдумать сказанное, а затем продолжил давить на него, – Они убили твоих жену и дочь...

– Кого? – непонимающе уставился на меня Ричард, – Ты, верно, решил, что они моя семья?

– А разве нет?

– Вообще нет. Хотя от этого легче на душе не становится. Это семья моего брата. Я поклялся защищать их даже ценой собственной жизни, а вышло вон как. Я остался жив, а они навечно останутся гнить в этом лесу, если зверье раньше не растащит. Я подвел их, подвел своего брата. Нет мне прощения, и пути назад нет. Что будет впереди, мне не важно. Всё, что было важно, осталось позади!

– Подыграй мне, по возможности, и постарайся не входить

в пещеру, что бы ни случилось. Уж не знаю, как, придумай что-нибудь.

– Хорошо, – тут же согласился он, – Но мой тебе совет, не играй с тем, кто на много столетий опережает тебя. Победа останется за ним.

И замолчал. Я не знал, что ещё добавить, а ему и вовсе нечего было говорить. Так и шли, каждый думая о своем.

Признаюсь, слова Ричарда затронули какие-то глубины моего сознания. Где-то там, глубоко внутри, я был полностью согласен с ним. Ну, по сути, кто я такой? Жалкий человек, не проживший и полвека. А с кем решил тягаться? С силами, которым, возможно, не одна тысяча лет. Да и я ли его провел? Что, если всё, с самого начала, с того момента, как я попал сюда, было лишь игрой? А если копнуть глубже, то как я вообще попал сюда? Может, и это тоже часть плана? Я ведь даже не удивился, не задался вопросом, как такое вообще возможно? Я просто смирился, приняв это как данность. Случайно ли я встретил Ричарда? Случайно ли Косой так легко нашёл меня в кустах, будто только того и ждал?

От таких мыслей хотелось прямо сейчас развернуться, послать к чёрту Глыбу и всю его компанию, пожелать удачи Ричарду, и броситься бежать. Неважно куда, неважно, что будет, лишь бы не чувствовать себя марионеткой в этой дурацкой игре.

Но всё это было где-то там, глубоко внутри меня, а на поверхности был разум. Умеющий быстро приспособливаться

разум человека из двадцать первого века. Мы давно привыкли считать себя верхушкой эволюции. Возомнили себя чуть ли не богами, а на деле не видим дальше своего носа. И как вы думаете, я поступил? Молча шагал дальше.

Солнце постепенно скрылось за горизонтом, наступили сумерки, а следом за ними ночь. Ночью в лесу жутко, скажу я вам. За каждым кустом мерещится какая-то нечисть. Каждый шорох заставляет вздрагивать. Деревья с кривыми ветвями оживают, тянутся к тебе своими костлявыми руками-ветками, норовят схватить. За каждым темным кустом видится притаившаяся тварь, которая только и ждет, пока ты подойдешь ближе, сделаешь неосторожный шаг. Жуть, иначе и не скажешь.

Я порадовался своему решению не ходить через лес в одиночку после захода солнца. Видимо мое настроение передалось остальным, даже бандиты притихли.

– Эй, как тебя там?

Первым не выдержал Гнилой.

– Скуал, – подсказал я, – Зови меня просто Скуал.

– Скула? Имя какое-то дурацкое.

– Не Скула, а Скуал. Ударение на «а». Хотя кому я объясняю.

– Вот я ж и говорю, Скула. Ты мне лучше скажи, далеко нам ещё топать?

– Нет, – прикинул я про себя, – Если будем шагать в том же темпе, за час доберемся.

– Ага, ясно.

Я оказался прав и точен как швейцарские часы. Через час мы, наконец, выбрались из леса, и я услышал знакомое журчание ручья.

«Ну вот, сейчас всё и решится».

– Ричард, – шепотом позвал я компаньона по несчастью, – ты помнишь, что я тебе говорил? Постарайся не лезть в пещеру. Если выпадет случай, беги в лес. В темноте они не найдут тебя.

– Ты лучше о себе подумай, – также шепотом ответил он, – мне уже терять нечего. Либо эти прирежут, либо демон сожрет. Назад дороги мне нет. А вот ты ещё можешь себя спасти, подумай...

– Вы чего там шепчетесь?

Крикнул за спиной Глыба, и я с ужасом услышал, как натягивается тетива. Мерзкий звук, больше похожий на хруст или треск. Я с ужасом представил, как Ловкач разжимает пальцы, и всё напряжение тетивы передается стреле, та срывается в безумный полет, попадает мне между лопаток...

– Говорю, мы почти свободны. Там, за ручьем, вход в пещеру. Тайник там.

– Что-то не вижу я там никакой пещеры, – недовольно пробурчал Гнилой. – Ты, видимо, за дураков нас держишь?

– А ты думал, – наплевав на предупреждения, я резко развернулся на месте, – что золото будет ждать тебя в лесу, на пригорке? Давай, стреляй, и можешь топать обратно ни с

чем!

– Борзый да? – Вынимая кинжал и направляясь ко мне, прошипел Гнилой. Вернее, он хотел прошипеть, казаться грозным, но на деле вышел смешной истерический писк. – Все Скула, ты договорился. Сейчас я тебя...

– Остынь Гнилой, – придержал его Глыба. – Сам слышал – недалеко осталось. Если он нам лапшу на уши вешал, лично его исполосуешь. Давай, веди к своей пещере.

Последнее относилось ко мне. Я кивнул, делая вид, что уважаю его мудрое решение, и зашагал дальше. Глыба только что дал Гнилому разрешение прирезать меня, как только доберемся до места. Понимать это стоило именно так, без всяких «если».

Вот показался ручей, блеснув серебром и отражая миллионы звезд. Я, невольно вспомнив как это красиво, задрал голову. Пока любовался звездной бесконечностью, чуть не влетел в свой же костер. Если бы не Ричард, вовремя пихнувший меня плечом, точно бы влетел.

– Ты что там увидел? Под ноги лучше смотри.

– Красиво как.

– Ты о чем это?

– О звездах. Ты разве не замечал?

Ричард глянул на небо, потом на меня, оглянулся назад и сокрушенно покачал головой.

– Юн ты ещё совсем. О звёздах мечтаешь, с демонами в игры решил поиграть. Юн и глуп. Жаль мне тебя. Ладно, что-

нибудь придумаем.

Последняя фраза прозвучала как-то двусмысленно. Я уже хотел уточнить, что именно он собрался придумать, а, главное, с какой целью, но было поздно. Мы уже поднялись к камню, обозначающему вход.

– Всё, мы на месте, – произнес я во всеуслышание, – Дело за малым. Верни мне меч, и я открою вход.

Вопрос был адресован Глыбе, поэтому на скептические ухмылки остальных, я не обратил ровным счетом никакого внимания. Однако Глыба не торопился возвращать меч, не совсем понимая, что я задумал.

– Послушай, – вздохнул я обреченно, – мы можем до утра играть в гляделки. Вход запечатан, открыть его можно только этим мечом, сам же видишь, не простой это меч. Либо ты отдаешь его мне, и я открываю вход. Либо можешь зарезать нас, и хоть насквозь продолбить эту гору, а тайника все равно не найдешь. Решай.

– Глыба, да чешет он всё. Дай я ему глотку перережу, а вход и так найдем.

– Лучше помолчи, – осадил его Глыба. – Гнилой, дай-ка свой меч.

Тот молча протянул ему меч, некогда принадлежавший Ричарду, а взамен получил мой, перламутровый.

– Отдай ему. Ловкач, если что, сделай так, чтобы он умер не сразу.

Оба кивнули, и Гнилой направился ко мне. Ловко подбро-

сил меч, поймал за лезвие, и протянул мне рукоятку с двумя перекрученными змеями, которых я раньше и не замечал.

– Змеи, символ мудрости.

Многозначительно изрек Ричард.

Конечно, меч был вовсе не обязателен. Чтобы открыть проход, мне нужно было всего лишь мысленно позвать Калхена. До тех пор, покуда не выполнены условия сделки, я был связан с ним. А меч мне нужен был только для одного: отдать его Ричарду, если он не сможет сбежать и все-таки попадет в пещеру.

Я понятия не имел, как обращаться с холодным оружием, и, уж тем более, с мечом. А вот Ричард – другое дело. Он рыцарь, или воин, или паладин, кто их разберет, как у них тут всё устроено? Одно я знал точно. Попади эта железяка в его руки, и людям Глыбы мало не покажется. В пещере начнется паника, а он знает обо всем, и будет готов. Передать ему меч, труда не составит. Хотя я всё же надеялся, что до этого не дойдет.

Подойдя к камню на расстояние вытянутой руки, я поднял меч над головой и бросил через плечо:

– Внутри лабиринт, так что не советую бежать сломя голову. Я запомнил дорогу к тайнику, но что в других тоннелях, мне неизвестно, так что лучше следуйте за мной.

Теперь можно было не волноваться, что стрела прилетит мне в спину, стоит только открыться проходу. Пока я им нужен, смерть нам не грозит.

– Готовы? Сим салабим, ахаляй махаляй, крикити пакити бум...

Я нес полнейшую ахинею, но для них это должно было звучать как заклинание, или что-то вроде того. Проговаривая вслух эту нехитрую формулу, я мысленно связался с Калхеном, возвещая о своем появлении.

Договорив, я коснулся камня кончиком меча, но ожидаемого чуда не произошло. Не было молний, искр, фейерверков. Я, правда, не знал, как должен открыться проход, но ожидал чего-то особенного. А на деле, не произошло ничего. Совершенно. То есть ровным счетом ничего. Проход не открылся.

«Спит он там что ли, – в панике подумал я, – Эй, Калхен, просыпайся, твою дивизию. Я пришел, как и договаривались».

– Что, Скула, – ехидно заметил Гнилой, – не прошел фокус? Что дальше собираешься делать? Может, надо было меч пометом летучей мыши смазать, для пущевого эффекта?

Ловкач заржал, как конь, а я весь покрылся испариной. Если сейчас проход не откроется, нам конец.

– В чем дело? – зарычал Глыба, – Шутки со мной вздумал шутить?

– Нет. – Я постарался придать голосу уверенность, но вышло не очень, – Нужно время. Сейчас всё...

«Ну, слава Богу»

Самому стало тошно, от промелькнувшей, хотя и не вы-

сказанной вслух, мысли. Даже сейчас, спустя годы я, скрипя зубами, вынужден признать правдивость слов Ричарда. Глуп я был. Совсем юн и глуп. Но нет больше того человека. Он исчез, растворился, умер в той пещере. И пусть это послужило лишь началом долгого и сложного пути – началось всё именно там.

Проход открылся. Спецэффектов я так и не дождался. Камень просто исчез, растворился в воздухе.

На улице была ночь, но в пещере... Казалось, оттуда на меня смотрит сама квинтэссенция мрака. Я снова покрылся холодной испариной, но тянуть дольше – означало получить стрелу в спину. Эти олухи пока под впечатлением, но вот-вот очухаются.

– За мной!

Бодро выкрикнул я, и тут же шагнул во мрак.

Возле входа было не так темно, слабый свет звезд частично попадал и сюда, но граница тьмы находилась всего в метре от меня. Едва попав внутрь, я отскочил вправо, пробежал метра три и вжался спиной в холодный камень, перестав даже дышать. В такой темноте меня сам черт не разглядел бы, не то, что эти оборванцы.

Я всё ждал, но ничего не происходило. Прислушался, вроде бы на улице идет какая-то возня. Кто-то вскрикнул, определенно не Ричард, затем последовал звук, похожий на падение мешка с картошкой, и всё стихло.

Секунды шли, но в проходе никто не появлялся. Когда я

уже отчаялся, и решил выглянуть на улицу, нарисовался чей-то силуэт. Он сделал шаг, другой...

– Да шевелись ты.

Зарычал Глыба, заходя следом. Они сделали еще несколько шагов, а я с ужасом осознал, что никто больше не торопится зайти в пещеру.

– Эй, Скула, или как тебя там? Лучше выходи по-хорошему, иначе...

Что произошло бы в противном случае, я так и не узнал. По всей пещере разнесся страшный грохот, и наступила абсолютная тьма.

Глупец.

То, что произошло дальше, изменило меня раз и навсегда. Прав был Ричард, когда пытался отговорить меня от этой глупой затеи. Гордыня! Вот что меня сгубило. Я до последнего момента считал, что смогу выкрутиться, найти выход, не замарать свою совесть. Зачем я только заключил эту сделку? Да лучше бы эта тварь сожрала меня, порвала на мелкие кусочки, выпила всю мою кровь. Ну почему, почему я был так самоуверен? Темная сторона никогда не играет по правилам, запомните ЭТО.

Чего я ожидал? Что договорюсь с демоном? Выйду сухим из воды? Да будь он трижды проклят. Будьте прокляты все демоны, от самых младших, до самого Люцифера.

– Эй, Скула, какого хрена ты творишь? Ты что, завалил выход? Мы же все тут подохнем.

– ЭТО НЕ СКУЛА!

Прогредел знакомый, басовитый рык, и в ту же секунду пещера озарилась сотнями кружащих в воздухе огоньков. Они походили на маленьких светлячков, только горящих зеленым пламенем. Бестолково летая по пещере, они то сталкивались, то натыкались на стены, отскакивая, и продолжали кружить дальше. Только теперь я смог оценить реальные масштабы пещеры. Сказать, что она была огромная – ровным счетом ничего не сказать. Она была просто гигантской.

Здесь поместились бы с десяток футбольных стадионов, вместе с трибунами и парковками. И все это пространство было усеяно костями.

В центре этого зала, на троне из тысяч черепушек, восседал Калхен. Он, конечно, предпочел образ огромного монстра, а не жалкий человекоподобный. При свете тысяч кружащих огоньков, он выглядел ещё отвратительней. Покажись он мне впервые именно таким образом, я поступил бы точно так же, как поступил Глыба. А он повел себя совершенно естественно.

Завопив как резаный, он бросился разгребать камни, что завалили проход. Он орал как сумасшедший. Боюсь, даже Калхен не смог бы его перекричать. Вопил он долго, не прекращая попыток выбраться наружу. Но я смотрел не на него. Все моё внимание было приковано к Ричарду. Вот кто был самым достойным из людей, находящихся в тот момент в пещере. Даже со связанными руками, в обносках, он вовсе не казался жалким и беспомощным. На демона он смотрел свысока, несмотря на то, что находился этажа на три ниже того. Ни страха, ни сомнений, только уверенность и желание бороться до самого конца, во что бы то ни стало. И я, лично я, привел его в эту пещеру! Нет никакого Гнилого, нет Ловкача, есть только он и Глыба. Двое. ДВОЕ!!!

– Ричард, что случилось? Где остальные?

– Он их убил, – спокойно ответил тот. – Обоих. Они и понять ничего не успели.

– Но как? Зачем?

Я не мог в это поверить. Знал, что это так, но упрямо отказывался верить.

– Как? – усмехнулся Ричард. – Напал со спины, они ведь оттуда подвоха не ждали. Видимо не захотел делиться, решил присвоить все себе. Наплел бы потом остальным, что ты их в ловушку завел, а сам таскал бы добро потихоньку. Ты удивлен?

Он оторвал взгляд от демона и посмотрел на меня. Я ожидал увидеть там всё что угодно. Насмешку, презрение, осуждение, ненависть, в конце концов, но... Ничего этого не было. Я видел в его глазах боль и сожаление. О чем он сожалел? Что не смог отговорить меня? Что поверил мне? Что оказался в этой пещере?

Знаете, этот вопрос мучает меня и по сей день. Иногда он приходит ко мне во снах. Такой же смелый, решительный, сильный. Мы разговариваем, иногда он даже дает мне советы. Но как только я задаю ему этот вопрос, сон всегда обрывается.

– ГОСПОДА, – напомнил о себе Калхен, – ПРОСТИТЕ, ЧТО ПРИХОДИТСЯ ВАС ПРЕРВАТЬ, НО ПОРА ПЕРЕЙТИ К ДЕЛУ. ИТАК, Я ВИЖУ, ТЫ НЕ ЗАСТАВИЛ СЕБЯ ДОЛГО ЖДАТЬ. ЧТО Ж, ПОХВАЛЬНО...

– Ах ты... – я хотел сказать ему хоть что-то обидное, но так и не нашёл подходящего слова. – Это всё ты. Твоих рук дело. Ты всё подстроил.

– ОЙ, ВОТ ТОЛЬКО НЕ НАДО. САМ ДАЛ СЛОВО, ПРОЛИЛ КРОВЬ, ПРИВЕЛ ЭТУ ПАРОЧКУ, А ТЕПЕРЬ РЕШИЛ СВАЛИТЬ ВСЁ НА МЕНЯ? – он улыбался своей мерзкой улыбкой и черепки вторили ему, – ВЕРНЕМСЯ К УСЛОВИЯМ СДЕЛКИ. ТЫ ДОЛЖЕН БЫЛ ПРИВЕСТИ КО МНЕ ДВУХ ЧЕЛОВЕК, И ТЫ С БЛЕСКОМ СПРАВИЛСЯ. ЖАЛЬ НЕ УДАЛОСЬ ВЫТОРГОВАТЬ ИХ ДУШИ, ИЛИ ХОТЬ БЫ ОДНУ ДУШУ. ЭЙ, ТЫ, – рявкнул демон на Глыбу, – ПРЕКРАТИ ВОПИТЬ, ИНАЧЕ Я СОЖРУ ТЕБЯ И КРУГИ НАРЕЗАТЬ НЕ СТАНУ.

Демон посмотрел на меня, ожидая реакции, но так ничего и не дождался. Этот урод ещё и шутить пытался, моими же шутками. Глыба, конечно, притих, даже камни ворошить перестал.

– ВСЕ УСЛОВИЯ СДЕЛКИ ВЫПОЛНЕНЫ, ТЫ СВОБОДЕН И МОЖЕШЬ ПРОВАЛИВАТЬ НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ.

– И как же я это сделаю, если проход завален?

– В САМОМ ДЕЛЕ? – Калхен уставился на заваленный проход так, словно впервые его видел. – И ПРАВДА, ЗАВАЛЕН. ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ, ЧТО СКАЗАТЬ. СТЕНЫ ТУТ СТАРЫЕ, ПОЧИТАЙ БЕЗ МАЛОГО ТЫСЯЧУ ЛЕТ СТОЯТ. ВОТ ВИДНО И НЕ ВЫДЕРЖАЛА ОДНА, ОБВАЛИЛАСЬ. НЕ ПОВЕЗЛО ТЕБЕ, ЧТО ТУТ ЕЩЁ СКАЗАТЬ? НО ТЫ СВОБОДЕН, КАК И ДОГОВАРИВАЛИСЬ.

– Ах ты... Да ты просто...

– Не трать слова, – печально заметил Ричард. – Это создание лишь потешается над тобой.

– Благочестивый, – в пещере на мгновение потухли все огоньки, а когда вновь засияли, Калхен стоял лицом к лицу с Ричардом, успев сменить облик. – Скажи, откуда из вас прет эта дурь?

– Кончай с этим. Только не подавись.

Калхен улыбнулся шутке. Отвратительная улыбка накладывалась на взгляд, полный безумия, наслаждения, предвкушения... Меня бы от такого взгляда хватил удар. Ну, или как минимум, навалил бы я полные штаны, несмотря на всё свое самообладание. А Ричард насмехался над ним. Наслаждался его беспомощностью это изменить.

Калхен мерзко улыбнулся и наклонился к самому уху Ричарда, понизив голос до мерзкого полушёпота, от которого живот содрогался в рвотных позывах.

Глыба упал на колени и попытался закрыть уши ладонями, но я видел кровь, медленно стекающую за воротник. Перед глазами прыгали серебряные мушки, а во рту появился привкус ржавчины. Несмотря на дикий писк, разрывающий барабанные перепонки, голос этой твари я слышал отчетливо.

– Потерял всех, а сам пошел на ужин демону. Небось, совесть грызет? Здесь многие начинали плакать, молить о пощаде, угрожать расправой с небес. Столько громких слов, страсти в глазах. Это смотрится так забавно. Только открою

тебе тайну, из личного, так сказать, опыта. В тот момент, когда жизнь покидает ваши жалкие тела, этот огонь гаснет, но за миг до этого смелость покидает вас. Я вижу это постоянно. Каждый совершал ошибки. Ты не исключение. Ведь мог поехать не один? Мог. Но поехал один, хотел доказать свою преданность. Предпочел рискнуть и ошибся. Они погибли. Их смерть была лёгкой?

Я с ужасом понимал, что слова этой твари проникают в сознание Ричарда, и жалел, что не вижу его лица. Он не должен сломаться, только не теперь. Попытался встать, но ноги не отвечали на мысленные команды, а взгляд застыл на Глыбе. Я видел, как он рыдает, как по щекам течет кровь, понимал, что сам выгляжу не лучше, но ничего не мог с этим поделать.

Не знаю, чем бы все закончилось, продолжай Калхен дальше, но Ричард снова удивил меня.

– Что-то ещё?

Калхен несколько секунд пожирал его глазами, и, готов поклясться, он был удивлен. Ричард удивил его. Интересно, сколько человек на самом деле сломались в этой пещере?

Каждый совершал ошибки, я не мог не согласиться с этим. Но Ричард разрушил это утверждение, стал исключением из правила. Он не сомневался в своих поступках даже теперь, стоя у края пропасти. Неужели ему действительно не о чем сожалеть? Я бы отдал всё, лишь бы взглянуть ему в глаза. Я хотел видеть то, что видел Калхен.

Сила, волю которой дал демон, крепко держала и меня, и Глыбу. Думать становилось все трудней. Сознание затягивала тонкая пелена забвения. Ричард сказал что-то ещё, но я не расслышал, и в тот же миг всё исчезло.

Глыба сидел на полу, зажимая уши руками, а по щекам текли обычные слезы. Крови не было ни у него, ни у меня. Скорее всего, её никогда и не было, это всё Калхен. Почему Ричард остался стоять? Его не тронули, или эта гниль просто не действует на него?

– Ричард ты в порядке?

– Какая забота, – ответил за него Калхен. – Люди такие забавные. Привыкли считать, что их судьба полностью принадлежит им. Не будем разрушать ещё и эту иллюзию.

Калхен замолчал, но все четыре пары глаз были устремлены на меня. Эта тварь насмехалась. Он знал все, с самого начала. Я думал, что я переиграл его, надеялся на это, но...

– К счастью для вас, никаких сделок я вам не предлагаю. Скажу больше, мне просто плевать на вас. Я подожду пока вы сами сдохнете. Но, есть и хорошая новость. Того, кто последним останется на ногах, и сможет самостоятельно уйти, я сам выкину из этой пещеры, целым и невредимым. А пока не буду вас беспокоить. Ваша судьба в ваших руках.

Свет на мгновение померк, а когда снова загорелся, Калхена в пещере не было. Я не сомневался, что он наблюдает за всем происходящим, ведь не мог же он пропустить развязку всей этой истории? Я ещё толком не осознал его последние

слова, а Ричард уже стоял лицом к Глыбе.

– Надеешься, что он тебя отпустит?

Глыба устался себе под ноги, выискивая свой меч. Именно в этот момент пришло осознание. Он ничем не лучше Калхена. Он пойдет на любую подлость, лишь бы добиться своего. Он убьет нас обоих, а потом свалит из этой западни.

«Ричард! Надо развязать ему руки. Меч! Куда делся этот чёртов меч?»

Мысли проносились в голове одна за другой. Глыба, Ричард со связанными руками, и я, не знающий даже с какой стороны братья за оружие.

Меч я так и не нашёл. Я зашел в пещеру, он был у меня в руках, а теперь его нет. Очевидно, выронил, когда пришло понимание совершенной ошибки. Но где? Я свернул направо, прошел вдоль стены, значит, меч должен быть...

– Я тут подыхать не собираюсь, – прервал мои мысли Глыба. – Ты слышал его? Один из нас может уйти, но для этого двое других должны умереть. И у меня есть подходящее решение.

Он поднял меч, осмотрел лезвие, потрогал пальцем заточку, взмахнул пару раз, и с усмешкой глянул на Ричарда.

– Как думаешь, справедливо будет начать с того, по чьей вине мы тут оказались? Это ведь честно? Он заманил нас в логово какой-то... – последнее слово он проглотил, с испугом оглядываясь по сторонам. – Заманил нас сюда, чтоб спа-

сти свою шкуру, а я убью его, чтобы спасти свою. В этом что-то есть, не находишь?

– Глыба послушай, я тоже поверил ему, тоже думал, что смогу спастись, и что в итоге?

– Мы только время зря теряем.

Плюнув себе под ноги, и вытерев губы рукавом, Глыба двинулся прямо на меня. В его глазах плескалось безумие, он предвкушал скорую расплату, губы расплзлись в мерзкой улыбке. Таких людей можно встретить где угодно. Они убивают с наслаждением, им нравится видеть беспомощность своих жертв. Я как-то раз видел по телевизору сюжет, где девушек насильовали, а потом убивали, снимая всё на камеру. Едва увидев первые кадры, показанные одним моим знакомым, чьё имя я не стану упоминать, я в ужасе понял, что именно он подразумевал, сказав «что нашёл в интернете реальную жесьть». Его не смутил даже тот факт, что за спиной сидела его, теперь уже бывшая, жена. Я успел увидеть лишь несколько кадров, где, в принципе, ещё ничего не происходило. Но что я успел заметить – это полный отчаянья и обреченности взгляд несчастной жертвы, связанной по рукам и ногам. Пообещав поквитаться с приятелем, если он сейчас же не выключит этот ужас, я успел до того уловить ещё один кадр. На этот раз это был один из садистов, в черной маске, оставляющей открытыми лишь губы и глаза...

Именно такой взгляд был у Глыбы. Он не пытался прибавить шаг, не просил меня стоять смирно, он просто шел. Ска-

зять, что я испугался, после всего, что успел повидать в этом мире? Запас моего страха исчерпал себя. Я думал только о том, какую ошибку совершил, и о том, как подвел Ричарда.

Можно было броситься бежать, слава Богу, бегал я всегда на пятерки, и вряд ли Глыба смог бы меня поймать. Но тогда он убил бы Ричарда, а этого я позволить не мог.

«Какой же я идиот! Камни!!!»

Я с надеждой утопающего ухватился за эту мысль. Найти камень побольше и разбить ему голову. Просто метнуть его, с такого расстояния трудно будет промазать. Это спасение.

Глыба увидел, как я наклонился, взял в руки булыжник, и его терпению пришел конец. Ухмылка слетела с его лица, и он бросился на меня. Из его гнилой пасти летел вопль бешенства, больше похожий на рык дикого зверя. Я уже поднял камень, замахнулся, но времени для броска не оставалось, всё словно застыло. Меч начал своё смертельное падение за несколько шагов до меня. Рука с камнем уже возвращалась, но Глыба был быстрее.

Тут бы и настал конец моей истории, но Ричард тоже не собирался мирно отсиживаться в сторонке. Когда я уже видел свою смерть, он пронесся мимо меня как броневик и сбил Глыбу с ног. Он не стал ничего придумывать, и просто сшиб его плечом. Я не зря сказал о броневике. Глыба от такого удара пролетел несколько метров и рухнул на камни, застонав от боли.

– Беги!

Крикнул во всю глотку мой спаситель, а сам набросился на Глыбу и стал бить его ногами.

И вот я уже бегу. Куда? Зачем? Почему? Я не отдавал отчета своим действиям, я просто бежал.

Есть люди, рожденные командовать. Одним из таких людей был командир нашей роты, во времена моей службы в армии. Он умел отдавать приказы так, что ты вначале выполняешь их, а только потом недоумеваешь, отчего тут же бросился это делать, сломя голову? Мне всегда было интересно проверить, на всех ли это действует, или только на его подчиненных? Почему-то сейчас я уверен, прикажи он на плацу командиру бригады принять упор лёжа, тот выполнил бы приказ беспрекословно, после чего с позором уволился бы из рядов вооруженных сил.

Таким же был и Ричард. Едва я осознал, что уже бегу, пришло понимание нелепости всего происходящего. Да ведь вдвоем мы втопчем этого гада в землю.

Я затормозил, не пробежав и двадцати метров, оглянулся и тут же схватился за новый камень. Я почти опоздал. Ричард лежал на полу, а Глыба навис над ним и методично наносил удар за ударом.

Камень полетел красиво, сначала по восходящей, затем, согласно закону земного притяжения, начал снижаться и, наконец, соединился с затылком Глыбы в точке «Х». Я ожидал громкого хруста, треска, или даже хлопанья, но черепушка у этого мерзавца оказалась крепкой. Камень весил никак не

меньше полукилограмма, но смог вывести Глыбу из строя всего на пару секунд, после чего он зарычал, резко развернулся на месте и уставился на меня.

Секунда – и он уже искал свой меч, который обронил при падении. Я едва успел оглянуться, выискивая путь к отступлению, а он уже несется на меня, размахивая смертельно опасной сталью. Из рта брызжет слюна, глаза налиты кровью. Настоящий псих. Вот теперь я точно вывел его из себя, но это и к лучшему. Ричард лежал без сознания, и добить его не составляло труда, а так главной целью стал я.

– Эй, урод, а бегать ты умеешь? Придется постараться, я тебя ждать не собираюсь.

Необходимо было увести его подальше, чтоб дать Ричарду время прийти в себя, а там, кто знает, может он освободится от веревок и найдет мой меч? Благо, я успел выбрать скопление огромных булыжников и рванул туда что есть мочи.

– Убью! Я убью тебя, сука! Убью!

Глыба был вне себя, орал, почти срываясь на писк.

«Нельзя выходить из себя в таком положении, можно совершить роковую ошибку»

Вспомнились мне слова одного знакомого, занимающегося греко-римской борьбой. Как же его звали? Вроде бы Миша, хотя не стану утверждать. Давно это было, ещё до армии, во время просмотра матча по борьбе. Я, хоть и не любитель смотреть подобные передачи, раздумывал в то время, а не пойти ли мне на борьбу? Хотя бы бицепсы появятся. Жен-

щинам ведь такое нравится.

Смешно до слез!

Я бежал легко и непринужденно, всегда любил бегать, чего не скажешь о Глыбе. Расстояние в двести метров, отделяющее меня от лабиринта камней, я преодолел за считанные секунды, и оглянулся, лишь достигнув цели. Глыба был метрах в тридцати позади, и бежал он не важно. Если продолжать так дальше, он упадет без сил минут через двадцать, а я смогу бегать ещё столько же.

– Что-то слабоват ты, брат. Каши, видно, мало ел?

– Я сотру с твоей рожи эту ухмылку, Скула.

– Скуал! Ударение на букву «а». Хотя это не моё настоящее имя, а ты просто неотёсанный болван.

– Аааааа... Убью тварь!

– Это я уже слышал. Придумай что-нибудь новое.

Я специально выводил его ещё больше, не двигаясь с места и давая подойти ближе. Пусть тратит силы на гнев, а я приберегу их для решающего момента.

Снова сорвавшись с места, я ускользнул прямо у него из-под носа, едва избежав удара мечом, в который он, несомненно, вложил уйму сил, а мне только это и нужно.

Я заскочил за ближайший булыжник слева, высотой с два этажа, и Глыба по инерции проскочил мимо, теряя ещё несколько драгоценных секунд. Я ликовал, праздновал победу, ведь теперь можно справиться и без помощи Ричарда. Глыба просто свалится без сил, а с таким противником

я справлюсь и в одиночку. Но я снова забыл, какие силы на его стороне, и кто придумал всю эту игру, в которой я лишь один из актеров, а режиссёр внимательно следит за соблюдением сценария.

Наивность, уверенность в собственной правоте, убежденность в правильности происходящего – все это по-прежнему играло против меня. Я рассчитывал перемещаться с места на место, выкрикивать подстрекающие фразы в адрес Глыбы, играть с ним, в то время как игра шла против меня. Глыба всюду следовал за мной, словно угадывая, куда я свернул.

Вы представляете себе лес камней, величиной с двух, трех, а то пятиэтажный дом? Их были сотни, самых разных форм. Иногда они стояли так плотно друг к другу, что там едва мог протиснуться человек моей комплекции, а иногда между ними мог свободно проехать автобус.

Я петлял по лабиринтам. Забирался на камни там, где не мог пролезть. Делал ложные маневры. Путал следы как заяц, но Глыба ни разу не ошибся, хотя не мог всё время держать меня в поле зрения.

Первый колокольчик тревоги зазвучал в тот момент, когда Глыба выскочил из-за камня справа, следуя мне наперерез. Как он узнал, как предугадал, что я сверну именно туда? Да я и сам не разбирал маршрута, просто бежал, сворачивал, снова бежал, прыгал, проползал на четвереньках, и каждый следующий участок не был известен даже мне, но, видимо, был известен сценаристу.

Я разминулся с Глыбой всего на мгновение, рванув вперед и вложив в этот рывок всю свою прыть, проскочил под опускающимся лезвием. Звон столкнувшейся с камнем стали, прозвучал как колокол, извещающая о неминуемом конце, который был всё ближе.

Я вдруг начал уставать, а Глыба, напротив, настигал меня с каждой секундой. Надо было срочно придумать что-то, и я решил затаиться.

Надо было выиграть немного времени, найти удобное место и постараться даже не дышать. Если не сделать перерыв, я просто не смогу продолжить эту гонку.

Вложив последние силы в эту попытку спастись, я смог, наконец, оторваться и ужом проскочить в довольно узкий проход, ободрав спину и грудь до крови, не спасла даже новая рубаха, а ведь она была гораздо плотнее моей повседневной одежды.

Раны тут же стало щипать, будто их кислотой облили. Не люблю это ощущение. Лучше разбить в кровь колено, порезать палец до кости, чем терпеть ссадины. Это ожог, (ведь нагревание при трении никто не отменял), плюс зуд от содранных тканей. Мерзость. От одних воспоминаний становится не по себе.

Сжав челюсти, дабы не застонать, я тихо пробрался к камню, похожему на большой гриб и, забравшись под него, замер, закрыв глаза. Скажете это была глупая идея? Возможно, вы и правы, но я рассуждал логически. Мне в любом случае

конец, а так есть хоть какой-то шанс. Я больше не смогу бегать, сил просто не осталось, и что прикажете делать? Просить его одуматься? Умолять о пощаде? Обратиться за помощью к твари, которая все это придумала? Молить Бога о помощи? А как же Ричард? Если выживу я, значит, умрет он. Отсюда в любом случае выйдет только один, если конечно сам Господь Бог не спустится с небес, чтоб положить конец всему этому безумию. Но разве я заслуживал такой чести?

Всё предельно просто. Если всё получилось, то Глыба меня потерял и сейчас бродит где-то как слепой котенок. А если нет... Лучше, я умру с закрытыми глазами, только бы не видеть его торжествующую рожу. Моего страха он не увидит, а ведь я точно струшу в самый последний момент и брошусь пускать слюни. В общем, глаза я закрыл, снова следуя приказам здравого смысла.

И сколько так ждать? Минуту? Полчаса? Пока не надоест?

Решил не морочить голову и просто досчитать до ста. Этого вполне хватит Глыбе, чтоб найти и убить меня. Этого же времени хватит, чтоб он окончательно меня потерял, и ровно столько же уйдет на восстановления дыхания.

Я начал обратный отсчет, а сам стал вслушиваться в окружающие звуки.

Тишина.

Ни шагов, ни шороха. Ничего, кроме звука бьющегося сердца. Моего сердца, готового выпрыгнуть из груди.

Половина отведенного времени позади, а ничего так и не

произошло. Выходит, он меня потерял? А может, стоит сейчас прямо передо мной и насмехается? Открыть глаза и посмотреть?

Так, спокойно, до ста, значит до ста. Чем ближе была эта цифра, тем больше росла тревога. А что если прямо сейчас Глыба направляется к Ричарду? Насколько хватит его гнева, и когда здравый смысл возьмет верх?

Осталось десять секунд, дыхание уже в норме, сердцебиение замедлилось, а вот усталость никуда не делась, тяжесть в ногах росла с каждой секундой. Это как играть в футбол. Пока ты бегаешь, усталости не замечаешь, но стоит присесть передохнуть – и вернуться в игру ты уже не сможешь.

Время!

Я набрал полные легкие воздуха, резко распахнул глаза и чуть не заорал. Да я бы и заорал, если бы за миг до этого, Калхен не заткнул мне рот своей мерзкой лапой. Он стоял прямо передо мной, в образе человекоподобной твари и, скорее всего, был там уже давно.

– Закричишь, и он тебя найдет. Не волнуйся, меня он не услышит. Устал? Вижу, что устал. Ты слепой, или упрямый? Сдался тебе этот Ричард? Ему, кстати, недолго осталось. Глыба сейчас на полпути к его бессознательному телу, он убьет и Ричарда, и тебя, или же ты убьешь его, всё ведь просто. Спасти Ричарда ты уже не успеешь, Глыба больше не станет бегать за тобой. Дождись, пока он всадит в противника свой меч, а потом разбей ему голову камнем. Один удар он

выдержал, но ведь он лишь человек. Ты ведь понимаешь, что выживет только один? Ричард уже обречен, остаётесь только вы с Глыбой. Предпочтешь отпустить эту сволочь, а сам гордо отправиться за Ричардом? И сколько бед принесет этот отброс миру, если ты не вмешаешься? Решай, время не ждет.

Я хотел вырваться, плюнуть ему в лицо и броситься спасти Ричарда. Но Калхен с силой прижал мою голову к камню, и мне оставалось только слушать его. Если бы я мог ответить, то послал бы его куда подальше, но, как оказалось, слова ему и не требовались.

– Как знаешь!

В глазах на миг потемнело, а когда я снова смог видеть, Калхена уже не было рядом. Он снова удалился в зрительный зал, чтобы наблюдать за развитием сюжета.

Ричард!

Я бросился обратно, почти не разбирая дороги. Где я сейчас находился, и в какой стороне Ричард, я не знал. Пока бегал от Глыбы, потерял все ориентиры, но мой внутренний компас подсказывал мне, что я двигаюсь в нужном направлении.

Иногда встречались знакомые камни, через которые я перелезал. Отпечатки обуви там, где пыль лежала столетиями. И всю дорогу я не переставал думать о Глыбе, и о том, жив ли ещё Ричард? Эти два вопроса не давали мне покоя.

Не могу сказать точно сколько прошло времени, но мне казалось, что я безнадежно опоздал, что Ричард уже мертв.

За очередным камнем обнаружился проход, выходящий почти в том месте, где я дразнил Глыбу, заманивая в эти лабиринты.

Наконец-то. Знакомая пещера, знакомый трон из черепашек, а здесь должен лежать Ричард. Но почему нет ни его, ни Глыбы?

И тут послышался шорох камней позади меня.

Когда я оглянулся, было уже поздно. Глыба каким-то образом оказался прямо за моей спиной, и уже размахивался, чтобы одним ударом снести мне голову, и снес бы, не сработай природные инстинкты. Я пригнулся, почувствовав, как лезвие срезает кончики волос на голове, и тут же отпрянул назад.

– Шустрый, значит?! – опуская меч, и вновь вытирая губы рукавом, произнес Глыба. – Как ты там сказал? Скуал, ударение на букву «а»? А как твое настоящее имя? Хотя, можешь не отвечать. Я бы даже советовал тебе не отвечать. Я даю слово, ты будешь умирать очень долго.

Думаете, я молчал, охваченный страхом? Я и сам ожидал от себя чего-то подобного, но вместо этого услышал собственный голос:

– Ты когда в последний раз чистил зубы? От тебя разит тухлятиной.

И что бы вы думали? Глыба снова пришел в бешенство и, конечно же, забыл о своем обещании. Вместо этого он прыгнул вперед, в одно мгновение сокращая разделяющее нас

расстояние, и просто ткнул мечом перед собой, как самый настоящий фехтовальщик, в надежде заработать ещё одно очко.

Я бы не успел уйти от удара или как-то отразить его. Признаться честно, мне и не хотелось. Ричард мертв, в его смерти виноват только я, и, выберись я на свободу, как прикажете с этим жить? Я смирился, был готов к смерти как к расплате за гордыню, но я снова ошибся.

Ричард вовсе не умер. Его смерть мне пришлось увидеть своими глазами.

Когда лезвие уже должно было пронзить мой живот, кто-то с силой оттолкнул меня в сторону, и я упал на камни, разбив левую бровь. Кровь тут же хлынула наружу, заливая один глаз и затуманивая зрение. Ещё не совсем понимая, что же на самом деле произошло, я сел, опираясь на одну руку и пытаюсь осмотреться.

Левый глаз почти ничего не видел из-за разбитой брови, а в правом всё выглядело как в тумане. Несколько секунд я усиленно фокусировал зрение на каком-то силуэте, в том месте, где ещё недавно стоял я сам. Наконец, удалось настроить картинку, и кровь застыла в жилах.

Ричард стоял на моем месте, а из его спины торчало лезвие меча. Кровь вытекала из раны, образуя лужу у его ног. Но он все ещё был жив, и не собирался сдаваться.

Глыба стоял прямо перед ним, пытаюсь выдернуть меч обратно, но сделать этого не мог. Ричард каким-то образом

освободил руки, которые сомкнулись на шее этот подонка.

Я мог сравнить его только с робокопом. Это ж какую силу воли надо иметь? В тебе торчит огромная железяка, кровь хлещет во все стороны, силы утекают с каждой секундой, а ты спокойно хватаешь своего убийцу за глотку и душишь, приподняв над землей.

– Ричард!!!

Это был мой голос? Но он совершенно не был мне знаком, словно кто-то другой поселился в моем теле. Глыба уже хрипел, все ещё пытаюсь выдернуть меч, но тот упирался в его собственный живот, рана Ричарда от этого кровоточила ещё больше. Наконец, он понял тщетность своих попыток и бросил меч, пытаюсь отнять руки Ричарда от своего горла. Но не тут-то было. Их силы таяли почти одновременно, они оба умирали, и оба уже не могли этого изменить. Глыба закатил глаза, все тело содрогалось в предсмертных конвульсиях, а Ричард, казалось, только начал, всё больше сдавливая ему горло.

В тот момент я забыл о разбитой брови, о Калхене, о жизни, что когда-то была моей. Я рыдал. Рыдал взахлеб. Кровь смешивалась со слезами, стекала за пазуху, а губы беззвучно шептали одну и ту же фразу:

– Нет, Ричард. Нет...

В этих словах не было никакого смысла, ничего уже нельзя было изменить. Сквозь собственный плач я услышал голос Ричарда.

– Я буду последним, кого ты убил!

Эта фраза оживила меня, подарила надежду. Может ещё можно его спасти, я ведь медик, по крайней мере, был им в армии, я могу попытаться что-то сделать.

Я бросился к ним, как раз в тот момент, когда Глыба окончательно затих, и Ричард разжал руки. Труп Глыбы мешком рухнул у его ног, а Ричард схватился за рукоять меча, торчащую из собственного живота.

– Стой! Не делай этого!

Это снова кричал я, но было поздно. Он выдернул меч, отчего кровь пошла обильней, и упал на одно колено. Я упал рядом, подставив своё плечо и пытаюсь придумать, как ему помочь?

– Оставь.

– Тебе сейчас нельзя говорить. Дай мне осмотреть рану, надо остановить кровь.

– Оставь меня, я уже не жилец, – едва слышно шептал он. – Меч. Где ты его взял?

– Что? Я не слышу тебя! Мне нужно осмотреть твою рану!

Казалось, он вовсе не слушает меня. Он хотел сказать что-то ещё, но зашелся в приступе кашля. Во рту у него пузырилась кровь. Силы почти покинули его, жизнь уходила с каждым мгновением. Он чуть не упал, но я подхватил его.

Ричард был сильным и смелым человеком, я не встречал таких ни до, ни после описываемых событий.

Собравшись с силами, он ухватился за моё плечо и смог

даже приподнять голову. Наши взгляды встретились. Его глаза затягивались пеленой забвения, он уже был самым краем, но всё ещё пытался донести до меня что-то важное.

– Что? Что ты пытаешься сказать?

– Меч, – шепотом мертвеца молвили его губы. – Ты должен... Обещай...

– Я сделаю. Я всё сделаю. Ты только не умирай, слышишь? Мы что-нибудь придумаем, я помогу тебе.

– Обещай...

– Что? Я сделаю все, только не умирай.

– Живи по совести... меч... не дай... помоги... они ждут... живи...

Судорожный вздох, рука сжала рукоять меча и тут же расслабилась.

Он умер. Жизнь покинула его, а душа уже неслась прочь, в лучший мир, туда, где ему, и таким он, самое место. Он умер, преклонив одно колено, продолжая сжимать меч и опираясь на него. Я снова рыдал, пытался трясти его, не замечая ничего вокруг.

Внезапно раздавшийся грохот, вернул меня в реальность.

Камни, что завалили выход, осыпались сами по себе, впуская внутрь свежий ночной воздух.

Я осторожно положил Ричарда на землю, вытер слезы и кровь, что застилала глаза, и оглянулся.

Выход был открыт, словно и не было тут никогда завала. Я хотел было броситься за помощью, но тут дал о себе знать

Калхен.

– БРАВО! БРАВО! БРАВО! УМЕР, КАК НАСТОЯЩИЙ ГЕРОЙ! ПРИЗНАТЬСЯ, Я ПОРАЖЕН! ВПЕРВЫЕ ВИЖУ ЧЕЛОВЕКА, УМЕРЕВШЕГО БЕЗ КАПЛИ СОЖАЛЕНИЯ И СТРАХА! ТАКАЯ РЕДКОСТЬ! БУДЕТ О ЧЕМ ПОДУМАТЬ В БЛИЖАЙШИЕ ПАРУ СОТЕН ЛЕТ!

Он снова восседал на своем троне из черепушек, в привычном для себя обличи.

«По совести, говоришь, жить, Ричард?»

Я только-только дал слово, а совесть требовала одного. Я до сих пор не могу понять, откуда появилась такая уверенность в правильности моих действий, но я просто знал это, ощущал каждой частичкой тела. Оставив Ричарда там, где он обрел покой, я направился к выходу.

– ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ! Я УЖЕ ДУМАЛ, ТЫ БУДЕШЬ РЫДАТЬ НАД ТЕЛОМ СВОЕГО НОВОГО ДРУГА, ПОКА САМ НЕ ПРИСОЕДИНИШЬСЯ К НЕМУ. ПОХОЖЕ, ТЫ НЕ СОВСЕМ БЕЗНАДЕЖЕН!!!

Он был прав только в одном. Это было первое в моей жизни ВЕРНОЕ решение.

Дойдя до выхода, я свернул туда, где ожидал найти меч. Калхен больше не пытался отпускать плоских шуточек, подзревая какой-то подвох. Меч и правда был там, где я его обронил. Только теперь, вдруг вспомнив, как это произошло, я даже удивился.

Вот я жду, прижимаясь к холодному камню, не обращая

внимания на впившийся в мягкую плоть острый осколок. Появляется Ричард, а следом за ним Глыба. Камни с грохотом заваливают выход, отчего я вскрикиваю, роняю меч и отскакиваю дальше, страшась быть погребенным заживо.

От чего же память вернулась только теперь? словно кто-то нарочно временно заблокировал доступ, лишая меня даже малейшего шанса на иную развязку?

Гадать было бессмысленно, тем более – вот он меч, валяется между камней, испуская странное, едва различимое свечение.

– ТЫ ЧТО-ТО ПОТЕРЯЛ?

Я даже не слышал его вопроса.

Едва я наклонился и взял меч в руки, как свет стал ярче, а по всему телу прошла волна тепла, заживляющая все раны и снимающая усталость.

Калхена словно подменили. Теперь он не был так самоуверен.

– ОТКУДА? – завопил он. – ГДЕ ТЫ ЕГО ДОСТАЛ? ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, Я ЖЕ САМ ВИДЕЛ... ТЫ ЧТО ЗАДУМАЛ? СТОЙ! СТОЙ, ИНАЧЕ ГОРЬКО ПОЖАЛЕШЬ ОБ ЭТОМ! Я ПРИКАЗЫВАЮ ТЕБЕ!

– Приказываешь? Мне? Забавно, ты уже начал приказывать? А как насчёт сделки? Ты ведь можешь вернуть Ричарда? Можешь повернуть время вспять? Он снова будет жить?

Я говорил так спокойно, так уверенно. Во мне не было боли, печали, страданий, гнева. Была только уверенность и

спокойствие. И все это время я направлялся к его трону, не обращая внимания ни на что.

– ДА! Я МОГУ! Я ВСЁ МОГУ! ТЫ ХОЧЕШЬ ЗАКЛЮЧИТЬ ЕЩЁ ОДНУ СДЕЛКУ? ХОЧЕШЬ ВЕРНУТЬ ЕГО? ПОВЕРЬ, ОН БУДЕТ ТАКИМ ЖЕ, КАК ПРЕЖДЕ, И ВЫ СМОЖЕТЕ УЙТИ ОТСЮДА!

– Вот и отлично! – продолжал я, не переставая сокращать разделяющее нас расстояние, – Тогда начинай, чего же ты ждешь?

– НО КРОВЬ? ТЫ ДОЛЖЕН ПРОЛИТЬ КАПЛЮ КРОВИ!

– Именно это я и собираюсь сделать. Хотя не уверен, что одной капли будет достаточно, как не уверен и в том, что в твоём мерзком теле вообще есть хоть капля крови. Признайся, эту отвратительная жижа, что сочится из тебя и воняет гнилью, и есть твоя кровь. Хотя, постой, лучше я сам всё проверю.

– ЧТООО???

– Что слышал!

Калхен и так был огромен, да ещё и восседал на троне, но меня это почему-то не пугало. Не имея даже малейшего представления как добраться до него, я просто продолжал идти, доверившись требующей немедленной расплаты совести.

Раз есть этот урод, значит, есть и другая, светлая сторона? Если мне суждено умереть за свой поступок, то я приму это

как искупление. К счастью, Калхен сам подсказал мне верное решение.

– ТАК УМРИ ЖЕ!

– С радостью!

Я увидел знакомое свечение в его лапах и понял, что последует за этим. За одно мгновение свечение превратилось в сгусток какой-то мерзости, очень похожей на огонь, но в то же время, напоминающий черный кисель.

Мы атаковали одновременно.

Он бросил в мою сторону шар этой мерзости, а я бросил меч ему навстречу.

Шар, казалось, рос по мере приближения, (а может это очередная игра воображения), в то время как меч вращался все быстрее, а его свечение набирало силу.

Они встретились точно в центре.

Грохот, яркая вспышка и взрыв.

Меня отбросило назад, как тряпичную куклу. Не скажу что приземлился я удачно, но Ричард снова спас меня. Точнее его мертвое тело...

Выходит, он трижды спас меня в тот день, и даже смерть не помешала ему сделать это.

Я приземлился прямо на него, вместо того, чтобы разбить себе голову об один из удачно подвернувшихся камней.

Ударом выбило весь воздух из легких. Навалилась тошнота, головокружение, слабость. Но я просто не мог позволить себе остановиться, решив идти до конца.

Вскочив, я бросился обратно, ничего не видя перед собой. От вспышки зрение будто выключили, остались только пляшущие пятна света. Но я бежал туда, откуда прилетел, ведь с Калхеном должно было произойти то же самое, и сейчас он, так же, как и я, пытается прийти в себя. Но для него всё обернулось немного иначе.

Очевидно, шар просто разлетелся от взрыва, а меч спокойно продолжил полет и нашёл свою цель.

Всё это я увидел, когда зрение, наконец, вернулось.

Трона из черепов больше не было. Его раскидало по всей пещере. Под местом взрыва и до его периферии не было даже малейшего камушка. Именно благодаря этому я ни разу не запнулся.

Калхена я увидел дальше. Теперь он корчился на костях убитых им жертв, и пытался выдернуть меч из груди. Получалось у него не важно. Меч уже не просто светился, теперь он горел белым пламенем, а из раны хлопьями валил смоляной дым. Он хватался за рукоятку, шипел, отдёргивал лапу, и повторял всё спустя мгновение.

Огненные светлячки, до этого лениво кружившие по пещере, превратившись в рой потревоженных пчел, пронеслись мимо со скоростью пули. От нескольких я едва увернулся.

Я обязан был завершить дело, но, даже лёжа, эта тварь была выше моей головы.

Времени на раздумья не было. В любой момент он мог

вырвать причиняющий ему боль кусок металла, и тогда для меня всё бы закончилось.

Используя энергию разбега, я влетел на одну из его лап как пушинка, легко и непринужденно. Он, конечно, не оставил это без внимания и стал дергаться ещё сильнее, пытаясь меня сбросить. Я балансировал как профессиональный канатоходец, с каждой секундой сокращая расстояние до заветной цели. Вот я уже на груди, осталось всего несколько шагов.

Калхен попытался схватить меня своей мерзкой лапой, но я пригнулся, проскочил под ней и достиг финиша.

Я ожидал, что меч сожжет мою руки до кости, когда хватал рукоять и наваливался на нее всем телом. Но огонь был теплым, мягким. Меч вошел по самую рукоять, и в то же мгновение огоньки, носящиеся по пещере, потухли, все как один.

Это могло означать только то, что тварь была мертва!
– Отправляйся туда, где тебе самое место.

Я на всякий случай провернул меч, и только потом выдержнул его. Он больше не светился и был таким же холодным, как любой кусок железа, если его надолго оставить в темноте и прохладе.

Все эти действия заставили мой организм работать на пределе возможностей, черпая силы из убежденности в своей правоте. Теперь всё было позади. Включился защитный механизм организма, и я рухнул прямо на груди монстра. Несколько секунд всё тело содрогалось в конвульсиях, пока

мозг просто не отключился в отчаянной попытке спасти всё ещё живой разум.

Чип!

Кто-то настойчиво дергал меня за ухо.

Вначале это были робкие и осторожные попытки, а закончилось всё острой болью, как если бы я вдруг захотел вставить себе в ухо серьгу и проколол мочку раскаленной иглой. Не самое приятное ощущение. Пришлось вскочить с криком «мать твою!».

На долю секунды мне показалось, что это был просто сон. Дурной сон. Я всё ещё дома, в своем мире, в своей постели. Захотелось петь от удовольствия.

Но все рухнуло в один миг.

Пещера; Камни; Черепа; Два мертвых тела. Я всё же был там, а изменилось только одно: куда-то подевалось тело Калхена. Подо мной были только черепа и кости.

Я посмотрел туда, где лежал Ричард, он, естественно никуда ни делся, хотя была такая надежда. Здорово было бы, правда? А что делать теперь? Не оставлять же его тут на съедение диким животным?

Тихий писк, раздавшийся над самым ухом, отвлек меня от дурных мыслей.

– Так вот кто нагло разбудил меня?

Это была белка. Самая что ни на есть обычная белка. Она сидела на одном из черепов и с любопытством разглядывала меня. Откуда она здесь взялась?

– Не смотри на меня так. Я и сам всё понимаю. Да, это я во всем виноват. Проваливай отсюда.

Я замахнулся, как будто собирался её ударить. Белка недовольно пискнула, отскочила на несколько шагов назад и снова уставилась на меня.

– Ну и чего тебе надо? Иди, делай свои беличьи дела, я сам со всем разберусь.

Белка снова пискнула, но уйти и не подумала.

– Вот упрямое животное. Так и будешь на меня смотреть?

Я махнул на неё рукой и попытался подняться на ноги. Не тут-то было. По мне словно катком прошлись. Каждая мышца болела, а стоило пошевелиться – боль становилась ещё сильнее.

Вчера мне показалось, или меч исцелил мои раны? Было ли это на самом деле? Я поискал взглядом меч и, слава Богу, тот оказался неподалеку. Хотя всё относительно. Расстояние в два метра я преодолел с великим трудом. Двигаться приходилось осторожно, опасаясь резких движений. И всё оказалось напрасным. Меч как меч, ничего особенного. Я повертел его в руках, попробовал потереть, как лампу Алладина, никакого результата.

– Дурацкая железяка.

Я со злостью запустил меч в темноту. Тот звякнул о камни и затих.

Что дальше? Можно было, конечно, выбраться из пещеры, найти людей, попросить помощи. В одиночку я с Ричардом

не управлюсь. Но возникал другой вопрос: Как объяснить им всё?

Знаете, тут неподалеку пещера, под завязку набитая костями. И лежит в той пещере молодой рыцарь, к сожалению, мертвый. Он спас меня от демона, которого я потом убил с помощью светящегося меча. Чего вы уставились? Я что, не ясно объяснил?

«Бред какой-то. Может просто завалить его камнями, чтоб зверье не растянуло по частям? Все лучше, чем ничего»

Но тело упорно отказывалось идти на такие жертвы.

– Ладно, не впервой.

В своем мире я очень любил ролики. Гонял как сумасшедший. А сколько раз лежал по несколько дней, после неудачного прыжка! Бывало, после долгого перерыва, особенно после зимы, летаешь как птичка, а на следующее утро приходит расплата. Всё тело болит, каждая мышца ноет, встать с постели кажется непосильной задачей. Поначалу тяжело, хочется сесть и умереть. Но с каждым шагом боль постепенно отступает. Она, конечно, не исчезает совсем, для этого должно пройти несколько мучительных дней, но, в целом, жить можно.

Значит, надо просто встать и начать двигаться. Что я и сделал.

Результат не заставил себя ждать. Через полчаса активных усилий я уже мог ходить и даже приседать. Оставалось набрать камней и обложить ими тело Ричарда. Но тут о себе

снова напомнила белка. Она жалобно пищала, призывая обратить на себя внимания.

– Тебе чего? Еды у меня нет. А может, ты ранена?

Я решил на всякий случай проверить.

– Ты только не бойся, – произнес я как можно ласковей, медленно подбираясь к ней. – Я не причиню тебе вреда, просто осмотрю тебя. Договорились? Стой смирно.

Не ручаюсь, что она поняла мои слова, но с места не двигалась. Я подобрался почти вплотную, оставалось только руку протянуть. Я замер. Несколько секунд держал руки прямо перед собой, а затем медленно стал наклоняться. Вот тут-то зверюга и сбежала.

– Вот упрямое животное. Ну да Бог с тобой. Эй, а это ещё что?

Моё внимание привлек странный кусочек металла, в том месте, где всё это время сидела белка. Он завалился под один из черепов, и трудно было понять, что это. Пришлось убрать черепушку в сторону.

– Ключ? Как же я мог забыть?! Ключ от кладовки Калхена! Может там найдется что-то, что поможет мне похоронить Ричарда? Ты как считаешь?

Белка меня проигнорировала.

К сожалению, зажигалки у меня больше не было. Одному Богу ведомо, когда и где я её потерял. Здесь, в пещере, я ещё мог что-то рассмотреть. На улице был день, и света, поступающего через выход из пещеры, было достаточно. А вот

на счёт кладовки я иллюзий не питал. Дверь в неё крохотная, и находится на приличном удалении от выхода из пещеры. Я не Калхен, чтоб зажечь факелы как по волшебству. Оставалось положиться на удачу.

Вот и дверь. Ещё недавно я стоял здесь, заключал сделку, просчитывал выигрышные варианты. А что в итоге? Калхен мертв, а я снова тут. Но умер не только он. Слишком много людей погибло по моей вине. Отчаянье и гнев навалились с новой силой. Я никогда не прощу себе этого.

– Поделом тебе, гений сраный!

Надо было срочно действовать. Ричард не заслужил участи гнить в этой пещере. Ключ легко вошел в паз, и так же легко провернулся. Знакомый щелчок и вот я уже стою перед открытой дверью. Впереди только темнота. Как найти тут хоть что-то? Да и что вообще искать?

Уже знакомый писк раздался из-за спины.

– Снова ты? Надеюсь, на этот раз у тебя с собой фонарик?

Белка наклонила голову набок, изучая меня как экспонат в музее. Будь она человеком, я решил бы, что она оценила шутку.

– Слушай, а ты не встречала по пути зажигалку? Маленькая такая, прозрачная. Нет? Почему-то я был уверен, что ты так ответишь. Ладно, что-нибудь придумаем.

Снова писк.

– Помолчи пару минут, если тебя это не затруднит. Не видишь, я думаю? Дожился. Разговариваю с белкой. Ты лучше

беги, тебя орехи ждут. Да орехи не простые... Да чтоб тебя. Дом, семейный очаг? Ты понимаешь, о чем я? Стой, как ты только что сказала? Ну ладно, я сказал. Не придирайся к словам. Очаг?! Да ты гений!

Я помнил, где находились факелы, когда Калхен приводил меня сюда в прошлый раз. Один точно был над дверью. Если забраться на неё, можно попробовать его достать. Потом останется только разжечь его, а это дело не хитрое. Пару камней или две деревяшки плюс сухой мох. В общем, вы меня поняли. Неужели человек из двадцать первого века, не сможет добыть огонь? Главное – добраться до факела. И вот тут возникли небольшие трудности.

Я попробовал ухватиться за самый верх двери и затащить себя, помогая ногами. Отличная теория, но на практике она не принесла ожидаемого результата. Руки отказывались втаскивать меня наверх, словно я никогда в жизни не подтягивался на перекладине.

Затем, я попробовал разогнаться и просто вскарабкаться по стене. Снова провал. Стены там были на удивление гладкие. Плюс ко всему, разогнаться я смог максимум до скорости улитки, которая ползет в гору. Последняя пришедшая мне на ум идея закончилась ещё плачевней.

Я уперся руками и ногами в дверной проем, и стал подниматься. Было трудно. Ноги скользили, а длины рук, едва хватало на ширину проема. Но я справился. Забрался на самый верх, протянул правую руку, ухватился за дверь и пригото-

вился прыгнуть вперед, чтоб верхняя часть туловища перевалилась на ту сторону. Прыгнул. Дверь просто распахнулась, а я полетел вниз. Не скажу, что было так уж высоко, или, что я больно ушибся. Было вовсе не высоко, да и приземлился я удачно. Но терпение моё закончилось, как и идеи, и я просто разозлился, решив бросить эту глупую затею.

– Да пошло оно всё! Сдался мне этот факел?! Сдалась мне эта кладовка?! Да и что я там не видел? На что я надеюсь?

И действительно, на что? ЧТО ТАМ МОЖЕТ БЫТЬ? Тачка, на которой я смогу вытащить Ричарда из пещеры? Или отбойный молоток, с помощью которого я выкопаю яму в камнях и похороню его там? А, может, сотовый телефон, с помощью которого я вызову скорую помощь, а дальше они сами разберутся?

– Очнись. Посмотри где ты находишься! Там куча мечей, доспехи, может даже найдется какое-то подобие лопаты, и что тебе это даст? Не лучше ли подождать, пока организм восстановится? Или хоть бы поесть для начала?

Снова запищала белка и, как мне показалось, на этот раз недовольно. Я уже хотел запустить в неё камнем, даже подобрал один. И тут увидел, как она перебирается с одного камня на другой, забираясь всё выше. Меня осенило. Можно ведь навалить гору хлама, благо его тут полно, и уже по ней взобраться наверх. И почему я раньше не подумал об этом?

– Обещаю, если это получится, я соберу тебе целую гору орехов. Что скажешь?

Белка радостно пискнула и пару раз подпрыгнула.

«Интересно, она действительно меня понимает, или это просто совпадение? Ладно, с этим разберемся позже, сейчас пора приниматься за работу».

Я стал стаскивать к двери, всё, что попадалось под руки. Железные шлемы, кирасы, сапоги, перчатки... Брал только то, что ещё не проржавело окончательно. Убил почти час времени. Несколько раз спотыкался в темноте, уронил себе на ногу здоровенную железяку, врезался лбом в дверь, порезал палец об один из мечей.

Не буду перечислять всех слов, которые я произнес за это время в адрес хозяина пещеры, прежних обладателей всего этого хлама и своей неуклюжести. Досталось даже ни в чем не повинной белке, которая на своё счастье куда-то запропастилась. Но цель, наконец, была достигнута. Куча получилась почти с дверь высотой, и имела пологий подъём. Я придирчиво осмотрел все эту конструкцию, насколько позволяло освещение. Выдержит?

– Была, не была!

Выдержала. Я забрался на самый верх, несмотря на то, что импровизированный холм всё время норовил уехать из-под ног и скинуть меня вниз. Но я забрался на дверь и встал во весь рост. Факел должен быть где-то здесь, на стене. Но его нигде не было. Я обшарил всю стену, но так ничего и не нашёл.

«Неужели я ошибся? Может он слишком высоко»?

Встал на носочки. Только представьте, каково это, если находишься на двери толщиной в пять сантиметров? Не помогло, факел так и не обнаружился. Пришлось встать только на одну, левую ногу, и вытянуть правую руку. Ничего.

«Может он левой? Или правой?»

Переместился ближе к косяку и повторил процедуру. Снова ничего. Вернулся обратно и добрался до самого края двери. И снова ничего. Обидно. Столько трудов и всё коту под хвост.

– Ладно. Последняя попытка.

Я сместился ещё левее. На двери теперь стояла только правая нога. Приподнялся на носочек и стал шарить левой рукой по стене. Вроде что-то есть. Точно. Факел. Но до него не достать. Похоже, он был вставлен в железное кольцо, а то крепилось к стене. Чтоб его достать, нужно толкнуть факел вверх. Но как это сделать, если я едва достаю до него кончиками пальцев, и при этом еле удерживаю равновесие?

– Если я сломаю себе шею, убью эту надоедливую белку.

Совершенно противоречивое обещание, но звучало убедительно. Я сделал несколько глубоких вдохов, приготовился и подпрыгнул. Прыжок вышел что надо, факел перевалился через кольцо и полетел вниз. Правда, впереди него летел я, но это уже мелочи. Пара новых ушибов от падения, и огромная шишка на лбу, от самого факела, догнавшего меня сразу после приземления – мелочи. Из всех мест, куда он мог приземлиться, он выбрал именно мою голову.

– Скажи спасибо, – прошипел я, зажимая место ушиба рукой. – Что ты мне пока нужен. Но будь уверен, я тебе это припомню.

Отлично! Факел был у меня. Оставалось только добыть огонь, и дело в шляпе. Этим я и собирался заняться, когда выходил через дверь, и тут снова увидел белку. Она удобно устроилась на одном из камней и, вы не поверите, вертела в лапах мою зажигалку. На несколько секунд я потерял дар речи. Все время, пока я пытался достать этот факел, калечил сам себя, чуть не разбился, получил в лоб, эта мерзавка знала, где моя зажигалка?!

– Ах ты... Да я сейчас голову тебе оторву. Дай сюда. ДАЙ СЮДА Я ТЕБЕ СКАЗАЛ!!!

Нет, я вовсе не был зол. Это маленькое слово, не может вместить в себя всё, что я испытывал по отношению к этой маленькой стерве. Попадись она мне в руки... Не попалась.

Белка оказалась умней и решила ретироваться. Хвала небесам, бегать с зажигалкой она ещё не научилась, а то пришлось бы гоняться за ней по всей пещере.

– И больше не попадайся мне на глаза. Я тебе таких орехов всыплю!

Факел загорелся моментально, едва я поднес к нему огонек.

«Странно. Сколько лет провисел, а всё ещё пропитан какой-то дрянью. Может Калхен следил за этим?»

Не важно. Главное, что теперь у меня был свет, и я мог

идти туда – не знаю куда, и искать то – не знаю, что.

– Потерпи Ричард, я что-нибудь придумаю.

И снова тот же зал, кучи хлама вокруг, запах ржавчины и плесени. Не хватало только Калхена и кучи горящих факелов, и я так об этом сожалел! Знай, я всё наперед, сразу продумал бы вариант, как побыстрее завалить эту мерзость. Но время нельзя повернуть вспять, даже в этом странном мире.

Мечи, кинжалы, топоры, копья, шлемы, щиты, снова мечи.

«Да должно же здесь быть хоть что-то полезное»?

Все это добро, включая золото и серебро, ни за что не заменит мне сейчас простой деревянной повозки, на которой всю жизнь возили навоз.

Я обошел весь зал несколько раз, заглядывая всюду, куда мог просунуть свой любопытный нос, но так ничего и не нашёл.

– Чего и следовало ожидать. Придется мастерить волокушу из подручных средств.

Решение было принято, а значит, пора действовать. Все бы ничего, если бы не белка. Она сидела в метре от меня и, как мне показалось, чего-то ждала.

– Что на этот раз? Я уже всё осмотрел, нет здесь ничего. Хочешь что-то сказать – говори, а нет – проваливай отсюда.

Белка обиженно пискнула и умчалась прочь, только не к выходу, а в глубину зала. Любопытно, учитывая сколько раз она наводила меня на мысли, которые помогали решить про-

блему.

– Посмотрим, что ты придумала на этот раз.

Белка не стремилась убежать. Она терпеливо ждала меня, а затем снова удалялась.

– Куда же ты меня ведешь, спятившее животное?

Ответ можно было получить только в конце пути, и я шел за ней, действуя из чистого любопытства, не питая особых иллюзий. Приходилось смотреть во все стороны, чтоб не упустить чего-то важного, и, при этом, не терять из виду белку.

Так мы пересекли весь зал и остановились у дальней стены. Точнее, белка остановилась у дальней стены. Я же не рискнул подходить слишком близко, она все-таки маленький зверек, а я для неё – Гулливер с огненной палкой в руках.

– И куда ты меня привела? Ты в курсе, что тут тупик, и нам теперь придется топтать назад?

В ответ я получил возмущенный писк. Белка явно была не согласна.

– Ладно, будь по-твоему. Итак, что мы имеем? Слева куча хлама. Справа куча хлама побольше той, что слева. Позади и подавно, горы хлама. А впереди каменная стена, а перед ней спятившая белка, у которой есть зачатки разума и богатое чувство юмора. Возражения есть?

Белка снова пискнула, развернулась к стене и уставилась на неё.

– Беру свои слова обратно. У белки напрочь отсутству-

ет разум и на лицо все признаки сумасшествия. Я, пожалуй, пойду отсюда, а ты продолжай пялиться на стену. Счастливо оставаться.

Я уже хотел повернуть обратно, как вдруг заметил небольшое отверстие в стене, где-то на уровне пояса. Просто до этого я смотрел на белку и выше головы не поднимал.

– Не знаю, что это, но я уже начинаю побаиваться тебя. Ты вообще белка? Да ладно, не дуйся. Ну-ка, отойди в сторону, дай Гулливер посмотрит, что там.

«Замочная скважина? В камне? Но здесь ведь даже двери нет».

Нет, я осмотрел всю стену в поисках хоть какого-то зазора, простой трещины, намек на дверь, но ничего не нашёл.

– И где тот ключ, что откроет ларчик?

Я посмотрел на ключ, которым открыл первую дверь. А что, если ключ всего один? Когда я подносил его к камням, даже дышал как можно тише. У вас бывало такое? Вот-вот должно произойти что-то важное, но вы ещё не знаете, что именно, и это ощущение неизвестности так притягивает, что повернуть назад вы уже не силах? Ах, бывало? Ну и на кой тогда я тут распинаясь?

Ключ подошел просто идеально. Затаив дыхание, я сделал один оборот. Ничего. Даже сопротивления, малейшего, едва уловимого. Нет. Ничего.

Второй оборот. С тем же успехом.

– Это что, шутка такая? Кручу, верчу...

Эм. Пардон. Чуть не ляпнул стораяча.

Наконец, в третий раз повернув ключ, я услышал громкий щелчок за стеной, но больше ничего не произошло. Не появилась волшебная дверь или чудо-портал, возвращающий меня в прошлое, а ещё лучше – назад, в привычный мне мир. Щелкнуло и всё.

– Ну, что теперь? Давай уже, открывайся.

Словно отвечая на мою просьбу, за спиной с громким треском лопнули камни. Я подпрыгнул на месте и выронил факел. От удара он погас, и тьма сомкнула свои огромные челюсти вокруг меня.

«Что? Что это было? Что сейчас происходит, там во тьме? Факел – надо его зажечь»!

– Да где же ты?

Огонек весело запрыгал на кончике зажигалки, разгоняя тьму и, в то же время, успокаивая мою нервную систему. Ничего не изменилось. Пол не провалился в бездну, потолок не собирался меня раздавить, стены тоже были на месте.

– Кажись, пронесло. А что же тогда грохнуло?

Я осмотрел всё вокруг, насколько позволял огонёк зажигалки. Нет, ничего не видно. Зато теперь я успокоился, нашёл факел, поднёс к нему пламя, и тьме пришлось отступить ещё на несколько шагов. И тут я, наконец, увидел его.

– Глазам не верю.

Это был хрустальный шар, не больше футбольного мяча, который висел в воздухе. Да, именно что висел. Под ним был

каменный постамент – очевидно, это он напугал меня, когда поднялся из земли, – но шар его не касался, он висел сантиметрах в пяти над ним. Не знаю, с чего я решил, что он именно хрустальный, я и шаров-то хрустальных раньше не видел, особенно таких. Но из чего-то он должен быть сделан? Хрустальный – звучит интригующе, не правда ли?

Свет факела отражался на поверхности шара переливами всех цветов радуги, а внутри что-то было, и это «что-то» находилось в постоянном движении, изменялось, жило.

– Что это, мать твою, такое? Эй, белка?

Белки и след простыл.

«И что мне теперь делать? А вдруг он опасен? Может просто обойти его стороной и валить из этой пещеры, прихватив с собой Ричарда? Уж лучше тащить его по камням, думаю, он не сильно расстроится, учитывая, что он уже несколько часов как умер».

Но ведь любопытно! Я стоял так несколько минут, переживая внутреннюю борьбу и, в конце концов, победило любопытство.

– Ладно, взгляну поближе. Одним глазком.

Я вел себя как настоящий хищник, который подкрадывается к своей добыче. Нужно быть осторожным, если она заметит опасность – ужина тебе не видать. Шаг за шагом я приближался, все больше поражаясь завораживающей красоте этой странной штуковины. Я очень сожалею, что не могу описать это словами. Как можно описать радугу? Просто пе-

речислить цвета и форму? Но разве это будет точное, полное описание? Понять всю её прелесть можно лишь увидев своими глазами. А то, что находилось внутри, вообще не поддаётся какому-либо описанию.

Субстанция? Живое существо? Да я даже форму его уловить не могу, оно постоянно менялось. Жаль я не могу поместить на этой странице мысленный образ того, к чему я приближался как замороженный. Это было что-то прекрасное и пугающее одновременно. Оно притягивало и заставляло бежать прочь. Последние несколько шагов я уже не осознавал, что иду, обратившись в одни лишь глаза.

Всё мое существо кричало об опасности, требовало немедленно убраться как можно дальше, а предвкушение скорой близости заставляло идти, приближаться.

И вот я уже стою возле пьедестала, а всё моё сознание утонуло в этой неизвестности. Я вижу себя со стороны. Я протягиваю руку, касаюсь шара....

– Ааааа....

Это я кричу? Моя рука, она горит? Огонь ползет всё выше. Я бросаю факел, пытаюсь сбить пламя. Теперь горят уже обе руки. В панике я начинаю бестолково метаться, не переставая вопить во всю глотку. Я горю. Я весь горю. Пламя покрывает каждую частичку моего тела, проникает внутрь сквозь поры, уши, нос. Я с силой сжимаю челюсти, только не в горло, Боже, прошу тебя, только не в горло. Но огонь уже внутри меня, я ощущаю, как он поднимается из глуби-

ны, пытается вырваться наружу. Я уже не в силах его сдерживать. Я задираю голову к небу, и вместе с криком изо рта вырывается пламя. Мозг не выдерживает и снова отключается, на этот раз всего на пару секунд.

Знакомый писк возвращает меня в реальность. Я стою на том же самом месте, никакого огня нет, факел по-прежнему у меня в руках, разве что вопил я по-настоящему. Непонятный, но, без сомнения, хрустальный, шар куда-то пропал, а его место заняла белка. Эта гадкая мерзавка стояла на задних лапах, и смотрела мне прямо в глаза. Говорить она, безусловно, не могла, но я понял всё без слов.

– Нормально? Я тебе сейчас такое нормально устрою! А ну стой! Стой, я тебе сказал! На этот раз ты от меня не уйдешь.

Белка радостно подпрыгнула, когда я попытался её схватить, а дальше началась игра в кошки-мышки. Она убегала, иногда останавливалась, чтобы подбодрить меня победным писком, и снова убегала, стоило мне подобраться ближе. Нет, вы только представьте, она ещё и издевалась надо мной!

– Я всё равно тебя поймаю, слышишь?

О да, она слышала. Не знаю, как, но она не просто слышала, но ещё и понимала каждое моё слово.

Понятия не имею, сколько мы могли так бегать, пока я вдруг не осознал, что факел давно потух, а я вижу всё так же отчетливо, как если бы он продолжал гореть. Это тоже очередная игра разума? Совсем недавно я горел, теперь вижу

в темноте.

«Что происходит? Может, я на самом деле умер? Я призрак? А может, я потерял сознание? Это очередной бредовый сон? Или я выжил из ума? ЧТО ПРОИСХОДИТ»???

Вопросы разрывали мою голову на части. Я больше не мог всего этого выносить. Ричард, Демон, странные мечи, непонятные шары, спятившие белки...

Я просто НЕ МОГ больше всего ЭТОГО выносить.

Упав на колени, я обхватил голову руками и стал рыдать. Были ли это слезы обиды; отчаянья; гнева; непонимания; несправедливости? Решайте сами. Мне просто не хотелось, чтобы происходящее было реальностью.

«Почему я? За что судьба так обошлась со мной? Что я сделал не так»?

Я плакал как ребенок, и, будь вокруг меня сотни людей, я всё равно продолжал бы всхлипывать. Мне было просто необходимо выпустить всё это на волю.

Кто-то совсем маленький забрался ко мне на плечо и облизал ухо. Конечно я знал, кто это.

– Уйди, – выкрикнул я в гнев. – Оставь меня в покое.

Это назойливое животное ещё больше выводило меня из себя. Я смахнул белку, как пушинку, и тут же услышал жалобный писк.

– Нечего было лезть ко мне, упрямая дура.

Но белка и не собиралась уходить. Она снова забралась на плечо, и снова облизало ухо.

– Я СКАЗАЛ, УЙДИ!

Я схватил белку и зашвырнул со всей силы как можно дальше. Она громко пищала, пока не влетела в кучу хлама. Сдавленный писк боли и тишина.

– И не смей больше подходить ко мне, слышишь?

Белка не отвечала. Ну и хорошо, больше не ползет. Зато мне заметно полегчало. Я даже перестал плакать. Почему она просто не могла оставить меня в покое?

– Эй, ты там цела?

Тишина.

«Боже, что я наделал? Я убил её».

В панике, охваченный раскаянием, я бросился к тому месту, куда она приземлилась. Все мысли вытеснила одна-единственная:

«Я убил ни в чем не повинное животное. И за что, спрашивается? За облизанное ухо?»

– Нет, только не умирай. Слышишь, не вздумай умереть!

Я стал разгребать хлам, разбрасывая его в стороны. Чем больше я утверждался в мысли, что она уже, скорее всего, мертва, тем быстрее работали руки.

– Ну, где же ты?

Я всё не останавливался, но белки нигде не было. Может она упала в другую кучу? Я стал метаться от одной кучи хлама к другой, забирался наверх, пытался высмотреть крохотное создание среди всего этого хаоса. Я уже осмотрел все возможные кучи, но её нигде не было.

– Что я наделал? Боже, что же я наделал?!

Злость на самого себя сдавила горло.

Слабый, на пределе слышимости писк, заставил меня перестать, даже дышать.

«Откуда он прозвучал? Откуда-то слева?»

Я бросился к ближайшей куче, и почти сразу увидел её. Белка лежала на камнях, а вовсе не на куче. Её просто отбросило ударом назад, поэтому я и не смог её найти. Упал на колени, боясь притронуться к ней.

– Эй, ты меня слышишь? Ты жива? Дай мне хоть какой-то знак.

Белка приоткрыла один глаз, и клянусь, она смотрела на меня с сожалением. Не знаю, умирала она или нет, но ей было жаль меня.

– Потерпи, у меня есть одна идея. Ты будешь жить, слышишь? Ты будешь жить!

Последние слова я произнес, уносясь, прочь, туда, где лежал меч, который я сам же зашвырнул сгоряча. Я не думал, поможет он ей или нет. Может ли он на самом деле исцелять раны? Все это было не важно. Я просто должен был это сделать, вот и все.

Я бежал, как и вчера, когда пытался спасти Ричарда, превосходя предел своих возможностей. Странное дело, но усталости и боли больше не было.

«Когда они исчезли?»

Мысли проносились на автомате, я даже не обращал на

них внимания. Только меч и белка. Белка и меч.

Не уверен, что помнил, куда он упал, но темнота больше не была помехой, я видел всё как при свете дня. Меч я заметил издалека, и бросился к нему. На такой скорости еле успел подхватить его, и вот уже несусь обратно.

Дверь, кучи хлама, ещё немного, и я буду на месте.

– Только попробуй не спасти её, я разобью тебя на мелкие кусочки, бесполезная железяка! Ты обязан помочь ей. Если хочешь, забери мою жизнь, но спаси её, договорились?

Рукоятка была теплой, но света так и не появился.

Вот я уже на месте, белка ещё жива, видно, как грудь слегка вздымается. Отлично, значит, я успел.

Подхватил её в одну руку, сжимая меч в другой.

– Давай, сделай свое дело, чего ты ждешь? Помоги ей, она должна жить.

Меч по-прежнему оставался глух к моим мольбам.

«Неужели ты, действительно, не способен помочь? Мне всё пригрезилось»?

Я закрыл глаза, и попытался сконцентрироваться только на одной мысли:

«Ты сможешь, белка будет жить, иначе просто не может быть. Мне не привиделось вчера, ты спас меня, а я этого точно не заслуживал. А вот белка заслужила. Она должна жить. Она будет жить!»

Мягкий комок в моих руках шевельнулся. Затем ещё раз. Я продолжал сидеть с закрытыми глазами, и думать только

об одном и, чем больше во мне крепла эта уверенность, тем теплее становилась рукоятка.

Я перестал бояться, что ничего не получится, что белка умрёт. Я вдруг осознал, что от меня это не зависит. Я совершенно перестал думать, что будет со мной, если её не станет, потому что этого не произойдёт. Я прокручивал в голове воспоминание – её насмешливый взгляд, когда обнаружил её на том месте, где ещё несколько секунд назад висел свещающийся шар. Мне стало так спокойно, так хорошо. Я сам не заметил, как стал улыбаться, пока не почувствовал резкую боль в руке.

– Ах ты ж...

Я открыл глаза, с улыбкой идиота на лице. Белка укусила меня и вырвалась из рук. Сейчас она сидела в метре от меня, и явно была всем довольна.

– Жива? Я знал. Знал, что он поможет. Как ты себя чувствуешь?

Белка злобно зашипела на меня, пятясь задом.

– Ты права, я поступил плохо. Прости меня, пожалуйста, я больше никогда не обижу тебя, клянусь.

Белка замерла на секунду, а затем, радостно пискнув, бросилась на меня. Запрыгнула мне на грудь и стала облизывать лицо, а я смеялся, как дурак, делая неуклюжие попытки отбиться.

– Хватит, – сквозь смех произнес я. – Всё, заканчивай. Я тоже тебя люблю, только успокойся. Ты уже всего меня

обслюнявила.

Как я не пытался её остановить, ей удавалось уйти от моей хватки и в очередной раз добраться до лица. Не знаю, сколько это продолжалось, но это был самый счастливый момент за всё то время, что я провел в этом странном и незнакомом мне мире. Белка долго не унималась. Не понимаю, что заставило её забраться в эту пещеру и помогать мне?

– Послушай, – обратился я к ней, когда приступ радости с её стороны иссяк, и она просто устроилась у меня на ногах. – Ты случайно не Чип? Или, может, Дейл? Я ведь даже не знаю, самка ты или самец. Давай я буду звать тебя Чип? Дейл слишком сложно выговаривать. Что скажешь?

Белка чуть приподняла голову, посмотрела на меня, и снова улеглась.

– Значит, будешь Чипом. Чип, скажи честно, я спятил? Тот шар, он ведь был на самом деле? Я ведь видел его, а потом моя рука загорелась. Зачем я только полез к нему? А теперь я вижу в темноте. Эй, а у меня глаза не как у кошки, ну-ка, посмотри на меня!

Чип нехотя поднял голову, заглянул мне в глаза, зевнул, и улегся обратно.

– Ну слава Богу, а то я уже подумал... Слушай, а когда я пытался тебя спасти, ты не обратил внимания на меч? Он, случайно, не светился? Вчера Ричард сказал... Ричард!

Я подпрыгнул так, что Чип отпрыгнул в сторону, не забыв наградить меня возмущенным писком. Как я мог забыть о

Ричарде? Он ведь так и лежит там, а я разговариваю с белой, вместо того, чтоб придумать, как отдать ему последнюю дань.

Я подобрал меч, с ним ещё придется разобраться, но сейчас есть дело поважней.

– Пойдем. Скоро стемнеет, и тогда придется ждать до утра. При такой температуре тело быстро начнет разлагаться. Надо похоронить его до темноты.

Чип возражать не стал и стрелой вылетел в соседний зал. Когда я догнал его, тот сидел рядом с телом Ричарда.

– Как видишь, не такой уж я и хороший. Ведь мог не приводить его сюда. Теперь ему уже всё равно, а мне придется с этим жить. Зачем ты меня послушал? Я совершил ошибку, а ты за неё заплатил. Это несправедливо. Но я выполню твою последнюю просьбу. Даю слово. Не знаю, слышишь ли ты меня, но я клянусь. Отныне и впредь, я никогда не пойду против совести, чем бы это не грозило.

Чип смотрел на меня как-то странно. Он делал вид, что не замечает моей боли, моего раскаянья. Будто и нет в моем поступке ничего плохого. Он вдруг начал прыгать на месте, выплясывая странные кульбиты. Он веселился. Глупая, совершенно ничего не понимающая белка. Ничего не понимающая?

– Хотя ты и есть, просто обычная белка. Завязывай уже, и без тебя тошно. Пошли, надо соорудить волокушу. Кажется, я придумал, как отправить его в последний путь.

Чип сделал обиженную физиономию, фыркнул что-то себе под нос, и гордо зашагал впереди меня. Подумать только, белка обиделась, что никто не оценил её стараний? Забавно.

Когда мы выбрались из пещеры, солнце стояло в зените, а ведь я думал, что время уже ближе к вечеру.

– Значит так, Чип. Нам надо найти толстую ветку со множеством ответвлений, чтобы уместить на ней Ричарда. И, главное, чтобы она не была тяжелой. Он и сам весит немало, а тащить мне придется одному. Затем мы сложим погребальный костер, омоем его, и освободим его душу от оков брэнного тела. Мне кажется, это лучшее, что я могу для него сделать. Гнить в сырой земле, не самое приятное времяпрепровождение. И знаешь ещё что? Когда меня не станет, сделай для меня то же самое. Договорились?

Чип посмотрел на меня оценивающе, словно прикидывал, как же ему справиться с таким гигантом. Меня эта картина так тронула, что я не выдержал, и снова стал смеяться. Не знаю почему, но эта белка помогала мне не только советом. Помимо всего прочего, она время от времени отвлекала меня от бремени, которое камнем лежало на моих плечах. Интересно, здесь все белки такие?

– Ну что, – спросил я, когда смог, наконец, сдерживать смех, – ты мне поможешь, или так и будешь на меня пялиться?

Чип спохватился и рванул в лес.

– Эй, меня-то подожди. Я не белка, у меня всего двое ве-

дущих.

Чип легко перемахнул через ручей и остановился на той стороне, нетерпеливо перебирая лапами. Я последовал за ним, и вскоре мы уже были в лесу. Тут был его дом, и он не упустил возможности показать своё превосходство. Взобравшись на дерево, словно это была обычная лестница, он скрылся из виду.

В первую секунду я испугался. А вдруг он ушел навсегда? У него ведь и своих дел хватает, и так уже полдня потерял, таскаясь со мной. Но все мои опасения оказались напрасны. Пока я выискивал его там, где, по моему мнению, он находился, Чип сделал круг и прыгнул мне на спину.

– Полегче, Чип. Так ведь и до инфаркта недалеко. Нашёл что-нибудь?

Чип радостно запищал и помчался между деревьев.

– Я с тобой атлетом стану. Подожди.

Пришлось в очередной раз бегать за ним, на этот раз – по лесу.

– Как же здесь красиво, – неволью вырвалось у меня, – Чип, постой одну минут.

Да, у меня было дело, и я должен был его сделать, но мне хотелось запечатлеть в памяти этот момент. Я уже был здесь, видел всё, но почему-то не придавал этому значения. А ведь здесь было так прекрасно, что просто не хотелось наслаждаться этим, и никуда не идти, ничего не делать.

Деревья вокруг остались прежними, такими же, как и вче-

ра, как и в любой другой день, но сейчас они были поистине божественны. Стройные, безмолвные великаны, несущие свою вечную службу, и оберегающие землю от палящих лучей солнца. Ветер слегка тревожил их кроны, и, казалось, они ведут неспешную беседу. Что-то таинственное было в этом шепоте, что-то завораживающее. Им не было дела до чужака, который вторгся в их владения. Они казались такими мудрыми, такими сильными, такими вечными.

Я задрал голову к небу, всматриваясь в кроны. Ветви раскачивались, иногда открывая доступ солнцу, но тут же смыкались, накрывая землю своей тенью. Птицы весело щебетали, прыгая с ветки на ветку, ведя свой собственный диалог. Они были единым целым – деревья и птицы. Неотъемлемая часть друг друга. Деревья – спокойные и мудрые, и птицы – озорные и беззаботные. Они дополняли друг друга, были неразлучны. Мне вдруг захотелось быть с ними, стать частью всего этого.

Я опустил голову и посмотрел на землю. Нежно-золотистый ковер листвы бережно укрывал её, не позволяя влаге испаряться. Не было ни единого свободного участка земли. Листья заботились о земле, и, в то же время, питали корни деревьев своей живительной силой.

Здесь, на земле, тоже были свои обитатели. Муравьи, пауки и ещё сотни Божьих Тварей. Они тоже жили в согласии с природой. Никто из них не стремился нарушить территорию других, не замышлял зла. Они просто занимались каждый

своим делом, и были счастливы.

Одинокий ёж деловито перебежал от кустарника к кустарнику, в поисках пропитания.

Несколько мышей осторожно перебирались от дерева к дереву, стараясь оставаться незамеченными, ведь сова бдительна, а змея может поджидать за любым поворотом. Но они вовсе не боялись. Они знали, надо просто быть начеку, и никто не сможет тебя поймать.

Муравьи, выстроившись в колонну, таскали в муравейник всё, что казалось им необходимым для выживания, для продолжения своего вида.

Все и всё вокруг жило в гармонии, в согласии. Я не задумывался, откуда у меня возникло такое ощущение, я просто наслаждался этим моментом, и моё сознание хотело вырваться, присоединиться к этой идиллии, стать частью чего-то важного, необходимого.

Я даже не заметил, как Чип забрался ко мне на плечо, и наблюдал вместе со мной.

– Боже, Чип, так вот как ты живешь? Ты всегда видел то, что я увидел впервые?

Чип весело фыркнул, спрыгнул с моего плеча и требовал следовать за ним.

– Ты прав, у нас есть дело. Веди.

И я снова последовал за ним. Только теперь я видел всё иначе, шире. Я наблюдал не какой-то отдельный участок, или фрагмент, я видел всю картину целиком, и это новое ощу-

щение наполняло меня безудержным восторгом. Эмоции так переполняли меня, что по телу пробежали мурашки восторга. Я не хотел, чтоб это ощущение покидало меня ни на минуту, ни на секунду. Я так ушел в себя, что чуть не прозевал тот момент, когда Чип остановился возле одного из деревьев, призывая обратить на него внимание.

– Это здесь? – я задрал голову вверх. – А ты ничего не перепутал? Белка у нас ты, а не я. Как, по-твоему, я туда заберусь?

Чип что-то весело пропищал, и унесся в лес, мол, сам разбирайся. Просил найти подходящую ветку, я нашёл, если что-то не устраивает, ищи другую.

– Ну, хорошо, упрямая белка, я найду способ туда забраться.

Хотя это были только слова, а на деле я не представлял, как можно повернуть подобное.

Дерево было не больше полуметра в диаметре, с совершенно прямым и гладким стволом, без единого сучка. Первые ветки начинались метрах в трех над землей, зато каждая из них как раз подходила для того, что я задумал. Похожие ветви часто встречаются у хвойных деревьев. Ёлка, там, ну или пихта какая. Это была не ёлка, не пихта, и вообще – неизвестно что. По биологии у меня в школе была твердая тройка, которой я по праву гордился. И даже будь у меня пять с плюсом, не думаю, что это хоть как-то помогло бы мне. Если, конечно, наш биолог не побывал здесь с группой

ученых, и не присвоил этому дереву имя.

– Я буду звать тебя ёлпих. Ты не против? Итак, ёлпих, как же мне на тебя забраться? Что-то подобное я уже где-то видел, вот только где? Может... Точно, Джеки Чан. Я же видел подобный трюк в его исполнении. Я, конечно, не Джеки Чан, но самое время им стать. Если всё получится, придется найти его и поблагодарить. Конечно, при условии, что я когда-нибудь выберусь отсюда.

Слишком много «если», вам не кажется? Вот и я том же. Как бы то ни было, решение есть, осталось только воплотить его в жизнь.

Я снял с себя рубашку и, орудуя мечом, словно кухонным ножом, разрезал её на несколько частей. Сперва сделал из нее элегантный топик, обрезав под самую грудь. Затем нижнюю часть разрезал ещё раз, тем же образом. Одним лоскутом привязал меч к поясу, (иначе, чем я отрублю ветку), на втором сделал два узла по краям, чтоб ткань не порвалась. Прodelал два отверстия и надел на стопы. Самую длинную часть, ту, что с рукавами, завел вокруг дерева, и намотал на запястья. Всё готово.

– Ну что, Джеки, проверим твой трюк в деле?

Я задрал руки как можно выше, зафиксировал ткань на стволе, с обратной стороны, потянул на себя, подпрыгнул и уперся тканью, натянутой между стоп, с этой стороны. Получилось довольно легко. Теперь надо просто перебросить руки выше, затем так же переставить ноги.

Процесс пошел. Медленно, но я всё же поднимался. Раз за разом я выполнял эти два действия быстрее, а под конец прыгал по стволу как шимпанзе. И вот я уже наверху, думаю, как срубить ветку и спуститься обратно. Но Джеки о таком не предупреждал.

– Эй, Чип, ты тут?

Ждать долго не пришлось. Белка была тут как тут, наблюдая за мной с верхней ветки.

– Я не рассказывал тебе анекдот о двух лесорубах? Нет? Ну, тогда слушай. Пошли как-то два лесоруба в лес. Один из них был уже опытный, а второй – ещё совсем новичок. Новичок всё хвастался, как он силен и молод, может одним ударом срубить целое дерево. Более опытный товарищ долго слушал его, а потом говорит: А сруби-ка мне вон ту ветку, на самой макушке.

Проговаривая, я пытался отцепить меч одной рукой, держась другой за ветку.

– Да нет проблем, – ответил молодой и полез на дерево. Вот он забрался наверх, уселся на ветку, которую нужно было срубить, и замахнулся. – Что ты делаешь? – кричит другой лесоруб снизу. – Ты же упадешь! Наконец меч отцепился, и я приготовился нанести всего один точный удар, держась за ту ветку, которая мне нужна. – Но молодой не послушал его, и со всей силы ударил топором.

Удар вышел что надо. Ветку как лазером срезало. Естественно, я полетел вниз, но я был к этому готов, и призем-

лился точно на ноги. Листва и рыхлая земля смягчили удар, и тут меня накрыло, как пуховым одеялом, той самой веткой. Конечно, я был готов и к этому, даже ожидал сильнейшего удара, но всё обошлось. Ветка была легкой и пушистой, поэтому и не успела как следует разогнаться. Когда я выбрался из-под неё, первым делом наткнулся на обеспокоенный взгляд Чипа.

– И вот он лежит на земле, на той самой ветке, на которой сидел ещё минуту назад. К нему подбегает его обеспокоенный товарищ, трясёт его за плечо: Колёк, ну ты как, живой? Живой, отвечает ему второй. Старший покачал головой: Ну что, теперь ты всё понял? Понял, Вася, понял! И что ты понял? Спрашивает его первый, а второй отвечает ему заговорщицким шепотом: Ты, Вася, не только лесоруб, ты ещё и пророк!

Уж не знаю, есть ли у белок чувство юмора, но она, на мой взгляд, анекдот оценила.

Несколько секунд Чип смотрел на меня осуждающе. Ещё бы, отколоть такой номер. Но это была поистине чудесная белка. Она не могла долго гневаться. В следующее мгновение она уже прыгала на моей груди, а я делал вид, что пытаюсь её остановить.

– Всё Чип, заканчивай праздновать. У нас есть дело, не забыл? Значит так. Поскольку у нас с тобой разделение труда, то сейчас твоя очередь. Я срубил ветку, а тебе придется тащить её к пещере. Поверь, брат, это будет справедливо!

Чип посмотрел на меня, как на дурака, затем бросил взгляд на ветку, снова на меня, махнул хвостом и умчался в лес.

– Вот так всегда. И где же тут справедливость? – Пробубнил я, окончательно выбравшись из-под ветки, а затем приложил ладонь к стволу дерева. – Ты прости меня, ёлпих, не держи зла. Я причинил тебе боль, но у меня не было другого выхода. Надеюсь, ты не сильно пострадал. И спасибо тебе, что помог. Прощай, долгих лет жизни.

Уж не знаю, было ли это на самом деле, или я только хотел, чтобы это было так, но дерево, кажется, понимало меня. На секунду все вокруг смолкло, как будто весь мир замер, но этот момент был столь скоротечен, что я не уверен, был ли он на самом деле.

– Странно всё как-то. Вернусь, обязательно наведаюсь в Юлькину клинику. Может она сжалится и даже не сразу отправит меня в психушку?

Я обернулся, и стал свидетелем такой картины, после которой любые разговоры о личном психиатре, теряют свой смысл.

Чип пытался утащить ветку, как я его и просил. Вы только представьте себе это. Белка, весом не достигающая и одного килограмма, вцепилась передними лапами в здоровенный, по её меркам, кусок бревна, и пыталась тянуть, пятясь задом. Я просто не мог сдержаться. Я смеялся так громко, так искренне, что все звери в лесу затихли.

– Чип, ты что, всерьез решил сделать всё сам?

Я уже катался по земле, прижимая руки к животу, и вдруг понял, кого напоминает мне эта белка. Ребенка. Совсем ещё маленького ребенка. Дети ведут себя так же. Они любое слово воспринимают всерьёз.

Я прекратил смеяться, но перед глазами снова проплыла эта картина, и меня накрыл очередной приступ хохота. Когда же я просто не мог больше смеяться, то обнаружил, что Чип с интересом наблюдает за мной. А вдруг его новый знакомый выжил из ума?

– Не волнуйся, всё в порядке. Просто... Ну ты дал, брат. Никогда не забуду этот день. Не помню даже, когда смеялся так в последний раз? Ты это, прости меня. Позволишь помочь тебе?

Чип от радости подпрыгнул, забрался на ветку, и уставился на меня.

– Знаешь, это напоминает мне один мультик. Гена, давай я понесу чемоданы, а ты понесешь меня! Не видел? Ну и ладно. Вперед, мой храбрый спутник.

Ухватившись за срубленный конец ветки, я направился к пещере, туда, где меня ожидала встреча с самим собой.

Всю дорогу Чип что-то пытался мне объяснить, удобно устроившись на импровизированной волокуше, а я делал вид, что слушаю его, когда на самом деле думал только об одном:

«Почему я не послушал тебя, Ричард? Ведь ты пытался

меня предупредить. Гордыня – ты вроде так это назвал? Что ж, ты оказался прав. Тебе пришлось умереть, и ради чего? Ради того, чтобы я понял, насколько заблуждался? И что меня теперь ждет? Я должен выполнить твою просьбу и я это сделаю. Но что потом? Ад?»

– Ааай. Чип, ты что делаешь? Мне же больно.

Я и не заметил, как этот маленький негодник забрался ко мне на плечо. Видимо, слишком увлекся своими мыслями, вот он и укусил меня за мочку уха.

– Смотри, что ты наделал, у меня всё ухо в крови.

Пока я пытался остановить кровь, Чип, как ни в чём не бывало, ускакал в лес. Правда он довольно быстро вернулся, да ещё и не с пустыми руками. В зубах у него был лист подорожника, который я знал с детства, как лучшую замену всем бинтам и мазям.

– Ну, хоть за это спасибо. Что на тебя нашло?

Чип сделал вид, что его не заботят мои проблемы и снова умчался.

– Товарищ называется. Чуть без уха не оставил, и хоть бы хны.

Оставив ветку возле входа в пещеру, я сбегал в лес, собрал как можно больше хвороста, вернулся, неся в руках целую охапку, и вывалил поверх импровизированной волокуши. Так будет надежней, и есть шанс, что всё не сотрется о камни. Закончив с этим, я приступил к погребальному костру.

Ветки с деревьев я больше не рвал, да они бы и не подошли. Костер должен гореть яростно, нужны только сухие поленья. Как вы помните, их вдоволь валялось на земле. Когда я, наконец, закончил – а на это ушло не меньше двух часов, – солнце уже скрылось из виду.

– Надо поторапливаться.

Бросив критический взгляд на получившуюся конструкцию, я ухватил волокушу и затащил её в пещеру. Здесь ничего не изменилось, и уже никогда не изменится.

– Всё готово Ричард.

Когда я принялся укладывать тело на волокушу, меня бил крупная дрожь. Ричард был словно соткан из куска льда, такой же холодный и безжизненный. Вот, что остается после нас, когда мы покидаем этот мир. Жизнь ушла, и тепло ушло вместе с ней. Больше оно никогда не вернётся в тело. Можно разжечь вокруг сотни костров, но внутри будет только лёд.

Он был тяжелый, никак не меньше девяноста килограммов, как мне показалось. Я не мог его поднять, сам-то вешу около шестидесяти пяти, если уже не меньше. Мне оставалось только одно – перекатить его, как бревно, на волокушу. Ничего не получалось. Он находился в позе эмбриона, прижимая одну руку к животу, а в другой до сих пор был меч.

– Ну, пожалуйста, Ричард, я не могу выносить этого.

Безысходность, словно тиски, сдавила мне грудь. Слезы полились против моей воли, а я всё пытался уложить его. Единственным желанием в тот момент было убежать прочь.

Забиться в самый тёмный угол пещеры, и рыдать там во весь голос. Но я не мог позволить себе такой слабости. Я должен выполнить его просьбу. Его последнюю просьбу. А для этого необходимо было придать тело огню, так как бросить его – всё равно что обмануть.

– Да будь ты проклят, Ричард. Слышишь ты меня? Будь ты проклят, со своей честью. Ты сам это сделал, сам. Ты не имеешь права обвинять меня в чём-то. Будь ты проклят!

Гневные слова, не имеющие ничего общего с действительностью, помимо воли слетали с губ. К отчаянью прибавилась злость, и только это чувство помогло мне.

Я, наконец, взвалил тело на волокушу, а сам продолжал рыдать и бить его руками, пока не рухнул сверху, продолжая тихо всхлипывать.

Именно в таком состоянии меня застал Чип. Я почувствовал, как он пытается добраться до моего лица, и чуть было снова не отпихнул его. Но на этот раз я не позволил себе так подлю с ним обойтись. Я прижал его к груди и плакал так, пока слезы, наконец, не иссякли. Всё это время Чип даже не пытался меня остановить, он просто уткнулся мордочкой в мою грудь и ждал. Это была поистине чудесная белка.

– Спасибо, Чип. Если бы не ты, даже не знаю, что было бы со мной. А теперь пойдем, нам пора.

Чип высвободился из моей хватки, и подбежал к телу Глыбы. Он бегал вокруг него, и явно пытался мне что-то сказать.

– Что? Чего ты хочешь? Я не стану прикасаться к этой

твари. Нет и ещё раз нет. Если ты так этого хочешь, можешь сам натаскать дров и сжечь его. Он не был человеком даже при жизни, а сейчас это просто кусок дерьма.

Не обращая больше внимания на глупую белку, которой вдруг вздумалось поиграть в милосердие, я потащил волокушу на улицу. Это оказалось не так сложно, как я себе представлял. Приходилось обходить неровные участки, только и всего.

Вы наверняка уже задавались вопросом, как же я затащу Ричарда на погребальный костер, если я его на волокушу еле взвалил? Задавались? Тот, у кого богатая фантазия, такими вопросами не задаётся, он уже давно придумал, как это можно было провернуть. Как, впрочем, и я.

Сложив погребальный костёр у основания подъёма, упирающегося в пещеру, я сложил из нескольких длинных и ровных веток что-то вроде мостков, соединяющих вершину костра с землей. Этаким мост, по которому вполне можно протащить тело.

Безусловно, я был уверен, конструкция выдержит меня, она прошла все испытания, но вот вопрос: что будет, когда я стану тащить по ней Ричарда? Это мне ещё предстояло выяснить, но вначале я должен был смыть с него засохшую кровь и грязь. Негоже отправляться в последний путь в таком виде.

Осторожно срезав с него рубашку, я сбегал к ручью, выстирал её, как следует, намочил и, используя её вместо губки, смыл с тела запекшуюся кровь. Право, лучше бы я этого

не делал. Открывшаяся взору рана вызывала приступы тошноты. Описывать здесь я её не стану. Поверьте мне на слово, ни к чему это.

Когда я уже заканчивал, мимо меня пробежал Чип. Бежал он в пещеру, и не с пустыми лапами. В зубах у него был пучок хвороста. Его бы и на коробок спичек не хватило.

– Чип, ты что делаешь? Вернись. Ты слышишь меня? Чип!

Он даже не подумал остановиться. Упрямый засранец. Пришлось идти за ним. Когда я только входил в пещеру, он снова прошмыгнул мимо меня, даже не подумав притормозить. Окликать его было бесполезно, да и вовсе не обязательно. Я знал, куда он бежит.

Эта странная способность видеть в темноте работала сама по себе, да ещё и имела автоматическую настройку. Ну, это так, выражаясь словами человека двадцать первого века. Чем темнее становилось, тем отчетливей просматривались детали.

Глыба лежал, прямой как бревно, ему, в отличие от Ричарда, повезло остаться целым и невредимым (абсурдные слова, если учесть сам факт смерти), разве что лицо приобрело синюшный оттенок, а губы и вовсе почернели. Я испытывал к нему что-то среднее между отвращением и презрением.

Но не белка. Чип снова воспринял мои слова всерьез, и вокруг тела уже валялось с десятков щепок. Он решил сам его сжечь? Интересно было бы на это посмотреть, а особенно на то, как он будет разжигать огонь, но я не такая скотина. Это-

му надо было положить конец. Я просто уселся на камень, рядом с телом и стал ждать.

Чип вернулся через пару минут, с очередной веткой в зубах. Но на этот раз он остановился. Я находился между ним и его целью и явно мешал. И, тем не менее, ветку он не бросил. Просто замер, уставившись на меня.

– Ну, и что, по-твоему, ты делаешь? Ты хоть знаешь, кто он такой? Он убийца. Душегуб. Он зло, ничем не отличающееся от той мрази, что жила в этой пещере. И ты решил, что я стану возиться с этой гнилью?

Чип никак не отреагировал на мои слова. Он просто ждал, когда я уйду с его дороги, уверенный в своей правоте.

– Ну, хорошо. Допустим, ты обложишь его дровами, потратив на это несколько дней, и что дальше? Как ты добудешь огонь? Или тебе вдруг показалось, что я стану тебе помогать?

Видимо эти слова достигли своей цели. Чип выпустил ветку из пасти, жалобно глянул мне за спину, на труп Глыбы, и просто улегся на камни, свернувшись калачиком и обернувшись хвостом. Вид у него был такой жалкий, что мне вдруг стало стыдно. Какая же я скотина. Привык во всём считать себя правым. Один раз я поплатился за это, но, видимо, так и не вынес из этого урока.

– Чип, я не хотел. Прости. Я просто эгоист. Так уж и быть, я помогу тебе. Я в долгу перед тобой. Только сделаем всё по-моему, договорились?

Чип тут же ожил, подпрыгнул и бросился ко мне. Отбиться от белки, которая решила, во что бы то ни стало, вылизать всё ваше лицо – совершенно бесполезное занятие.

– Всё. Чип, заканчивай. Солнце скоро сядет, а у нас прибавилось работы, не время играть.

Он всё понял и тут же спрыгнул на землю, замерев в ожидании.

– Итак, у нас есть несколько проблем. Волокуша у нас одна, как и погребальный костер. Повторять все эти маневры, просто выше моих сил. Тогда как же нам поступить?

Ответ напрашивался сам собой. Как не неприятно было это признавать, но их придется сжечь вместе, на одном костре.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Чип. Потому как по мне, гнить бы ему в этой пещере, пока солнце не погаснет навеки. Ну что, вперед, мой странный друг?

Чип весело подпрыгнул и пулей вылетел на улицу. Я смотрел ему вслед, и на душе становилось теплее.

– Мне бы твою беззаботность. Скольких проблем можно было бы избежать?

Дальше я собирался описать весь долгий и нудный процесс транспортировки обоих тел на кучу дров, но передумал. Вы уже примерно представляете, как это должно выглядеть, остальное додумаете сами. Мне ещё столько надо вам рассказать.

– Ну, вот и всё, Чип. Ты готов?

Он устроился у меня на плече, наблюдая за происходящим. Ричард и Глыба едва уместились на куче, поэтому сейчас лежали в обнимку, как старые знакомые.

– Умерли вместе, вместе и уйдут.

Я поднёс огонек зажигалки и хворост, что был в самом основании, тут же перехватил его, а через несколько минут костер уже полыхал, выбрасывая вверх огромные языки пламени и снопы искр.

Помню в детстве, когда я был ещё совсем ребенком, мне нравилось смотреть на костер. С возрастом это чувство загадочности и романтизма куда-то ушло, растворилось в ворохе проблем и забот. Я просто забыл, как когда-то любил посидеть в тишине, слушая треск горящей древесины. Но сейчас это чувство вернулось. Я смотрел как замороженный, не в силах отвести взгляд.

Жар пламени, треск веток, гул неистовой стихии. Всё это пробуждало во мне какие-то смутные воспоминания, образы из прошлой жизни. Жизни, где все мы были счастливы и радовались каждому новому дню. Когда утром вскакиваешь с кровати, и хочется только одного – скорее бежать на улицу. Когда весь мир вокруг такой загадочный, такой интересный. Где каждое новое открытие вызывает целое море чувств. Где нет необходимости думать о завтрашнем дне – лишь о том, что интересует тебя в данный момент. Где слово «домой», и слово «спать», вызывают такое разочарование.

Детство – это, пожалуй, самый счастливый период в жиз-

ни каждого. Но почему потом мы всё забываем? В каждом из нас живут картинки из прошлого, образы, запахи, вкусы. Но это лишь воспоминания. Мы не способны вновь пережить эмоций, которые переживали в тот или иной момент. Неужели всё это безнадежно кануло в Лету? Неужели мы больше не способны радоваться каждому новому дню? Что мы с собой сделали? Стали взрослыми? Серьезными? Кем мы стали? Где свернули с этого пути?

Бывают моменты, когда нам кажется, что мы счастливы, но они скоротечны. Едва повзрослев, мы забываем, что такое истинное счастье. Мы живем образами, вживленными в самую нашу суть. Религия, политика, карьера, деньги, власть, отношения, секс. Ради чего мы живем? К чему стремимся? Мы гоняемся за тем, что становится абсолютно ненужным, в тот самый момент, когда мы, наконец, обретаем желаемое. Едва заполучив что-то одно, мы понимаем, что этого ещё не достаточно для истинного счастья. Надо ещё «кое-что», и вот тогда будет счастье. И мы снова бежим, снова гонимся за чем-то, за кем-то. Но, едва обрета, вновь испытываем разочарование.

Мы никогда не можем быть полностью удовлетворены, нам всегда недостает самой малости, и мы мчимся за этой малостью, не замечая жизни. В чём смысл этой погони? Все мы в итоге оказываемся на костре, или в земле. Каково же должно быть разочарование, в тот момент, когда смерть приходит за тобой, а ты понимаешь, что так и не достиг цели?

В чем смысл всей этой гонки, если это приносит тебе лишь мимолетное удовлетворение?

Я не знаю, откуда пришли все эти мысли, но кажется, в тот момент, когда я смотрел на костер, уносящий с собой тела двух совершенно разных людей, я понял нечто важное. Я не в состоянии это описать, или передать. Это нечто, более всего похожее на детство. Его нельзя описать, его нельзя передать, его нельзя понять. Его можно только ощутить, прожить. Быть может, только дети знают истинный смысл жизни? А взрослея, мы окончательно утрачиваем его. Как мы пропускаем тот момент, когда наша жизнь меняется? Почему не видим, что с каждым новым днем, всё больше перестаём быть целостными, перестаём быть любопытными, перестаём быть счастливыми? В конечном итоге, наши жизни больше не принадлежат нам. Они состоят из общественного мнения, из одобрения или порицания. Мы не видим сами себя, лишь наше отражение в глазах окружающих. Неужели с годами мы не умнеем, а становимся только глупей, пока не умираем, погрязнув в своей убежденности и глупости?

– Знаешь, Чип, а я, кажется, понял. Они появились на свет так же, как и все остальные. Каждому был дан шанс, прожить эту жизнь так, как ему этого хочется. Ричард – он всю свою жизнь посвятил другим. Он служил чужим идеалам, жертвовал всем ради других. А Глыба... он жил только ради себя, он ставил себя выше всех остальных. А теперь жизнь покинула обоих, и всё вернулось на круги своя. Они вновь ничем

не отличаются друг от друга. Они родились одинаковыми, прожили две совершенно разные жизни, и вновь стали одинаковыми. Как думаешь, быть может, они уже начали новый этап? Вновь родились где-то, абсолютно одинаковыми, но с уже приобретенным опытом, пусть и не подозревая об этом? Быть может никогда не поздно всё исправить? Или один из них сейчас в раю, а другой в аду, и это финал их историй?

Вильям!

Чип, так же как и я, не отводил взгляд от костра. Он, видимо, понимал, что мне вовсе не нужен ответ. Я начал что-то осознавать, пусть и не до конца, но теперь я буду искать. Во мне проснулось любопытство, как когда-то в детстве, и на какой-то миг я даже забыл о совершённых ошибках.

– Нам пора. Солнце скоро сядет, а до темноты нам надо выбраться на дорогу. Прощай, Ричард. Я выполню твою просьбу, клянусь!

Отвернувшись, мы стали удаляться от места, изменившего меня навсегда. Места, где я совершил страшную ошибку, камнем нависшую надо мной. Но здесь произошло нечто большее. Нечто, чего я пока не осознал и что мне ещё только предстоит обрести.

Я нашёл в кладовке рубаху взамен испорченной и побрел, погруженный в свои мысли. Меч я бережно завернул в лохмотья, чтоб не бросался в глаза окружающим. Видимо, я так погрузился в свои мысли, что не замечал ничего вокруг. И тут же за это поплатился.

– А вот и наш старый знакомый! Жив-здоров.

Едва опомнившись, я хотел рвануть в лес. Это были дружки Глыбы, его банда. Они каким-то образом выследили меня. И я уже хотел было бежать, но замер как вкопанный, услышав следующую фразу.

– Только рыпнись – и получишь с десяток стрел.

Клянусь, если бы он рявкнул, я бы рванул не задумываясь.

Но этот спокойный, ледяной тон, просто выбил почву у меня из-под ног. Я замер, и только теперь осмотрелся.

Их было шестеро. Грязные, оборванные, злые и решительно настроенные. Четверо с луками держали меня на прицеле. Никаких шансов на побег. Один, видимо тот, кто был главным в отсутствие Глыбы, привалился к дереву, скрестив руки на груди. Ещё один, держа в руках меч, обходил меня по кругу, пытаясь оказаться за спиной.

– Верное решение. А теперь скажи, где остальные, и что там за дым валит?

Дым? Вот оно что. Я сам себя выдал. Они заметили костер и решили проверить, всё ли в порядке у их дружков. А тут я, сам иду к ним в руки. Болван, самый настоящий болван.

– Я задал вопрос.

– Они мертвы.

Врать не имело смысла, да и не хотелось. Будь что будет.

– Что все?

– Все.

– А как же твой приятель? Ну, тот слюнтяй.

– Он тоже.

– Кроме тебя, верно? Так что же там произошло? Ты ведь не мог всех убить? Или ты три дня водил их по лесу, пока они сами не умерли? Честно признаться, мы уже и не надеялись найти хоть кого-то.

Его слова проплывали мимо, словно в тумане. Всё моё внимание было приковано к наконечнику стрелы, крохотному кусочку стали, такому ничтожно смешному, и всё же несущему смерть любому, кто посмеет над ним насмехаться.

Но одна фраза всё же заставила меня оторвать свой взор от стрелы и удивлённо уставится на здоровяка у дерева.

– Ты ничего не путаешь? Мы виделись только вчера, разве нет?

– Видимо, просто так они не сдались. Кто-то всё-таки заехал тебе по затылку. Очнись, Скула, прошло уже три дня.

– Но ведь тогда...

Договорить я не успел. Желудок подтвердил слова этой слабоумной особи, заурчав как трактор при первом запуске холодным зимним утром.

– Чего мы с ним болтаем? Кончать его надо – и концы в воду. Нас наверняка уже ищут. Оставаться тут не безопасно.

– Верно, Хруст. Что-то мы задержались в этих краях, пора и честь знать. Прощай, Скула. И спасибо, что помог мне подвинуть Глыбу. За это ты умрешь быстро и безболезненно. Ну, почти безболезненно...

Я видел слащавую улыбку и предвкушение в глазах Хруста. Видел, как стрела медленно оттягивается назад, наполняясь силой, которая принесет мне мгновенную смерть и избавление от всех проблем. Пожалуй, я был готов к этому, даже страх куда-то пропал. Было обидно и мерзко, что я так и не смог выполнить просьбу Ричарда, но, я думаю, смерть

– уважительная причина для этого?

Стрела уже готова была вырваться на свободу, когда снова появился Чип. Этот паршивец всё время был поблизости, только и ждал момента, а теперь решил атаковать. Рыжий комок меха молнией слетел с дерева и, приземлившись на спину Хруста, намертво вцепился зубами ему в ухо. От неожиданности тот завопил во всю глотку, а выпущенная стрела прошла выше и просвистела над самым ухом, прихватив с собой значительную его часть. Я дёрнулся от неожиданности и приложил руку к ране. Мочки уха как не бывало, зато я пока был жив.

Хруст тем временем пытался справиться с Чипом. Не переставая вопить и крутиться на месте, он пытался схватить мелкого наглеца, но тот изворачивался и наносил очередной укус. Мне с ухом ещё повезло, а вот у Хруста его практически не осталось.

Пока я соображал, как лучше использовать данный мне шанс, судьба снова передумала и забрала обратно подаренный счастливый билет.

Здоровяку у дерева надоело слушать вопли Хруста, и он, наконец, вмешался. Схватив Чипа, как дворового котёнка он с силой рванул его на себя, лишив бедолагу Хруста доброй половины второго уха. Чип попытался цапнуть его за палец, но тот лишь сильнее сжал кулак, и белка заверещала от боли, оставив попытки сопротивляться.

– Хватит орать. Или тебя утихомирить?

Хруст перестал вопить и причитать. Теперь он только тихо скулил и раскачивался взад-вперед. Я всё так же стоял, боясь сделать хоть шаг. Чип подарил мне несколько мгновений жизни, но теперь нам обоим конец. Вот здоровяк достает из-за пояса огромный тесак, размахивается, держа Чипа на вытянутой руке, ещё мгновение...

Я слышу свой крик, рука инстинктивно вытягивается вперёд, в нелепой попытке остановить смерть пушистого друга. Сразу три стрелы срываются с тетивы, устремляясь ко мне. На этом историю можно было бы закончить, если бы не одно «но». Что-то произошло со мной в той пещере.

Здоровяк завопил пуще Хруста, когда нож в его руках в одно мгновение расплавился и красной каплей упал ему под ноги. От руки почти ничего не осталось, вместо ладони – поджаренные куски мяса с белеющими костями. Все стрелы постигла та же участь. До меня долетело лишь несколько капель, расплавленного и уже не опасного, металла и запах сторевшей древесины. Я так и стоял, вытянув руку вперёд и хлопая глазами, когда услышал конское ржание, а следом зычные крики.

Здоровяк умер первым. Стрела неизвестного лучника пробила ему шею, и застряла внутри. Его рука разжалась, и Чип мгновенно исчез из поля зрения. Хотел бы я быть на его месте, но я был на своем. Люди Глыбы падали один за другим, и каждый перед смертью бросал на меня взгляд полный удивления и ужаса. Признаться, в какой-то момент мне даже

стало жаль их. Глупо жили, глупо погибли.

На поляну, ломая кусты и ветки, выскочил всадник, верхом на гнедой кобыле. Я сразу смекнул что к чему и замер в той же нелепой позе. А на поляне тем временем становилось всё тесней. Всё новые всадники выскакивали из-за деревьев, и вскоре я оказался в окружении, и вновь под прицелом нескольких луков. Я прозвал их «алыми плащами». Все как один в легких кольчугах, конусообразных шлемах, кожаных с металлическими вставками штанах. В руках разношерстное оружие, а за спиной длиннющие алые плащи. Смотрелись они грозно и в то же время завораживающе. Словно герои, сошедшие с обложек книг.

Действовали они слаженно. Пока одни кружились около меня на своих огромных лошадях, другие добивали выживших точными ударами кинжала в сердце. Главным среди них был тот самый всадник, что появился на поляне первым. Он буравил меня взглядом, от которого хотелось провалиться сквозь землю. Ничего хорошего от этих спасителей ждать не стоило. Типичные мясники. Упокоив всех, кто ещё был жив и, на всякий случай, тех, кто умер мгновенно, один из всадников подбежал с докладом к старшему. Я не расслышал ни слова, хотя стоял всего в нескольких метрах.

– Возьми с собой несколько человек, и проверьте всё вокруг. Остальные где-то поблизости.

Кивнув, воин скрылся в лесу, а с ним ещё трое. Теперь настал и мой черёд. Спрыгнув с лошади, главарь прошёл в

круг и, не останавливаясь, заехал мне стальной перчаткой в живот, а как только я согнулся – добавил по затылку. Звезды засверкали во всей своей красе у меня перед глазами – и вот я уже ползаю у его ног. Лучше бы сразу прикончили, а теперь неизвестно, чем всё закончится.

Присев на корточки, главарь схватил меня за волосы и подтянул к своему лицу. Пахло перегаром и чесноком, от чего меня бы вырвало, да, благо, нечем.

– У меня нет времени возиться с тобой. Скажешь то, что меня интересует – умрешь быстро. В противном случае будешь завидовать своим дружкам.

Вот тебе и спасители. Для них я один из этих бандитов, и, думается, слова вроде «я не с ними» вряд ли спасут мою шкуру.

– Думаю, он не с ними, – прозвучало откуда-то из-за спины. – Он пришел с другой стороны и, судя по всему, попал к ним в лапы. Я нашёл стрелу в стволе того дерева. Видимо, она предназначалась ему. Ухо порвано. Его либо припугнули, либо он ловкий малый и успел уйти от выстрела. Зря всех убили.

Старший сжал челюсти так, что подсунь ему прут арматуры, точно перекусил бы.

– Это так?

Я хотел ему ответить, но смог только кивнуть, после чего моя голова снова оказалась на земле.

– Остальная шайка где-то поблизости. Солнце почти село,

в темноте мы их не найдем. Придется разбить лагерь и ждать утра. Назначь дозорных, и распрягайте лошадей.

– А с этим что?

Снова голос из-за спины. Я решил взглянуть на своего спасителя. Вывернув голову, поначалу увидел натертые до блеска сапоги, а когда поднял взгляд выше – потерял дар речи. Надо мной склонился Ричард. Клянусь, это был он, только в его взгляде не было узнавания.

– Может, ты знаешь, где остальная банда? Здесь только пятеро, остальных....

–Шестеро.

Прохрипел я с трудом.

– Что ты сказал?

Пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы мой ответ не звучал как жалкий скулёж.

– Я сказал, их было шестеро!

На этот раз меня расслышали. Солдаты сразу вспомнили, зачем они здесь, и с самым решительным видом стали выискивать беглеца. Ричард, помог мне встать, а я не знал как себя вести. Ещё недавно оплакивал его труп, и вот он снова стоит рядом.

– Обыщите каждый уголок в этом вшивом лесу. Далек он уйти не мог. Притащите его живым, или лучше вам самим не возвращаться.

Голос старшего вернул меня в реальность, и я осмотрелся вокруг. Пять трупов лежали полукругом, каждый на том ме-

сте, где стоял, ещё будучи живым. Шестой, тот, что пытался обойти меня сзади, куда-то запропастился.

– С тобой все в порядке? Ты словно приведение увидел.

Нет, это был не Ричард. Голос мягче, да и взгляд другой. Их объединяло только внешнее сходство. Брат-близнец? Я как раз хотел спросить его об этом, но солдаты бросились в погоню, ломая кусты и ветки. Добавьте ко всему этому конское ржание и громкие команды, тут и себя услышать не получится.

Когда все стихло, на поляне остались только я, псевдо-Ричард и старший этой группы.

– Послушай, у тебя нет...

– Берегись!

Я так и не понял, от чего мне надо себя беречь, а через секунду уже летел в кусты. Двойник Ричарда швырнул меня как куклу.

«Что за день? Сколько можно? Одни бьют, другие кусают, третьи швыряют куда хотят? Всё, хватит с меня».

Из кустов я выбрался злой и решительный, но, увидев труп командир и двойника Ричарда, хрипящего, с ножом в шее, разом побледнел. Шестой бандит всё это время прятался у них под носом, а когда все ушли, сделал своё мерзкое дело. «Ричард» упал на колени и потянулся к ножу. Вот этого я допустить не мог, я знал, что при таких ранах ни в коем случае нельзя вынимать нож, пока не придумаешь, как остановить кровотечение. Дерзкая ухмылка последнего выжив-

шего бандита, выводила из себя. Скорее всего, он не видел фокуса, который я проделал с ножом и стрелами, поэтому и смотрел на меня торжествующе, с насмешкой. Добить меня и валить – всё, что читались в его взгляде.

–Абра кадабра!

Улыбка сползла с лица этого оборванца, когда он вспыхнул как факел. Клянусь, я лишь хотел повторить трюк с расплавленным ножом, не более того. Но злость, что кипела во мне всё это время, вырвалась как ураган. Мгновение, и живой факел бросился напролом через кусты, оглашая всю округу первобытным криком боли, а я уже был в полете, целясь двойнику Ричарда в спину.

Не дать ему вытащить нож, вот чего я желал больше всего на свете. Лезвие вошло не глубоко, но удар был точен, и кровь толчками пыталась выплюнуть инородное тело. Я врезался ему в спину, сбил на землю, перехватил руку и придавил всем своим весом к земле. Оставалось вынуть меч и воззвать к его способностям, но нас бесцеремонно прервали.

Сбежавшиеся на крик солдаты ворвались как вихрь. Я снова пропустил удар, на этот раз прямехонько в голову. В который раз за день, звезды сверкали перед глазами. Скорее всего, в другой ситуации я бы потерял сознание, но адреналин в крови зашкаливал. Вскочив на все четыре конечности, я бросился обратно, словно дикий кот, выследивший добычу.

Над самой головой просвистела стрела, но я уже был у це-

ли.

– Болваны, не дайте ему вытащить нож!

То ли солдаты были с детства сообразительны, то ли крик у меня вышел убедительный, но они, наконец, поняли, что убивать его не входит в мои планы.

Сразу трое бросились мне на помощь и как раз кстати. Псевдо-Ричард уже потерял изрядную долю крови, и попытки сопротивляться прекратил.

– Переворачиваем его на спину. Раз. Два. Взяли... Ты, зажми здесь. Сильней.

– Он же задохнется.

– Пусть лучше умирает от потери крови? Надави большим пальцем здесь. Нам нужно время.

– Для чего? Он уже не жилец.

– Ну уж нет. Вот так, отлично. Одно легкое работает, на какое-то время этого хватит. Не отпускаяй, пока я не вернусь.

Должен признаться, с мечом было бы проще, но я не был уверен, что смогу сконцентрироваться при таком количестве людей. А если и смогу, последствия такого чуда выйдут мне боком. Пришлось вспоминать медицину, армию, и всё, что когда-либо видел или слышал.

Была у меня в жизни подобная история. Ещё будучи в армии, я наслушался много баек о чудесах медицины. Но одна история вызвала у меня особый интерес.

Как-то раз, заметив на шее одного из офицеров огрызок шариковой ручки, я поинтересовался «зачем он таскает его

с собой», на что тот лишь рассмеялся и показал огромный шрам на шее, в области сонной артерии, а затем принялся рассказывать.

Во время второй чеченской кампании он возглавлял один из взводов разведывательно-десантной роты. При очередной вылазке они столкнулись с хорошо вооруженным отрядом боевиков. Завязался бой и, тогда ещё совсем юнец, он получил ранение в шею. Пуля лишь задела его, но артерия была порвана. Тут бы ему и конец, не окажись рядом его товарищ. Вколол дозу обезболивающего, он как мясник вырезал у раненного кусок шеи, и соединил артерию с помощью того самого куска шариковой ручки. К сожалению, в тот день погибли почти все, но лейтенант выжил и самостоятельно добрался до госпиталя. Там его залатали, прибавили звезду на погоны и снова бросили в пекло. Да здравствует армия!

Я сейчас хотел проделать тот же трюк. К сожалению, у меня не было ни обезболивающего, ни ручки, ни даже капли спирта. Пережав артерию, я одновременно сократил подачу кислорода, но если сделать всё правильно, то у него появится хоть и небольшой, но всё же шанс.

Я помнил, что где-то поблизости рос камыш. Отыскать его удалось быстро. Не тратя времени, я выломал целый пучок и рванул назад. Псевдо-Ричард ещё был жив, и даже в сознании. Остальные смотрели на него с жалостью, уже похоронив товарища, но, слава Богу, мои указания выполнили в точности.

– Мне нужна помощь. Есть у кого-нибудь выпивка? Чем крепче, тем лучше.

– Есть медовуха.

– Сойдет. Главное, чтоб градус был подходящий.

– Не волнуйся, дурь из башки выбьет, будь здоров.

С этими словами один из солдат отцепил от седла бурдюк и швырнул его мне. «Ричард» тем временем пытался высвободиться, с хрипами втягивая воздух.

– Держите его. Мне нужна полная обездвиженность. Одно неловкое движение – и он труп. Вы двое, помогите им. Ты держи ноги, а ты садись за головой и делай всё, что я скажу.

Солдаты, надо отдать им должное, подчинялись беспрекословно. Скорее всего, их влекло любопытство и надежда.

– Ты, лей нам на руки. Нельзя занести инфекцию в рану. А ты слушай меня, – пока один из солдат поливал нам руки медовухой, я принялся объяснять дальнейшие действия. – Когда я вытащу нож, время пойдет на секунды. Артерию необходимо соединить, восстановив кровообращение. Для этого подойдет один из этих камышей. Я не знаю диаметра, поэтому возлагаю надежду на тебя. Когда я покажу подходящий, дело за тобой. Подойдет двухсантиметровый кусок, с ровными краями. Плюс полметра нити, хоть плащ свой распускай, мне плевать. Все необходимо обработать медовухой. Дальше будешь делать то, что я скажу. Да, и смените его кто-нибудь, – я кивнул на парня, что пережимал артерию. – Пальцы уже устали, кровь может хлынуть в самый ненужный момент.

Пока все мои указания выполнялись, вокруг нас собрались все остальные. Им тоже хотелось это видеть.

– А ну пошли прочь. И так ни черта не видно. Зажгите факел, что ли. Ричард, ты слышишь меня? Я не дам тебе умереть. Не в этот раз. Все готовы? С Богом!

Одним резким движением я выдернул нож, за что получил струей теплой крови в лицо. Один глаз на время потерял способность видеть, пришлось просто закрыть его. На подставленный нож, без особых указаний, вылили добрую часть медовухи. Уже смекнули, что к чему.

– Поверни голову на бок и держи крепче. Ты, стоишь здесь и льешь на рану. В этой кровище ничего не разглядеть. Прости, Ричард.

Он дёрнулся, когда я поднес нож и сделал первый надрез. Приходилось спешить. Освободив один конец артерии, я кивнул ассистенту на кучу камышей.

– Действуй.

Переворотив их, он выбрал подходящий, отрезал нужной длины мундштук, и, вместе с куском шелковой нити, полил всё медовухой.

– Всё готово.

– Отлично, теперь смотри сюда. Эти два конца нужно соединить и зафиксировать. Я вдеваю переходник, ты фиксируешь. Готов?

Воин кивнул с самым серьезным видом и передал мне мундштук. На практике всё оказалось не так просто. Арте-

рия была скользкой от крови, и просто так сдаваться не хотела.

– Лей больше, я не могу её схватить. Есть. Завязывай. Отлично. Теперь заводи нить, иначе потом не подлезть. Сильней. Завязывай. Теперь надо перевязать рану, зафиксировав артерию намертво.

Едва воин ослабил нажим, как кровь тут же рванула по восстановленному каналу, а «Ричард» вздохнул полной грудью и с чистой совестью потерял сознание.

– Работает, мать её. Ну, Абдула, угодил брат. Дайте мне чистую повязку. Сколько до ближайшего города?

– Верхом около двух часов.

– С ним все четыре. Думаю разумнее отправить гонца, предупредить о встрече. Он потерял много крови. Не помешало бы переливание, но я не имею представления о его группе и резус-факторе. Надеюсь, ваши врачи справятся?

Когда я поднял глаза, на меня смотрели с немим изумлением. Видимо таких операций им видеть не доводилось.

Желудок снова напомнил о себе рыком голодного зверя.

– Не помешало бы пожевать чего, третьи сутки на вселенской энергии.

– Это всё здорово, – произнес мой ассистент, протягивая кусок вяленого мяса, – Но проблем меньше не стало. Сержант мёртв, туда ему и дорога. Питер ранен, а следов Ричарда мы так и не нашли.

– Питер? Это его имя? А Ричард – это его брат?

– Всё верно. Они близнецы. Откуда ты...

– Вы никого не найдете. Ричард мёртв. Женщины, что были с ним, тоже мертвы. Глыба, главарь этой шайки, тоже мёртв. А последний представитель их банды превратился в барбекю для диких зверей.

– Но откуда ты...

– Видел своими глазами. В этом лесу нет никого, кроме нас. И один из нас может в любой момент умереть. Может, попытаемся хотя бы его спасти?

– Объяснишь всё по дороге, – стиснув зубы, прошипел один из солдат. – Раин, отправляйся вперед. Объясни всё лекарю, пусть нас встретят. Вы двое, посадите Питера на коня и следите, чтобы не упал. Ты можешь взять сержантскую лошадь. Он хоть и был скотиной, но кобыла у него знатная. Да, и ещё кое-что. Не думаю, что Питер так уж обрадуется своему спасению. Если ты не врешь – а мне кажется, что это так – у него никого не осталось. Жена, дочь и брат были всей его семьей. Теперь он один. Так, доешь по дороге. По коням.

– Да, точно! По коням. Давненько я не ездил верхом.

Не думаю, что они уловили иронию в моём голосе. Признаться честно, верхом я ездил ровно один раз, в четыре года. При следующей встрече с лошадью, спустя два года, я неделю не мог носить рубашку. Когда я отвернулся, эта гадина ущипнула меня за спину. Хорошо хоть клыков у лошадей нет. Но те ощущения я запомнил надолго и больше с лошадьми дел не имел. А кобыла сержанта выглядела куда бо-

лее устрашающе, чем жеребец с прудов, где работал мой душка.

Мясо я закинул в карман, не представляя, как с ним и мечом забраться в седло. Радовало, что всё вышло, меч у меня, и никто даже внимания на него не обратил. А через несколько минут тьма накроет лес.

– Что за сверток у тебя?

«Язык мой, враг мой. Даже, чтоб его, мысленный»!

– Меч. Подарок Ричарда. Большого я сказать не могу. Кстати, ты отлично справился.

– Как твое имя?

– Ээээ... Эндрю.

– Я Вильям. Откуда ты идешь?

– С запада.

– Бежишь от войны? Дезертир?

– Да брось ты так шутить. У меня важное дело, и ни с какой службы я не сбегал. Своё честно отбарабанил, теперь свободен как тру...эээ... никому ничего не должен.

– Станный ты. Видать, потрепала тебя нелёгкая. Выкладывай всё, что видел. Как погиб Ричард? Что с семьёй Питера? И потрудись объяснить, куда делась банда Глыбы, и он сам!

– Я брёл по дороге, погруженный в свои мысли, и не сразу расслышал крики за поворотом. Спрятавшись, я прокрался через лес, и увидел смерть двух женщин. Я ничего не мог поделать, у меня и меча не было при себе, не воин я. Но тут

заметил светловолосого парня в кустах. Он был жив, но связан. Я прокрался к нему, пока бандиты ворошили карету, и помог освободиться. Ричард в одно мгновение завладел мечом и разделался с бандой, но сам получил предательскую стрелу в легкое. Убийца выскочил добить его, но я разбил ему голову валуном, после чего пытался спасти Ричарда. К сожалению, не удалось. Он взял с меня клятву, что я... эм, найду его брата и всё ему расскажу, а ещё вручил этот меч. Трупы я сжёл, дабы зверьё не растащило, да людоеды среди таковых не завелись.

– Мы видели дым, поэтому и прискакали. Питер твердил, что брат жив, что у них связь, он бы почувствовал. Да и король дал понять, что с пустыми руками нас назад не ждут. Приставил этого мясника на место Ричарда. Тебе ещё повезло, обычно он обещаний не выполняет. У него все умирают медленно и мучительно. Скажи спасибо глазам Питера, он весь в брата.

– Это точно.

Я смотрел на светлые волосы, слипшиеся от крови, и не знал, что скажу ему, когда придет время. Эту нелепую историю с булыжником?

– А что за меч? Насколько я помню, у Ричарда был немного иной.

Я вернулся в реальность, оторвав взгляд от мерно раскачивающегося в седле Питера.

– Обычный меч, а кому принадлежит – не имею ни малей-

шего понятия.

– Ладно, ты пока поешь, я возглавлю отряд. В лесу ночью небезопасно и без бандитов.

Я так и сделал, едва Вильям ускакал. Правда, кусок в горло не лез, несмотря на голод. Весь этот бред не выходил у меня из головы. Я бы вообще пропустил эту бесконечно нудную поездку, однако на одном моменте всё же задержусь.

То, что я вытворял на поляне, никак иначе, кроме как магией, не назовешь. Откуда она появилась? Не припомню за собой подобных способностей. И тут меня осенило.

«Хрустальный шар. Я прикоснулся к этому проклятому шару. Видимо, это он наделил меня подарочком».

С горем пополам дожевав остатки мяса я провалился в сон, из которого был безжалостно вырван окриком Вильяма.

– Приготовьте оружие. С тропы никому не сходить, защищайте лошадей.

– Что стряслось?

Я ещё не привык к новому зрению, поэтому не сразу понял, что вокруг ночь.

– Волки. Видимо стая голодная и вожак решил идти до конца. Животные нервничают, чувствуют предстоящее нападение. Придется спешиться и защищать коней. Надеюсь, стая небольшая.

Сказать, что стая была большой, это всё равно, что ничего не сказать. Волки были повсюду. Бродили во тьме, невидимые для остальных, но не для меня.

– Их здесь не меньше сотни. Разве волки сбиваются в такие стаи?

– Да ты, я смотрю, совсем струсил? Уверен, там не наберется и двух десятков.

– Они атакуют. Слева не меньше трех десятков, справа столько же. Остальные чего-то ждут.

– Откуда ты...

«От верблюда».

Чуть не ляпнул я вслух, однако время разговоров ушло, волки появились одновременно, как я и обещал.

– Не размыкайте круг. Ищите жожака, они просто так не уйдут.

С волками мне сталкивать не приходилось, разве что в зоопарке. Но, в отличие от того, когда я их видел в зоопарке, сейчас они не казались такими унылыми и обреченными. Огромные, злые, решительные. Они появлялись из темноты, бросались на людей и животных, тут и там мелькали оскаленные пасти, летели клочья шерсти, отрубленные лапы, головы.

Лошади окончательно обезумели. Воин слева от меня первым поплатился за это. Удар двумя копытами в спину отправил его напрямик во тьму, откуда тут же раздался торжествующий вой, а следом крик боли, почти мгновенно оборвавшийся. Этому безумию не было бы конца, если бы не та самая лошадь. Вырвавшись из круга, она рванула подальше от этого ужаса, призывая волков следовать за ней. Бойня

продолжалась, но большая часть нападавших последовала за ускользающей добычей. Я видел её конец. Уж лучше бы стояла смиренно.

Пока я наблюдал за лошадьё, мимо проскользнула мутная тень, и тут же в грудь словно наковальня врезалась. Это всего лишь один из волков подкрался и прыгнул мне на грудь. Я упал на спину, а этот зверь оказался сверху. Даже не помню, когда успел схватить его за горло, но только это меня и спасло. Челюсти клацнули в сантиметре от моего горла. Естественно, я не силач, но и волк не ожидал такого поворота. Нажми он чуть сильнее – и мне конец. Он знал свою силу, просто не счел необходимым вкладывать её всю. Второй раз он такой ошибки не допустит, но и я ждать не собирался. Я пишу так для ясности, но вы должны понимать, что это не шахматы, где каждый обдумывает свой ход. Между неудачной попыткой и новым выпадом всего мгновение. Сколько времени необходимо на то, чтобы дважды сомкнуть челюсти? Клац – клац – и в дамки. Не так уж и много, верно? Успел бы я придумать, что сделать? В тот момент действовал не разум – верх взяли инстинкты. Я просто хотел жить.

Огонь вырвался из ладоней, поджигая шерсть на шее волка. Он испугался и дёрнулся назад, вырываясь из рук, но уйти не успел. В темноте что-то блеснуло, и его голова исчезла. Уже мертвая и безголовая туша рухнула обратно на меня, заливая всё лицо кровью. Сердце ещё билось, и кровь вырывалась толчками. Видимо, всё это время, я кричал или что-то

вроде того, так что рот был открыт. Прежде чем я успел его закрыть, наглотался прилично, но даже когда закрыл, кровь попадала в нос, глаза, уши. Я пытался спихнуть его, но создавалось впечатление, что нахожусь никак не меньше чем под слоном.

Наконец, кто-то помог мне, и туша исчезла. Чьи-то руки рывком подняли меня, но я никак не мог открыть глаза, они все ещё были залиты кровью. И тут я почувствовал его. Знакомое чувство, когда за вами кто-то наблюдает. Это примерно то же самое, только я четко знал, кто наблюдает, и где он находится.

Вожак (а это был именно он), смотрел прямо на меня и пытался понять кто я, и что ему делать дальше. Кто-то тряс меня, что-то спрашивал, но все это было на втором плане. Я словно был здесь и не здесь одновременно. Слышу голоса, но не могу разобрать слов. Чувствую держащие меня руки, но тело вроде не моё. Странное ощущение раздвоенности. Затем пришел мысленный образ. Вожак стоит над моим трупом, а стая добивает остальных. Игра есть игра, и я принял правила. В ответ я послал свою версию исхода битвы.

Весь лес полыхает, волки в панике пытаются спастись, но всё тщетно, огонь повсюду. Вожак находит лазейку, бросается туда, но в последний момент сам вспыхивает как факел. Затем из темноты появляюсь я. Мои руки в огне, но мне он вреда не причиняет. Я наклоняюсь, смотрю ему в глаза. Он ещё жив, но это не надолго. И напоследок – торжествующая

улыбка.

Я пытался привнести в картину как можно больше деталей. Это продолжалось не долго. Буквально несколько минут мы буравили друг друга взглядом, пытаясь убедить в своей победе. И я одержал верх. Он отлично видел, как я поступил с его сородичем, иначе не стал бы выделять меня из толпы, а чего все звери бояться больше, чем огня? Пожалуй, ничего.

Он отступил, решив, что его жизнь и жизнь всей стаи дороже, нежели безумная попытка сражаться со стихией. Однако он не утратил своего достоинства, не побежал, поджав хвост. Зарычав от досады, он просто отвернулся и завыл, задрал голову к небу. Протяжный вой заставил стаю замереть на мгновение, и тут же вновь пуститься в путь. Они будто растворились в окружающей темноте. Поистине хозяева леса.

Мне даже стало немного жаль вожака. Ведь не он виноват в том, что природа сделала его хищником. Но как он силен, как грациозен. Он больше не удосужился посмотреть в мою сторону, давая тем самым понять, что он не струсил, просто глупо идти против противника, который сильнее тебя в разы, только и всего.

– Я в последний раз тебя спрашиваю, как ты это сделал?

Голос Вильяма вернул меня в реальность, и я с сожалением оторвал взгляд от удаляющегося матерого красавца.

Когда повернул голову, на меня были обращены почти все мечи и стрелы, но люди держались в стороне, словно я про-

каженный.

– Эй, да вы чего? Что с вами стряслось?

– С нами как раз всё в порядке, а вот с тобой что-то не так. Тот волк, он просто вспыхнул, словно по волшебству. Отвечай, как ты это сделал, и не вздумай делать резких движений, тут все на нервах, мало ли у кого рука дрогнет? Ты ведь не хочешь получить случайную стрелу прямо в глаз?

Я испуганно посмотрел по сторонам, только теперь осознавая, что произошло. И не ясно теперь, к добру ли моё чудесное спасение, или лучше бы умер мгновенно, от клыков зверя. Я знаю, что в такие времена делали с ведьмами, и не очень горю желанием испытать это на себе. Надо было что-то придумать, и мой мозг, натренированный вечно искать выход, нашёл его и в этот раз. Я незаметно вынул из кармана зажигалку, и обратился к Вильяму.

– Я в самом деле не хочу умереть так глупо и бессмысленно, так что прошу, не делайте поспешных выводов. Просто наблюдайте. Вот это называется зажигалкой, а теперь смотри.

Чиркнув, я вытянул перед собой руку, где весело плясал огонек. Люди шарахнулись в сторону, даже Вильям отступил на шаг, но, слава Богу, никто не бросился рубить меня в капусту.

– Поверь, никакого волшебства здесь нет. Там, откуда я пришел, у каждого в кармане есть такая штука. Намного удобнее кресала, или чем вы там все ещё пользуетесь? Я по-

дойду, и дам её тебе, сам попробуй.

Погасив зажигалку, я медленно подошел к нему, и протянул руку ладонью вверх.

– Возьми её, это не опасно. Просто надави на колесико, так, чтобы оно сдвинулось с места, а палец оказался вот здесь, иначе огня не будет.

Объясняя, я указывал пальцем на необходимые детали. Вильям некоторое время колебался, но я спокойно ждал, и он всё же решился. Правда брал он её так, словно это не зажигалка, а бомба, которая вот-вот рванёт. Я его понимаю.

Держа зажигалку двумя пальцами, Вильям изучил её как следует, а потом снова глянул на меня с немым вопросом.

– Колесико, нажми на него. Так. Теперь резко проверни, только не ослабляй нажим. Твой палец должен оказаться на этом черном рычажке и вдавить его. Попробуй.

Это всё было так забавно. Толпа здоровых мужиков столпилась вокруг обычной зажигалки, и все боялись шелохнуться.

Наконец Вильям решился и чиркнул кремнем. Огня, конечно, не вышло, только искры, но и это вызвало ропот толпы.

– Ты забыл вдавить рычажок. Попробуй снова.

На этот раз Вильям был куда смелее, правда, ему понадобилось ещё три попытки, пока огонь не вспыхнул.

– Ну вот, а вы боялись. Никакой магии здесь нет, простое изобретение человечества. Внутри неё – газ природный. Ка-

жется, пропан. Ну, или ещё какой-то. Я никогда не интересовался, какой именно в этой штуке. Всё, потуши её, иначе испортишь. И можно, наконец, убрать оружие.

– Ладно, – Вильям махнул рукой, одновременно протягивая мне зажигалку. – Можете убрать оружие, здесь и правда нет никакой магии.

Напряжение тут же спало, и я вздохнул с облегчением. Всё это время я был готов рвануть в лес, надеясь на новое зрение и способности, но уж очень не хотелось ранить кого-либо из людей. Да и было у меня чувство, что даже все хитрости мира, не спасли бы меня от нескольких стрел, выпущенных одновременно и с разных сторон.

– Ловкий ты малый. Ещё бы немного, и он бы тебе башку оторвал. Как ты успел сообразить, ума не приложу. Позже мы поговорим об этом твоём изобретении, думаю, королю будет любопытно. А сейчас давайте убираться отсюда. Волки ушли, мы, видимо, перебили почти всю стаю, остальные просто сбежали. Генри, проверь лошадей. Броуди, на тебе раненые, возьми с собой Майка. Сделай что потребуется. Остальным добить раненых животных. И будьте бдительны, опасность всё ещё существует.

Говорил он спокойно и уверенно, но я во многом не был с ним согласен. Почти всю стаю перебили? Как же! И одной трети не одолели.

По счастью раненых среди людей оказалось всего двое, (не считая одного трупа) да и у тех лишь рваные раны, которые

по моему совету просто перетянули. Я, конечно, не был особым авторитетом, но кое-какое уважение заслужил, так что мои просьбы исполняли без колебаний.

Сам я старался держаться в стороне, не переставая думать о жокее. Сейчас мне было до ужаса стыдно. То, кем я показал ему себя, было мерзко. В тот момент я больше походил на Калхена. Особенно не выходила из головы эта торжествующая улыбка, когда я смотрел, как он горит. Откуда во мне вдруг появилась такая жестокость? Никогда прежде я не вёл себя так. И тут дело вовсе не в том, что я спасал свою жизнь. Я ведь и правда хотел сделать так, как обещал, иначе он раскусил бы мой блеф. Это пугало меня. Такое чувство, что в тот момент внутри меня проснулось самое настоящее Зло. Беспощадное, кровожадное, первородное Зло. Я тряхнул головой, прогоняя дурные мысли, и решил проверить как там Питер.

К счастью, с ним всё было в порядке, и он так же мирно спал, придерживаемый двумя солдатами. Ткань пропиталась кровью, пришлось сменить повязку. Я чувствовал, что должен, во что бы то ни стало спасти его, и это чувство было сильнее меня.

– Пора выдвигаться. Барри, поедешь во главе. По коням.

И снова скачка. Моё мягкое место привыкло к сиденью автомобиля, а не к жесткому седлу, бьющему тебя по заду при каждом скачке. И что люди находят в конном спорте? Да к тому же от моей кобылы несло потом, даже встречный

ветер не успевал уносить этот запах. И так всю дорогу. Запах пота, удары седлом под зад и один и тот же пейзаж. Вытоптанная дорога и лес с обеих сторон.

Леорик!

К слову о чудо-белке. В тот день я в последний раз видел Чипа. После стычки с бандитами он куда-то пропал и не появлялся, пока мы не добрались до опушки леса. Здесь дорога круто забирала влево и упиралась в стену Лидендэйла, города, прекрасней которого я не видел ни до, ни после.

Стычка с волками и постоянные остановки порядком задержали нас, поэтому из леса мы вышли на рассвете. Вначале я хотел как можно скорее добраться до города, но вскоре стал сильно переживать за здоровье Питера и счёл необходимым периодически проверять его рану. Отсюда и постоянные привалы. Вот на последнем таком привале и появился Чип.

Я как раз закончил осмотр и накладывал новую повязку, когда услышал знакомый писк. Всё во мне возликовало. Этот маленький зверёк с его наивностью и развитым интеллектом был единственным лучиком света во всём этом хаосе. Но, когда я нашел его взглядом, всё вдруг рухнуло в бездну.

Он сидел на дереве, как и положено настоящей белке, вот только взгляд у него был вполне человеческий, и в этом взгляде я прочёл всего одно слово: «Прощай». Он не хотел покидать лес. Там, среди людей и суеты ему не было места. Мне было ужасно жаль расставаться с ним, но это его жизнь, я не в праве ею распоряжаться.

– Спасибо, Чип. Спасибо, что был со мной всё это время. Прощай, и храни тебя Бог, безумная белка! Как сказал один великий человек: Будете у нас на...

– С кем ты там разговариваешь?

Вильям! Как всегда наблюдателен. Ничего от него не укроется. Оправдываться не было желания, начни я это делать – я будто бы предал Чипа.

– С белкой.

– С белкой?

Проследив за моим взглядом, он заметил Чипа. Тот бросил на него хитрый взгляд, свистнул мне напоследок и скрылся среди листвы.

– Чип мой друг.

– Жутковато всё это, – и, забыв обо мне, Вильям обратился к подчинённым: – Привал окончен. Поднимите Питера и выдвигаемся, мы и так порядком задержались.

И всё снова пришло в движение.

Как я и говорил, до города оставалось рукой подать. Примерно через полчаса лес стал редеть. Огромные деревья сменялись кустарником, он, в свою очередь, сорняком, а вскоре взору открылся луг с неестественно зеленой травой. Я никогда прежде не видел таких насыщенных цветов. Очевидно, климат здесь разительно отличается от того, в котором привык жить я, вот трава и была такой густой и зеленой.

Засмотревшись на луг, я не сразу заметил, что дорога огибает лес, и упирается в стену города. Ничего подобного даже

представить себе нельзя! Это была не просто стена, а скорее целая горная гряда. Строители этого чуда, очевидно, долго провозились, чтоб уложить камни так ревностно.

Каждый был подогнан с любовью Творца. Они не были квадратными, или прямоугольными, они вообще не были обработаны. Каждый камень создала природа, а человек лишь сложил пазл. Да только каждый такой камешек весит не одну тонну, и как их подняли на высоту трехэтажного здания, да ещё приладили друг к другу?

Вершина стены состояла из зубьев, между которыми навверняка сновали люди, хотя отсюда их не разглядеть. Через каждые двадцать метров торчали каменные башни, с конусообразными крышами.

Вправо стена упиралась в реку, с шумом несущую свои воды вниз, с горы, откуда мы пришли. Я не видел, заканчивалась ли там стена, или же заворачивала и шла вдоль берега, хотя это было и не обязательно. Поток воды несся с такой скоростью, что преодолеть реку вброд решился бы только отчаянный безумец.

Густо растущие деревья не давали мне рассмотреть, куда уходит стена слева от нас. Пока мы огибали эти деревья, я всё удивлялся – неужели нельзя было сделать дорогу напрямую.

Лучи солнца, едва показавшегося на востоке, падали на стену, заставляя камни блестеть серебром. Уж не знаю, была ли это такая порода камней, или их просто чем-то обработали, но зрелище великолепней я ещё не видел.

– Вот мы и дома. Добро пожаловать в Лидендэйл. Вижу, ты потрясен? Погоди, ты ещё не видел город изнутри.

Я пропустил слова Вильяма мимо ушей, заметив черные точки всадников, скачущих в нашу сторону.

– А вот и помощь. Поспешим, нужно передать им Питера!

И мы поспешили. Хотя я и опасался, что тряска не пойдёт на пользу раненому, но уж очень хотелось передать его в руки настоящих медиков, а не санитаря-самоучки!

Точки постепенно выросли и превратились в дюжину всадников. Всё то же облачение выдавало в них воинов, за исключением двоих. Эти были в длинных серых халатах, с капюшоном на голове, и напоминали скорее монахов из буддийского монастыря, нежели медиков.

Вильям сдержанно кивнул, поприветствовав товарищей, и сразу обратился к монахам.

– Вы наверняка знаете, что произошло, и знаете, зачем вы здесь? И я никак не возьму в толк, отчего вы застыли как истуканы?

Монахи, всё это время с интересом рассматривающие меня, спохватились и бросились помогать солдатам, придерживающим Питера.

Один из встречающих нас проводил их насмешливым взглядом, но тут же посерьёзnel и обратился к Вильяму.

– Это он? Что-то не похож он на великого целителя. Скорее уж на бродягу. Я предложил бы для начала отмыть его и переодеть во что-то более подходящее. Но Король ждет.

Новость о короле была не такой радостной.

«Вот тебе и отдохнул, а заодно и поел от пуза. Издеваются они, что ли? Да я едва в седле не засыпаю. Хотя, почему едва? Давно заснул бы, не прыгай эта скотина так резво».

И ведь не скажешь им: «Простите ребята, но я пас. Вот выплусь, как следует, и сразу к королю. Зуб даю!» Скорее всего, после таких слов зуб я отдам не один, а сразу все тридцать два, вместе с челюстью и головой. Оставалось просто помалкивать, а отдых и еду, в очередной раз, отложить на потом.

– Я его отведу. Остальные могут вернуться в казарму и отдохнуть. Вечером всем быть на стене.

Вот разве так бывает? Всю жизнь мечтал быть кем-то значимым, а сейчас больше всего на свете хотел оказаться одним из «остальных» и спать, нюхая вонючие портянки соседа. Мечты, блин, сбываются.

– Нам лучше поспешить, король не любит ждать. Не отставай!

И тут понеслось. Всегда хотел применить эту фразу к делу и вот, пригодилась как нельзя кстати. Всё, что было до этого, показалось мне детскими забавами. Такой встряски я не переносил, пожалуй, с тех самых пор, как мы маленькими катались с горки в железной двухсотлитровой бочке.

Вильям задал такой темп, что я едва мог держаться в седле. И без того отбитый зад просто взвыл протестующе, но едва ли его мольбы были хоть кем-то услышаны.

Мы мчались словно ветер, не переставая покрикивать на скакунов. Словно два спятивших путника, решивших разбиться насмерть о каменную стену.

Дорога всё больше забирала влево, огибая лес и выходя на финишную прямую. И вот мы уже приближаемся к воротам, а стена всё растет и растет. Чем ближе, тем более неприступной она выглядела. Хотя на деле высота не превышала трех этажей, но вы только представьте себе стену из каменных глыб такой высоты! Дух захватывает.

У ворот нас уже встречала стража, услужливо пропуская сквозь открытые створки. Здесь тоже было немало удивительного. Арка, сразу за воротами, оказалась неплохой западней для злоумышленников. Сверху в любой момент могли упасть две стальные решетки, отрезая пути к отходу и запирая жертву меж двух огней. Небольшие отверстия в стене слева и справа, откуда можно спокойно обстреливать, сулили не самую лёгкую смерть. Не хотел бы я оказаться на месте того, кто рискнул бы проскочить в открытые ворота.

Сразу за аркой нас снова ждала толпа стражников. Все как один с каменными лицами и холодными глазами. У них даже чувство юмора отсутствует напрочь. Серьёзные ребята. Лучше иной раз обойти их стороной. Хотя они оттого и стоят на входе, ведь тут их не обойти.

Нас проводили настороженными взглядами, хотя это скорее показуха перед чужаком. Вильям здесь свой, его бы так не встречали. Поэтому и не стали останавливать. Мы влете-

ли в город как две мухи в приоткрытое окно.

Только что в ушах шелестел ветер, пахло луговыми цветами и травами, а в следующее мгновение воздух сотрясали сотни различных звуков и запахов. Кто-то стучал молотом по железу, звенели монеты, скрипели колеса проезжающих мимо повозок, о чём-то спорили случайные прохожие. Вдалеке кто-то зазывал посетить свою таверну, ведь именно сегодня посетителей ждала выпивка (по случаю дешевле чем обычно) и специальное шоу с участием приезжих артистов. Из окон домов доносилось шкворчание раскаленного сала и пахло жареной рыбой, а из дома слева отчетливо слышался плач младенца и брань его родителей. Мы мчались мимо сотен людей и событий, мимо дюжин различных строений и улиц. Это всё равно что попасть из библиотеки на рождественскую ярмарку.

Все улицы были вымощены брусчаткой, а дома, по большей части, были каменные, но кое-где попадался самый что ни на есть кирпич. Естественно, грубый и не всегда в один тон, но всё же.

Разношерстные крыши: от соломенных, до некоего подобия черепичных. Это, пожалуй, самое большое собрание вкусов и стилей, какое мне доводилось видеть.

Я старался рассмотреть как можно больше, но Вильям и не думал снижать темп, лишь изредка прикрикивая на зазевавшихся прохожих. Никто не выражал особого недовольства, а значит им не привыкать к бесцеремонным всадникам.

Не могу точно сказать, сколько раз и в какую сторону мы сворачивали, я порядком запутался. Так как мы направлялись к королю, могу сделать вывод, что это был очень продуманный ход. В случае нападения, вам ещё придется потрудиться, чтоб добраться до дворца, а это даст время на необходимые меры. Люди ещё не изобрели пенициллин, но уже давно не были пещерными дикарями, и думали в первую очередь о безопасности.

Когда мы проезжали мимо пекарни, и в нос ударил запах свежего хлеба и сдобных булок, я едва не выпал из седла, и до самого дворца перед моим взглядом стоял стол с целым чаном горячих пирожков. Скорее всего, я бы сошел с ума, если бы не голос Вильяма.

– Приехали. Видишь ворота впереди? Это дорога ко дворцу. Хочу дать тебе один совет, чтобы мне не пришлось отрубить тебе голову на глазах у короля. Не вздумай приближаться к его высочеству. У нас война на носу, и кругом полно вражеских шпионов, которые только и мечтают, как бы убить его высочество. Надеюсь, мы друг друга поняли?

Я сдавленно кивнул, забыв и о пирожках и о болевшей заднице.

Возле ворот Вильям осадил коня и окрикнул стражу. С той стороны послышалась возня, а спустя минуту створки медленно поползли в стороны. Открылись они ровно настолько, чтоб мог протиснуться конь, и Вильям тут же нырнул внутрь, не забыв бросить «за мной». Я последовал за ним

и снова попал в другой мир.

Сразу за воротами начинался сад. Множеству кустарников придали форму животных, правда, я с трудом узнал всего несколько из них. Деревья росли ровными рядами, а в центре двора находился искусственный пруд, где плавали дикие утки и лебеди. Короли везде одинаковы, что уж тут поделывать. Это относилось и к дворцу.

Огромные колонны, удерживающие козырёк парадного входа, украшенные лазурной мозаикой. Большие витражные окна, с изображением рыцарей. Крыша из голубой черепицы. Дубовые резные двери, сквозь которые мог спокойно пройти паровоз. И стражники, насторожено разгуливающие вдоль всего этого великолепия.

Едва въехав во двор, Вильям спешил и отдал коня появившемуся как по волшебству слуге. Я последовал его примеру, и только сейчас обратил внимание на местную охрану. Эти парни были куда страшнее стражников, что встречали нас на въезде в город. С головы до ног закованы в железо, все как один двухметрового роста с отличной мускулатурой. Я видел только маленькие глазки, наблюдающие за мной сквозь прорези в шлеме, и от их взглядов мурашки бежали по спине. Они словно оценивали, как бы половчей меня разделать. Я поёжился и постарался отвести взгляд как можно небрежней.

Вильям уже поджидал меня, изучая задумчивым взглядом.

– Всё в порядке? Ты так смотришь на меня...

– Пытался понять, откуда ты родом, но вынужден признаться, ты не похож ни на кого из тех, с кем мне доводилось встречаться. Может, поделишься?

– Не думаю, что название моей деревушки скажет тебе хоть о чём-то. Это пустая трата времени. К тому же, нас ждет король, и, насколько я понял, это срочно.

– Тут ты прав. Ну что же, не будем заставлять его высокочество ждать.

После чего развернулся на месте отработанным движением, словно находился на военном параде, и зашагал в сторону дворца. Я следовал за ним и не решался заговорить, но чем ближе становился дворец, тем больше сомнений роилось в моей голове. И всё-таки я не выдержал:

– Вильям, я должен тебе кое в чем признаться. Послушай, это не то, о чём ты подумал. Просто понимаешь, я ведь вырос в деревне. Пас коров и всё такое. Я никогда не встречал живого короля, и совершенно не понимаю как себя вести. Может, дашь пару советов?

Вильям облегченно вздохнул и продолжил путь, так и не ответив на мой вопрос. Меня всё это порядком раздражало. Складывалось впечатление, что он тот ещё параноик, которому везде видятся заговоры. Ну и шут с ним. Сам разберусь.

– Ты славный малый, – произнес он, когда мы подошли к дверям. – Если хочешь мой совет, то постарайся понять одну вещь. Нашего короля Леорика постигло страшное горе,

и он в отчаянье. Не уверен, что ему поможет хоть кто-то, но я бы на твоём месте обдумал своё решение. Если ты не справишься, это ещё поправимо. Но если откажешься... Да, и не забудь поклониться. Надеюсь об этом в твоей деревне известно?

Я недооценил его. Последнюю фразу он произнес с легкой усмешкой, а это могло означать только одно: мы с ним оба знаем, что я не рос в деревне и не пас скот в детстве. Однако он не настаивал, и это обнадеживало. Хоть он и раскусил мою ложь, но счёл её незначительной.

Сразу за дубовыми дверями нас ждал длинный и прямой коридор. Картины на стенах, мраморные статуи каких-то людей по обе стороны. Внимательно присмотревшись, я понял, что это нечто вроде родословной. Все фигуры были одеты как короли, а их физические сходства друг с другом не оставляли никаких сомнений. Навскидку здесь было поколений семь, не меньше, и не все из них были морщинистыми стариками. Попались и пара совсем ещё юнцов. Не думаю, что они умерли своей смертью. Вот вам и королевская жизнь.

Мы шагали молча, и это ещё больше угнетало. Я чувствовал себя заключённым, которого ведут на суд. Ещё эти стражники у дверей в тронный зал. Ну точно ооновцы, разве что вместо формы на них железные доспехи, а вместо пистолетов железяка, весом под десять килограммов.

У дверей нас остановили стражники, скрестив пики. Я раньше видел такое только в фильмах. Всегда считал таких

людей болванами. Ну что стоит прибить обоих, пока они замерли как истуканы? А вот сейчас мне вдруг расхотелось проверять это на себе. Их спокойствие и неподвижность делали их куда более опасными. Как две пантеры, замершие перед прыжком.

– Увы, но меч придется оставить здесь.

Я с сожалением посмотрел на свёрток в своей руке. Вроде уже начал привыкать к его тяжести, но король есть король, что уж тут. Надеюсь, у них надежные камеры хранения, а администрация всё же несет ответственность за оставленные вещи.

Из двери слева от главного входа в тронный зал, выглянул растрёпанный юноша. На вид ему было чуть больше двадцати, худой, с живыми бегающими глазками. Убедившись, что мы те, кого ожидает король, он скрылся. Спустя минуту появился снова. Вильям велел отдать ему меч, что я и сделал, и юноша вновь исчез, а на его месте появился другой.

Этому было около тридцати пяти, весь подобранный, опрятный. Взгляд покорный, но не без толики превосходства. Обменявшись кивком с Вильямом, он уставился на меня. И кое-что в его взгляде меня заинтересовало. Не могу точно сказать, что именно, но присутствовали там эмоции, которых быть никак не могло.

– Как Вас представить?

Признаюсь, я немного растерялся, но Вильям вовремя вмешался.

– Эндрю с равнинных полей.

С усмешкой ответил Вильям.

«Вот ведь гаденыш».

Сенешаль, (а я сразу решил, что это именно он) молча кивнул и повернулся к стражникам. Те, в свою очередь, убрали пики с прохода и вновь застыли каменными истуканами. Несмотря на столь массивные двери, высотой в два человеческих роста, главный дворцовый смотритель открыл их довольно легко и первым ступил за порог. Мне не терпелось рассмотреть тронный зал и самого короля, но я счёл неприемлемым выглядывание из-за плеча.

– Сэр Вильям прибыл. С ним Эндрю с равнинных полей. Тот самый лекарь.

Ему бы диктором на радио работать. Хотя он и тут неплохо устроился.

Представив нас, сенешаль отошёл в сторону, и тогда я смог как следует рассмотреть следующее помещение.

Мозайчатый пол из идеально подогнанных друг к другу мраморных плиток. Множество гобеленов, на которых запечатлены различные сражения.

Вот в ряд построенные войска, рыцари в полных доспехах на таких же закованных в броню лошадях. За ними пешие воины, все как один с раскрытыми в немом крике ртами. Лучники изготовились к стрельбе, направив стрелы в небо и находясь в тылу. На них несётся лавина из рук, ног, копыт, мечей, щитов, перекошенных в гневе лиц. Всё в тучах пыли

и грязи, вздымаемых обезумевшей толпой. Что за художник смог настолько точно передать детали, что в ушах стоял крик солдат, конское ржание, звук гудящей от напряжения тети-вы, натужное похрустывание лука. Две армии вот-вот сойдутся в кровавой бойне.

Другой гобелен изображает мага, если это был именно он. Вот он склонился над раненым воином, протягивает руки, испускающие тёплый, ласкающий свет. Лицо искажает гримаса боли. Потерпи немного, не шевелись, сейчас станет легче – обещает ему спаситель, а вокруг трупы, трупы, трупы и вороньё, что уже празднует пир.

Дальше сражение людей с какой-то тварью, чем-то отдалённо напоминающей Калхена, чтоб ему вечность гнить в бездне. Челюсти клацают, слюна брызжет, клыки рвут, лапы рвут, когти рвут. Вокруг трупы, трупы, трупы и части тел, коих разбросанно в достатке. Стрелы не помогают, просто отскакивают от лоснящийся матовой кожи. Мечи высекают снопы искр, копья ломают древки, а люди прут, прут, прут. Страха нет, сомнений нет, боли нет. Летят головы, ноги, руки, но у нас их ещё много, ещё повоюем, не отступим, не сдадимся, не побежим! Ты всё равно сдохнешь, мы уж постараемся. Давай, рви, кусай, ломай, топчи, нас много. Помянем товарищей. После. Восславим их подвиг. После. Утешим рыдающих вдов. После. А сейчас не время, братцы. Вперёд, друзья. Руби, кромсай, умирай. Другие придут, заменят тебя. После...

Словно побывал там, на каждой картине. Читал мысли людей. Слышал голоса товарищей, приказы командиров, умирал на поле боя и был спасен таинственным магом.

В центре зала огромная люстра, словно собранная из различных драгоценных камней. Я старался не вертеть головой по сторонам, хотя с искушением трудно было бороться, пришлось взять себя в руки, ведь на меня смотрел король. Его я заметил в первую очередь, так как он находился прямо напротив дверей, в противоположном конце зала.

Он восседал в огромном кресле, которое по обычаю называли тронем. От кресла его отличали разве что размеры и драгоценности, инкрустированные в спинку и подлокотники. Рядом были ещё два. Одно меньше другого. Очевидно, для королевы и наследника. Всё это великолепие находилось на возвышении, как бы намекая на высокий статус.

Сам король выглядел взволнованным. На вид я не дал бы ему и сорока, но выглядел он, если не больным, то донельзя измученным. Осунувшееся лицо, мешки под глазами, красные глаза. Плюс ко всему, он заметно нервничал. Естественно он пытался это скрыть, король, как никак, но его всё же выдавали пара жестов. Едва заметное подёргивание скулы, и пальцы правой руки, которые, как бы невзначай теребили подол дорого халата.

– Надеюсь, в дороге у вас не возникло проблем? – произнес он на удивление ровным и спокойным голосом. – Мы ожидали вашего прибытия многим раньше.

– Мы повстречали стаю волков, но, к счастью, всё обошлось.

Я в очередной раз почувствовал себя не в своей тарелке. Они начали эту светскую беседу, окончательно сбив меня с толку. Теперь я не мог понять, кланяться сейчас, или дожидаться, пока обратятся ко мне?

– Это тот юноша, о котором мне доложили?

– Да, ваше высочество.

– Ваше высочество, – я упал на одно колено и опустил голову. – Я не хотел бы показаться невежливым, но я вижу, что вы чем-то обеспокоены. К тому же я боюсь, что усталость возьмет своё, и я рухну у ваших ног. Не сочтите мои слова грубостью, но я хотел бы поскорее перейти к делу, и, если я могу хоть чем-то помочь вам, скажите, пока я ещё стою на ногах.

На мгновение в зале повисла тишина, и я уже боялся, что перегнул палку, но всё обошлось.

– Что ж, – с усмешкой произнес король. – Раз простой путешественник раскрыл мои истинные чувства, то дела хуже, чем я мог себе представить. А ведь битва не за горами. Надеюсь, вы так же талантливы, как и наблюдательны. Генри, проводи нас.

Юлианна!

Сенешаль молча кивнул и, со словами «прошу следовать за мной», направился к едва приметной двери, слева от основного входа. Король легко поднялся с трона и последовал за ним. Я в нерешительности посмотрел на Вильяма, но тот лишь заставил меня поторапливаться и довольно показательно положил ладонь на рукоять меча.

Я натянуто улыбнулся и поплёлся за королём. Усталость с каждой минутой брала своё. Идти становилось все трудней, и я шаркал по полу как старик, пытаюсь унять зевоту. Если это затянется хотя бы на час, толку от меня уже не будет. Я и сейчас туговато соображал.

Король шагнул в услужливо открытую сенешалем дверь, и тут же растворился в темноте. Я нырнул следом, а спустя секунду в глубине тоннеля замаячили пляшущие огоньки света.

Мы оказались в длинном и узком коридоре. Вдвоём тут не разойтись. Потолки невысокие, такие, чтоб едва не цепляться головой. Я видел перед собой только Леорика и пляшущий свет впереди.

– Ты должен кое-что пообещать мне.

Король явно ждал ответа, и я уверенно кивнул головой.

– Быть королём, не так-то просто. Кто-то всё время стремится занять твоё место, им только дай повод. Понимаешь,

к чему я?

– Одно моё лишнее слово, и ваше положение на троне пошатнётся. Я думаю, у вас и так достаточно забот, чтобы волноваться ещё и об этом. Ваша тайна умрёт вместе со мной.

– Тогда поспешим. Следуй за мной.

И снова топать неизвестно куда. Мою голову уже разрывало от догадок о том, что ждёт меня в конце коридора. Не терпелось поскорее всё узнать. По всему выходило, что дело серьёзное, а значит – мои приключения продолжаются, хотя это и палка о двух концах.

С одной стороны – возможность помочь местному правителю и заручиться его поддержкой. В нынешнем положении, это был бы просто подарок. С другой – можно потерпеть фиаско и испытать на себе гнев Леорика. Вот этого мне совсем не хотелось, но я всё ещё не был хозяином своей судьбы. Оставалось покорно топать и слушать рассказ короля. Всё сводилось к тому, что его горячо любимая дочь Юлианна смертельно больна, и никто не может сказать, что с ней.

Вот тебе и подарочек судьбы. Здесь ещё не знают что такое лейкемия, неоперабельная опухоль головного мозга, рак поджелудочной. Вот же влип. Я не удивлюсь, если они лечат полиомиелит, приковывая больного к койке. Через сколько лет будет доступна микрохирургия? Да я элементарно не смогу сделать простое переливание крови. А если всё очень серьёзно? Что если я ошибусь и, вместо помощи, сделаю только хуже?

Мне стало не по себе от мысли, что я могу убить дочь короля. Положительных моментов в истории маловато. С другой стороны, помочь ей не может никто, не убивать же теперь всех местных лекарей? В крайнем случае, буду одним из тех, кто не справился.

Сперва эта мысль внушила мне уверенность, но мысль не бывает одна. Всегда есть противоречие, альтернатива.

«Бросить девушку умирать, только из страха, что можешь совершить ошибку и распрощаться со своей жизнью? И кто я после этого? Как быть с данным обещанием?».

Уверенность как ветром сдуло. Я перестал гордо вышагивать и плёлся, понуриив плечи.

– Эй, ты чего?

Я почувствовал лёгкий толчок в спину и обернулся на голос Вильяма.

– Всё в порядке, – сказал я как можно уверенней. – Просто я подумал о том, смогу ли я помочь ей?

– Ты боишься за свою жизнь?

– Да не в этом дело, – чуть резче, чем следовало, ответил я. Однако, тут же опомнился и, вздохнув, проговорил уже более спокойно. – Медицина – очень коварная штука. Бывает, люди гибнут от простой простуды, только потому, что под рукой нет необходимых лекарств. Но бывает и так, что человека убивает именно лечение. Вырезал доброкачественную опухоль и получил рак легких на замену. Ни в чем нельзя быть уверенным до конца. И дело не в том, что я могу сде-

лать. Если бы от тебя зависела жизнь человека, пусть даже без риска для своей собственной, как бы ты себя чувствовал?

– Жалеешь, что ты не Создатель? Щелкнул бы пальцами, и все вдруг перестали болеть, умирать, красть, убивать, воевать, предавать. Так, да? В мире наступила бы гармония и все зажили счастливо? Нет ничего хуже бессилия. Но ведь ты не Создатель? Ты не в ответе за всех и каждого. Люди умирали, и будут умирать. Они будут достигать совершенства в уничтожении друг друга. Если собрать все беды мира и свалить их на одни плечи, кто потянет такую ношу? Отец как-то сказал мне: «Запомни, Вильям. Вокруг всегда будут происходить события, с которыми ты не согласен. Важно ясно осознать, что не всё в мире зависит от нас. Вокруг могут гибнуть люди, а ты не в силах будешь изменить что-либо. И выбор у тебя не велик. Принять реальность и продолжить путь, или же взвалить на себя груз вины и быть съеденным им изнутри».

– Не знаю, почему мне должно стать легче от твоих слов? Всё только ещё хуже.

– Понимаю, – Вильям сочувственно похлопал меня по плечу. – Тогда послушай мою историю до конца. Вскоре после этого разговора, на нашу деревню напали. Отец спрятал меня в колодце. Я слышал звон металла, крики раненых, чувствовал запах крови и пота. Мне было семь, когда его высочество, покойный король Фольрест, нашёл меня в том колодце. Когда меня, наконец, вытащили, деревня уже догора-

ла. Вокруг были сотни трупов. Я ходил от тела к телу, пытаюсь найти своих родителей. Я рыдал, но продолжал бродить среди мертвых. Солдаты молча наблюдали за мной, пока не вмешался король. Он спрыгнул с коня, в два прыжка оказался рядом и, подхватив меня на руки, потащил прочь. Я бился в истерике, пытался вырваться и вернуться обратно, но он держал меня мертвой хваткой.

Позже я много раз обдумывал слова отца. Я чувствовал как гнев и чувство мести заполняют меня. Однако, время шло, я рос, учился управляться с мечом. Всё чаще в моей голове всплывали слова отца, и всё больше смысла я находил в них с каждым разом. Когда я впервые выступил с отрядом, мы наткнулись на одну деревеньку, очень похожую на мою родную. Ночью на нас напали. Бандиты не знали, что именно той ночью в деревне будем мы. После двух часов бойни и погони по лесу мы добились последнего из них. Жители были так благодарны, что падали на колени и плакали. Они все остались живы. Их детям не придется отсиживаться в колодеце, а после искать трупы своих родителей. Именно тогда я понял истинный смысл слов отца. Он спас лишь меня, сделав единственно возможное и тем самым дав другим погибнуть. Я смотрел в глаза детей, и понимал, что они живы только благодаря моему отцу. С тех пор я больше не помышлял о мести. Хочешь знать, какой главный урок я усвоил?

– Думаю, я понял, к чему ты клонишь, но над этим надо поразмыслить. Тебе не кажется, что здесь как-то похолода-

ло?

– Ага, – просто ответил Вильям, – мы почти пришли, скоро сам всё увидишь.

«Поскорей бы уже покончить со всем этим и найти укромный уголок, где можно отдохнуть пару дней. Необходимо привести себя в порядок и решить, что делать дальше»?

Пока я в очередной раз погрузился в раздумья, наше путешествие вдруг закончилось. Леорик остановился и повернулся ко мне.

– То, что ты увидишь, видели не многие. Только прошу тебя, не тешь меня надеждами, как эти шарлатаны. Если ей уже не помочь, я хочу знать это.

Я кивнул, показывая, что отлично понимаю его состояние.

Из-за короля я не мог рассмотреть, чем там занят сеньсаль. Что-то лязгало, звенело, и вскоре послышался звук отпираемой двери. С той стороны веяло заgrabным холодом. Это не был просто мороз в минус двадцать градусов. Холод был как живой, пытался забраться под кожу, грыз легкие изнутри. Еще никогда мне не было так зябко. Запахнув рубаху плотней и, подобрав ее у горла, я последовал за королем. Проходя мимо огромной железной двери, я не мог скрыть удивления. Она вся была покрыта инеем. У меня в холодильнике бывает такое, после того как он несколько месяцев работает без разморозки. Но ведь они не могли построить в подвале настоящий холодильник? Да и зачем держать большую в таком холоде? Полный бред.

Как тут же выяснилось, никакого холодильника они не изобретали. Внутри оказалось небольшое помещение, всего с одной кроватью и камином. В камине полыхали дрова, но я видел кольцо инея, покрывшего пол всего в нескольких сантиметрах от очага. Это уже совсем не вязалось со всем, что мне известно. Под землей всегда плюс, даже зимой. Там свой, особый микроклимат. А если учесть размеры помещения и количество дров в камине, здесь должно быть градусов сорок плюса. А тут все двадцать минуса, не смотря ни на что.

В комнате было всего три человека. Двое, закутанные с головы до ног, похожие на живые сосульки, были охраной. Третий, тот, что склонился над кроватью, скорее всего, был лекарем. Я так и не понял, что именно он делал в тот момент, когда его окрикнул Леорик.

– Довольно, – зло рявкнул он. – Ты тоже не можешь ничего сделать. Хватит травить мне байки. Ты продлил свою жалкую жизнь, используя мою дочь, и надеешься, что я изменю приговор?

– Ваше высочество, я же вам говорю, это все происки злых духов. Я мог бы попробовать изгнать их, но это может быть опасно.

– Духи значит? На плаху его...

– Стойте, – вмешался я. Этот лекарь хоть и был бессилен, в одном он оказался прав. Это не просто болезнь. В комнате чувствовалось нечто такое, от чего хотелось поскорее выскочить оттуда и бежать покуда не упадешь без сил. Но я не

мог понять, откуда оно исходит. – В сторону.

Не церемонясь я отодвинул лекаря и увидел ее. Всё во мне перевернулось в тот же миг. Нежное, юное, совсем ещё невинное дитя. На вид я дал бы ей лет девятнадцать, не больше. Её светлые волосы кудрями рассыпались по подушке. Она лежала такая спокойная и такая бледная... Безусловно, о её красоте можно было слагать легенды, но сейчас она выглядела жалко. Из неё словно вытянули все внутренности. Она больше походила на анорексичку, но её лицо...

Я смотрел в это спокойное и безучастное лицо, и во мне поднимался какой-то животный гнев. Хотелось прямо сейчас найти того, кто это сделал, и порубить его, как капусту для борща. Я вдруг довольно ясно и отчётливо осознал, что хочу весь остаток жизни смотреть в её лицо. Осторожно протянув руку, я убрал прядь волос, едва коснувшись её кожи. К моему удивлению она оказалось теплой, почти живой. Нежная, бархатная, прикосновение к ней вызвало волну приятных мурашек по всему телу. Я видел, как вздымается и опадает её грудь, как пульсирует артерия на её шее.

Я много повидал в жизни, особенно за последние несколько дней, и всё же не мог понять, как такое может происходить? Живая, теплая и нежная девушка каждый раз выдыхает ледяной, морозный воздух. Я бы так и смотрел на неё, если бы не король.

– Такой мы её нашли. Несколько недель назад она просто не проснулась, и с тех пор она здесь. Никто не видел ничего

подобного. Прошу, просто скажи, есть ли шанс спасти её?

Я повернулся к королю и мой взгляд случайно упал на лицо сенешаля. И снова эти эмоции на его лице. Страх и сожаление? Едва уловимые, но всё же странное сочетание. Я могу понять короля, это как-никак его дочь. Но откуда столько переживаний в глазах этого типа? И почему он смотрит на меня с надеждой, ещё большей, чем сам Леорик? Быть может, это усталость берет своё, или я просто выжил из ума, но я решил проверить.

– Боюсь, её дни сочтены. Он прав, это не просто болезнь. Я бессилён что-либо сделать с этим. Остаётся только молиться.

Леорик поник еще больше и не рухнул только потому, что Вильям вовремя придержал его под локоть. Он смотрел на меня как на палача. Сказать такое любящему отцу... Но ведь в тот момент я не врал. Внутри неё действительно что-то находилось. Что-то тёмное, безжалостное, ненасытное. Я ощущал его присутствие. Видимо, сюрпризы после прикосновения к непонятному шару ещё не закончились. Нечто медленно выкачивало из неё жизнь, и времени на её спасение оставалось всё меньше.

Весь этот спектакль я разыграл с одной лишь целью и, в очередной раз, попал в точку. Реакция сенешаля говорила сама за себя. Неужели они настолько слепы и глупы, чтобы не понять очевидного? Хотя, откуда им знать о микроиммике и определённых жестах, неподвластных человеку? Именно они выдали его.

– Ваше высочество, – снова произнес я. – Вы просили говорить только правду, и вот Вам правда.

Я ещё раз посмотрел на сенешаля. Он поймал мой взгляд и всё понял. Я видел дикий ужас в его глазах, но видел и ещё кое-что. Только это остановило меня и, посмотрев ещё раз на принцессу, я всё для себя решил.

– Я могу попытаться её спасти. Но это может быть опасно...

– А я вам что говорю. Духа можно прогнать, или попробовать договориться с ним. Но никто не даст гарантии...

– Пошёл прочь, – тихо прорычал я. – У тебя было достаточно времени.

Вильям с какой-то усмешкой посмотрел на меня, и я понял, что выдал все свои чувства с потрохами. Королю было не до этого, а вот его верный помощник всё заметил. Надо будет поговорить с ним. Но всё это потом.

– Вывести его вон. И скажите палачу...

– Ваше высочество, – уверенно вмешался я. – Этот пройдоха, сам того не ведая, подсказал мне путь к спасению вашей дочери. Пусть он не заслуживает вашей милости, но я хотел бы попросить вас сохранить ему жизнь хотя бы за это. Не думаю, что в округе полно людей, не боящихся говорить правду. Как бы глупо это не звучало, но в вашей дочери поселилось нечто, неподвластное человеческому пониманию. Это нечто убьёт её, если мы не сможем вытащить его и прикончить. Но должен вас предупредить, просто так он её не

отдаст. Он считает её своей законной добычей, и не успокоится, пока не доведёт дело до конца. У нас катастрофически мало времени. Решение принимать только Вам.

Леорик выслушал меня с каменным лицом. Я видел все мысли, которые роились в его голове. Трудно поверить в такое. Но я всё же надеялся на человеческую природу. И она взяла верх.

– Выставить его за ворота, и больше никогда не пускать в мой город.

Вильям кивнул стражникам, и те выпихнули горе-лекаря из комнаты. Он всё не переставал превозносить мудрость короля и его здравый смысл, а сам бросал косые взгляды в мою сторону. Думаю, теперь обо мне узнают все, кто мало-мальски разбирается в медицине.

– Что ты предлагаешь?

Обратился ко мне Леорик, когда двери за стражниками закрылись.

– Это трудно объяснить. Просто поверьте, я знаю, что делаю.

Что было полнейшей чушью. Да я понятия не имел, как с этим разобраться. Зато знал, кто поможет мне в этом.

Король посмотрел на Вильяма, ища поддержки. Тот кивнул, давая понять, что всё идет так, как он и ожидал.

– Хорошо. Будь по-твоему. Что тебе необходимо?

– Пока трудно что-либо сказать. Необходимо провести более тщательный осмотр. Но это не безопасно. Я должен

остаться с ней наедине. Хотя помощь мне не помешает. Но я не могу подвергать всех вас риску. Если ваш слуга согласится мне помочь...

Я вопросительно уставился на Сенешаля, от чего тот ещё больше побледнел.

– Вы можете на меня положиться.

– С вашего позволения, я бы попросил Вас с Вильямом подождать за дверью, и, на всякий случай, отойдите подальше. Пока я не постучу, никого не впускайте внутрь, это может всё испортить.

Вильям кивнул, на этот раз мне, и взял короля под руку.

– Ваше величество, думаю, вам не стоит волноваться. Если кто-то и поможет вашей дочери, то только он.

Леорик высвободил руку и подошел к принцессе. На его глазах блестели слёзы, но он не стал давать волю чувствам. Проведя рукой по её волосам, он поцеловал её в лоб и решительно покинул комнату. Вильям ещё раз кивнул мне, запирая за собой дверь, и вот нас осталось только двое. Сенешаль посмотрел на дверь, на принцессу и снова на меня. Я прочел его немой вопрос.

– А вот это ты мне скажи.

Перебил я его, едва он попытался открыть рот.

– Сказать что?

– Что нам делать. Ты ведь это хотел спросить?

– Да, но откуда я...

– Как думаешь, если я скажу королю, что ты как-то прича-

стен ко всему этому, но не хочешь помогать, что он ответит?

– Я? Но ведь я...

Подскочив к нему, я со всей силы врезал ему в живот. Охнув, он согнулся пополам, но я рывком поставил его на ноги и, приблизив своё лицо почти вплотную к нему, заговорил ядовитым шёпотом.

– Мы поступим так. Сейчас я иду к двери, стучу и говорю королю, что тебе что-то известно, но мне никак не добиться ответа. Тебе ли не знать, как он умеет развязывать людям языки? Думай сам.

И, оттолкнув его, я направился к двери. И вот тут его прорвало. Он ползал по полу, рыдал, что-то лепетал, умолял простить его. Я, как мог, пытался успокоить его и заставить рассказать всё по порядку, но он заикался, перескакивал с места на место, снова рыдал.

Через двадцать минут я всё-таки сложил его рассказ в некое подобие истории, и вот что вышло:

Жил-был парень по имени Генри. Жил, не тужил, пока всю его семью не убили, а сам он попал во дворец к королю Фольресту и служил ему верой и правдой целых восемь лет, после чего стал служить уже Леорику. Жил он и горя не знал, пока однажды не влюбился. И всё бы ничего, да вот только король не согласился дать ему вольную, обещав подумать об этом как только кончится это проклятая война. Но Генри как подменили. Он не мог думать ни о чем, кроме своей возлюбленной. А несколько недель назад кто-то убил её, прямо в

кровати. Конечно это Леорик – решил для себя Генри. Кому ещё могла понадобиться её смерть? И тогда он пообещал поквитаться с королём.

Он слышал о ведьме, что живёт на болоте и решил отправиться к ней. Ведьма пообещала, что Леорик будет страдать не меньше, чем сам Генри, но только если тот заплатит соответствующую плату. А попросила ведьма пустяковую безделушку из замка. Когда он спросил, что именно ей надо, ведьма лишь усмехнулась: «Принеси мне по одной вещи каждого члена королевской семьи». Тогда он был ослеплен жадной мести, поэтому согласился не раздумывая. Он выполнил все условия и по возвращению обнаружил Юлианну в таком состоянии. Он ходил к ведьме снова, но та лишь посмеялась и прогнала его прочь. Вот и вся история.

– Ты так и не выяснил, кто убил твою возлюбленную?

– Нет, – он упал на колени и стал рыдать как ребенок. – Я думал.. думал это он. Но ведьма сказала, что король тут не при чем. Всё это было подстроено. Меня использовали. Я хотел всё рассказать, но как? Прошу тебя, помоги мне. Ты ведь правда можешь её спасти? Я готов отдать свою жизнь в обмен. Я ведь не хотел, она ещё совсем ребёнок, она... Так ты поможешь ей?

– Когда двери откроются, молчи, говорить буду я. И не вздумай наделать глупостей. Отведёшь меня к этой ведьме, у меня к ней будет деловое предложение. А теперь подбери соплю, негоже в таком виде представать перед королем.

Он согласно закивал и стал вытирать слёзы, а я тем временем постучал в двери и вскоре в комнату уже вбегал король, а следом за ним Вильям. Оба первым делом посмотрели на принцессу, затем на меня. Я видел непонимание в их глазах и принялся всё разъяснять.

– Всё прошло как нельзя лучше, – улыбнувшись им как самым родным, признался я. – Немного досталось Генри, но, думаю, он оклемается. Я прав?

Генри молча кивнул, не переставая трястись всем телом.

– Это ему ещё повезло.

– Что с моей дочерью?

– Всё как я и ожидал. Кто-то постарался, чтобы эта тварь прицепилась именно к вашей дочери. К счастью, я успел связать тварь и хозяина с вашим слугой. Теперь он знает, где находится тот, кто в ответе за всё. Однако, скоро нас раскроют, и связь будет потеряна. Нам надо торопиться. Ваша дочь должна отправиться с нами, боюсь, на обратную дорогу времени может не хватить.

– Мы будем готовы через полчаса, – ответил за короля Вильям. – Ваше высочество, прикажете собрать сотню для охраны?

– Ни в коем случае. Мы покинем город тайком, никто не должен заметить наше исчезновение. Генри, проводи нашего гостя на кухню, пусть его как следует накормят. Прикажи приготовить нам отдельный экипаж. Вильям, выбери для охраны несколько человек, и отправляйтесь на разведку.

Встретите нас у развилки. Мы покинем город тайно, но нас никто не должен проверять. Позаботься об этом.

Договорив, король сел на край кровати и, взяв руку принцессы, поцеловал её.

– Юлианна, дочь моя, скоро всё закончится. Слышишь? Скоро ты поправишься, и всё будет как прежде.

Я бы так и смотрел на неё, но Вильям привел меня в чувство и дал понять, что отныне мы здесь лишние. Я кивнул, и мы оставили отца с дочерью, притворив за собой дверь.

Сенешаль шагал впереди, я следом, замыкал снова Вильям. Он шёл угрюмый, но вопросов не задавал, пока мы не выбрались в тронный зал. Тут он отвёл меня в сторону и произнёс с угрозой в голосе:

– Не знаю, какую игру ты затеял, но мне это не нравится. Я вижу, что ты хочешь ей помочь, но я вижу и твою ложь. И этот...

Я приложил палец к губам, призывая его к молчанию. Он замолчал, а я вздохнул, сдаваясь.

– Хорошо, ты меня раскусил, но ведь ты веришь, что я хочу помочь? Обещаю, я всё расскажу тебе после, но сейчас у нас и правда нет времени.

Вильям ещё секунду изучал моё лицо, после чего молча развернулся и зашагал прочь – выполнять распоряжение короля. Генри мялся в стороне, не решаясь приблизиться, пока Вильям не вышел из зала.

– Он всё понял, да?

– На твоём месте я бы не за него волновался. Показывай, где у вас тут кухня. Да, и принеси мой меч. Боюсь, без него вся эта затея пуста!

Ведьма!

Признаюсь, я ещё никогда не пробовал таких угощений. Столько разновидностей блюд! От запечённых перепелов до жаренного поросенка. Да, не слышали они ещё о пестицидах и ГМО. А вот я к химии с детства приучен. А тут всё свежее и натуральное. Плюс ко всему, я не курил уже несколько дней, что обострило восприятие моих вкусовых рецепторов. Я ел до тех пор, пока не почувствовал, что всё вот-вот полезет обратно.

Убедившись, что гость не желает больше трапезничать, Генри проводил меня в карету, где нас уже ждал король. Здесь же была и его дочь, от чего в карете стоял дикий холод. Я с радостью принял предложенную самим королем медвежьей шкуру и поспешил закутаться поплотней. Сенешаль сел рядом и тоже укутался в шкуры.

– Трогай!

Крикнул он кучеру, закрывая дверь кареты. Послышался щелчок кнута, и карета двинулась с места.

Юлиана лежала между мной и королем, и мы оба смотрели на неё, как на самое дорогое сокровище в мире, а ведь я и знать её не знаю. Может, она та ещё стерва, а я рисую её такой чистой и невинной? Однако, посмотрев на её лицо, я выругал сам себя за такие подлые мысли.

Медвежья шкура отлично держала тепло, и вскоре я начал

клевать носом. Король что-то рассказывал, обещал сделать всё, о чем я только попрошу, и бла-бла-бла... Как в старом анекдоте, когда парень упал с балкона десятого этажа и, пока летел, клялся Богу, что бросит и пить, и курить, и даже матом ругаться не будет. А когда выбрался из стога сена, глянул на небо и рассмеялся: «Господи, и всего-то? А пока летел, такой чуши наговорил!»

С этой мыслью я и заснул, и мне впервые приснился Ричард.

Он был здесь, в карете, на месте Генри. Король его словно не видел и не слышал, а между тем Ричард пихнул меня плечом и весело рассмеялся.

– А губа у тебя не дура. Не забыл, что она дочь самого короля?

– Ричард, да я бы никогда...

– Расслабься, – он снова рассмеялся и похлопал меня по спине. – Ты не находишь, что ей очень повезло? Сколько бы она ещё протянула, не окажись ты поблизости?

– А как насчет тебя? Не окажись я поблизости, возможно и тебе бы повезло.

– Повезло? Умереть посреди дороги, с перерезанным горлом, и быть съеденным дикими зверями – это, по-твоему, везение? Брось, ты ведь не настолько глуп. Или полагаешь, они отправили бы меня домой? Мне было начертано умереть в тот день в неизвестности. Но тут появился ты и подарил мне шанс на искупление. Если бы тебе осталось жить всего ни-

чего, разве не хотелось бы тебе сделать хоть что-то стоящее перед смертью? Ты вот зачем на это болото едешь? К ведьме? Принцессу спасти хочешь? Тебе ведь и даром не нужны ни благодарность короля, ни его титулы. Что заставляет тебя ехать туда, куда сотни лучших воинов не отправились бы даже за все сокровища мира? Ты так уверен в себе? Ты ведь даже не знаешь, что ждет тебя там! Уверен, что сможешь с ней справиться? Как с той тварью?

Можешь не отвечать, я знаю, что об этом ты и не думал. Ты победил Калхена случайно, он не был готов к такому повороту событий. Ведьма же будет тебя ждать. Она знает, что ты умен и постарайся обвести её вокруг пальца. Один раз ты уже решил потягаться извилинами с тем, кому на несколько тысяч лет больше, чем первому из людей, появившихся на этой земле. Не боишься наступить на те же грабли? Только теперь на кону не моя жизнь, а её. Подумай об этом хорошенько, когда будешь вести с ней беседу. Да, и ещё кое-что. Когда ты получишь от нее всё, зачем пришел, не спеши уносить ноги. Ведьма, ты, неизвестная тварь внутри принцессы, сенешаль и, наконец, сама принцесса. Непростая складывается ситуация, но мы все на твоей стороне. Я верю, ты найдешь истину среди кусочков лжи.

– Постой, ты знаешь, что меня там ждёт? И кто такие «мы»?

– Ишь ты, какой прыткий, всё тебе расскажи да покажи. Это твой путь и только тебе предстоит его пройти. Я не могу

рассказать тебе и половины того, о чём мне известно. Увы, таковы правила.

– Чьи правила?

Ричард в очередной раз рассмеялся.

– Ты ведь понимаешь, что я не могу ответить на твой вопрос, хотя бы потому, что ответа на него нет, как нет и всего остального.

– Тебя там, случаем, по голове не били? Теперь я окончательно запутался.

– Всему своё время. Если плод сорвать до того, как он созрел, он будет ужасен на вкус и не даст новых побегов. Сперва он должен дозреть и тогда он сам упадет.

– Эврика!

– Вот именно.

– Тебе эта фраза говорит о чем-то?

Живо спохватился я.

– Боюсь, моё время вышло. Надеюсь, ты отдохнул? Дальше придётся топтать своим ходом. Удачи, Скуал. Или лучше называть тебя Эндрю с равнинных полей?

– Это не мои имена, моё настоящее имя...

Договорить я не успел. Кто-то настойчиво тряс меня, и Ричард постепенно растворился, а на его месте снова сидел Генри.

– Надеюсь, ты отдохнул, – учтиво поинтересовался Леорик. – Лошади дальше не пройдут, придется идти пешком.

– Вам лучше остаться здесь, – произнес я, зевая и поежи-

ваясь от холода. – Неизвестно, что нас там ждёт. Со мной отправится Генри. Ты ведь ещё чувствуешь связь, сможешь меня провести?

Генри тут же принялся кивать и уверять, что он не заблудится, даже если завязать ему глаза. Леорик согласился, нехотя и только благодаря поддержке Вильяма. Я не могу его осуждать. Трудно оставаться хладнокровным, когда дело касается детей.

После всех разговоров мы, наконец, сошлись в едином мнении. План был таков:

Мы идём к ведьме, ну а там разберёмся. Если через час не вернёмся, нас можно считать погибшими. Если же всё получится, Генри вернётся первым и посвятит всех в детали происходящего. Вильям со своими людьми будет охранять короля с принцессой до нашего возвращения. Все они вооружились, кто мечами, а кто арбалетами со странными голубоватыми стрелами. Как позже пояснил Генри, таких стрел в мире почти не осталось, а те, что есть, стоят целое состояние, и даже Леорик не может позволить себе купить хотя бы одну. Эти же достались его деду как военный трофей и с тех пор считались родовым достоянием. По его словам, такой стрелой можно убить даже ведьму. У Леорика их было три, ещё пара десятков кочевали по всему миру. Нам предложили один из арбалетов, но я отказался. Нам ведь не убить ведьму надо, а только заставить прогнать эту тварь. А с этим и меч справится, надеюсь... К тому же, у меня припасен ещё

один козырь в рукаве. Надо ещё понять, как направлять и контролировать Силу, что теперь внутри меня, но, в крайнем случае, сплзю там всё к чертям.

– Ну что, Генри, показывай дорогу.

– Да-да. Нам сюда, следуйте за мной.

– Нам что, топать прямо через болото?

– Другой дороги нет.

– Другой дороги нет, – передразнил я его. – Кто бы сомневался. Она же ведьма! Обязательно болото, дом на курьих ножках, и бабуля с бородавками.

Генри воздержался от вопросов и поплелся вперёд. Нас провожали молча. Я видел, как люди озираются по сторонам, как дрожат их руки. Даже Вильям заметно нервничал, и то и дело водил арбалетом из стороны в сторону. Неужели всего одна женщина, пусть она и ведьма, может держать в страхе дюжину крепких парней?

Болот я раньше не видел, но всё оказалось именно так, как я себе и представлял. Редкие гнилые деревца, хлюпающая под ногами жижа, небольшие островки суши, поросшие густой зеленой травой. И всюду запах гнили, сырости и разложения.

Вскоре мы уже с трудом переставляли ноги, которые то и дело вязли в грязи.

– Вот скажи мне на милость, Генри, – начал я разговор, лишь бы хоть как-то отвлечься. – Если бы ты был так опасен, что даже лучшие воины отказывались связываться с тобой,

поселился бы ты на этом проклятом болоте? В любой деревне её дом обходили бы стороной. Я понимаю, если бы она опасалась за свою жизнь и решила тут спрятаться. Однако же нет. Всем известно, где она. Тогда где логика в её поступке? В городе у неё от клиентов отбоя не будет. Вот ты бы как поступил?

– Не знаю, – честно признался он. – Я ведь далёк от всех этих магических штук. Имей я такую силу, скорее всего, постарался бы её скрыть. Ну, или использовал бы тайком.

– А почему бы не обратить всё на пользу человечеству?

Генри ненадолго задумался, признаться, я и не ожидал от него такой сообразительности.

– Не думаю, что это возможно. В один прекрасный день люди пойдут против тебя, просто из страха, что ты обернёшь эту силу против них.

– Возможно, ты прав.

Генри пробубнил в ответ нечто нечленораздельное, и разговор на этом прервался. Не так-то просто разговаривать со сбитым дыханием. Я уже порядком взмок, от чего одежда липла к телу, вызывая неприятные ощущения, но приходилось со всем мириться. Надеюсь, нам не придётся топтать слишком далеко.

– Генри, а далеко дом этой спятившей старухи?

– С чего ты взял, что она старуха?

С усмешкой спросил он, и даже на мгновение обернулся.

– Ну, раз она ведьма, балуется черной магией и, к тому же,

живёт на болоте, значит она или старая, или же у неё слишком отталкивающая внешность. Разве нет?

– Скоро сам увидишь, мы почти пришли. Но могу с уверенностью заявить, что женщин её красоты я прежде не встречал. А поверь, я их немало видел во дворце.

– Это плохо, – серьёзно ответил я. – Уж лучше бы она была бородавчатой старухой. Трудно сохранять ясную голову, если перед тобой прекрасная представительница слабого пола.

– Слабого пола?

– Ну да. Мужчина – сильный пол, женщина – слабый. Однако сильный пол слабее слабого, в силу слабости сильного пола к слабому.

Мне вспомнилось лицо Юлианны, и эти воспоминания приятно грели душу. Хотелось поскорее со всем этим покончить и вернуться к ней... «Стоп, – одернул я себя. – Это не мой мир, не моя жизнь. У нас разные дороги».

Дороги у нас, может, и разные, однако в одном месте они всё же пересеклись, и теперь ничего уже не изменить. Её лицо навеки отпечаталось в моей памяти. Стоит только закрыть глаза, и я вижу её. Бледную, исхудавшую и такую хрупкую.

Снова на меня накатила волна гнева, и я сжал кулаки.

«Будь ты хоть мисс вселенная, тебе придется сегодня отведавать стали этого меча. Негоже всякой нечисти, землю православную... эээ...

– Генри, я тут вдруг подумал.

– Что именно?

– Да так, просто любопытно, не сочти меня грубым или невежественным, но куда смотрит ваша церковь? Где знаменитые инквизиторы, сжигающие ведьм на костре и изгоняющие демонов святым словом? Неужели им нет до этого никакого дела?

– Сжигать ведьм на костре? Хотел бы я посмотреть на того, кто отважится сунуть её в костер. На то она и ведьма.

– А как же Создатель? Неужели он не помогает своим слугам?

– Поверь, он помогает лишь там, где человек не в силах справиться сам.

– Прости, что ты сказал?

– Я всё не возьму в толк, откуда ты приехал? Это ведь даже дети знают. Ты разве не слышал о чудесных исцелениях? О людях, выживающих там, где до них погибли тысячи? Думаешь, это всё простое совпадение?

– А как же убийства, войны, эпидемии? До этого ему нет дела?

– А это всё дело рук самих людей. Мы все – Создатель. Ты что, не слышал никогда об Ордене Ищущих? Пришли. Дальше я не пойду. Ты уж прости, но я не хочу испытать на себе её гнев. Видишь, впереди туман? Это и есть вход в её убежище. Только вот ещё что. Если ведьма не захочет с тобой разговаривать, ты вряд ли сможешь отыскать её дом, как и выход из тумана. Это все её темное колдовство. Уверен,

она и сейчас наблюдает за нами.

– Улыбаемся и машем!

Я наигранно улыбнулся, помахал рукой туману и зашагал вперёд, оставив Генри на небольшом островке суши.

– Всё бы отдал за горячую ванну и чистую одежду.

Бормотал я себе под нос, приближаясь к границе белой пелены, скрывающей жилище ведьмы. Возле самой границы остановился и размотал сверток с мечом. Рукоять приятно грела руку, но меч был теплее, чем того хотелось бы.

– Эй, ты, как тебя там зовут? – прокричал я в туман, – Брось эти свои штучки, со мной такой номер не пройдёт.

Бросив последний взгляд на Генри, я смело шагнул в молочную пелену, уверенный, что придётся топтать вслепую. Бог знает сколько, и был приятно удивлён. Никакого тумана здесь не было. Болота, кстати, тоже не было видно. Я стоял на лужайке, усыпанной цветами. Всюду гудели пчелы, весело щебетали птицы, а в небе ярко светило солнце. Приятная перемена. Однако я видел, что здесь что-то не так.

Одна из пчел, сорвавшись с цветка, сделала круг, и снова уселась на то же место. Затем снова, и снова. И все бы ничего, да только летала она по одному и тому же маршруту. Словно видеозапись, поставленная на повтор.

– Декорации ничего так, – усмехнулся я вслух. – Только видал я спецэффекты и круче. Один хищник чего стоит. Но всё же, должен признать – талант у тебя есть.

– Нравится? – раздался голос позади меня. Неожиданно,

скажу вам. Однако вида я не подал, только крепче перехватил меч. – Могу научить тебя парочке приемов. Ты ведь ещё не знаешь, что тебе досталось? С моей помощью ты достигнешь немалых успехов.

– Я и без твоей помощи как-то справляюсь. И вообще, меня не интересуют базарные фокусы. Я здесь не за этим.

– Дело твоё. Но мое предложение остается в силе.

За спиной послышалась возня, зашелестела трава, и я почувствовал, как рукоятка меча начинает нагреваться. Снаружи я может и выглядел спокойным и беззаботным, но внутри – словно пружину взвели. Я был готов в любой момент отскочить в сторону и снести голову этой бестии.

– Да расслабься ты, – прозвучало над самым ухом, а следом показалась и сама обладательница столь милого голоса. – Нам нечего делить. Прошу, пройдем в дом, там ты сможешь смыть всю эту грязь и переодеться в чистую одежду.

Она улыбнулась и поправила бретельку платья, так удачно соскочившую, что взгляд невольно упал на упругую грудь с темным соском. Дешёвый и старый приём. Ведьма проследила за моим взглядом и, весело рассмеявшись, повернулась и зашагал прочь, мерно покачивая бёдрами. На ней было короткое, до середины бедра, зелёное платье, которое идеально подчёркивало её фигуру.

Я дождался пока она повернётся и поманит меня за собой, наивно полагая, что я уже слюни должен пускать.

«Это ты ещё не видела звезд шоу-бизнеса. Нашла тоже,

чем удивить».

Сделав всего несколько шагов, она развернулась, и наши глаза встретились. Ведьма явно была довольно произведенным эффектом.

– Так и будешь стоять как истукан?

Промурлыкала она и снова рассмеялась, приложив пальцы к губам. Я сделал вид, что смущен и молча побрел за ней. Генри был прав. В красоте она не уступала самой Афродите. Я бы дал ей лет двадцать, или около того. Стройная, с нежной розовой кожей. Длинные каштановые волосы ниспадали до поясницы. В нашем мире она добилась бы многого и без помощи магии. Но я не верил в этот маскарад. Оставалось только наблюдать. Не без удовольствия, должен отметить.

– А скажи мне по секрету, – спросил я, догнав ведьму. – Если убрать всю эту мишуру, я имею в виду цветы и этих пчёл, мы всё так же будет топтать по колено в грязи?

– К чему ты спрашиваешь?

– Да мне просто интересно, – пожал я плечами. – Зачем такой девушке как ты, жить в такой глуши? Не проще перебраться туда, где будет настоящая трава?

– А разве здесь она не настоящая? Думаю, ты не так всё понял. Это вовсе не иллюзия. Трава, цветы, насекомые – всё это более чем реально.

– Брось. Сколько эта пчела будет летать кругами, пока не умрет?

– А что, если бы она и рада умереть, да возможности у

неё такой нет?

– Это как?

– Всё просто. Всех, кто попадает сюда, будь то пчела или сам король, ждёт одна и та же участь. Они будут вечно ходить кругами, если я не захочу избавиться от них.

– То есть, это что-то вроде пространственно-временной аномалии?

– Хм... можно и так сказать.

– А почему на меня твоя магия не действует?

– Из-за этой проклятой штуковины, которую ты держишь в руках, – с омерзением глянув на меч, прошипела ведьма

– Не будь у тебя этого меча, сейчас ты был бы занят тем же самым.

– Ясно. Выходит, ты вовсе не горела желанием встретиться со мной?

– Шутишь что ли? Вести о том, что ты убил самого... эээ...

– Калхена?

Подсказал я.

– Это не совсем его имя, но пусть так. Теперь о тебе известно всем, кто хоть как-то связан... не важно, в общем. За тебя обещана немалая награда, между прочим.

– Награда? Так за моей головой уже охотятся?

– Кому сдалась твоя голова?

– Может, поделишься информацией?

– С радостью. Как только примешь моё предложение. Я

могу многое тебе поведать. В том числе о том, как ты попал сюда и как тебе вернуться обратно.

Последние слова она бросила, как нечто, ничего не значащее. Подумаешь, какой-то пустячок. Однако от меня не ускользнуло волнение в её голосе.

– Хочешь сказать, ты знаешь, как отправить меня обратно?

– Знаю? – ведьма даже остановилась, вопросительно приподняв брови. – Я ведь не базарная фокусница. Я могу хоть сейчас отправить тебя домой. Ты даже можешь оставить себе дар. Представь, чего ты сможешь добиться, обладая этой Силой в своём мире?

– А как же меч?

– Сдался тебе этот меч? Утопи его в болоте, и можешь считать, что ты уже дома. Как тебе такая сделка?

Я задумался, но лишь на мгновение. Да, это было бы лучшим выходом из положения. К тому же, я и впрямь могу использовать эту силу в нашем мире. Только представьте!

В памяти прокрутились слова Ричарда, моё обещание, лицо Юлианы и её бедного отца.

– Негоже джентльмену бросать даму в беде, – решительно тряхнув головой, ответил я. – К тому же, я дал слово и во все не намерен нарушать его. Возможно, мы ещё вернемся к этому разговору, но сейчас меня волнует совсем другое.

Ведьма скривилась, словно ей уксуса в рот налили.

– Сдалась тебе эта принцесса? И с чего ты взял, что она

ещё жива? Пока мы с тобой болтаем, она могла давно умереть. Ты готов отказаться от всего только ради мертвой принцессы? А хоть бы и была жива, тебе-то, что с того? Ну, спасёшь ты её, а что дальше? Король осыплет тебя своей милостью, и ты будешь жить припеваючи? А что, если им станет известен твой маленький секрет? Думаешь, они не изменят своё мнение? Ты для них ничем не лучше, чем я.

Ведьма не сдавалась, а меня уже начинал раздражать этот разговор. И зря она так о принцессе. Ведь если та уже мертва, то и ведьме самой недолго осталось.

– Мы только попусту теряем время. Ты знаешь, зачем я пришёл. И я не уйду, пока не получу своё. Даже если придется спалить здесь всё к чертовой матери.

Подтверждая свои слова, я швырнул в ближайшее скопление цветов огненный шар, молясь, чтобы всё получилось. Яркая вспышка – и остался только выжженный круг, диаметром около двух метров. До последнего не верил что смогу, но ведь вышло!

Ведьма явно была вне себя от злости. Я видел электрические разряды, сверкавшие в её глазах, а рукоятка меча заметно нагрелась. Не теряя ни секунды, я упёр острие меча в её нежную шейку. Она зашипела как змея и отскочила в сторону.

– Убьёшь меня? – засмеялась она в голос. – И что потом? Кто спасёт эту соплячку?

– Тогда не вынуждай меня делать этого. Дай мне то, за чем

я пришел, и покончим с этим.

– Ты ещё заплатишь за это, попомни мои слова.

– Я вышлю тебе чек. А теперь показывай свою лачугу. Я действительно хочу принять ванну и сменить эту смердящую одежду. Жаль, но придется отложить всё на потом. Я всё же рассчитываю спасти соплячку.

Ведьма гневно сжала губы, но всё же промолчала. Глаза её то и дело скользили по лезвию моего меча, и она снова гневно шипела. Наконец, она сдалась и молча зашагала дальше.

Идти пришлось не далеко. Всего через несколько минут мы уже стояли перед её домом. Огромный, выложенный из идеально подогнанных бревен, с соломенной крышей и застеклёнными окнами.

– Вот и избушка на курьих лапках.

– Где ты увидел здесь курьи лапки? Это что вообще за бред такой?

– Тебе не понять. Топай внутрь и не вздумай выкинуть какой-нибудь фокус.

Ведьма фыркнула и поднялась на крыльцо. Я последовал за ней, держа меч наготове. Мало ли, какие питомцы могут ждать меня в доме... Однако, зря волновался. В доме было пусто, не считая мебели. Комнат было несколько, я бегло осмотрел все и только потом уселся за стол, где меня уже ждала ведьма.

– А неплохо у тебя тут. Не подскажешь телефончик своего дизайнера?

– Да ты шутник, как я погляжу. Слова странные говоришь. Потешаешься над бедной девушкой?

– Ага. Хочешь ещё шутку? Я вот тут подумал, здорово было бы добавить сюда немного света, как ты считаешь?

– Вам, мужикам, только бы кулаками махать. Выкладывай, зачем пришёл.

– А разве ты не знаешь, зачем я здесь?

– Знаю, – согласилась ведьма. – Но хотелось бы услышать от тебя что-то конкретное. Деловое предложение, к примеру.

– Сделок не будет, – грубо ответил я. – Довольно с меня и одной. Просто скажи «фу» своей собачонке и больше ты меня не увидишь.

Ведьма какое-то время молча изучала моё лицо. Я видел, как в её голове роятся мысли и, готов поклясться, она что-то придумала. Это было видно по её глазам. Улыбнувшись, она встала и подошла к огромному комоду, откуда извлекла небольшой камень, похожий на оникс, и положила его на стол.

– Вот то, что тебе нужно. Я дам тебе заклинание. Прочти его над телом принцессы, и он оставит её в покое.

– Так просто?

– А чего ты ожидал?

– Ну, знаешь, хотелось бы получить кое-какие гарантии. Ты же понимаешь о чем я? Вдруг это ловушка?

«Это, безусловно, ловушка, – подумал я про себя. – Когда ты получишь от неё всё, за чем пришёл – не спеши уносить»

ноги... Кажется, именно об этом Ричард предупреждал меня?»?

– И что предлагаешь?

– Ты пойдешь со мной.

– Вот ещё. С чего бы мне доверять тебе? Получишь своё, а потом снесёшь мне голову? Ну уж нет.

– Никто тебе голову не снесёт. Если всё так, как ты говоришь, и это сработает, я немедленно отпущу тебя. Даю слово.

– Клянись!

– Как?

– Если ты нарушишь данное слово, твоя душа будет принадлежать мне. Идёт?

– Нет проблем. И ещё несколько моментов, – ведьма прищурила глаза, ожидая подвоха. – Ничего особенного. Во-первых, найди кусок бумаги и нацарапай своё заклинание. Вслух не вздумай произнести ни единого звука. Я свяжу тебе руки и вставлю кляп. В целях безопасности, разумеется. У меня тоже нет причин доверять тебе.

На этот раз ведьма думала дольше обычного. Однако, мои слова звучали разумно, и к тому же – поклялся ведь. Видимо, в её мире это многое значило. Наконец, она согласно кивнула и, бросив: «жди здесь», скрылась в другой комнате.

Когда ведьма вернулась, в руках у неё был кусок пергамента и чернильница с торчащим из неё пером. Усевшись за стол, ведьма стряхнула с кончика пера каплю чернил и склонилась над пергаментом, тщательно выводя каждую за-

корючку. Ещё несколько раз она макала перо в чернильницу и, наконец, придирчиво осмотрела свою работу.

– Вот, держи. Надеюсь, тебе знаком этот язык?

Я бегло осмотрел врученный мне свиток и удовлетворенно кивнул, засовывая его под рубаху.

– А теперь переоденься. Не хочу, чтобы твоя внешность отвлекала людей. Надеюсь, верёвка у тебя найдется?

Ведьма усмехнулась и снова скрылась в другой комнате.

Я подождал, пока двери за ней закроются, и рванул к чернильнице, по счастью оставленной на столе. Схватив перо, стал быстро наносить на бумагу различные завитушки и узоры, старясь скопировать почерк ведьмы. Она ведь и словом не обмолвилась, что станет делать загадочная тварь, когда покинет тело принцессы. А ну как бросится крушить всё вокруг? И зарубить подлую обманщицу, уже не получится, душа мне ещё пригодится.

Когда дверь в другую комнату открылась, я уже сидел на своем месте со скучающим видом. Ведьма подошла к столу, бросила взгляд на чернильницу, затем на меня.

– Просто любопытно стало, – пожал я плечами. – Впервые вижу чернила и перо. У нас, знаешь ли, давно есть гелевые ручки и принтеры. А тут – раритет.

Ведьма смотрела на меня с подозрением, но ведь я сказал почти правду, отчасти.

– Можешь забрать её себе, – сказала она, наконец, а затем покрутилась на месте, демонстрируя свой новый наряд. – Так

тебе будет спокойней?

– У меня бабушка так одевается. В самый раз. Где веревка и кляп?

– Вот, – ведьма зло швырнула мне кусок бечёвки. – Только помни данное слово.

– Забудешь такое, – усмехнулся я. – А теперь, будь добра, повернись к лесу передом, а ко мне.. эээ ... Просто дай сюда свои руки.

Раздраженно закончил я, заметив похотливый огонек в её глазах.

– Ну, не будь же так груб, – простонала она, когда я в отместку стянул ей запястья сильнее, чем требовалось. – Я, может, и ведьма, но всё же женщина. Девушка, если быть точнее.

– Что? – удивился я. – Ты хочешь сказать, что ещё ни разу? Быть того не может. Тебе лет-то сколько? И кстати, имя-то у тебя есть?

– Есть, да не по твою честь. И да, ни разу.

Последние слова она произнесла с какой-то горечью. Мне даже стало немного жаль её. Но я быстро опомнился и сунул кляп ей в рот, закрепив его остатками бечёвки.

– Значит, я буду звать тебя Герой. Была когда-то такая богиня. Её считали хитрой и коварной. Думаю, это как раз про тебя. Только она была женой самого громовержца Зевса, а у тебя и мужика-то нормального не было.

Она дернулась как ужаленная, но я уже выводил её на ули-

цу, а вскоре мы уже выбрались на ту сторону тумана и топали по болоту.

Увидев, что я веду связанную ведьму, Генри чуть не рухнул и принялся бормотать себе что-то под нос.

– Заканчивай свою молитву, – крикнул я ему ещё издали. – Возвращайся к остальным. Скажи, что видел. Пусть подготовят принцессу. И... пусть готовятся к худшему.

Ведьма попыталась вырваться, но я подтащил её ближе.

– Давай без глупостей. У нас с тобой уговор, будь добра выполнить свою часть, остальное тебя не касается, – и снова крикнул Генри. – Может дать тебе пинка, для ускорения?

Он спохватился и бросился пробираться сквозь болото с максимально доступной скоростью.

Всю дорогу я прокручивал в голове возможные варианты развития событий, и не все из них внушали мне уверенность. Само собой, здесь есть какой-то подвох, иначе просто не может быть. Долго мучился сомнениями по поводу данного ею заклинания. Она сказала только то, что тварь оставит принцессу в покое, но вот что это значит? Смерть ведь тоже можно рассматривать как покой, только уже вечный. Мысли были одна мрачней другой, благо идти было недалеко, и вскоре мы уже выбрались на поляну, где нас встретили десятки настороженных взглядов и направленных в нашу сторону арбалетов.

– Спокойно, ребята. Сейчас она не опасна. Но всё же будьте настороже. Не верю я в её покорность, хоть убейте.

Ведьма усмехнулась одними глазами, подтверждая мои слова. Она была на удивление спокойна, а это выводило из себя. На стрелы она смотрела с опаской, но особого беспокойства не выказывала. Меня грызли сомнения, но я сжал зубы и толкнул ведьму в круг солдат, внутри которого, на собранной там же кушетке, лежала принцесса. Король стоял у изголовья импровизированной кровати, положив ладонь на рукоять своего меча.

– Ваше высочество, – сказал я как можно учтивее. – Я не знаю, чем всё это закончится. Она что-то недоговаривает, но у нас нет иного выхода. Будет лучше, если вы отойдете подальше. А ещё лучше – садитесь в карету и отъезжайте на безопасное расстояние.

– Никогда этому не бывать, – гневно ответил Леорик. – Я глаз с этой твари не спущу. Если с моей дочерью что-то случится...

– Я попросил бы вас не предпринимать никаких действий в отношении этой персоны. У нас с ней уговор. Она поможет вашей дочери, после чего я вынужден буду её отпустить.

– Что? – взревел король. – После всего, что она сделал с моей дочерью, ты пообещал ей свободу? Кто дал тебе такое право? Она предстанет перед...

– Ваше высочество, – перебил его Вильям. – Думаю, будет лучше, если мы его послушаем. На кону жизнь вашей дочери. Не думаю, что у него был богатый выбор. Вы ведь знаете, что говорят об этой ведьме?

Король сверлил её гневным взглядом. У него даже вены на шее вздулись. Но он всё же взял себя в руки и отступил, всего на один шаг.

– Делай, что необходимо, а потом проваливай. Только сильно не радуйся. Я выжгу всё болото вместе с тобой, даю тебе слово.

Ведьма никак не отреагировала на его слова. Не думаю, что Король сможет сдержать данное слово. В лучшем случае – угробит половину армии, пока поймет, что до неё не добраться.

– Если все готовы – я начинаю.

Король кивнул, кивнул и Вильям, поднимая арбалет и направляя стрелу прямо между глаз ведьме.

Обдумав всё в последний раз, я вынул свиток и направился к принцессе. Ведьма заметила, что я успел написать что-то ещё, и вся её уверенность враз улетучилась. Она дернулась было ко мне, но Вильям остановил её.

– Знаешь, мои парни сейчас на нервах. Я бы на твоём месте превратился в статую. А вдруг у кого рука дрогнет?

Ведьма бросила взгляд на людей вокруг, кажется, только сейчас до конца осознав, в каком положении находится, и осталась стоять на месте.

– Помощь мне бы не помешала, – тихо прошептал я. – Если у тебя найдется минутка, я буду очень признателен.

Это не совсем молитва, но других я не знаю. Вздохнув, развернул свиток и ещё раз пробежался по словам заклина-

ния, пробуя их на вкус.

– Ну, – произнес я, осматривая всех окружающих. – Понеслась, что ли? Ээээ... Ио пелопс. Ниоба кефал. Дискуй атей фэрес.

Едва я произнес последнее слово, как камень в моём кармане звонко хлопнул, и всю поляну накрыла какая-то тень. Принцесса внезапно распахнула большие зелёные глаза и с шумом втянула воздух. Король опередил меня всего на мгновение, подхватив её на руки, а затем обратил свой взор на меня.

– Что происходит?

Ответить мне не дали. Пространство вокруг принцессы с пронзительным хлопком взорвалось, обдав всех волной морозного воздуха и выбросив кольцо тёмной материи. Никто толком испугаться не успел, как субстанция с противным хлюпаньем понеслась обратно, собираясь в некий сгусток. Король в ужасе отскочил назад, а тень задрожала и приняла неясную форму, чем-то отдаленно напоминающую медузу.

– Кто ты такой, – разлетелось по всей округе. – Как посмел ты прервать меня?

– До тебя там новости не доходят, что ли? Видишь ли, у нас тут образовалась небольшая дилемма. Но позволь рассказать всё по порядку.

– Тебе ведь известны правила? – перебило меня это создание. – Чьей жизнью будешь расплачиваться?

Ну, вот и завертелось. Я заметил, как ведьма снова набра-

лась уверенности и насмешливо ждала, что же я отвечу.

– Да знаю я твои правила, – отмахнулся я, и продолжил, бросив взгляд на Генри. – Ты своё получишь. Но, может, сначала выслушаешь меня? Потом может быть слишком поздно для нас обоих. Взгляни сюда.

Я потряс перед собой исписанным свитком.

– Меня твои каракули не интересуют.

– В том-то и дело, – небрежно пожал плечами я. – Что как раз тебя они должны интересовать больше всего. Это ведь не мои каракули, а её. Догадываешься, что здесь?

– Формула призыва, что же ещё. Никак не возьму в толк, как тебе удалось вытрясти её из этой старой вешалки?

– Да есть у меня необходимые инструменты.

Небрежно бросил я, уперев меч острием в землю и демонстративно оперевшись на него.

– Я знаю этот меч. Только что ты можешь сделать мне этой железякой? Мне её магия не страшна.

– Тебе, может, и нет, – согласился я. – Зато наша общая знакомая выложила мне всё как на духу. Ты знал, что она все ещё хранит целомудрие?

– Что со свитком?

Нетерпеливо спросил демон.

– Да со свитком проблем нет. Тут различные формулы. Сейчас, где это было, ах да, вот оно. Мне вот эти два больше всего нравятся. «Изгнать» – как тебе? Или вот вариант: – «Заточить на века»?

– Враньё, – взревел демон. – Нет у неё таких формул.

– Неужели? Тогда почему у неё кляп во рту? Видишь ли, в чём дело. У нас с ней уговор. Она отдаёт мне камень и бразды правления, а я отпускаю её. Только вот есть у меня подозрения, что она вовсе не в восторге от перспективы, что камнем буду обладать я. Уверен, стоит ей отойти на безопасное расстояние – и пиши пропало. А я бы очень не хотел потерять такого ценного помощника.

Демон молчал, но я чувствовал на себе его пристальный «взгляд», если можно так выразиться. Однако я откровенно скучал и это подействовало.

– Тогда прикажи, и я заберу её.

«Ну, вот и всё»

Подумал я, чуть было, не вздохнув от облегчения. Ведьма бросала на меня гневные взгляды и пыталась что-то сказать, но слышно было только приглушенное «бу-бу-бу»...

– Я же сказал, что должен её отпустить. Теперь понимаешь, какая проблема у нас образовалась? Быть может, таких формул и нет, я был бы только рад такому повороту событий, но где гарантии? Да и женщины... Тебе ли не знать, как мстительны они бывают?

Ведьма бессильно взревела, поняв, в каком она теперь положении.

– Я понимаю, правила обязывают меня назвать тебе имя, но сперва я должен отпустить эту бестию. Ты уж прости, у меня правда связаны руки.

Вздохнув, я вернулся к ведьме и стал копать с веревками, связывающими её руки. Она всё порывалась освободиться и что-то выкрикнуть. Представляю, какие мысли вертелись в голове той твари. Психология присуща не только людям. Я ставил именно на это.

Едва я развязал последний узел, как ведьма рванулась, намереваясь освободиться от кляпа. Само собой, никаких формул не было, о чем она и собиралась сообщить. Но демон решил не испытывать судьбу и, взревев, рванулся к ней. Я видел, как расширились её глаза. Рука только успела коснуться кляпа, когда на нее набросилась тень, сбив с ног. Ведьма извивалась как змея и всё же ухитрилась вырвать кляп, округу огласил её пронзительный вопль, который, впрочем, тут же оборвался. Всё было кончено. Ведьма обмякла и затихла.

Едва я заметил первые вырвавшиеся из её груди клубы пара, как всё напряжение тут же спало, и я уселся прямо на землю, рядом с ней.

– Так-то, – похлопав её по ноге, произнес я. – Двоих зайцев, одним выстрелом.

– Чего ты ждешь? Читай свои заклинания. Убей обоих.

Встряхнул меня подскочивший Вильям.

– Одну минуту, – призвал я всех к тишине. – С вашей дочерью происходило то же самое?

Спросил я у Леорика, указывая на тело ведьмы. С ней стали происходить странные метаморфозы. По всему её телу пробегали волны ряби, плоть вздымалась и опала отдельно.

ными фрагментами. Я такое только в мультике видел, про пластилиновую ворону. Там тоже персонажи подвергались похожим метаморфозам, только там это были всего лишь издержки при лепке фигур.

Все ждали, чем всё закончится, с опаской поглядывая на ведьму. Меня она больше не интересовала. Я своё слово сдержал. Обещал отпустить и ведь отпустил? Кто же виноват, что ею решил полакомиться собственный питомец? Однако, именно питомец волновал меня в данный момент. Новость, что меч ему совершенно не страшен, поставила меня в тупик. Что он станет делать теперь, решив, что у меня есть способ покончить с ним раз и навсегда? Правила правилами, но ведь один раз он их уже нарушил?

– Думаю, вам лучше поскорее уходить отсюда, – сказал я, поднимаясь на ноги. – Это ещё не конец.

Вильяму не надо было повторять дважды. Он уже отдавал распоряжения. Я бросил последний взгляд на принцессу. Она была без сознания, но я всё ждал, что она снова распахнет свои глаза, и я увижу в них отражение самого себя.

– Смотрите!

Крикнул кто-то из солдат. Я опомнился и посмотрел на ведьму.

– Мать твою, – невольно вырвалось у меня. – А я ведь чуть было не купился на этот фокус.

Молодая и прекрасная девушка, какой ведьма была всего минуту назад, бесследно исчезла. На её месте лежала скор-

чившаяся старуха, которая продолжала стареть.

– Живо, – завопил Вильям. – Все по коням. Ваше высочество, поторопитесь.

Солдатам не терпелось поскорее убраться с этой проклятой поляны, поэтому это распоряжение они бросились выполнять с особым энтузиазмом.

Юлианну быстро втащили в карету, туда же запихнули короля, который всё порывался снести ведьме голову. Я быстро оторвал от пергамента ту часть, где было заклинания ведьмы, а свои каракули сунул в руки Вильяму.

– Увези это как можно дальше.

Он кивнул и передал свиток одному из солдат, велел ему во весь опор мчаться в храм. Приняв его как самое великое сокровище, юноша, лет двадцати пяти, вскочил в седло и помчался прочь, неистово нахлестывая бедное животное.

– Если к вечеру ты не вернешься, – сказал Вильям. – Я пошлю людей проверить, жив ли ты. Прости, большего обещать не могу, сам понимаешь.

– Понимаю, – вздохнул я. – Надеюсь, мы ещё встретимся, но, если нет, возьми его с собой.

Я протянул ему меч. Против этого существа он бесполезен. Вся надежда на свиток. Но я просто не имел права рисковать мечом.

– Если не вернусь, проследи, чтобы он попал в хорошие руки.

– Даю тебе слово, – пообещал он. – Но, думаю, до этого

не дойдет. Я за свою жизнь не встречал людей равных тебе.

– Вам пора уходить, антракт окончен, шоу продолжается.

Вильям серьёзно кивнул, крикнул, чтобы все пошевеливались, и через минуту поляна опустела. Я посмотрел вслед удаляющейся карете, почувствовав на душе какое-то облегчение. Но, не успел я порадоваться за принцессу, как за спиной раздался хлопок, и меня обдало морозной волной.

Обернувшись, я увидел, что ожидало принцессу в скором будущем. Тело ведьмы превратилось в высушенную мумию, лежащую в куче тряпья. Кожа посерела и полопалась, местами обнажив кости. Эта тварь просто высушила её за несколько минут.

Карета как раз скрылась за поворотом, когда демон снова собрался в сгусток, зависнув над телом ведьмы.

– Где? – взревел он. Потом, очевидно, заметил у меня в руке обрывок пергамента, и завыл снова – Где свиток?

– Свиток? – спросил я, тупо глянув на него, – Да он, должно быть, пересек половину земель Китая, пока мы тут мило беседуем.

Демон завыл и, сорвавшись с места, бросился на меня. Всего мгновение, и вот уже холод сковывает всё тело.

– Мило беседуем?! Может мне напомнит, кто призвал меня? Ты должен мне жизнь, но вокруг ни души. Почему бы мне не забрать твою? Сломив твою волю, я быстро узнаю всё, что мне нужно, а затем покончу с тобой. Знаешь что бывает с теми, кто заключает сделки со старшими демонами, и

скрепляет договор кровью?

Приплыли. Похоже, вести разнеслись быстрее, чем через самые популярные социальные сети. Ну и местечко. Этак каждая тварь будет припоминать мне мой позор и провал.

– Тогда не возму в толк, чего же ты ждешь? Сделок я заключать не собираюсь, чью-то жизнь дарить тебе – тем более. Лучше покончим с этим.

И для убедительности сплюнул под ноги. Вязкая жидкость задела край сгустка тьмы и мгновенно обернулась небольшой льдинкой, и в то же мгновение тень набросилась. Это было то ещё ощущение.

С меня словно разом стянули кожу и засунули в стог снега. Каждую мышцу сковал холод, а потом всё исчезло. Я больше не чувствовал своего тела. Его не существовало. Только бескрайний космический мрак, и температура, близкая к абсолютному нулю. Даже мысли стали вязкими, словно кисель.

В детстве мы любили пугать друг друга до чёртиков. Иногда, когда солнце садилось за горизонт, а все жители усаживались перед своими телевизорами, мы с друзьями отправлялись на кладбище. В то время это было жуткое местечко.

В темноте деревья казались живыми. При особо сильных порывах ветра, они жалобно скрипели, бранясь. Как вечные стражи усопших, они были недовольны нашим присутствием. Грозно покачивая ветвями, пытались прогнать нас.

Помню, как-то раз, прячась за одним из надгробий, вслушивался в их недовольное бормотание, делал вид, что пони-

маю их язык. Вот тот дуб, слева, был самым старым, но все ещё живым. Он возмущался громче других. Так иногда случается со стариками, когда в их огород забирается молодёжь. Сил прогнать их уже нет, остаётся только причитать, размахивая палочкой, без которой в последнее время стало трудно передвигаться. Им и в голову не приходит, что дети пришли как раз за этим. Ведь это так весело.

Мы собрались перед кладбищем, обсудить очередное задание:

– Ну?

– А почему это я должен идти?

Возмущался один из моих приятелей.

– А вот почему, – потрясая кулаками пригрозил ему здоровенная детина, возвышаясь над ним на целую голову. – Забыл, как я надавал тебе на прошлой неделе?

– Забудешь тут. Только я всё равно не пойду.

– А давайте тянуть жребий?

Неожиданно для самого себя, предложил я.

– Точно, – тут же согласился первый парнишка. – Ты ведь не боишься?

– Ещё одно слово...

– Да хватит тебе уже. Что, слабо играть честно?

– Ага, и ты туда же. Я это припомню. Хорошо, давайте тянуть жребий.

Мы тянули спички. По иронии судьбы, короткая досталась мне. Вот почему так? Помог, называется.

– Ну, вот и отлично, – тут же обрадовался здоровяк. – Давай, топай.

– Может, вы пойдете первыми?

– Ну нет, приятель. Иди туда и жди сигнала. Мы приведём этого болвана. Ох, и славная будет ночка. Давай, вперёд.

Смирившись с судьбой, я побрёл на кладбище. Всюду стояли надгробия с чёрно-белыми фото. Под каким углом на них не посмотри – их глаза всегда наблюдают за тобой. Не думаю, что фото может наблюдать, но я всё же не решался смотреть на них. В прошлый раз это плохо закончилось. Пока парни подготавливали жертву, я ждал в условленном месте. Если бы не фото, все могло получиться. Но я не выдержал их взгляда и сбежал домой.

«В этот раз так не будет»

Пообещал я сам себе.

Вся суть сводилась к одному. Жертва, (а сегодня это был мой одноклассник Слава) заманивалась на кладбище. Там ребята запугивали его страшными историями о мертвецах и приведениях, а я ждал условного сигнала. Когда жертва была готова, в роль вступал я. Ломал сухие ветки, скрипел калитками, издавал ужасные звуки. Жертва начинала нервничать, и вот тут её брали «на слабо». Просили подойти к определенной могиле и принести цветок, или ещё что. Когда он, умирая от страха, крался к отмеченной точке, там уже ждал я. Парень наклонялся, чтобы взять цветок, и тут из кустов раздавался мой голос: «Это мои цветы!». Представляете, что

испытывал бедный парнишка? Он улепётывал с кладбища под дружный хохот. Так должно было быть и в тот вечер.

Я забрался в самую гущу деревьев, под старый дуб, и стал ждать.

– Дурацкая игра.

Произнес я вслух. Весело в ней было только парням, которые собирались за столиком для поминок и пугали друг друга. И ещё вопрос, кто в этой игре был жертвой?

Старый дуб кряхтел, покачивая ветвями. Всюду мерещились причудливые силуэты. Я дрожал от страха, но твёрдо решил не сбегать. «Слабо» было одинаково применимо к обоим – и к жертве, и ко мне.

– Мёртвых лучше не беспокоить, – услышал я голос Славика. – Так моя бабушка говорит.

– Если тебе страшно, – передразнил его громила. – Можешь проваливать к своей бабушке.

– Вовсе мне не страшно.

Ребята приближались, и от их голосов мне стало легче. Скоро всё закончится. И больше я никогда не стану играть в эту дурацкую игру.

Они заняли нужный столик и принялись травить байки.

– А помните ту девочку? Ну, которая отправилась ночью на кладбище?

– Отнести цветы на могилку? Да это всё сказки.

– А вот и нет, – вмешался новый голос. – Бабушка рассказывала мне эту историю. Это всё её отец. Он тогда напился и

послал её навестить могилку матери. Она вроде как зацепилась платьем за оградку и умерла от сердечного приступа.

– Всё было не так, – поспорил здоровяк. – Она пришла на могилку и долго плакала. Так долго, что не заметила, как наступила полночь. А ведь в полночь мертвые встают из своих могил и бродят по кладбищу. Она услышала голос своей мамы. «Беги. Уходи отсюда. Они пришли».

– Мертвые не встают из своих могил, – перебил его Славик. – Это всё сказки для детей.

– Ага, как же. Только всё было именно так. Она бросилась бежать, но не успела. Кто-то схватил её за платье, и потащил в могилу. Они забрали её душу, а тело оставили. Поговаривают, она и по сей день бродит по кладбищу. Иногда слышно, как она плачет и зовет маму.

Я поднял сухую ветку и сломал её пополам. Звук напугал даже меня.

– Вы слышали?

– Да хватит тебе.

– А я-то что? Я тут сижу.

Я потянул на себя калитку, и та со страшным скрипом открылась. Дуб всё больше бранился, но оставалось совсем немного.

– Что это?

– Просто ветер.

– Ветер не открывает калитки. Может, если ты такой смелый, сам сходишь проверить? А мы подождем тебя здесь.

Или тебе слабо?

– Вот ещё. Сами идите и проверяйте. А вдруг там злая собака? Я слышал их тут много.

– Ага. А ещё призраков.

Я потянулся к калитке, чтобы закрыть её, но так и не сделал этого. Калитка закрылась сама. Этого не могло быть. Она заржавела настолько, что я едва смог её открыть. Ветер не мог проделать такого. Тут же хотел броситься бежать, но ноги не слушались меня. Всё тело сковал ужас. Позвать друзей я тоже не смог.

– Слышал? Она недовольна. Ты разозлил её.

«Прекрати!»

Рвалось из моей груди, но наружу просочился едва слышимый стон.

– Это она. Она плачет.

«Надо бежать. Бежать».

– Ладно, я пойду и проверю.

– А я уж думал, ты струсил.

«Это не я. Славик, беги. Это не я».

Позже я не был уверен в том, что произошло дальше. Маленькому мальчику всякое могло померещиться. Но не в ту ночь. В ту ночь я увидел её. В ярком цветном платье, с букетом цветов. Она сидела в тени того самого дуба, и даже он затих. Она плакала и звала маму. Все ребята клялись, что слышали её плач. Естественно, уже после того, как я рассказал, что произошло.

– Почему бы вам просто не оставить меня в покое, – услышал я её голос. – Вечно вы, мальчишки, всё выдумываете. Папа послал меня отнести цветы, а я заблудилась, только и всего. Ты поможешь мне?

– Ну вот, – раздался голос Славика над моей головой. – Нет здесь никаких приведений.

– А ты посмотри получше.

Не знаю, почему всё вдруг закончилось, но я снова мог двигаться. Выскочив из кустов, как черт из табакерки, я схватил Славика за руку.

– Бежим отсюда.

Как он завопил! Я прежде не слышал такого вопля. Он пытался вырваться, но я не отпускал его руку, а он все вопил. Ребята громко смеялись. Для них всё это было частью игры, но только не для меня. Славик рванул изо всех сил, и я повалился на землю. Вскочив, бросился следом за ним.

Вам знакомы старые кладбища? Они чем-то напоминают лабиринт из прутьев и зарослей. Я отлично знал дорогу, только особо не разбирал, куда я бегу, просто бежал подальше от этого дуба, а вслед летел дружный смех приятелей. Перепрыгивал оградки, протискивался сквозь решётки, ломал кусты. Никогда я не наступал на могилки. Таково было негласное правило. Но страх заставил забыть обо всем.

Это была обычная могилка из мраморной плиты и гранитного надгробия. Я просто провалился в неё. Плита оказалась слишком тонкой и не выдержала моего веса. Острые края

больно впились в ногу, словно кто-то с огромными когтями схватил меня за щиколотку. Я попытался вырваться и разодрал ногу до крови.

– Она схватила меня. Схватила. Славик, не бросай меня. Славик!

Но он был уже далеко и останавливаться не собирался. На следующий день мы нашли эту могилку, и все долго смеялись надо мной. На фото была какая-то старуха. Но в ту ночь, когда я посмотрел на надгробие, я увидел ту самую девочку. Вот и сейчас я посмотрел на фото, но там была не она. С черно-белого фото на меня смотрела ведьма. Та самая ведьма. Она ухмылялась.

Я дёрнулся, и нога оказалась на свободе. Уже собирался бежать, когда прямо передо мной сгустился мрак и раздался громкий смех, от которого волосы на затылке встали дыбом. Демон из камня смеялся все громче и громче, и тут кто-то схватил меня за руку. Я посмотрел вниз и увидел одного из парней Глыбы, того самого, который вспыхнул как факел. Он и сейчас горел. Я чувствовал запах горелой плоти и волос, его глаза смотрели на меня умоляюще. От его руки огонь передался мне, одежда вспыхнула, боль пронзила всё тело. Хотел сбить пламя, но только зажег другую руку. Корчась от боли, я вопил во всю глотку, пока огонь не добрался и туда. Пламя лизнуло шею, уши, ворвалось внутрь. А демон продолжал смеяться под ухмыляющийся взгляд ведьмы. Я уже летел куда-то, а вдогонку звучали слова стораемого заживо

головореза.

– Зачем ты это сделал? Мне так... больно... прошу, убей меня. Убей меня. Убей... убей... убей...

– Нееееееет....

Закричал я, и всё закончилось. В нос ударил запах горелого мяса и мочи. Я попытался вскочить, и тут кто-то схватил меня за руку.

– Держите его.

Раздалось над самым ухом.

– Пусти. Прошу, пусти меня.

– Да не стойте же вы, – произнес всё тот же голос. – Держите его. Руки, главное руки.

–Нет, прошу вас, отпустите меня.

– Всё в порядке. Это был сон. Просто дурной сон. Никто не причинит тебе вреда. Посмотри на меня. Ты можешь сделать это? Взгляни на меня.

Я попытался разлепить веки и выполнить эту простую просьбу. Но ничего не смог разглядеть. Как если смотреть через несколько слоев целлофана. Всё мутно, а силуэты людей похожи на тени.

– Кто вы? Что вам от меня надо?

– Я Кристоф. Ты в доме Ордена, мы хотим помочь тебе. Создатель, как же ты кричал. Должно быть, полгорода распугал своими воплями. Мы отпустим тебя, только не делай глупостей. Раны ещё не зажили, постарайся лежать смирно.

– Где я?

– В Лидендэйле. Помнишь?

– Помню.

– Вот и отлично. Пить не хочешь?

– Почему мне так больно?

– Ты чуть не сгорел заживо. Может, всё-таки выпьешь воды?

– Было бы неплохо. А нельзя открыть окно? Меня сейчас вырвет от этого запаха.

– Откройте окно. И пошлите за Вильямом. Вот, держи.

Я принял из рук Кристофа кувшин с водой. Она оказалась прохладной и на удивление вкусной. Я пил, пока не осушил его до дна.

– Что произошло? Где принцесса?

– Во дворце, где ж ей ещё быть? Ну и повезло же тебе. Это же надо додуматься, пойти к болотной ведьме в одиночку! И как она тебя не убила?! Если бы не патруль...

В этот момент кто-то открыл окно, и в помещение ворвался холодный осенний воздух. Первый вестник приближающейся зимы. Запахло влажностью и свежестью, как после хорошего ливня. Озноб пробежал по всему телу, на мгновение отвлекая от боли.

Боль. Никогда бы не подумал, что можно испытывать нечто подобное. Я бы не отказался от двойной дозы морфия.

– Вильям просил доложить ему, когда ты придёшь в себя. Господи, ну и кричал ты. Я сам чуть дух не испустил.

– Кошмар приснился. А нет у вас чего-нибудь покрепче

воды?

– Вино сгодиться?

– Буду благодарен.

Кто-то засеменял ногами, хлопнула дверь, а я всё не мог отойти от дурного сна. Из головы не выходило фото ведьмы на надгробии. Клянусь, это была она. В детстве я видел на фото старуху, ту самую, в которую превратилась ведьма. Бред какой-то.

– Если честно, я не верил, что ты выживешь! Но этот меч творит чудеса. Всего три недели прошло, а раны почти затянулись. Даже веки снова отросли. Я уже не говорю о глазах и языке.

Из всего сказанного, я ухватился за одну единственную фразу:

– Три недели?

– Ну, если точнее, – он замялся. – Двадцать два дня.

Быть того не может. Двадцать два дня? Всё это время я что, в коме был? Где я только не был, но в коме впервые. Что же произошло на той злосчастной поляне? Именно этот вопрос я и задал Кристофу.

– Лучше спроси это...

Договорить ему не дали. Дверь снова скрипнула, и кто-то зашёл в комнату, громко топая тяжелыми сапогами.

– Я послал за Вами, как только он пришел в себя!

– Благодарю, Кристоф. Оставишь нас наедине?

Вильям! Я сразу узнал его голос.

Ответа не последовало, из чего я сделал вывод, что Кристоф лишь кивнул и незамедлительно покинул помещение, прикрыв за собой дверь.

Какое-то время я слышал только дыхание Вильяма и своё и, наконец, не выдержал:

– Всё так плохо?

– Плохо? – Вильям улыбался, я ощущал это всеми фибрами души. Всё напряжение как рукой сняло.

– Ты ещё спрашиваешь! Да видел бы ты себя несколько дней назад, сейчас плясал бы от радости! Многие уже похоронили тебя. Скажи спасибо королю. Орден, как увидели меч, решил тут же прибрать его к рукам. Но король предложил свой вариант. Как понимаешь, перспектива их не обрадовала!

Его радость и уверенность постепенно передавались мне, и, когда он продолжил, я улыбался вместе с ним.

– Кстати, вот твоё вино. Знал бы, принес чего получше. Держи.

Вильям вложил мне в руку кувшин и помог подняться. Вино, и правда, было не лучшего качества. Кислое, слегка отдающее спиртом. Но я был искренне благодарен судьбе за такой щедрый дар. С каждым глотком по телу растекалось приятное тепло, а боль, хоть и не ушла полностью, отступила куда-то на задний план.

– В Ордене совершенно не умеют делать вино, – между тем продолжил Вильям. – Но тебя, вижу, это нисколько не

заботит. Да, и вот ещё что. Мы тут делали ставки, выживешь ты или нет...

Я поперхнулся, от чего часть вина пролилась на грудь. Вильям поспешно убрал кувшин, уложил меня обратно, и сердечно заверил меня:

– Я нисколько не сомневался в тебе. И будь уверен, твоя доля выигрыша ждёт тебя.

– Что произошло?

Вильям засопел, пробубнил нечто нечленораздельное, но всё же сдался и заговорил:

– Знал, что ты задашь этот вопрос. Признаюсь честно, мне неприятна эта история. Не могу избавиться от мысли, что бросил тебя одного. Мог ведь помочь?

– Не мог, – серьёзно ответил я. – Я и сам не рассчитывал выжить. В какой-то момент просто решил, что я заслуживаю смерти, вот и хотел... Выкладывай.

Кажется, он даже выдохнул и немного расслабился.

– Честно признаться, я надеюсь, что ты прояснишь хоть что-то. Мы покинули поляну, как и договаривались. До самого города скакали во весь опор. Когда король и принцесса были в безопасности, я послал несколько человек, как и обещал. К сожалению, они опоздали, – тяжело вздохнул Вильям, и тут же продолжил. – Та тварь уже прикончила ведьму и завладела твоим телом. Трава вокруг покрылась инеем, а сам ты напоминал глыбу льда. Никто не хотел к тебе приближаться, и я не вправе их судить. Но парни не бросили те-

бя, решив наблюдать до тех пор, пока всё не закончится. Но дальше... Ты хоть что-то помнишь?

– Нет.

Честно признался я.

– Я ожидал чего-то подобного. Это и не удивительно. Через час, после того как они устроились на безопасном расстоянии и стали наблюдать, ты просто вспыхнул, как промасленный факел. Ни тебе криков, ни диких агоний. Когда притащили тебя в город и поведали о случившемся, король тотчас разослал гонцов во все стороны, призывая всех целителей откликнуться. Ты не поверишь, кто оказался в числе первых. Несмотря на запрет короля появляться в городе, этот пройдоха как-то пробрался и заверил всех, что вы лучшие друзья.

– Да о ком ты говоришь? Я знаю только одного...

– Всё верно. Ты не дал отправить его на плаху, и он вернулся отдать долг. Когда его застали за тем, что он мажет тебя какой-то дрянью, всех чуть удар не хватил. Запрет короля никто не отменял. Но мазь оказалась полезной, и его простили. Он просил передать, что возвращает долг и надеется, что ваши дороги впредь не пересекутся.

– Почему он не дождался и не сказал это сам?

Вильям, враз помрачнев, почему-то глянул в окно. Зрение пришло в относительную норму, и я даже смог рассмотреть его лицо. В его взгляде явно читалась обречённость приговоренного к казни, а его ответ не оставил никакой надежды:

– Мы в осаде!

Лягушонок!

Вильям вскоре покинул меня, сославшись на неотложные дела. Хотелось бы вкратце поведать о событиях последних дней.

Принцесса отлично себя чувствует и с каждым днем возвращается к жизни. Ею занимаются лучшие лекари, из числа тех, кто остался в городе. К сожалению, неизбежная война согнала людей с насиженных мест и многие подались на вольные хлеба.

Что касается Питера, брата ныне покойного Ричарда, с ним тоже всё в порядке. Он ещё не в состоянии сражаться, но уже рвётся в бой. Пару раз его поймали при попытке побега от лекарей. Как выяснилось, он где-то неподалеку, но лично мы ещё не были знакомы и, признаться, я не особо расстроился. Разговор с ним не сулил мне ничего хорошего, и я, по возможности, избегал его.

Что касается меня самого, тут тоже полный порядок. Не сомневаюсь, они слегка преувеличивают, и я был не так плох, как они рассказывают, но даже если нет, сейчас это в прошлом. Язык и глаза на месте, и сдаётся, всегда там были. Единственное отличие – кожа. Нежно-розовая, словно у младенца. Ей срочно требовался загар, но, некстати пришла осень, солнце уже не грело так, как раньше, хотя ещё можно было застать теплые деньки, и я тешил себя этой надеждой.

Пожалуй, с хорошими новостями на этом всё. Вернёмся к нашим баранам.

За последние несколько дней, что я провел в скитаниях по обречённому городу, я в полной мере вкусил всю горечь осады. Куда только делся весь шум и суета? Никто не выкрикивал лозунгов, призывая отведать именно его сдобу. Никто не спешил уверить вас, что именно его вино самое лучшее во всей округе, и вы не найдете лучше, даже если проедете весь континент насквозь. Дети больше не бегали по улицам, вызывая у прохожих улыбки, а у некоторых – недовольство. Город вовсе не вымер, как вам могло бы показаться, отнюдь, бурлил, как растревоженный улей.

Отовсюду раздавались удары молотков, люди тут и там строили укрепления, на тот случай, если противник прорвется за стену. Ковались мечи, правились доспехи. Туда-сюда сновали гонцы с поручениями. На стену стягивали всё, что могло пригодиться в обороне, для этого не жалели даже домов особо богатых жителей, разбирая их по частям и стаскивая камни.

Среди всей этой суеты я не находил себе места. Несколько раз мне советовали убраться с дороги, что я, собственно, и делал. Люди были настроены решительно. Я силился понять их, и с ужасом осознавал, что не в состоянии. А ведь я здесь, с ними. Никакое знание из современного мира, не спасет меня от неминуемой битвы. Город уже три дня как закрыли, и никто не мог въехать или выехать. Что творилось там, за

стеной, спросите вы? Я мог только догадываться.

Из обрывков фраз и сплетен, вырисовывалась примерно следующая картина.

Противник стягивал к городу всё новые войска. Сейчас их насчитывалось около пятнадцати тысяч, против двадцати тысяч обороняющихся. Если учесть, что в городе были женщины, дети, старики, калеки, то перевес явно не в нашу пользу. И, как я понял, это ещё не самое страшное. Их предводитель сумел договориться с каким-то лесным народом. Не хотелось даже гадать, кто это, но их здесь боялись. Их количество разнилось в соответствии со степенью обреченности говорившего, но самая большая цифра, что мне довелось слышать, не превышала пяти сотен. И эта цифра вызывала в людях откровенный ужас. Но как? Как всего пять сотен человек, могут держать в страхе целых город?

Так и бродил я, погружённый в свои мысли, и не сразу заметил, как вышел к площади перед казармами.

– Вы что, на танцы собрались? Всё сначала, щучья икра!

Звучный бас застал врасплох, заставил вздрогнуть и осмотреться по сторонам.

Я находился на площади, где собрались несколько сотен бойцов, облачённых в тяжелые доспехи. Нетрудно было догадаться, что именно этим парням придётся встречать неприятеля, если тот прорвет первую линию обороны и проникнет в город. А возглавлял всё это воинство стройный и подтянутый юноша. Он был одет в одни только штаны, оста-

ваясь с неприкрытым торсом. Как ему только доверили тренировать такое количество здоровенных мужиков? Как выяснилось, так считал не только я.

– Тебе смешно, щучья икра? Выйти из строя!

Это относилось к мужичку, около сорока лет от роду, с бородой и усами, за которыми и лица толком не разглядеть. Глядя на него, хотелось втянуть голову в плечи, а ещё лучше – провалится сквозь землю целиком. В нём было больше ста двадцати килограммов мышц. Просто скала. Не завидую я тем, кто решит выйти против него.

– Я кажусь тебе смешным?

Продолжил юноша, которого я тут же окрестил Лягушонком, когда здоровяк вышел из строя и замер перед ним. Ему приходилось смотреть на бородача снизу вверх, так как он едва доставал ему до груди.

– Сегодняшний урок ты запомнишь на всю жизнь. Или завтра же сдохнешь в канаве. К оружию.

Я обвел взглядом строй солдат. Многие ухмылялись так же, как и бородач, предвкушая развлечение, но большинство сосредоточенно наблюдали за происходящим, и, казалось, сочувствовали здоровяку. Мне стало любопытно. Слева от меня находилась одна из казарм, и я решил укрыться в её тени. Кто-то заботливо поставил там несколько бочек, и я уселся на одну из них. А действие на площади тем временем развивалось.

Бородач выхватил совсем не тренировочный меч и бро-

сился в атаку. Их с лягушонком разделяло всего три шага, и это расстояние он покрыл за один прыжок, и тут же рубанул тяжелым двуручником сверху вниз. Все ахнули, так как понимали – Лягушонок уже не успеет уйти от удара. Но я на этот трюк не купился. Слишком уверенным и собранным для того, кого сейчас разрубят на две равные половинки, смотрелся он. Само собой, от удара он ушёл, смазавшись, плавным движением перетекая в сторону. Я даже подался вперёд, не совсем понимая, что же, собственно, произошло. Мгновение – и здоровяк с криком роняет меч, а Лягушонок стоит позади него с обычной палкой и упирает один её конец ему в кадык.

–Подними.

Произносит Лягушонок и поворачивается к нему спиной. Теперь все, в том числе и я, видят, что здоровяк держит правую кисть прижатой к туловищу и баюкает её.

– Подними и сражайся, тряпка.

Последняя фраза произвела большой эффект. Бородач взревел, как стадо буйволов, подхватил меч одной рукой и с громким «хек», рубанул на развороте, вкладывая в удар вес всего тела. Должен признать, с мечом он управляться умел... Такой удар практически не оставлял шансов противнику. И будь на месте Лягушонка кто-то другой...

На этот раз я решил, что увижу всё, во что бы то ни стало. Я наблюдал за происходящим, не мигая и, когда, всё было кончено, выругался и спрыгнул с бочки. Как? Как он это

проделал? Вот здоровяк неумолимо завершает разворот, глаза пылают бешенством, меч вот-вот рассечет его надвое... Вскрик, меч падает на землю, а здоровяк делает эффектный тулуп и распластывается рядом. По рядам солдат пробегает гул возбуждения, но я замечаю среди этой толпы несколько человек, также, как и я, ожидающих продолжения.

–Подними.

Произносит Лягушонок, расхаживая вокруг бородача. Руки он скрестил за спиной, и держит палку вертикально вверх. Здоровяк корчится от боли, прижимая уже обе покалеченные руки к туловищу. Ни о каком продолжении он уже и не мечтает. Лишь глаза полны ненависти.

– Ты столь жалок, что предпочитаешь ползать у моих ног?! Таким, как ты, не место среди защитников Лидендэйла!

С этими словами он отбросил палку в сторону, поддел тяжелый меч ногой, играючи подбросил его в воздух, перехватил левой рукой, сделал несколько оборотов вокруг своей оси, попеременно меняя руку, и обрушил острие на голову несчастного бородача. Я услышал громкий «ах», произнесенный в едином порыве, и только потом осознал, что и сам не смог промолчать. Что же касается здоровяка, тот и вовсе побледнел и выпучил глаза, полные страха и отчаянья. Все уже знали, чем это закончится, но Лягушонок... Пожалуй, я сильно недооценил его. За свою жизнь я видел много актеров, но, создавалось впечатление, что сейчас я вижу един-

ственного истинного.

Когда меч уже должен был обрушиться на голову бедолаги, Лягушонок незаметно сместил ноги и чуть подвернул кисть. Лезвие прошло всего в миллиметре от лица бородача и глубоко вонзилось в землю. Это стало последней каплей. Здоровяк громко икнул и потерял сознание.

Лягушонок повернулся к остальным и продолжил, как ни в чём не бывало. Только теперь его слушали абсолютно все, в том числе и я.

– Запомните, воины. Ваш противник никогда не будем тем, кем вы его считаете. Можете сотни раз дать оценку его мастерству, его силе и ловкости, и осознать свою ошибку лишь за миг до гибели. Ваша подготовка никогда не будет завершена. Пока вы живы, вы учитесь и ошибаетесь. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Только здесь ошибка стоит вам лишь пары синяков и уязвлённого самолюбия, а в бою цена ей – ваша жизнь. А теперь можете идти. Упражнения продолжим вечером.

Все разочарованно вздохнули и поплелись к казармам. Если честно, я не понимал, почему он их отпустил? В любую минуту может начаться штурм, и пригодится каждый новый прием. Только зря время теряют.

За размышлениями я не заметил, как площадь опустела. Остался лишь Лягушонок. По началу, я хотел тихо улизнуть, но вдруг понял, что это попросту невозможно. Лягушонок стоял в центре площади и смотрел прямо на меня. Для убе-

дительности я сделал несколько шагов в ту сторону, откуда пришёл. Лягушонок следил за мной неотрывно. Не знаю почему, но он улыбался.

– Что смешного?

Крикнул, чтобы хоть как-то нарушить гнетущую тишину. Лягушонок пожал плечами и жестом пригласил составить ему компанию. Не дожидаясь какого-либо решения с моей стороны, он просто развернулся и неспешно направился к противоположному выходу с площади. Несколько секунд я колебался, а затем выругался и поспешил следом.

Едва поравнявшись с ним, я хотел поприветствовать его, но передумал. Он совершенно не обратил на меня внимания. Шёл себе, уставившись в одну, только ему известную точку, заложив руки за спину. Признаюсь, в первую секунду это выбило меня из равновесия. Он даже взглядом меня не удостоил. Хотелось плюнуть на всё и уйти прочь. Тоже мне, мастер Йода!

Не знаю, что остановило меня. Может его слова, произнесённые перед солдатами? Я могу дать ему оценку, исходя из того, что вижу, но будет ли она верна? Что он за человек? Только я сам могу определить своё отношение к нему. Мы поступаем так повседневно. Кто-то становится нам другом, кто-то – врагом. Мы сами разбиваем людей на категории и строим манеру поведения. Я мог уйти, посчитав его высокомерным засранцем, но кто я такой? Возомнил себя чуть ли не выше всех. Чем выше взлетаешь – тем больше падать. Ре-

шил остаться и попробовать понять, кто идёт рядом со мной.

В точности скопировав его манеру ходьбы, позу, выражение лица, я постарался стать его отражением. Разумеется, с первого раза ничего не вышло, но я не сдался, и постепенно стали проявляться всё новые детали. Руки заведены за спину, левая кисть сжимает запястье правой, однако, мизинец её не касается, во время шага он слегка подворачивает правую лодыжку, голова немного наклонена набок, а глаза чуть сужены.

С каждым шагом я замечал всё больше и больше деталей, и делал соответствующие поправки. Наконец, когда мы уже покидали площадь, я практически стал им. Казалось, даже думал, как он. Это новое ощущение вызвало бурю эмоций. Он больше не казался высокомерным и наглым. Да что я вообще знаю о нём? Кто он? Что ему нравится? Хороший ли он собеседник? Умеет ли он петь? Женат ли он? Какие у него дети? Есть ли они вообще? А жена? Смотрел на него – и видел совершенно нового человека. Интересного, загадочного, неповторимого. Мне стало стыдно за те свои мысли, когда я ещё не был им.

– Bravo, – усмехнулся Лягушонок. – Ты сделал первый шаг.

– Благодарю, – кивнул я. – И приношу извинения за свою дерзость.

Больше мы не сказали друг другу ни слова и, даже расставаясь, лишь кивнули и пошли каждый своей дорогой. Я был

задумчив, поэтому не особо волновался о том, куда иду. Каково же было моё удивление, когда дорога внезапно закончилась, и я упёрся в крепостную стену.

Стена! С этой стороны она выглядела иначе. Множество лестниц, позволяющих мгновенно восполнять потери, сотни котлов, в которых непрерывно кипела смола. Здесь же на стрелы наматывали обрывки ткани и окунали в масло, в кучи сваливали огромные булыжники, неподалеку сооружали катапульты. Работа кипела, и каждый был при деле. Даже детвора, незнамо как сюда пробравшаяся, старались быть полезными.

Признаюсь честно, до этого всеми доступными способами, старался избегать этого места. Как часто я делал подобное в прошлой жизни? Сколько раз я отрицал наличие проблемы, тем самым создавая всё новые и новые? Но разве отрицание проблемы избавляет нас от неё?! Думаю, нет. Отрицание, в какой-то степени, связывает нам руки, лишает возможности дышать полной грудью. Да и проблема только растёт. Но стоит признать её наличие – и назад пути уже нет. Жить, ясно осознавая, что есть проблема, и не обращать на неё внимания уже не получится. Вот тогда начинается поиск решения. А куда это приведет? Как говорит моя подруга Ольга, преподаватель в одной из школ Ростовской области, – дорогу осилит идущий!

И вот я здесь, у стены, совершенно не понимая, как сюда попал. Естественно, первым желанием было уйти, но тогда я

бы нарушил слово, данное Ричарду.

– Щучья икра, – вспомнил я слова Лягушонка. – И уго-раздило же!

Оставалась надежда, что меня не пустят наверх, я вроде как чужак в городе, и вот тогда моя совесть была бы чиста. Ведь в том нет моей вины. Но никто даже не обратил внимания на незваного гостя и вскоре я уже был наверху.

Все мысли влетели из головы, стоило только глянуть вниз. Едва поборол желание спуститься обратно. Всегда боялся высоты. Как люди ходят по канату, натянутому под куполом цирка? А затем я посмотрел в сторону леса и страх перестал быть иррациональным.

Деревьев практически не было видно из-за смога. Зато прекрасно просматривались кострища и люди вокруг них. Десятки, сотни, тысячи. Работа кипела и там. С такого расстояния мало что удавалось рассмотреть, но масштаб вызывал восхищение и дикий ужас.

– Трудно в это поверить, не так ли?

Мне не надо было смотреть на обладательницу столь мелодичного голоса, чтобы сказать кто это. И как она сюда попала?

– Уже сегодня, – между тем продолжила она. – А быть может завтра, все эти люди начнут убивать друг друга.

Я, наконец, позволил себе взглянуть на неё, и мир словно перевернулся. С момента нашей последней встречи она преобразилась до неузнаваемости. Стройная, подтянутая, жен-

ственная. Нежная кожа, легкий румянец, волосы собраны в толстую косу. Невесомое голубое платье, оставляющее открытыми только изящные кисти рук. Она смотрела вдаль, но едва почувствовав мой взгляд, повернула голову, и наши глаза встретились. Кажется, она что-то сказала, но я не разобрал, утонул в бездонной пропасти её очаровательного взгляда, и спасения от него уже не было.

Кто-то громко кашлянул над ухом, и это привело меня в чувство.

– Вам не стоит задерживаться здесь. Его высочество будет в ярости.

– Его высочество, – отчего-то улыбаясь, ответила принцесса, – Слишком занят предстоящим сражением. Итак, могу я узнать имя моего спасителя?

Твою же мать. Вот что она говорила. Имя. Моё имя. И как ей ответить? Не хотелось лгать, но и настоящее имя называть не стоит, это вызовет массу вопросов. Выход напрашивался сам собой.

– Эндрю! Эм... – надо было сказать ещё что-то, про равнинные поля, к примеру. – Просто Эндрю.

– Что ж, сэръ Эндрю. Примите мою благодарность, – принцесса слегка присела, изящно склонив голову, а затем протянула мне шёлковый платок. – Примите это в знак признательности.

Я взял его, как самую ценную в мире вещь, чувствуя себя полным идиотом. И куда только подевались все слова? Едва

смог выдать из себя «благодарю». Видимо, это и смутило её.

– Вильям прав, мне не стоит здесь долго задерживаться. Надеюсь, мы все переживем эту битву. До скорой встречи.

Когда я пришел в себя, она уже спускалась по лестнице, а Вильям стоял рядом со мной и провожал её взглядом.

– На твоём месте, я бы очень постарался выжить.

– Постараюсь, – твердо решил я. – Очень постараюсь!

Безымянный!

Весь остаток дня я бродил задумчивый. Прохожие как-то странно косились в мою сторону. Одна заботливая бабушка даже предложила проводить до дома. Очевидно, приняла за умалишённого. Тут война на пороге, а он бродит с улыбкой идиота, себе на уме. Ну точно – с головой беда.

К зданию Ордена, где меня лечили, выбрался только к вечеру. Несколько раз заблудился, хотя был уверен, что легко найду дорогу. Пришлось спрашивать прохожих. Не помню, когда уснул. Просто в какой-то момент глаза принцессы заполнили собой весь мир, и наступила тишина.

Но ничто не длится вечно. Из цепких объятий сна меня безжалостно вырвал звук колокола.

Бомммм... Бомммм... Бомммм... Громко, тревожно, пугающе. Не нужно быть гением, чтобы понять, что произошло. Начался штурм!

Я вскочил как ужаленный, натягивая приготовленную монахами одежду. Мельком глянув в окно, поразился тишине, разлитой вокруг. Ни криков, ни ругани, ни паники. Странно, но я представлял всё иначе. Очевидно, сказывалось влияние фильмов. Все обязательно должны бегать по улицам, натываясь друг на друга и громко проклиная судьбу, а тут такое несоответствие. Все покидали свои дома в полном молчании. Люди собраны и решительны. Интересно, скольким

из них сегодня не повезёт, сколько из них навсегда закрыли дверь в свое жилище?

Подхватив меч и выскочив на улицу, я, что есть духу, помчался к стене. Уж не знаю, чем всё закончится, но отсиживаться я не стану.

После вчерашних походов дорогу я знал отлично и, спустя десять минут, уже взбегал по ступенькам, настойчиво требуя уступить дорогу. Как ни странно, меня охотно пропускали, несмотря на внешний вид. А выглядел я как самый настоящий монах. Разве что меч никак не клеился с образом.

– Ох, чтоб меня.

Вырвалось против воли. Противник собрал серьёзную армию. Но и на стене собралась нехилая силища. Очень захотелось стать маленьким и незаметным, чтобы тихонько слиться. Никогда не видел столько людей разом. Навскидку, там собралось тысяч пятьдесят, хотя я отлично знал, что их там не больше двадцати со стороны врага, и примерно столько же – с нашей. Но у страха, как известно, глаза велики. Попробуйте представить себе тридцать тысяч человек, верхом и пеших, в доспехах и с оружием, два десятка катапульт, десяток огромных баллистр, неподъемный таран, звуки барабана...

Скажу честно, я пожалел, что решил быть в первых рядах, но теперь поздно было что-то менять.

Незаметно для себя, я автоматически зачислил всех, кто за стеной в категорию врагов. В принципе, я поступал так всё

время, но это было в прошлой жизни. Ведь легче разделить людей на своих и чужих. Тогда не надо думать об остальных. И вообще, любой, кто с нами не согласен, моментально попадает в ряды чужаков. Так недолго остаться в полном одиночестве, лишь бы быть всегда правым. Спасибо Лягушонку за бесценный урок.

Собравшись с мыслями, я поставил себя в ряды атакующих и максимально вжился в эту роль. Нас ждала нелёгкая битва. Стену так просто не перепрыгнуть. Многие сложат головы ещё на подходе. Люди возбуждены и встревожены. Все хотят пережить этот день. Я в который раз проверил обмундирование. Шлем не должен болтаться, иначе в самый неподходящий момент может сползти и перекрыть обзор. Руки и ноги свободно двигаются, меч легко выходит из ножен. Справа и слева верные товарищи, с ними и помирать не так страшно.

Постепенно я настолько вошёл в образ, что уже не мог точно сказать, где свои, а где чужие. Эта потребность поделить всех и вся пропала. Я видел сотни, тысячи людей, готовых убить друг друга, даже не задумываясь, зачем они это делают. Быть может, стало не хватать земли, или же банально пограбить решили? А вы, господа, просто под руку попались, ну не своих же нам убивать?

– Чтоб я лопнул, – воскликнул один из бойцов, возвращая меня в реальность. – Это правда. Сукины дети выползают из своих нор. Да их там несколько сотен. Всё братцы, пиши

пропало.

Я не мог понять, о чём он говорит, пока не посмотрел в сторону леса. Оттуда неспешно двигалась небольшая группа людей, может чуть больше трех сотен, или это снова говорил страх? По сравнению с армией, выстроившейся для штурма, это была капля в море. Однако, люди вокруг так не считали. Я видел, как возбуждение передалось по рядам, словно чума. Они шептались, озирались по сторонам, нервно сжимали луки. С таким настроением нельзя идти в бой. Верная смерть.

Спас положение Лягушонок. Я пропустил момент, когда он оказался рядом со мной, и успел лишь кивнуть, когда он вдруг громко произнёс:

– Славная будет битва, братцы. Жду не дожусь момента, когда увижу их улепётывающие задницы. И чего они так тянут? Так ведь и обед можно прозевать! Ну не капли совести.

Как у него получилось сказать всё так честно, так искренне, так буднично и с иронией? Вот прямо представил себе пятнадцать тысяч солдат, приносящих извинения за обед, пропущенный по их вине. Картинка получилась настолько живой и несурзной, что смешок вырвался сам по себе. Как ещё несколько минут назад по рядам защитников распространялась паника, так теперь с той же скоростью пронёсся смех. Я попробовал представить нас со стороны, и это вызвало новый приступ хохота. На месте атакующих, я бы начал переживать. Одно дело воевать с солдатами, и совсем другое – с самыми настоящими психами!

Смеялись мы долго. Кто-то всё время подливал масла в огонь, выкрикивая что-то про обед и неслыханную наглость. Но смех смехом, а все собрались здесь вовсе не для веселья.

– А ну, собрались, – рявкнул невесть откуда появившийся Вильям, – Луки в первую шеренгу. Без моей команды не стрелять. Это всем ясно?

– Так точно!

Хором отозвались солдаты, разом сосредоточившись и приготовившись к бою. Вильям переговорил с кем-то из бойцов, хлопнул его по плечу и убежал вниз.

– Куда это он?

Шепотом спросил я у Лягушонка. Он проследил за моим взглядом и покачал головой.

– Ты вообще откуда? Хотя, не важно, – махнул он рукой. – Всё равно правды я не дождусь. Верно? Но это дело твоё. Что же до Вильяма... Есть такой обычай. Перед битвой предводители обеих армий встречаются в поле и обсуждают условия капитуляции. Всегда остается надежда договориться и избежать сражения. С собой можно взять оруженосца. А Вильям, если ты не знал, с недавних пор возглавляет личную охрану Леорика.

Не успел он договорить, как снизу прогудел горн, и ворота стали медленно раскрываться. Тем временем, от рядов противника отлепились две точки и направились в нашу сторону. Я поймал себя на мысли, что при взгляде в их сторону, возникает стойкое желание отвернуться. Оно исходило отку-

да-то изнутри, вызывая нечто вроде отвращения.

В этот момент ворота открылись достаточно, чтобы два всадника могли проехать плечом к плечу, не более, и я увидел короля в сопровождении Вильяма, неспешно покидающих город.

Король соответствовал своему статусу – был одет подобающе. Доспехи сияли на солнце, не иначе как покрытые серебром и начищенные до блеска. На зелёном плаще, что скрывал под собой круп коня, золотыми нитями вышили изображение какого-то волка-медведя, стоящего на задних лапах и оскалившего пасть. Мастеру удалось в точности передать детали, и зверь вызывал смешанные чувства страха и гордости одновременно. Вместо шлема на голове корона, не лишённая изящества и драгоценных камней.

Вильям на его фоне казался блёклым и унылым. Его можно было бы принять за шута, если бы не выбоины на доспехах. Тот, кто бы осмелился назвать его так, на этом свете надолго не задержался бы.

Они двигались неспешно, гордо выпрямив спину.

Я снова решил посмотреть на предводителя атакующей армии, но взгляд всё время соскальзывал в сторону и никак не желал зацепиться за их фигуры.

«Какого дья...»

Додумать я не успел, мысль о сами понимаете ком, заставила взглянуть на ситуацию иначе. Сжав рукоять меча, я снова посмотрел в их сторону. На этот раз всё получилось, вот

только меч нагрелся и стал испускать слабое свечение. Это не ускользнуло от Лягушонка.

– Твой меч! Он светится?

Возможно, он сказал что-то ещё, но я уже не слушал. Я встретился глазами с оруженосцем противника, и весь мир словно исчез. Черные, как сама бездна, без единого проблеска, они затягивали меня всё глубже и глубже. Я видел, как умерли все защитники города. Видел разрушенные дома, горящий замок. Солдаты бегали по городу, хватали женщин, тащили их к первой же кровати, а то и вовсе – насиловали на улице. Они пытались сопротивляться, молили не трогать их, но солдаты не слушали, словно обезумев. Вкусив крови защитников, они уже не могли остановиться.

Не знаю, сколько это продолжалось, и смог бы я сам выбраться из бездны, куда меня затянули эти глаза, но меня спас Лягушонок. Поняв, что творится что-то неладное, он просто сбил меня с ног. Я больно приложился головой, и это вернуло ясность мысли. Я лежал на спине, пытаюсь собраться с мыслями, как вдруг что-то упало мне на грудь и бесцеремонно вlepило пощечину.

– Какого... Что случилось?

Только и смог сказать я Лягушонку, сидящему на мне.

– Может, слезешь с меня?

– Хвала небесам, – выдохнул он, и давление на грудь тут же пропало. – Ты болен чем-то? Застыл как истукан, смотрел в одну точку и пускал слюни. Может, тебе нужен лекарь?

– Никто мне не нужен. Я совершенно здоров, так что хватит молоть чушь. Лучше помоги подняться.

Когда я оказался на ногах, вся картина происходящего чётко отпечаталась в голове.

– Мы должны всё это остановить. Отведи меня к ним!

Лягушонок остался невозмутим и смотрел на меня совершенно серьёзно.

– Ты уверен в том, что говоришь? Я могу выполнить твою просьбу, хоть она и необычна, но я должен знать...

– У нас нет времени. Я могу всё это прекратить. Доверься мне!

Я был так уверен в том, что говорил, что уверенность моя передалась Лягушонку. Он просто кивнул и, бросив «за мной», побежал вниз. Мне не оставалось ничего, кроме как следовать за ним. Солдаты ловко уступали нам дорогу, хотя и смотрели с удивлением. Вот-вот должна начаться битва, а мы бежим со стены. Разумеется, это странно.

Возле ворот произошла небольшая заминка. Лягушонок попытался что-то объяснить охране, а затем указал на меня. Все взгляды (вход охраняли шестеро богатырей), остановились на мне. Признаться честно, это немного дискомфортно. Дабы быстрее покончить с этим, я быстро преодолел разделяющее нас расстояние, и встал перед ними, придав своему образу самый уверенный вид.

– Это ты убил ведьму с болот?

Спросил один из охранников. Я не стал ничего отвечать,

лишь небрежно кивнул. Эти парни уважают только силу, а лишнее хвастовство не способствует образу сильного.

– Ты действительно можешь остановить сечь? Как ты собираешься это сделать?

– Так же, как убил ведьму, – кивнул я на меч, и продолжил. – Их привела сюда тьма, пора открыть им истину!

Воин какое-то время изучал меня, а затем кивнул и обратился к кому-то у меня за спиной.

– Дайте ему коня, и поживей, сукины дети!

Я не видел, к кому он обращался, но услышал удаляющийся топот, а спустя минуту, во время которой я стоял как столб, за спиной раздался топот конских подков.

– Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь, иначе на плахе окажемся мы все, начиная с тебя.

Я молча принял поводья из рук парнишки лет шестнадцати с чумазым лицом и забрался в седло. Снова конь, снова скачка. Когда я выскочил из ворот и во весь опор помчался к двум королям, меня проводил дружный ропот изумления. Я всеми фибрами ощущал, как смотрят на меня защитники Лидендэйла.

А вскоре и делегация обратила внимание на странного скакуна, посмевшего потревожить их топотом копыт. Вильям не скрывал изумления, король смотрел с интересом, а вот оруженосец противника не скрывал злости, буравил меня своими глазёнками. На этот раз это были обычные человеческие глаза, но я знал, кто он, и он это прекрасно понимал.

Не доскакав десяти шагов, я потянул поводья на себя, остановил коня, и бодро спрыгнул на землю. Не стоило забывать, с кем имею честь говорить. Пробежав разделяющее нас расстояние, я упал на одно колено и склонил голову.

– Прошу прощения за столь дерзкий поступок, но нужда вынудила меня нарушить установленный порядок. Будет ли мне дозволено говорить?

Я не поднимал головы, но даже в таком положении чувствовал волну гнева, исходящую от оруженосца, или лучше называть его по имени? Демон злился, и я не понимал, как этого не чувствуют остальные.

– Любой другой уже лишился бы головы, – честно признался Леорик. – Однако, это любопытно, поэтому встань и объясни свой поступок. Надеюсь, нужда действительно достойна такой наглости.

Король говорил те слова, что должен был сказать. Однако, от меня не укрылось, что в его голосе чувствуется облегчение. Но не думаю, что он обо всем догадался. Скорее всего, тяготили владыку все эти переговоры с их условностями. Дураку ведь понятно – домой с пустыми руками они не уйдут.

Я встал, поднял голову и осмотрел присутствующих. Два короля обладали странным сходством, разве что Леорик был немного ниже ростом и, очевидно, старше.

«Братья»

Оба смотрели на меня с ожиданием, не стоило затягивать. Я посмотрел на близнеца Леорика и склонился в знак при-

ветствия.

– Я хотел бы просить вашей милости. Я не принадлежу к подданным этого города. На самом деле, я даже не из этих мест. Мой дом далеко отсюда. Увы, я стал пленником обстоятельств. Но у меня важная миссия. Я должен доставить послание отцу Доминикону. Это ни в коей мере не коснётся Вас, – я посмотрел на обоих королей. Вот и пригодилось монашеское одеяние. – Если вы будете столь милостивы и позволите мне покинуть город, я смогу выполнить обещание. Обещание, данное умирающему.

Демон насторожился, чуя подвох. Заподозрил что-то и Вильям.

Близнец Леорика (и почему я не узнал его имя) удивленно посмотрел на соперника, ища подтверждение моим словам. Леорик кивнул:

– Это правда. Этот монах... пришёл совсем недавно. Он просил меня о том же. Однако не думал, что он окажется столь настойчив. Видимо, дело и впрямь важное, – король выделил последнюю фразу, глянув на Вильяма. – Если ты не возражаешь, я позволил бы ему уйти.

– В знак благодарности я хотел бы подарить вашему высочеству этот меч, – снова заговорил я, когда пауза слишком затянулась. – Он обладает уникальным свойством. Если вы будете ранены в бою, он мгновенно исцелит ваши раны. А если к нему прикоснется кто-то, кто не является человеком, он испытает на себе всю его силу.

С каждым словом демон всё больше злился, я видел, как выпирают его скулы. Кажется, Вильям понял, в чём дело и, как бы невзначай, положил ладонь на рукоять своего меча. Я же тем временем приблизился к демону настолько близко, что ощущал дыхание его коня, оно странно смердело.

– Пусть он послужит вам в меру своих скромных способностей!

Я протянул меч рукоятью вперёд, и демон, не выдержав, отшатнулся вместе с конём.

– Прочь. Убирайся отсюда. Как смеешь ты нарушать священный закон?

– В чём дело? – удивленно спросил Вильям, – Это всего лишь подарок.

Кажется, теперь и Леорик понял, что происходит. Но больше всех удивился его брат.

– Оскар, прими меч, и покончим с этим. Пора начинать!

– Вы действительно хотите отпустить его? Позвольте, я накажу его за дерзость. Пусть знает...

– Разве я спрашивал твоего совета? Меч, Оскар, передай его мне!

Король говорил, не повышая голоса, но от сквозившего там обещания, даже я поморщился. Оскар (хотя он такой же Оскар, как я балерина), стиснул челюсти и посмотрел на меня. Я не стал скрывать усмешки и подмигнул. Это было последней каплей. Он не произнес ни слова, однако, я почувствовал, что он готовит какую-то пакость.

– Назад!

Только и успел крикнуть я, когда демон атаковал. Но самое удивительное, что атаковал не он, это сделала его лошадь. Раскрыв пасть, она плюнула какой-то гадостью, и я лишь чудом избежал попадания. Зеленоватая слизь пролетела мимо и упала на землю. В том месте мгновенно пожухла и высохла вся трава, земля вздувалась огромными черными пузырями, лопнув, они испускали ужасную вонь.

– Ты заплатишься за это!

Прохрипел Оскар и, зло рассмеявшись, хлопнул в ладоши. Меня отбросило назад, как от взрыва. Когда смог подняться, заметил, что досталось всем. Леорик уже стоял на ногах, а вот его брат лежал без движения. Кто-то хлопнул меня по спине, от чего я чуть не рухнул на колени.

– Молодец. Возможно, сегодня мы избежали кровавой бани!

Это был Вильям, и он улыбался незнамо чему.

– Лучше взгляни туда. Будет кое-что похуже.

Наездник изменялся на глазах вместе с лошадью.

– Тварь, – прохрипел Вильям. – Я изрублю его на мелкие кусочки.

– Лучше позаботься о Короле. И не забудь второго. Кстати, как его имя?

– Владлен!

– Когда Леорик и Владлен будут в безопасности... Твою мать!

В смысле, мать Леорика. Он решил сам со всем покончить. Почему-то вспомнились слова Хабибуллина: «Воспитание подчиненных без личного примера – пустой звук».

Вместо того, чтоб тихо лежать и постанывать от боли, он выхватил меч и нёсся прямо на демона, наплевав даже на метаморфозы, что с тем происходили.

Я уже видел подобное в пещере Калхена, но тут было нечто иное. Как выяснилось, и конь и наездник были одним целым. Ума не приложу, как они могли существовать раздельно, но зачем пытаться понять то, что просто происходит? Два существа дрожали как в мареве, их тела покрывались огромными пузырями, те лопались, вываливая наружу все новые куски плоти.

В какой-то момент мимо меня пронёсся Вильям. Этаким мини-танк, впрочем, издающий ничуть не меньше шума, чем настоящий. Как можно бежать, когда на тебе столько железа? Я бы позабавился над такой несуразностью, но демон увеличивался в размерах с каждой секундой, меняя ещё и форму.

У коня по обе стороны вылезло ещё по две конечности, а хвост стал сегментным и уплотнился. Как это ни странно, ноги наездника исчезли, он просто врос в спину своей лошади. Всё его туловище покрылось чешуей и напоминало змею, вот только на голове выросли два рога, что со змей никак не вязалось.

Я отвлекся от трансформации демона как раз в тот мо-

мент, когда Вильям настиг, наконец, короля и сшиб его с ног. Как раз в этот момент над их головами пролетело огромное жало, едва не снеся им макушки. Не упали они, лежали бы замертво.

Снова сфокусировал внимание на демоне и ахнул. Это был этакий краб, с восемью закованными в броню лапами, хвостом, заканчивающимся тройным жалом. На крабьем теле крепилось змеиное туловище, с головой быка. Вместо рук у твари были такие же хвосты, как и сзади. С этими демонами можно голову сломать, пытаясь принять их образ.

Видя, что обе передние конечности взвились в воздух и готовы обрушиться на лежащих перед ними людей, я помянул всех святых и заорал во все горло:

– Эй, хреноголовый!

Внимание я к себе привлек, чему не очень-то и обрадовался. Та скорость, с которой голова и все три жала обернулись ко мне, заставила вздрогнуть и сделать шаг назад.

– Аааа... щщщщ... вот и щщщщ виновнищщщик... за вице надо щщщщщ... платищщщщ

От его мерзкого шипения хотелось закрыть уши руками. Но не думаю, что я успел бы сделать даже это. Он сорвался с места со скоростью многоножки, быстро перебирая лапами, которые в буквальном смысле вонзались в землю и вырывали целые комья, размером... Ах да, совсем забыл. Эта тварь была размером с Икарус, и обладала реакцией кобры. Не знаю, какая судьба ждала меня, успеет демон ударить, но

среагировать я не успевал, будь я даже человеком-пауком.

Почему же я всё ещё пишу? Само собой, я не умер. Меня спасла армия, пришедшая нас убить. Точнее, те самые таинственные лучники. Я уже видел, как обе конечности изогнулись пополам, жала прицелились в меня, и тут демон дёрнулся и, зашипев, развернулся ко мне спиной. Несколько десятков стрел торчали у него из туловища, хотя не похоже, чтобы это нанесло ему хоть какой-то вред. В него летели всё новые и новые стрелы, но большинство просто отскакивали, не оставив на чешуе ни единой отметины.

Я так и стоял, застыв. Признаться честно, мне стало страшно. Я уже чуть не погиб в пещере с Калхеном. Едва не сгорел заживо при встрече с ведьмой. Мозг подкидывал всё новые картины, в которых демон пронзает меня одним из щупалец, или же рвёт на части. Был вариант, что он просто съедет на меня и раздавит. Неизвестно, сколько я бы так простоял, но, неожиданно, кто-то толкнул меня в плечо. Обернувшись, я увидел коня, что привёл мне Лягушонок. Конь посмотрел на меня, мотнул головой, фыркнул и в нетерпении загрёб землю копытом. Тут не нужно быть гением, чтобы понять всё. Даже конь рвется в бой, а я стою тут и придумываю варианты смерти. Разве можно быть большим глупцом, чем я в тот момент?

В голове кинолентой пронеслись последние минуты жизни Ричарда, его поступок, моё обещание. Больше не осталось сомнений. Я потряхнул головой, чем позабавил коня. Он ве-

село заржал и кивнул несколько раз. Потрепал его за гриву, поцеловал в нос и запрыгнул в седло, отметив, что это становится делать всё проще и проще.

Конь не стал дожидаться моей команды и рванул с места, прямо в гущу схватки. Я успел заметить, как Вильям с королем тащат к воротам Владлена. Раз он всё ещё не пришел в себя, дела были плохи. А после стало не до того, всё понеслось кувырком.

Демону, имя которому я так и не дал, надоело отбивать стрелы и он пошёл в наступление, как раз в тот момент, когда я подобрался со спины. Трезво опасаясь хвоста с жалом-трезубцем, я решил зайти сбоку, и уже хотел применить меч, когда он рванул вперёд. Лезвие пролетело всего в нескольких сантиметрах от задней лапы, а сам я чуть не вылетел из седла. Конь, что за дивное животное, думал самостоятельно. Он и до этого скакал резво, но вдруг ускорился и просто стелился над землей. Мне только и оставалось, что прижаться к гриве и наблюдать как мы, словно два охотника, неумолимо настигаем свою жертву!

Со стороны могло показаться, что прошло всего-то несколько секунд, всё-таки армия находилась не так уж и далеко, но для меня время растянулось в целую вечность. Я видел, как все четыре лапы с моей стороны с завидной методичностью вбиваются в землю, строго соблюдая очерёдность и тем самым делая бег твари равномерным.

Когда конь поравнялся, наконец, с демоном, до первой

шеренги армии Владлена оставалось совсем немного – секунда, может две. Больше не осталось времени на раздумья, пришла пора действовать. Я замахнулся и рубанул заднюю лапу против движения. Меч на миг полыхнул белым, чистым светом и, не встретив никакого сопротивления, прошел насквозь.

Тут же раздался вой, похожий на свист, а конь резво скакнул в сторону и стал уноситься прочь. Сделал он это очень своевременно, и щупальце, что должно было пронзить нас насквозь, бесполезно разрезоало воздух.

Я обернулся и не смог сдержать улыбки. Тварь крутилась на одном месте, не переставая шипеть и брызгать черной кровью. Но не успел я порадоваться успеху, как тут же пожалел об этом. Там, где кровь попадала на землю, начало происходить что-то странное, какое-то движение. Когда я пригляделся, первыми моими словами была грубая брань.

Земля пузырилась, и из этих пузырей выбирались какие-то мелкие твари, больше похожие на шимпанзе, только с крюками вместо передних лап. Таких созданий оказалось довольно много. Демон перекрывал мне часть обзора, но даже с этой стороны было видно, что их больше двух десятков, логично предположить, что с той стороны ничуть не меньше. Отличный защитный механизм. Как только создание получало легкое ранение и становилось понятно, что жизнь под угрозой, вокруг появлялась армия защитников, и шансы на победу увеличивались.

Я бы очень расстроился из-за этого обстоятельства, но у меня банально не осталось на это времени. Демон, помимо подкрепления, прибегнул ещё и к магии.

– Только этого не хватало!

Взмолился я, увидев, как на кончиках двух передних жал набухает зелёное свечение. И целился этот гад именно в меня. Первый плевок я чуть не прозевал и оставалось только прижаться к конской гриве, надеясь на чудо. Мне повезло. Сгусток зелёной жижи пролетел над самой макушкой, отчего конь жалобно заржал и резво скаканул в сторону. Плевок был точно таким же, как и самый первый. Очень хотелось верить, что больше у твари не найдется, чем меня удивить. Тут и это непонятно как разгребать.

Ко второму плевку я был готов и увёл скакуна. Он на удивление быстро соображал, и мне приходилось лишь смещать центр тяжести. Так мы ушли ещё от трёх плевков, но дальше стало сложнее. Земля в местах попадания пузырилась и испускала зловонье. Не думаю, что наступать туда было опасно для лошади, а впереди уже было несколько таких луж. Да ещё и шимпанзе пришли в движение. Часть бросилась вдогонку, а часть пошла в обход армии, желая добраться до лучников. Я только успел подумать о том, что помощь не помешала бы, и тут услышал горн.

Трубили из города. Мы с демоном одновременно посмотрели в ту сторону, и оба видели, как из распахнутых ворот выезжает тяжёлая кавалерия. Увидели мы все одновременно,

нескончаемые муки умирающего. Никто не сомневался, что парень уже не жилец, от доспехов осталось одно название, а кисти рук съело напрочь во время отчаянной попытки избавиться от зелёной дряни. Демон разом помрачнел и зло зашипел, но его ждал новый сюрприз.

– Жалкие людишки? – Насмешливо спросил Вильям. – Отведай-ка вот это!

И, повернувшись к стене, дал отмашку.

Я увидел Лягушонка. Он, взобравшись на один из каменных зубьев, застыл как статуя. Дождавшись сигнала, отвернулся и повторил жест Вильяма. В наступившей тишине слышался резкий хлопок, затем глухой удар, а через секунду небо расцвело огненными шарами.

– Катапульты, – я не смог сдержать восхищения. – Ну, теперь повоюем!

Всё это предназначалось для армии противника, но теперь досталось демону. Уж не знаю, кто там был корректировщиком огня, но дело он своё знал. Два десятка горящих камней накрыли область размером с футбольное поле, и демон находился в самом его центре. Две глыбы, облитые маслом и подожжённые, задели его лишь вскользь, но один камень угодил ему прямо в живот, заставив сложиться пополам, удивленно свистнув напоследок.

Особого вреда это не принесло, демон лишь на время потерял ориентацию и бестолково шатался из стороны в сторону, однако роль свою камень сыграл. Обе армии всё виде-

ли. Он растерян, дезориентирован, а значит, его можно победить! Рёв тысяч глоток был тому подтверждением. Люди праздновали пусть и небольшую, но победу, и пока демон приходил в себя, перешли в атаку!

Около двух сотен тяжёлой конницы, выстроенных в четыре шеренги, опустили копья и начали разбег. Лошади сделали несколько робких шагов, приводя строй в движение и с каждой секундой набирая скорость. Я наблюдал за этим как ребенок. Никогда не мог представить, что можно восхищаться кем-то настолько, что возникает только одно желание — быть там, разделить их доблесть! Всё внутри меня ликовало. Я готов был рвать эту тварь голыми руками, лишь бы не стоять в стороне.

Тем временем не осталась в стороне и армия, пришедшая по наши души! Первая шеренга расступилась, выпуская вперед солдат с тяжелыми арбалетами! Их было не так много, чуть больше сотни, но это вам не лук с его элегантной стрелой. Болт такого монстра мог весить до пятисот граммов. Зарядить такую махину руками, без специально ворота, не представлялось возможным, будь вы хоть Арнольдом Шварценеггером! От тяжёлого арбалета не спасали никакие доспехи. Болт прошивал их как картон.

Одновременный залп, практически в упор, привёл демона в чувство. Новый свист, вперемешку с шипением, заставил первые ряды арбалетчиков рухнуть на колени и, выронив свое оружие, закрыть уши ладонями. Признаюсь, даже

мне досталось, а ведь я был достаточно далеко!

Демон получил несколько десятков болтов, которые пробили шкуру и засели глубоко внутри! Это стало последней каплей, после которой он осознал, наконец, всю серьезность своего положения и принялся активно сопротивляться. Для начала плюнул несколько раз в оглушенных арбалетчиков, сократив их число наполовину и посеяв панику! Многие даже не успели вскрикнуть, кислота съедала не защищенные тела мгновенно. Зрелище было отвратительное!

Но дальше началось форменное безумие. Я не успевал следить за щупальцами. Жала с лёгкостью пробивали тела, а доспехи сминались, и людей отбрасывало почти к кромке леса. Пережить такое падения не смог бы даже величайших Джеки Чан. В первых рядах началась паника, люди бросились прочь, мешая друг другу и создавая давку!

А тем временем конница столкнулась с шимпанзе. Я ожидал увидеть, как их насадят на копьё, а затем изрубят, наконец, эту мерзость и всё будет кончено. Но не всегда всё идет так, как нам того хочется.

Шимпанзе оказались на удивление проворными, и в самый последний момент взмыли в воздух. Копьё пронзили пустоту, в то время как мелкие твари раскинули руки-крюки и налетели на людей. Тем, кто не успел среагировать, просто отрывали голову мощными ударами, остальным досталось ничуть не меньше. Кто-то упал на землю, пытаясь собрать расползающиеся внутренности, кто-то разом лишился

конечности, а то и обеих. Я не видел, оказался ли среди пострадавших Вильям, а спустя мгновение началось настоящее побоище, и я уже не мог разобрать, кто есть кто. Люди бросали копья и схватились за мечи.

Ситуация, во всех её смыслах, медленно, но уверенно выходила из-под контроля. Срочно нужен был новый план, но обстановка не располагала к размышлению. Я стоял, как болван, наблюдая за гибелью людей, и не мог решить, что же мне делать? Демон больше не подпустит меня и близко, оставалось только...

– Болван, чтоб тебя. – Выкрикнул я в сердцах и, повернувшись к армии оккупантов, прищпорил коня! – Скачи во весь дух!

Конь каким-то чудом понял меня и задал такого стрекача, на который не способен даже гепард. Может я и преувеличиваю, но только самую малость. Добрались мы меньше чем за двадцать секунд, но за это время погибло очень много хороших людей. Поэтому, когда мне попытались преградить дорогу, я крепче стиснул меч и посмотрел на бедного парня так, что он против воли отступил на шаг, но, на его счастье, меня окликнул кто-то из командиров.

– Ты кто такой, и что тебе надо?

Прежде чем обернуться, я поймал себя на мысли, что готов влить ему оплеуху. Прямо перед глазами творится непонятно что, а он тут командира из себя строит. Но я тут же одернул сам себя. Он не бросил свой пост, не убе-

жал прочь. Несмотря на ужас, свидетелем которого он стал, у него есть обязанности, и он выполняет их до конца. Эта мысль вызвала уважение и, повернувшись на голос, я полностью отдался этому новому чувству!

– Прошу прощения за дерзость, но у меня совершенно нет времени что-либо объяснять! Я хочу спасти людей, – я сделал паузу, давая всем осознать, что я не делаю различия на «свои-чужие», а хочу именно спасти людей. Но затягивать не стоило, бой не прекращался ни на секунду. – Пора отправить эту тварь туда, где ей самое место!

Я стоял перед строем солдат и видел выражения их лиц. Они хотели того же самого. Их товарищи гибли там, и всем хотелось поквитаться. Вперед вышел молодой парень, скорее всего кто-то из дворян. Держался он уверенно и гордо, хотя был моложе многих присутствующих. Именно он руководил данным подразделением.

– Я выслушаю тебя, но не обещаю, что после не погоню плетью!

– Это достойный ответ, – согласился я и показал всем присутствующим меч, высоко подняв его надо головой! – Многие из вас слышали об этом оружии, но, даже если нет, вы видели на что оно способно! Нечисть, вроде той, что убивает сейчас наших товарищей, иным способом победить почти невозможно. Мы изрядно потрепали его, но он всё ещё силён как никто другой! Подобраться к нему и нанести удар будет очень непросто, а цена за ошибку слишком высока. Но у ме-

ня есть идея. Со стены я видел несколько баллистр. Могу ли я взглянуть на одну из них?

– Ты же сам сказал, – крикнул кто-то из строя, – Обычным оружием его не одолеть. Какой прок от баллистры?

– А если выстрелить этим?

Спросил я, и резко крутанул мечом, добавляя к словам визуальный эффект.

Люди оживились, началось активное обсуждение, и в этом гомоне голосов трудно было разобрать хоть слово.

– А ну, заткнулись все, – на удивление зычно рявкнул молодой дворянчик. Его послушались, и мгновенно наступила тишина. Только после этого он снова обратило внимание на меня, – А уверен, что получится?

Признаюсь, уверенности у меня было хоть отбавляй, но я до сих пор не мог придумать, как всё это повернуть. Оставалось надеяться, что решение придет в процессе.

– Уверен. Показывай дорогу!

Парень кивнул и, рявкнув «разойдись», повёл меня сквозь строй солдат! Таких впечатлений я ещё не испытывал. На нас смотрели все без исключения, и каждый желал удачи! С каждым шагом во мне всё больше крепла уверенность в правильности выбранной стратегии, и, когда мы достигли цели, я жаждал только одного – скорее покончить с этой тварью.

Я не видел, что происходит на поле боя, но, судя по звукам, демону тоже было не сладко. Уже дважды он отчаянно шипел, скорее всего, получив очередное повреждение, но

затем вновь звучали крики боли и ужаса! Каждая секунда, каждое мгновение кто-то погибал! Как же всё медленно!

Когда мы подошли к грозному оружию, я не смог не восхититься мощью и такой уверенностью. Казалось, она просто ждёт своего часа. Хищник, охраняющий свою добычу. Спокойный, собранный, уверенный. Но та сила, что таилась в этом безмолвии...

– Кто заведует этим чудом?

На одном дыхании спросил я, осматривая десяток вояк, собравшихся вокруг. Таскать такую махину, размеров с микроавтобус, – тут нужны крепкие парни. Каково же было моё удивление, когда вперёд вышел уже давно не молодой воин, а, скорее, дедуля. Пепельные усы и волосы, морщинистое лицо. Если бы не осанка и отсутствие хоть какого-то намека на усталость, я бы решил, что меня просто разыгрывают!

– А тебе, сынок, она на что? Гадину рогатую завалить собрался?

Говорил он довольно странно. Вроде голос крепкий, уверенный, четко поставленный, но слова...

– Скажи, отец, – произнес я как можно уважительней, и показал ему меч. – Смогу ли я выстрелить этим?

Дедуля, даром что пожилой, резво прошагал ко мне, протянул руку, и я вложил в раскрытую ладонь меч. Он придирчиво осмотрел его, несколько раз крутанул, положил на ребро левой ладони, проверяя баланс. Затем развернул его остриём к лицу и, прищурив один глаз, выверил прямоту

лезвия. Меня так и подмывало поторопить его, но я понимал, что в этом вопросе могу довериться только ему. Пришлось ждать, стиснув кулаки!

– Спешись куда, сынок? – как бы между делом спросил он, не прекращая своего занятия, – Так ведь и успеть можно! В любом деле сперва обдумать всё надо. Выстрел будет всего один. Скажи-ка мне, кто стрелять-то будет? Неужто ты сам?

И вот тут я задумался! А ведь и верно. Кто произведет выстрел? Кто возьмет на себя ответственность сделать последний, решающий шаг? Разве могу я заставить человека взвалить на себя такую ответственность? А сам? Да я впервые вижу баллистру в реальной жизни. Что мне с ней делать?

Во мне снова поселилась неуверенность. Возможно, я выбрал не тот путь? А что, если есть другой? Может, стоит всё бросить и подумать? Но тут перед глазами вновь появился Ричард. Те слова, что он когда-то сказал мне. Жить по совести! Разве этим я занимался в тот момент? Да я просто искал способ как можно скорее сбежать и спрятаться в норе, только лишь потому, что передо мной стояла, казалось, неразрешимая задача. Но ведь нет задачи, решить которую нельзя. Если это не могу осуществить я, может кто-то другой. Важно лишь найти его.

– Я не буду лгать, – честно сказал я, – Умение стрелять из такой махины, не мой конек. Но если вы организуете мне выстрел, я приведу вам стрелка. Договорились?

Дедуля расплылся в улыбке, кивнул и повернулся к

остальным.

– Чего пасть раззявили? А ну, живо разворачивайте. Вправо тридцать. И несите сюда стрелу...

Я не стал наблюдать, что произойдет дальше и повернулся к ожидающему меня дворянчику!

– Проведи меня к вашим союзникам. Я много слышал об их способности стрелять из лука, и уже успел убедиться в этом своими глазами.

– Надеешься убедить их помочь? Зря потратишь время, они...

– Просто проведи меня!

Пускай я был слишком резок, но он зря недооценивал мои способности. Я примерно представлял, в каком ключе вести беседу!

Юноша сдержал гнев, воспитание всё же брало верх, однако дальше предпочел не разговаривать и высокомерно зашагал все глубже, в тыл!

Пройдя сквозь основные силы противника (называть их так уже не имеет смысла, но то для ясности), мы направились к тем самым таинственным лесным жителям! Группа «людей» стояла в отдалении и методично обстреливала демона, но, как я уже говорил, без особо успеха. Когда мы приблизились вплотную, все мои ожидания канули в пропасть. Я ожидал увидеть эльфов, или других чудесных созданий, но это были простые люди.

Немного бледная кожа, худощавые телосложения,

необычная одежда, сплошь состоящая из шкур и кожи животных. Они выглядели нелепо, чересчур пёстро, но при этом держались свободно и открыто. Когда мы подошли ближе, нас заметили, но лишь один прекратил обстрел и направился наперерез! Он был одет так же нелепо, как и его товарищи!

На нем было, пожалуй, четыре вида различных животных, сшитых вместе и продолжающих друг друга! Неужели они не слышали, что существуют такие вещи как пряжа, шелк? Лицо у него было волевое, с большими надбровными дугами, тонкими губами, и цепким взглядом. Он быстро осмотрел нас и произнес довольно мелодичным голосом:

– Мы честно выполняем условия нашей сделки. Почему вы нарушаете свои?

– Ой, – как можно небрежней бросил я. – Что-то не припомню, когда давал тебе хоть какое-то слово. Да и не собираюсь. Просто хотел поинтересоваться, долго ли вы будете стоять в стороне? Думаешь, до вас эта тварь не доберётся?

Ох, как же его перекосило. Мои слова произвели впечатление. Теперь он готов был забыть о демоне и переключить всё своё внимание на меня. Это было лишним и нужно было срочно продолжить:

– Я слышал, вы довольно неплохо стреляете из лука? Если глаза меня не обманывают, всё так и есть. Скажи, а если вместо лука будет что-то посерьёзней, скажем, баллистра, сможешь ли ты произвести точный выстрел? У тебя будет всего

одна попытка, и промах...

– Я не промахиваюсь! – уязвлено прошипел он, – Никто из нас не промахивается. Но никто из нас не станет выполнять твои дурацкие приказы. Мы...

– Вы привели эту тварь, – прокричал я ему в лицо, и на нас обратили внимания остальные, – Вы решили, будто умнее всех, а сами были настолько глупы, что не видели дальше своего носа! Посмотрите туда, слышите эти крики? Это люди, которые гибнут по вашей вине. Их кровь будет на ваших руках. У меня нет ни желания, ни времени спорить с вами. Сейчас я хочу только одного: покончить с этой тварью. У нас есть решение, но нет права на ошибку. Если вы настолько трусливы, можете и дальше прятаться за спинами других, я сам попробую выстелить.

Я не стал ждать ответной реакции, просто развернулся и зашагал прочь! Меня догнал молодой дворянин и осуждающе покачал головой.

– Зря ты так! Теперь от них помощи не дождешься.

– Ошибаешься, – не переставал улыбаться я, – Теперь они просто не смогут стоять в стороне.

Когда мы вернулись, обслуга бегала вокруг баллистры, а дедуля не переставал понукать их!

– Бестолочи. Он же зацепится! Да поверни же ты рукоять. Ах, чтоб тебя. Пойди прочь!

Дед резво заскочил на площадку, на которой была установлена баллистра, и сам стал прилаживать гарпун с привин-

ченным мечом в ложе. Чтобы вы понимали, баллистра – это такой огромный арбалет, размером с микроавтобус, установленный на деревянной площадке. Сама площадка транспортировалась при помощи колёс и обслуживалась целой дюжиной людей.

Когда мы приблизились вплотную, всё было готово. Я встретился взглядом с дедом и тот спросил с издевкой:

– Ну, где твой стрелок?

Только я собирался открыть рот, как меня бесцеремонно отодвинули в сторону и на сцене появился один из представителей лесного народа! Я сразу прозвал его Барсуком, из-за обилия шкур именно этого животного. Да и лицом он отдаленно барсука, с его вытянутой мордочкой. Если присмотреться, то по морщинам видно, что он часто улыбался. Первым делом он обратил внимание на меч и несказанно удивился, хотя и старался не подавать виду.

– Стрелять буду я, – довольно грубо бросил парень, но тут, видимо, вспомнил, где он находится и постарался сгладить впечатление, – Разумеется, если позволите!?

– Позволим, – отчего-то развеселился дед и спрыгнул вниз. Барсук тут же заскочил на площадку, а дедуля пихнул меня локтем, – Как ты этого добился? Владлен год вёл с нами переговоры.

– Да ничего сложного. Реверсивная психология, только и всего!

Дед о чём-то задумался, кивнул сам своим мыслям, хотел

спросить что-то ещё, но передумал. Вообще забавный был старикан. Я всё время называю его стариканом, а ведь ему было не больше шестидесяти. Просто в моей голове не укладывалась мысль, что в таком возрасте можно идти на войну. Я уже порывался спросить, как он преодолел марш-бросок, но в этот момент Барсук перешел к действию и все, в том числе я, замороженно уставились на него.

Первое, что он сделал, – подскочил к мечу и привязал на самый его кончик красную ленточку. Дедуля, стоящий справа от меня, одобрительно хмыкнул и скрестил руки на груди. Не уверен точно, но сдаётся мне, Барсук вызвал у него уважение и теперь он жаждал продолжения.

Сам я был как на иголках. Пока он там возился, бой не прекращался. Я не видел, что там происходило, и это раздражало ещё больше. Здесь от меня больше ничего не зависело и, хлопнув деда по плечу, я произнёс ему на ухо:

– Теперь всё в ваших руках. Я не могу просто стоять здесь. Пойду, гляну, как там дела у товарищей.

Мой конь ждал меня неподалеку, и я на бегу заскочил в седло, как заправский ковбой. Всегда любил хороший вестерн. Жаль только, нет верного револьвера и кобуры. В тот момент я даже не подумал, что при мне вообще нет никакого оружия. Меч я отдал, а при мне только кулаки. Эх, сколько же ошибок надо совершить, чтобы быть готовым к любой ситуации? Сто? Тысячу? Сто тысяч? Сейчас, думая об этом, я всё больше убеждаюсь в мысли, что это вообще несбыточ-

ная мечта. Каждый раз мы сталкиваемся с ситуациями, к которым не готовы. Но, знаете, что придает мне сил и уверенности? Какой бы ни была ситуация – всегда есть решение. Тот, кто будет убеждать вас в обратном, просто не желает его искать! Но что-то я увлёкся философией.

С коня я отлично видел демона. Он прыгал с места на место, а его щупальца мелькали с завидной скоростью. Я бросился обратно, сквозь строй солдат, громко призывая людей расступиться.

Вырвавшись наружу, я на миг потерял всякую надежду. Количество трупов и раненых давно перевалило за сотни. Тяжёлая конница справилась с мелкими демонами, но лишилась своего главного преимущества, а именно – лошадей. Приняв ближний бой и спешившись, они уже не были способны взобраться в седло. Попробуйте залезть на коня, когда на вас несколько десятков килограммов железа. Тут нужна специальная площадка и посторонняя помощь. Из двух сотен в седле оставались разве что три десятка. Они кружили вокруг демона, отвлекая на себя внимание, в то время как пешие пытались подобраться поближе и нанести хотя бы один удар. У многих это даже получалось, но чаще всего это был последний удар в их жизни.

Что же касается арбалетчиков, тут дела были совсем плохи. Демон уничтожил всех без исключения и теперь не давал кому-либо приблизиться к опасному для него оружию.

Я почувствовал такую злость, что сам испугался этого

чувства. Первым делом схватился за меч, которого, конечно же, не оказалось на месте. И знаете, будь всё иначе, я бы бросился в бой сломя голову. Но иногда надо хорошенько всё обдумать. Отсутствие меча активировало этот процесс и заставило гнев уйти на задний план!

Всё, что от меня требовалось, это дать время и возможность для выстрела. У меня оставался козырь в рукаве, и я решил его использовать. Это грозило мне большими неприятностями, но я больше не мог просто стоять и ждать, когда другие гибнут сотнями, в попытке сделать хоть что-то. Наклонившись к конской гриве, я прижался к коню всем телом.

– Не знаю, выживем ли мы, но у меня есть идея. Доверься мне. Во что бы то ни стало, не сходи с места!

И, выпрямившись, громко крикнул «вперёд» и пришпорил коня. Он резво набрал скорость, но в какой-то момент мне пришлось остановить его. Расчёт был на то, что демон не достанет до меня и плюнет своей гадостью. Но для этого он должен был заметить меня!

– Эй ты, жалкий червь!

Мой голос разлетелся над полем и привлек внимание не только демона. С огромным облегчением я заметил Вильяма, бросившего на меня удивленный взгляд. Этот бродяга был ещё жив. Разумеется, демон не спешил бездумно бросаться в атаку. Пришлось играть дальше.

– Я вызываю тебя на поединок! Только мы с тобой! Мне даже оружие не понадобится, чтобы разделаться с тобой!

Вильям, хвала и честь ему, догадался о чём-то и приказал всем отступить. Его приказ продублировали, и люди начали медленно пятиться. Демон долго провожал их взглядом, вращаясь по кругу и не преставая шипеть! На меня он всё так же не обращал внимания, но я был рад, что никто больше не умирал. Демон всё ещё двигался и делал это слишком быстро. Сложно попасть в такую мишень. Как выяснилось позже, он тоже играл. И актёр из него вышел отменный. Делая вид, что не обращает на меня внимания, он всё время занимался подготовкой к удару.

– Неужели...

Выждав, когда я начну говорить, он атаковал. Расчёт был на то, что в этот момент я сфокусирован на своей речи и не успею среагировать.

Резкий разворот и два зеленых шара слизи срываются и летят в мою сторону. Люди ахнули. Никто не верил, что я успею уклониться, даже я сам. Но я и не собирался уклоняться. Выбросив вперед обе ладони, я проделал примерно то же, что и в лесу с бандитом. С каждой руки сорвался огненный шар и устремился к своей цели. Слизь оставалось преодолеть всего несколько метров, когда огонь с шипением поглотил её. Все исчезло в яркой вспышке. Все застыли на месте, даже демон. Над полем боя повисла гробовая тишина, и в этой тишине отчетливо прозвучал щелчок.

Всё что успел сделать – улыбнулся демону и снова подмигнул, а затем справа что-то блеснуло, пронеслось мимо, столк-

нулось с бычьей головой. На миг полыхнула яркая вспышка, от которой всем пришлось зажмуриться. Когда же все вновь посмотрели на демона, во лбу у него зияла огромная дыра. На его лице застыло непомерное удивление, а затем он стал заваливаться. Всё внимание было приковано к нему и обо мне на время забыли. Все, кроме Вильяма.

– Быстро, – внезапно появившись, выкрикнул он. – Ты должен уйти отсюда, пока люди не пришли в себя!

Я не стал спорить и бросился следом за Вильямом и, как это ни странно, скакали мы к воротам. Можно подумать, там не видели, какой фокус я выкинул. Оставалось только положиться на него, но тут вдруг навалилась усталость. Как-то отрешенно я подумал о мече.

– Вильям, нужно вернуть меч!

– Забудь о нём. Сейчас надо спасти твою шкуру. Не отставай!

Я выругался и, стиснув зубы, поскакал за ним.

Ёрш!

Пока все ликовали, кричали, обнимали друг друга, Вильям провёл меня мимо охраны, крикнув им что-то, и мы углубились в город. Плутали около получаса, я даже не осмелился бы предположить, в какой стороне ворота. Вильям всю дорогу молчал, изредка поглядывая на меня. Было в его взгляде что-то осуждающее. Меня это порядком выводило, но что поделать – сам виноват.

Иногда нам попадались патрули, но Вильяма пропускали без вопросов, а о моей выходке здесь попросту ещё не знали. Пару раз на пути попадались прохожие, но они спешно скрывались в своих жилищах. Пропетляв между домами, мы пересекли площадь, где я впервые встретил Лягушонка, и углубились в какие-то трущобы! Судя по всему, это был бедный район города.

Проезжая мимо, я видел попрошаек, что тянули свои руки в надежде получить жалкую монетку, чтобы прокормить свою семью. Все дома выглядели самыми настоящими развалинами. Как в таких можно жить? В какой-то момент я поймал себя на мысли, что зря спас Леорика. Что он за король, раз допускает подобное? Пришлось побороть желание вернуться и вlepить ему по уху! Тогда я ещё был глупцом, совершенно не разбирающимся во всех тонкостях человеческой души.

Вильям свернул в неприметный переулочек и тут же осадил коня. Мы оказались в тупике. Дорогу впереди перегораживала куча хлама, нагромождённая тут незнамо с какой целью. Справа виднелась небольшая дверца и, спрыгнув с лошади, Вильям постучал в неё, требовательно и громко.

Ждать пришлось не долго, дверь открылась спустя пару секунд. В проходе показался подозрительный субъект. В обычной ситуации я принял бы его за бандита. Одежда давно просит стирки, лицо плачет по мылу и бритве, волосы сальные. Но больше всего настораживал его взгляд. Колючий, цепкий. Он за мгновение оглядел нас с головы до ног и уставился на Вильяма.

– Что на этот раз?

– Нужно спрятать кое-кого на пару часов.

– Этого, что ли? – небрежный кивок в мою сторону, – И чего он учудил? Сам знаешь, мне лишние проблемы не нужны.

– Ну, так если не нужны, – не сдержался Вильям, – Спрячь его. Я вернусь, как только улажу вопрос о его дальнейшей судьбе.

– Да не кипятись ты так, – мужичок поднял обе руки ладонями вверх, в знак примирения. – Сделаем всё в лучшем виде. А ты чего встал? Проходи, гостем будешь. Только не вздумай лапать всё подряд. Вмиг шею сверну!

Вильям почти насильно запихал меня внутрь, наказав ждать его возвращения и ничего не предпринимать и, взяв

моего коня за поводья, ускакал прочь. Я застыл в дверях, не решаясь войти.

– Чего встал? Проходи, я двери закрою!

– Да, разумеется.

Так я познакомился с ещё одним человеком, внесшим свой вклад в мою судьбу. Звали его Ёрш. Даже не знаю, настоящее это имя или просто прозвище.

Ёрш, в прошлом наемный убийца, служил тайным информатором на службе у его величества Леорика! Он не любил рассказывать о своей прошлой жизни, да и мне, по большому счёту, не интересно было, я едва с ног не валился от непонятно откуда взявшейся усталости. Да и что может быть интересного в жизни наемного убийцы? Но, как выяснилось, он очень любил рассказывать, как его жизнь изменилась в один прекрасный день.

На тот момент на его счету было около двух десятков загубленных душ, и он считал себя самым настоящим злодеем. Но последний полученный заказ заставил пересмотреть отношение к самому себе.

Один очень богатый вельможа решил поквитаться со своим соперником. У вельможи того был свой бизнес по производству вина. Он был единственным крупным поставщиком во множество городов. Его вино было в каждой таверне. Три десятка виноградников, на которых трудились работяги. Но в один прекрасный день люди перестали покупать его товар. Клиенты жаловались, что нет денег, трудные времена, но он

докопался до истины.

Оказалось, они нашли нового поставщика. Его вино все хвалили, а старое всё больше критиковали. Подумаешь, он слегка разбавлял его водой, так ведь клиентов много, где ж на всех набрать? Так не заработаешь. Этот новенький самый настоящий болван. Как только его товара станет не хватать, он сам пойдет на такие же меры.

Однако время шло, а дела всё ухудшались. Подвалы были полны отменного, не разбавленного, первосортного вина, но все отказывались его покупать. Что за болваны? Когда пришлось сократить количество виноградников, вельможа впервые серьёзно задумался о будущем. Работники всё чаще выказывали недовольство, того и гляди устроят бунт, идиоты не понимали, что ему просто нечем заплатить. Могли бы немного потерпеть. В конечном итоге он пришел к выводу, что сама собой проблема не решится, надо брать всё в свои руки. И первое, что пришло ему на ум – избавиться от надоедливой конкурента.

Вот тут и появился Ёрш. Заказ поступил именно к нему, и поначалу он даже согласился. Но очень скоро пожалел об этом. Узнав, кто на самом деле жертва, и почему его хотят убить, Ёрш возмутился. Ему нравилось новое вино. В отличие от старого, оно не походило на ослиную мочу, а было приятным на вкус. Убивать человека, делающего такой прекрасный продукт, он не хотел, но и отказаться уже не мог. Приняв заказ, от него нельзя было отмахнуться. В против-

ном случае пришлось бы столкнуться с последствиями, а это означало смерть от руки такого же наёмного убийцы.

Два дня он был сам не свой. В нём боролись две его сущности. Первая любила выпить в хорошей компании, а вторая требовала избавиться себя от единственного в жизни удовольствия. Как он не старался решиться хоть на что-то, становилось только сложнее предпринять какой-либо шаг. В конечном итоге он напился до беспамятства того самого вина и заснул где-то в подворотне. Всё, что произошло с ним дальше, он называет не иначе как чудом!

Ему снился кошмар. В том сне боролись два существа – тёмное и светлое, и на каждом из них было лицо самого Ёрша. Первый, тот, что олицетворял светлую сторону, был обычным человеком, разве что одетым в белые одеяния. В руках у него была палка, сухая и трухлявая. Он не мог нанести ей ни единого удара, а только и делал, что изворачивался, уходя от ударов тёмного. А вот тёмный на человека совсем не походил.

Тело, покрытое чешуйками, отливающими металлом. Копыта, длинный хвост, заканчивающийся шипастой булавой. Рога, полыхающие пламенем. В руках у зверя был меч. Огромный, остро заточенный. Он пускал в ход всё свое оружие. Клыки, копыта, хвост, рога. Его удары градом сыпались на светлого.

– Помню, как сейчас, – говорил Ёрш, с жаром пересказывая эту историю. С каждым словом он всё больше оживал,

менялся на глазах. Словно это происходило именно сейчас, в данный момент. – Я тогда подумал, как он ещё не погиб? И эти лица. Только представь, что видишь двух совершенно разных существ, но у обоих твоё лицо? Я тогда здорово перепугался. Думал, крыша совсем поехала...

Его невозможно было остановить, да я и не старался. Мне уже была интересна его история. За те два часа, что я провел в ожидании Вильяма, она навсегда изменила мою жизнь.

Светлая сторона, несомненно, проигрывала этот бой. Они сражались в чистом поле, где не было даже малюсенького камушка. Всё, на что мог надеяться парень в белом одеянии – палка. Но какой толк от палки, когда твой противник вооружен мечом, а всё его тело заковано в броню?! Именно в тот момент Ёрш впервые взмолился и попросил помочь светлому. Ему было жаль парня, а к той мерзости, что пыталась его убить, он испытывал отвращение и страх.

Он стал просить Создателя вмешаться, спасти светлого. Он и сам не мог ответить, сколько времени прошло от начала сна до пробуждения.

– Там не было времени, я почему-то чётко осознавал это. Один удар мог длиться столетия, а другой – всего одно мгновение. Но в какой-то момент я перестал обращать внимание на их схватку. Я увидел себя. Маленького, ничтожного, стоящего между ними. Я был ещё ребенком. На мне была та же одежда, что и в день моего первого убийства. Мне было шестнадцать...

Он не стал рассказывать о самом убийстве, лишь намекнул, что в тот момент был просто счастлив. Это легкие деньги. Большие деньги за плёвое дело. Люди всё равно умирают, так важно ли – часом раньше или часом позже?

В тот же день он впервые попробовал вино. После дела его трясло, и «товарищи» предложили снять стресс. Чем закончился тот вечер, Ёрш не помнил. Но у него вдруг появилось множество друзей. Все хвалили его. «В шестнадцать лет не каждый способен на такой поступок». «Ты настоящий мужик». «Теперь ты наш кореш, парень».

– Как же глуп я тогда был.

Я не мог не согласиться с ним. Но Ёрш объяснил, что вырос на улице, и больше всего ему не хватало друзей. А тут вдруг такое внимание. Не удивительно, что парень впоследствии стал наемным убийцей.

Но в тот момент Ёрш увидел себя ещё до того, как перешёл черту, после которой не было возврата. Ему стало страшно. Он знал, какая судьба уготована этому парню, и не хотел этого. Он стал молиться еще сильнее, еще неистовей.

– Я просил защиты для этого парня. Для меня жизнь уже не имела смысла. Убийство, затем запой. Снова убийство и очередной запой. Разве это жизнь? Но я знал того парня. Знал, о чём он мечтает. Знал, как сильно ему не хватает родителей и НАСТОЯЩИХ друзей. Больше всего на свете я желал ему иной судьбы. Не той, что постигла меня. И в какой-то момент...

В какой-то момент всё остановилось. Картинка замерла. Оба создания застыли, словно две статуи. И вдруг он услышал голос. Этот голос дал ему выбор:

– Ты можешь поговорить лишь с одним из них, – Ёрш попытался придать голосу торжественности, но, признаться честно, артист из него был никудышный. – Выбирай, с кем из них ты будешь говорить?

И вот тут я задумался.

А подумать было над чем. Кого выбрать и что сказать? Выбрать светлого? Но что ему сказать? Как помочь ему выиграть? А если выбрать тёмного, то как отговорить его от сражения? Станет ли он вообще слушать?

– Это был самый сложный выбор в моей жизни.

Он долго думал, и, наконец, его осенило. Он уже не может изменить исход поединка. Тогда что он может сделать? Выместить злость на тёмном? И какой в этом смысл? Если уж белому суждено умереть, то он обязан поговорить с ним и попросить прощения за все свои поступки!

– Я ответил голосу, что буду говорить с человеком в белом одеянии. И о чудо, он ожил. Осмотрелся по сторонам, на мгновение как будто вслушался во что-то и, кивнув, повернулся ко мне! В его взгляде было столько боли, столько сожаления!

От его слов у меня на глаза навернулись слёзы. Я вспомнил пещеру, Ричарда, его взгляд. Он словно описывал события, произошедшие со мной, с той лишь разницей, что для

меня всё было наяву, а не во сне. Я даже дышать перестал, ожидая развязки и ответа на все мои вопросы.

– Ну, здравствуй, Ёрш! Я очень устал, спасибо тебе за эту передышку!

– Кто ты?

– А разве ты сам ещё не понял? Я тот, кто взял опеку над тобой в тот день, когда ты родился!

Из его рассказа я сделал вывод, что Ёрш тогда встретился со своим ангелом-хранителем. Пускай это звучит избито и банально, но, слушая его, я хотел поверить каждому слову.

– Я не могу сказать точно, сколько длилась наша беседа. Он был измотан. Чтобы не упасть ему приходилось опираться на палку. Я не мог понять, как он мог сражаться, находясь в таком состоянии? И тогда я спросил, почему он ещё не сдался? Ему ведь не выиграть этот бой. Белый устало вздохнул и посмотрел на меня. Этот взгляд я не забуду никогда. А его ответ...

Ангел, несмотря на усталость, смотрел на Ёрша с такой любовью, что у него сжалось сердце.

– Я не могу проиграть. Если я сдамся, я подведу тебя.

Ёрш не выдержал и начал рыдать. У него не было тела, не было глаз, не было слёз, но он рыдал. Впервые в жизни он увидел того, кто сражается не за себя, а за других. Именно в тот момент он стал просить прощения. Он умолял простить его и помочь тому парню, что ещё не ступил на этот путь. Он рыдал, умолял светлого не сдаваться, требовал дать ему

возможность помочь. Всё, чего он хотел – спасти этих двоих и прогнать тёмного.

– Я был честен и с собой, и с ним. Каждое слово, которое я тогда произнёс, шло из самой глубины. Не уверен, что это были мои слова. Произносил их я, но говорил тот, кто всегда жил во мне. Это был тот самый маленький мальчик. И вдруг что-то изменилось.

Светлый поднял свой взор, словно разговаривая с кем-то. Ёрш замолчал и ждал, чем всё это закончится. Наконец, светлый отбросил палку и произнёс, обращаясь к небесам:

– Это мой выбор. Я прошу лишь помочь мне. – А затем снова взглянул на Ёрша. На этот раз он улыбался. – У меня есть хорошая новость. Я могу победить его, и он исчезнет раз и навсегда. Но за свои деяния всегда приходится платить. Платишь или ты, или тебе. В нашем случае платить придется тебе. И плата может показаться тебе незначительной, но послушай вот что. Я множество раз спасал твою жизнь. Я отводил взгляд стражи, когда это было необходимо. Я не давал собакам проснуться и выдать тебя лаем. Всё это время я верил, что ты ещё можешь исправиться. Этот день настал, но... Ты сильно опоздал. Я не могу просто исправить всё, что ты натворил. Это можешь сделать только ты. К сожалению, я не смогу увидеть этого, потому как должен уйти навсегда. Ты дал моему сопернику слишком много силы, и, чтобы одолеть его, я должен использовать всю свою энергию. Это убьёт его, но это же сожжёт меня. Больше никому будет оберегать тебя

в то время, как на его место придёт другой. Жаль, что так вышло. Используй этот шанс и живи!

Ёрш не успел ничего сказать, светлый просто отвернулся. Он вернулся к своему противнику и застыл перед ним. Всего мгновение они стояли друг против друга, а затем ожили. В этот раз светлый не стал уходить от удара, и меч вонзился ему прямо в живот.

От его слов у меня ком встал в горле. Он описывал то, что произошло со мной. Его история давала ответы на множество вопросов, терзающих меня с той памятной встречи в лесу. Зачем Ричард так поступил? Что двигало им? Почему он не попробовал спастись?

Я не смог сдержаться и зарыдал. Ёрш замолчал на полуслове. Скорее всего, такой реакции он ещё не встречал.

– Эй, приятель, ты чего?

Я не мог остановиться, лишь попросил закончить историю, и Ёрш выполнил мою просьбу.

Тёмный ликовал. Он наконец-то одержал верх, но это был ещё не конец. Светлый вдруг раскинул руки в стороны, и за спиной у него выросли два золотых крыла. Они походили на орлиные, но столь чистые и яркие, что смотреть на них было больно.

Светлый улыбнулся своему противнику как старому приятелю и, обняв его, обхватил руками и накрыл крыльями. Из его спины торчал огромный меч, а белые одеяния постепенно окрашивались красным, но хуже в тот момент было тому,

другому. Его не было видно, крылья полностью скрыли его, но он вопил, иногда срываясь на визг. От него шел дым, который просачивался в каждую щель и нёс с собой отвратительный запах.

Что-то происходило и с ангелом. Он начал светиться, и всё больней было на него смотреть. В какой-то момент Ёрш не выдержал и зажмурился. Свет пробивался даже сквозь веки. Он стал кричать и тут почувствовал удар. Кто-то сильно стукнул его в колено.

– Это была городская стража. Собственно говоря, так я и познакомился с Вильямом. Когда-то он был обычным стражником. Едва открыв глаза, я почувствовал, как что-то изменилось. Внутри была пустота. Я был уверен, что это не просто сон. Первое, что я сделал -рассказал Вильяму о предстоящем убийстве и дал имя заказчика! Они провели тщательное расследование. Само собой, никаких улик, подтверждающих мои слова, найти не удалось, но и убийство не состоялось. Сам понимаешь, сколько внимания было к заказчику. Ему пришлось уйти в тень, а вскоре он продал свои виноградники конкуренту и исчез навсегда.

– Кстати говоря, спиртного я с тех пор не пью. Ты ведь знаешь, что пока твой ум трезв и чист, мысли твои под защитой и контролем. Никто не может повлиять на твои решения, только ты сам. Но когда твой мозг затуманен алкоголем или, не дай бог, цветным листом, ты попадаешь в место, где живут эти самые тёмные. Не хочу я, чтобы на место той...

Страшно об этом думать. Это очень опасно. Ведь за последствия, в любом случае, отвечать тебе.

Я не знал, что такое цветной лист, но догадывался, что это какая-то разновидность наркотиков. Возможно, так они называли марихуану или ещё что-то. Впервые в жизни я почувствовал себя так легко, что хотелось петь от счастья. Трудно было не поверить в его рассказ после всего, что произошло со мной с того момента, как я очнулся в пещере. Теперь мне стал понятен поступок Ричарда, его желание спасти меня, отдав за это свою жизнь. Он знал, что иного выхода нет и принял решение. Я по сей день благодарен ему за это.

Ёрш долго молчал, наблюдая за моими изменениями. Сперва я плакал, как ребёнок, затем вдруг стал улыбаться. Возможно, будь на его месте кто-то другой, он счёл бы меня ненормальным, но только не Ёрш. Он был терпелив и просто ждал. В какой-то момент я сам пришёл к выводу, что должен рассказать ему всё. Ведь не могла судьба свести нас вместе, не имея на то причины. Но тут в дверь постучали.

– Кто?

Громко спросил Ёрш, становясь немного в стороне от прохода, словно опасался получить арбалетный болт. Я только сейчас да конца осознал, каково это – остаться без ангела хранителя.

– Я от Вильяма. Гость должен поехать со мной!

– Сейчас открою, – с тоской произнес Ёрш. Я видел, как ему не хотелось отпускать меня. Впервые он встретил чело-

века, способного хотя бы приблизительно понять его. Но, когда он повернулся, от него исходили совсем другие эмоции. – Ну что, парень, тебе пора. Рад был знакомству. Надеюсь, мы ещё увидимся.

– Спасибо тебе за всё, – искренне поблагодарил я. – Даже не знаю, что со мной было бы, не встретить я тебя.

Мы обменялись рукопожатиями, и Ёрш открыл дверь. За порогом стоял ещё один солдат. Я не мог определить, видел ли его раньше. Для меня они все были на одно лицо. Кольчуга, шлем, меч, конь... Я дал себе слово, что впредь буду стараться запоминать хотя бы лица.

Солдат кинул мне поводья.

– Скоро стемнеет. Лучше поторапливаться.

Настроен он был не очень дружелюбно, и на то могло быть множество причин, включая мой фокус с огненными шарами.

Я запрыгнул в седло и началась новая гонка. Куда они вечно торопятся? Мне хотелось лучше ознакомиться с городом, понять его географию, а вместо этого приходилось постоянно следить за тем, чтобы не сбить с ног очередного пешехода и не потерять из виду сопровождающего! Как в песне группы «Любэ»: напылили кругом накопытили, даже толком дороги не видели! Коля знает, о чём поёт. Я вспоминаю свою жизнь до появления здесь...

Я никогда не опаздывал, всегда появлялся вовремя, но это чувство спешки... Откуда это в человеке? Желание жить

как можно быстрее, не замечая самой жизни? Я даже лифта иногда не мог дождаться, считал это пустой тратой времени, бежал по лестнице, сбивая дыхание. Я видел людей, просто прогуливающихся в парке, и считал их бездельниками. Откуда у человека столько времени? Неужели ему совсем нечем заняться?

И вот теперь я сильно сожалел об этом. Я столько времени потратил на то, что никогда не приносило мне удовольствия. И ради чего? Всё, чего я добился, что нажил за эти годы, всё осталось там, в той жизни. Я больше не хотел идти тем же путем. Он не привел меня к счастью.

К сожалению, в тех обстоятельствах от меня мало что зависело. Незнание пугало. Куда меня ведут? Что со мной станет? Вопросы...

Один мудрец сказал: «Вопросы порождают новые вопросы. Смысл жизни заключается в поиске ответов»!

Я бы мог поспорить с этим, но это уже философия. А что до фактов – так и получается. Едва ответишь на один вопрос, как тут же появляется другой. Так в чём же смысл? В погоне за тем, что нам не суждено познать? В поиске ответов, после которых становится только больше вопросов? Кто может дать ответ?

На этот раз мы скакали недолго, и солдат оказался прав. К тому моменту, когда подъехали к замку (на этот раз с обратной его стороны), солнце стало клониться за горизонт и вокруг залегли глубокие тени. В этот момент замок выглядел

устрашающе. Сразу вспоминались все истории с приведениями и цепями, но стоило оказаться внутри – и ощущение тревоги приобрело другой характер. Я понимал, куда меня ведут, и этот страх был уже вполне обоснован.

В тот момент я совершенно не думал, чем всё закончилось. Куда делась армия агрессоров? Что стало с лесными жителями? Как чувствует себя Владлен? Личные тревоги и переживания заставили мозг выбросить всю эту информацию из головы. Всё это пришло в тот момент, когда распахнулись двери тронного зала, и я увидел всех присутствующих.

Леорик и Владлен оживленно спорили о чём-то, стоя перед тронном. Поразительно, но я отлично видел, что это не спор двух заклятых врагов. Так спорят братья. Порой они не соглашаются в чём-то, но даже в такие моменты остаются верны друг другу! Это может показаться странным, но они стояли у подножия ступеней, ведущих к трону и даже не смотрели в его сторону. Один трон и два короля? Я о таком даже не слышал.

Но это ещё не всё. Неподалеку расположились Вильям и тот самый Барсук, что стрелял из баллистры. Вильям держал в руках мой меч, чему я несказанно обрадовался, а эльф (я решил называть лесных жителей именно так, хотя позже я объясню, кем они являются на самом деле), рассказывал ему что-то, изредка указывая на меч.

Стоило дверям распахнуться, как все четверо повернулись в мою сторону. Признаюсь, такое внимание сбilo меня

с толку, и я застыл на пороге. Кто-то толкнул меня в спину, опомнившись, я вошёл в тронный зал и по обычаю встал на одно колено, склонив голову.

– Да брось ты это, – не выдержал Леорик. – Теперь не имеет смысла играть эту роль.

От того, с какой интонацией король произнес последнюю фразу, я весь покрылся испариной. Вот же влип! Поставив себя на их место, я ужаснулся. Как чередой всех событий привела меня к такому результату? И что мне делать? Доказывать, что всё это лишь совпадения? СТОЛЬКО совпадений просто не бывает – скажет любой на их месте. Да я бы и сам всерьёз задумался, а не подстроено ли всё? Что бы подумали вы, не зная всей правды? Уму непостижимо. Именно тогда я всерьёз задумался о том, к чему может привести ложь и уловки. Расскажи я всё раньше... а, впрочем, никогда не поздно всё исправить. Ну, или сделать попытку всё исправить. Решать уже не нам.

– Я должен рассказать вам одну историю, что приключилась со мной. Возможно, вы сочтёте мой рассказ выдумкой, но это всё, что у меня есть. На самом деле...

Рассказывал я очень долго и во всех подробностях. Не хотелось упустить какую-то мелочь, которая сделает историю менее правдоподобной и снизит мои шансы на выживание. Однако о Калхене и сделке я всё же промолчал, ведь меня пригласили только за тем, чтобы решить, как со мной поступить. Не окажи я двум королям услугу – уже болтался бы

в петле. Ну, или лежал на плахе, а голова – в корзине. Собственно, и о том, что я не из их мира, я счёл разумным не говорить. Всё равно ведь не поверят.

Как ни странно, за всё время меня ни разу не перебили. Из всех присутствующих только Вильям выражал хоть какие-то эмоции. Остальная троица оставалась непоколебима, и трудно было понять, какие мысли крутятся в их головах. Я замолчал и снова склонил голову. С пола так и не решился подняться.

В зале повисла тишина и с каждой секундой она всё больше давила на плечи. Казалось, что сзади уже подбирается палач, и мне осталось жить всего пару мгновений.

«Чтоб вас. Ответьте уже хоть что-нибудь»!

– Если позволите, я кое-что добавлю?

Словно услышав мои мысли, тишину нарушил эльф.

– Разумеется, – кивнул Леорик. – Мы рады, что у нас появился такой союзник и прислушаемся к вашему мнению!

«Союзник? Что же там всё-таки произошло»?

– Благодарю, Ваше Высочество. – Эльф поклонился и приблизился ко мне. – Когда ты долго живешь в лесу, поневоле учишься наблюдать и слушать. Видеть то, что другим не дано. Слышать то, что другие не могут. Во время его рассказа я наблюдал и слушал. С уверенностью могу сказать, что он не врет. По крайней мере, сам он искренне верит, в то, что говорит. Я могу послать одного из наших следопытов, они лучшие в своём деле. По следам можно многое узнать.

Эльф вернулся на своё место и встал рядом с Вильямом. Странно, они ведь не знали друг друга до этого дня, что, уже успели подружиться?

– Что же нам с тобой делать? – вновь слово взял Леорик, – Как ты считаешь, брат?

– Я обязан поблагодарить тебя, – заговорил Владлен. – Эта мерзость многие годы отравляла мой разум и заставила пойти против родного брата. Как я мог быть таким глупцом?

Вопрос явно был риторическим, и я не ожидал, что кто-то на него ответит. Но, как выяснилось, всё это время мы были не одни. В левом углу зала находилась маленькая дверца, очевидно, для прислуги или охраны. Открывалась она со скрипом, скорее всего, для предотвращения внезапного нападения. Однако голос человека, появившегося из-за двери, был ещё более отвратителен.

– Зло всегда ведёт себя одинаково. Втирается к вам в доверие, несёт одно благо, хочет выглядеть как спаситель. Однако, помыслы их черны и стоит потерять бдительность...

Он замолчал и вперил в меня взгляд маленьких колючих глаз. Этот взгляд не сулил мне ничего хорошего, и я невольно поёжился, однако, глаз не опустил, это означало бы безоговорочную капитуляцию.

Не знаю, долго ли выдержал бы, но вмешался Леорик.

– Отец Дитрих? Не помню, чтобы приглашал вас.

Дитрих ухмыльнулся мне и повернулся к королю. Ему явно не были рады, даже Вильям сжал челюсти, однако его это

ничуть не смутило.

– Ваше высочество, – он лишь слегка склонил голову, явно не опасаясь короля. – Я был весьма огорчен, узнав, что меня не пригласили собственными глазами посмотреть на нашего спасителя. Неужто вы думаете, что меня не раздрает любопытство? К тому же, я услышал занимательную историю, стоя за дверью. Как я погляжу, меч тоже здесь?

Он кивнул в сторону Вильяма, отчего тот даже зубами закрипел. Видимо, только я и эльф не понимали, что происходит. У меня было множество теорий на счёт отца Дитриха, и ни одна мне не нравилась.

– Вы, безусловно, получили мою просьбу передать его Ордену? Я уже отправил гонца, скоро здесь будет Настоятель Олав. Не думаю, что он обрадуется принятому вами решению. Эта реликвия создана для борьбы со злом и должна находиться там, где ей самое место. Кто, как не Орден, истинные борцы со злом?

– И где же был ваш пресловутый Орден, – зло прошипел король, – когда эта тварь убивала моих людей и чуть не отправила на тот свет меня самого? Где они были, когда моя дочь умирала? Вы ведь ясно дали понять, что бессильны, что-либо сделать? Вильям, верни меч законному владельцу. А ты поднимись, наконец, с колен, здесь тебе ничего не угрожает.

Отец Дитрих покачал головой и с усмешкой посмотрел на меня. Так и хотелось вlepить ему в рожу. На этот раз я отвел

взгляд и посмотрел на Вильяма, протягивающего мне меч. Значило ли это, что король принял решение, и я свободен? Или же он сделал это назло отцу Дитриху?

Вильям помог мне подняться. Я слышал, что от долгого стояния на коленях ноги немеют и на какое-то время теряют устойчивость, но на себе это испытывать не приходилось. Я стоял, пошатываясь, и Вильям остался рядом, придерживая меня за локоть.

– Через час мы будем праздновать возвращение моего дорогого брата и победу над тварью, что пыталась натравить нас друг на друга, – снова заговорил король. – Вильям, проводи гостя. Кое-кто хочет поблагодарить тебя. Мы все признательны и надеемся, что ты примешь наше приглашение и отпразднуешь такое событие вместе с нами?

– С радостью, ваше высочество!

Я поклонился, отчего чуть не потерял равновесие, но Вильям не дал мне упасть.

– Приведи его в человеческий вид. На него страшно смотреть.

Вильям кивнул и потащил меня прочь из зала. Я услышал, как король приглашает отца Дитриха на пир, но ответа не расслышал, так как двери тронного зала захлопнулись за нашими спинами.

– Кто он такой?

Спросил я у Вильяма, когда мы уже были на улице и ждали, пока нам подведут лошадей.

– Тот ещё тип, – Вильям даже поморщился. – Борец со злом, чтоб его. Не один десяток людей был казнён по его прихоти. В ордене его прозвали Дитрихом зрячим. Он, якобы, видит истину. Однако, многие не согласны с этим и называют его Дитрихом душегубом. Я с ними полностью согласен, однако Орден действительно заслуживает уважения, вот и терпит его король, не может ничего поделывать. Попомни мои слова, он найдет способ добраться до тебя. Лучше держись поближе к королю и к тем, кому доверяешь. У Дитриха много последователей даже среди наших людей. А иначе он никогда не попал бы в тронный зал. И ведь кто-то донес ему? Узнаю, кто – будет до конца своих дней полы в казарме мыть. Идём, у нас не так много времени. Надо привести тебя в порядок.

Дитрих.

Привести себя в порядок в эпоху Средневековья – то ещё занятие. Сперва мне пришлось отбиваться от двух хихикающих дам, решивших, что я настолько устал, что не в состоянии принять ванну самостоятельно. Затем я испытал на себе, что такое опасная бритва. Прическа, одежда, обувь. Мне даже слова не дали вставить. Как кукла Барби в руках слишком щепетильного и дотошного ребенка.

Когда я вновь предстал перед Вильямом, то напоминал скорее огородное пугало, чем человека. Все эти ленточки, застёжки, кружева на манжетах и воротнике, множество блестящих пуговиц и ещё сотни деталей, на которые я просто не успел обратить внимание.

– Я похож на пугало?

– Хуже, – усмехнулся Вильям. – Ты похож на дворянина и, уж поверь, их компании ты будешь рад не больше, чем своре демонов. Что уж говорить о женщинах.

– А что женщины?

Я даже опешил, вспомнив, что там будет и принцесса.

– Ты что, женщин не знаешь? Пойдем, нас уже ждут.

Женщин? О, я очень хорошо знаю женщин. Но лишь тех, кто живет в двадцать первом веке. Здесь же женщины ещё не боролись за равноправие. Они не служат в армии, не занимают сколь-либо серьёзные должности. Здесь они полагаются

лишь на мужчин. Я видел их заинтересованные взгляды ещё до штурма, бродя по городу.

– Глупый вопрос, но я хотел бы узнать...

– Принцесса тоже будет там, – Вильям даже остановился и посмотрел мне прямо в глаза. – Не наддай глупостей. Помни, кто ты и где находишься. Да и вообще, выкинь её из головы. А меч я лучше пока спрячу.

Больше он не произнес ни слова, пока мы не достигли огромных двустворчатых дверей. Неизменные стражники встретили нас суровым взглядом, но даже не шевельнулись. Снова появился Сенешаль. Они о чем-то переговаривались с Ричардом, а я вслушивался в музыку и звонкий смех, что раздавались из-за дверей. Подумать только. Ещё не успели остыть тела их товарищей, а они уже празднуют победу.

– Ты готов?

Я оторвался от тяжелых мыслей и кивнул. Сенешаль поспешно отворил двери, и тут загрели трубы. До последнего во мне теплилась надежда, что удастся проскочить незамеченным и затеряться в толпе, но не тут-то было.

Едва первые звуки разлетелись по залу, как вдруг музыканты смолкли, и все присутствующие уставились на меня. Тишина, показавшаяся мне гнетущей, была взорвана звонким голосом сенешаля.

– Дамы и господа, позвольте представить вам человека, спасшего сегодня наш город и множество невинных жизней. Эндрю с равнинных полей.

Снова прозвучали трубы, на этот раз торжественно и героически разом. Во мне всё сжалось в ком. Я был словно в прицеле снайперской винтовки. Любое движение выдаст моё местоположение, единственный способ спастись – замереть и не дышать, что я и сделал.

Я ошибся, и это был не тронный зал. Видимо, помещение для проведения подобных мероприятий. Раньше любили размах. Огромный куполообразный потолок с люстрой, весящей никак не меньше трёх тонн, с тысячами свечей, множеством украшений и драгоценных камней. От этого свет казался слегка приглушенным и трепещущим, создающим поистине завораживающую обстановку.

Люди, а их там было около пяти сотен, расположились по залу и на балконах, что шли по периметру. Огромные колонны поддерживали балконы, создавая под ними некую зону личных бесед. Там уже шептались несколько парочек пестро разодетых дворян с молодыми дворянками.

Такого разнообразия нарядов я не видел ни в одном фильме, ни в одном учебнике. Я словно попал в огромную клетку экзотических птиц, и каждая стремилась затмить всех остальных. Встречались здесь и настоящие павлины, вызвавшие даже моё восхищение, но попадались и откровенные попугаи. Я скорее относился ко вторым. Да и как иначе, я ведь с равнинных полей!

Слева и справа тянулись огромные столы, заставленные всяческими блюдами. Здесь было столько видов птиц, рыбы,

мяса, овощей, вин и ещё какого-то напитка, под названием грог, что на их перечисление уйдет пару дней и целый том по кулинарии.

В дальнем конце зала столы упирались в ещё один, стоящий поперёк. За ним во главе, вместе со своим братом Владленом, сидел Леорик. По левую руку сидела принцесса, и при взгляде на неё, все вокруг потеряло смысл. Больше не было зала, этих людей, этих сражений. Была только она, в нежно-фиолетовом платье, с небольшой диадемой из чистых бриллиантов. Но даже они тускнели по сравнению с её улыбкой. Не спаси меня Владлен, не знаю, что и было бы.

– Как вмешаться и нарушить священный закон, так даже гнева короля не побоялся, а тут вдруг застыл.

По залу прошелестели едва заметные смешки. Впрочем, не обидные, а, скорее, подбадривающие.

– Прошу прощения. Я просто не ожидал такого количества людей. Рад приветствовать всех собравшихся. Многие из сказанного – лишь громкие слова. В битве почувствовали многие и многие отдали свои жизни. К тому же убил его вообще не я.

В зале повисла неловкая пауза. Очевидно, не такого ответа ждали от меня эти люди. На этот раз вмешался Леорик.

– Он ещё и скромненький. Не удивлюсь, если на равнинных полях ты не последний человек. Признаться честно, ты прав в одном. Многие отдали сегодня свои жизни. Подойди и подними с нами этот кубок в честь павших товарищей.

Леорик взял один из бокалов и сам наполнил его. Когда он протянул его мне, все взоры снова устремились на меня. Думаю, не стоит говорить, как я чувствовал себя, направляясь через весь зал?

Вильям остался где-то позади, и весь этот путь я прошёл как по минному полю. Когда же, наконец, я взял в руки кубок и повернулся к залу, слова сами сорвались с губ:

– За павших, во имя двух королей-героев!

Закончив, я вновь повернулся к Леорику и Владлену. Король на миг вздрогнул, но всё же улыбнулся и поднял бокал.

– Да здравствует защитник Лидендэйла.

Зал ответил ему громким и дружным «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЗАЩИТНИК ЛИДЕНДЭЙЛА». Все разом опрокинули бокалы и, как по команде, заиграла музыка, и все вернулись к своим занятиям.

– Умеешь ты создать неловкое положение.

Произнёс Леорик, отставив бокал и жестом приглашая меня сесть.

– Я что-то сказал не так?

– Это долго объяснять. Позволь представить тебе мою дочь. В прошлую вашу встречу она выглядела несколько иначе, но благодаря тебе...

– Отец, хватит докучать человеку. Разве ты не видишь, он и так чувствует себя неловко.

– Что за дети пошли? Слова отцу сказать не дадут. Это Юлианна. А это...

– Я знаю, кто это. Мне ведь не десять лет. Позвольте мне поблагодарить вас за моё спасение. И, от лица всех жителей города, за предотвращение напрасной бойни.

Последние слова она произнесла с упрёком, явно предназначенным отцу и его брату.

– Юлианна, мы ведь это уже обсуждали, верно? Он был под воздействием...

– Брат, – Владлен положил руку ему на плечо. – В чём-то она права. Я поддался на его уговоры, поверил, что ты...

Он замолчал, и повисла неловкая пауза. Необходимо было как-то разрядить обстановку, к тому же я так и не узнал подробностей.

– Что там случилось? И откуда взялась эта тварь?

Владлен посмотрел на меня, затем на брата и заговорил, только когда тот согласно кивнул.

– Всё началось очень давно, когда ещё были живы наши родители. Он служил моему отцу. Хотя, как теперь выяснилось, кроме меня никто его во дворце не видел. Я должен был понять, что что-то не так. Он появлялся только когда я был один. Этот... эта тварь. Он вел странные разговоры. Что, якобы, мой отец опасается за свою жизнь. Прознал, что в замке есть кто-то, кто замыслил убить всю нашу семью. Велел быть осторожным и никому не доверять.

Когда в один год наши родители внезапно скончались, он принес мне письмо. Оно было от моего отца. Вернее, я так думал. Почерк был точной копией моего... нашего отца. Да-

же манера изъясняться. В общем, у меня не возникло ни малейших сомнений. Я должен был поговорить с братом, всего этого можно было избежать.

В письме было сказано, что это Леорик подстроил их смерть, и что я должен как можно скорее бежать. Теперь всё это выглядит нелепо. Я даже не задался вопросом зачем ему это? Он первенец, корона и так досталась бы ему. Но, к сожалению, тогда я был глуп и наивен. Признаться, отчасти я поверил только потому, что всегда завидовал брату.

– Зависть и привела вас к этому. Я полагаю, он знал о ваших чувствах и сыграл на этом.

Я сказал это лишь потому, что сам попал в похожую ситуацию. Чувство было иное – гордыня. Но суть одна.

– Скорее всего, так и было. После прочтения письма я поступил именно так, как было сказано. Сбежал и стал собирать армию. Не знаю, как мне это удалось, скорее всего, и тут не обошлось без его вмешательства. Ну а дальше ты всё знаешь.

Леорик ел, слушая нашу беседу. Когда Владлен закончил и взял столовые приборы, я вдруг вспомнил, что поедание пищи – это сложный процесс. Дома я всё ел ложкой, у меня даже вилок не было. Какой в них смысл? Но я не дома, и тут действует строгий этикет. Само собой, я его не знал. А есть хотелось неимоверно. Я хотел было найти причину слинять и похочмячить в уединении, но тут поймал на себе взгляд Леорика.

– Странный ты человек. Манеры, речь, поведение. Всё говорит о том, что ты не простолюдин. Уж не знаю, где тебя воспитывали, но точно не в хлеву. Но, как я вижу, ты понятия не имеешь, как обращаться со столовыми приборами. Ты знаешь о нашей семье больше, чем кто бы то ни было, но явно не хочешь говорить, кто ты и откуда. Это, конечно, твоё дело, но всё же...

– В этом нет тайны...

От запахов еды рот наполнился слюной, и я чуть не поперхнулся. Владлен сочувственно покачал головой и, отбросив нож, принялся грызть мясо зубами. Жир капал ему на одежду, но это его нисколько не волновало. Леорик выпучил на него глаза, на что тот снова покачал головой и пробубнил с набитым ртом:

– Ты разве не видишь, он сейчас упадёт в голодный обморок, а ты строишь из себя неженку. В лесах нет этикета, уж поверь мне. Я и не такое вытворял.

Подмигнув мне, он снова вгрызся в кусок жареной баранины, от чего я, в самом деле, готов был упасть в тот самый обморок.

Леорик понимающе кивнул и, отложив столовые приборы, последовал примеру брата, чем несказанно позабавил его. В полях он не был, поэтому мясо держал двумя пальцами правой руки, подставив ладонь левой под капающий жир. Владлен не сдержался и заржал на весь зал.

– Как тебе, брат? Может, дать платочек?

Юлианна тоже засмеялась, но есть продолжила с достоинством истинной принцессы.

– Давай уже, ешь. Иначе, мы так и не узнаем твою историю.

Мою историю? Может, рассказать им всё как было? Как они отреагируют на мою сделку с Калхеном? Мне нужно было подумать, поэтому я сделал вид, что полностью поглощен едой. Но они ждали продолжения, а я явно затягивал.

– Я не из этих мест, – произнес я, проглотив очередную порцию форели. – Там, откуда я родом, все такие. Нас учат с самого детства. Всех без исключения. Наука, письменность, история. Волей-неволей, нам приходится всё это учить. Никто не даст тебе работу, если ты даже имени своего не можешь написать.

Юлианна делала вид, что полностью поглощена едой, но я видел, с каким интересом она слушает мой рассказ.

– И где же такое королевство находится? В своих странствиях я обошел полмира, но не встречал подобного места. Более того, я даже не слышал о нём. Может, поведаешь, как туда добраться? Ваш король мог бы многому меня научить. Если даже просто... такой человек как ты, вызывает интерес, то что уж говорить о вашем короле. Наверное, его все любят?

– Всё немного сложнее. Ваши подданные любят Вас?

Вопрос был задан Леорику, но вместо него ответила Юлианна.

– Конечно же, любят. Мой отец всегда был справедлив и

защищал своих подданных. Разве ты не был на стене?

На последнем слове она поняла, что ляпнула лишнего и тут же уставилась в свою тарелку. Леорик как-то странно на неё посмотрел. Подозреваю, он догадался, откуда она знает, был ли я на стене, но виду не подал.

– Есть, конечно, недовольные. Одним не нравится воинская служба, другим – налоги, третьим – их статус. Но, в целом, я бы сказал, что они меня уважают. Как-то мы сильно повздорили с отцом. Тогда он сказал мне: Я строг с тобой? Беспощаден? Что ж, придется тебе терпеть. Ты будущий король и должен понимать, что я тебе вовсе не друг. Я должен вырастить из тебя достойного человека, разве могу я сделать это, оставаясь добрым и щедрым? Как же ты будешь править, если я разовью в тебе эти качества? Королевству придет конец. Ты должен быть справедлив и строг, а доброту оставь для своей будущей жены.

– Мне он такого не говорил.

Нахмурился Владлен.

– Он многого тебе не говорил. Но я не понимаю, при чем тут любовь моих подданных?

– Там, откуда я родом, все только и делают, что поносят власть имущих. Неважно, кто будет сидеть на троне. Уйдет один, придет другой, третий, четвертый. Люди всё равно будут недовольны.

– Разве всё так плохо? С твоих слов, вас всех принуждают учить науки, разве это не подарок? Ты спас Питера, хотя мои

лекари утверждают, что ничего подобного никогда не видели. А не учи ты с детства...

– Медицину я познал вовсе не в детстве, это было позже, на воинской службе. Ну, не совсем так. Моя мама была причастна к медицине. От неё я многое узнал. Служба только дополнила эти знания.

– Что за королевство такое? На службе учат... как ты сказал: «медицине»? Я и слова такого не слышал. А ты, брат?

Владлен отрицательно покачал головой.

– Я просто обязан узнать, где находится твоё королевство? Даю слово, я никогда не причиню вреда его жителям. Но мы многое смогли бы узнать. Хотя бы ту же «медицину».

– Боюсь, я не смогу показать вам, где оно находится. Да я и сам не знаю, как мне вернуться обратно...

Я замолчал, ковыряясь в тарелке, и снова повисла неловкая пауза. На этот раз вмешался Владлен.

– Тебя что-то гложет?

Врать не хотелось, поэтому я кивнул и всё же продолжил:

– Я не знаю, как сюда попал. Какая-то неведомая сила забросила меня к вам. Все мои родные, близкие, друзья, всё осталось там. И я, правда, не знаю, как мне попасть обратно. Я пришел в себя в пещере, неподалеку от вашего города. Рядом никого. Первыми, кого я встретил, были Ричард и кучка подонков, которые убили всю семью Питера, ну дальше вы всё знаете.

Я не мог скрыть своих чувств. Мне было паршиво. Кто

сыграл со мной эту злую шутку? Почему именно я? Как мне вернуться обратно? И есть ли вообще путь назад?

Есть я больше не хотел. Сидел, ковыряясь в тарелке и забыв, где нахожусь. Видимо, всё это было написано на моём лице, и скрыть это я не смог бы при всём желании. Я вздрогнул, когда Леорик грохнул кулаком по столу.

– Решено. Я в неоплатном долгу перед тобой. Ты спас мою дочь, спас много хороших людей, я просто обязан сделать хоть что-то. Сегодня же отдам распоряжение. Мы разошлём гонцов во все королевства, пообещаем любую награду тому, кто даст хоть какую-то информацию о месте, которое ты описал. Кто-то же должен знать хоть что-то? Мир огромен, но вовсе не бесконечен. Если ты можешь рассказать ещё что-то полезное, это ускорит поиски. Так или иначе, мы вернём тебя домой.

– Боюсь, вы только зря потратите время. Сюда стянутся сотни шарлатанов, утверждающих, что у них есть информация. Станете проверять её, потратите уйму времени и денег...

– Чего- чего? Словечки у тебя. Ты имел в виду золото?

– Точно, золото. Там, откуда я родом, о мире известно практически всё. Мы пошли дальше и начали изучать космос. Люди уже побывали на Луне. А некоторые годами живут в космосе. Оттуда видно всю землю. Реки, моря, горы. Всё давно изучено. Но о вашем королевстве никто никогда не слышал, а это невозможно.

– Разве может человек забраться на Луну? Какую же лестницу надо построить?

Владлен даже подался вперёд, в ожидании подробностей. Юлианна больше не скрывала своего интереса и тоже жадно уставилась на меня.

– Лестницу? Скажете тоже. Люди давно могут летать. Не сами по себе, разумеется. У нас есть крылатые колесницы. А вместо лошадей у нас железные кони. Такие есть у каждого простолюдина. Конечно, при условии, что он не ленится что-то делать и не тратит золото на развлечения.

– Ты точно не выжил из ума? Как такое вообще возможно? Разве может колесница летать? А железные кони? Они что же, живые?

– Вовсе нет. Они из железа и не могут быть живыми, но их всё же надо кормить.

– Зачем кормить железного коня, если он даже не живой. Вы используете какую-то магию...

– Отец, – строго произнесла Юлианна. – Что ты заладил со своими расспросами? Разве не видишь, мы и так заставили его скучать по дому.

Леорик посмотрел на Владлена, но тот лишь нахмурил брови.

– Прошу простить меня, – произнес он, склонив голову. – Я совсем забыл о приличиях. Ты рассказываешь удивительные вещи, надеюсь, мы ещё вернемся к этому разговору, а теперь давайте праздновать.

Король подозвал слугу и велел наполнить всем бокалы. Кроме принцессы, само собой.

– Я хотел бы произнести тост, – произнес король, поднимаясь из-за стола. Музыка тут же смолкла и все уставились на нас. – Друзья, наполните свои кубки. Я хочу выпить за возвращение моего брата. Отныне он и все его люди желанные гости в моём городе. За Владлена. До дна!

«До дна» – хором произнес весь зал, и на несколько секунд повисла тишина. Я терпеть не могу вино, но не отказывать же королю?

Леорик опустошил свой бокал и со стуком поставил его на стол.

– А теперь танец. Кавалеры приглашают дам. Если не струсят.

В зале снова раздался смех, а следом заиграла музыка. Ничего подобного я никогда не слышал. Сейчас очень пожалел, что не слушал Бетховена, Баха, Моцарта...

Музыка словно жила своей жизнью. Рассказывала какую-то дивную историю, затрагивая такие глубины, о которых я и помыслить не мог. Всё во мне застыло в немом изумлении, я даже как-то забыл о танце, а вот король вовсе не собирался.

– Полагаю, ты здесь никого не знаешь. Могу посоветовать несколько выгодных партий.

– Отец?

– Ах да, я же совсем забыл. У тебя там осталась семья.

Прости мне мою оплошность.

– О нет, что вы, – поспешил я убедить его, – Моя семья давно развалилась. Я был глуп и потерял их. Теперь они далеко.

– Они? – с усмешкой спросил Владлен, – у тебя есть дети?

– Да. Сын. Хотя я и видел его дважды в жизни.

– Я смотрю, ты тот ещё дамский угодник, – засмеялся король. – Не буду настаивать, но на твоём месте я бы нашёл кого-нибудь. Может это хоть на время поможет тебе забыть о потерянном доме.

– Отец!

– Хватит «отецкать», – не выдержал король. – И не встривай, когда мужчины говорят о женщинах.

– Ну и говорите!

Юлианна состроила обиженное личико и резко отвернулась, от чего подол платья взмыл в воздух. Я заворуженно наблюдал за её уходом, а когда повернулся обратно, поймал на себе настороженный взгляд короля. Я хотел хоть как-то оправдаться, сказать, что это не то, о чём он подумал, но меня спас Владлен.

– Я тоже не люблю все эти танцы. Пойдем, лучше я познакомлю тебя кое с кем.

Я согласно кивнул и поспешил отвернуться от короля. Владлен обогнул стол и, обняв меня за плечо, потащил в самую гущу людей, кружащихся в прекрасном танце. Я бы мог показать им вальс, но так и не успел его освоить.

Владлен всё тащил меня куда-то, не переставая кивать всем в ответ. Наконец, когда мы были уже в центре зала, он заговорил мне прямо в ухо.

– Парень, ты что творишь? Смерти своей ищешь? Я понимаю, ты славный малый, и, возможно, у тебя благие намерения, но подумай хорошенько, прежде чем совершить ошибку.

– Какую ошибку?

– Не строй из себя дурака, ты уже показал себя с обратной стороны, – он снова кивнул кому-то и продолжил. – Возможно, ты бы стал ей хорошим мужем, но посмотри на себя? Ни двора, ни кола. Даже твой статус не ясен до конца. Сам же сказал, какая-то неведомая сила забросила тебя к нам. А что, если эта самая неведомая сила завтра решит вернуть тебя обратно? Что прикажешь делать ей? До конца дней оплакивать пропавшего мужа? Жена моего брата умерла, а друга он так и не нашел. Сына у него нет. Понимаешь, к чему я веду?

– Понимаю. Её муж станет королём?

– Королём! Сам понимаешь, как всё это выглядит? Появился неизвестно откуда, стал местным героем и тут же положил глаз на принцессу. Уж не это ли изначально был твой план?

– Да я бы никогда...

– Верю. Но одной веры мало. Ты там огненными шарами бросался. Понимаешь, как всё это выглядит в свете послед-

них событий, особенно после истории со мной?

– Да уж.

– Вот именно: да уж. Лучше забудь об этом. Не приведи создатель, такие мысли посетят моего горячо любимого брата. При таком раскладе я не дал бы за твою жизнь ржавого гвоздя. Сам как считаешь?

– Да хватит уже. Я и сам всё это понимаю. Думаешь, я способен выбросить всё из головы и не думать о ней? Но, – я не дал ему сказать ни слова. – Как ты сам выразился, я далеко не дурак. Мне с самого начала было ясно, что ничего из этого не выйдет. Я всеми силами стараюсь избегать общения с ней. Но в такие моменты... еще эта чёртова музыка.

– Ну-ну парень, не стоит сразу отвергать чувства. Да ты и не сможешь. Я ведь не сказал, что твоё положение безнадежно. Просто сейчас не время. Возможно, если бы ты остался, обзавёлся жильём, нашёл себе занятие по душе... Ведь мой брат тоже не дурак. Он не посадит на трон абы кого. Просто повремени с этим. Как любил говорить наш отец: будет день – будет пища.

– Ясно. Воспользуюсь твоим советом.

– Уж постарайся. То, как она смотрит на тебя, ловит каждое твоё слово...

– Она не слышала таких историй, только и всего.

– Ага, только и всего. И на стене вы не встречались?

Я только и смог, что открыть рот, но слов не нашел. Владлена такая реакция позабавила. Он смеялся так громко, что

на нас стали обращать внимание.

– Все мужики одинаковые. Как дело доходит до женщин, дурак дураком. Ладно, – он хлопнул меня по плечу. – Походи вокруг, познакомься с людьми. Одним словом – развлекайся. Это, как никак, твой праздник. А я, пожалуй, воспользуюсь советом нашего короля.

И скрылся в толпе, хитро подмигнув мне напоследок. Я же так и застыл в полной растерянности. Что теперь прикажете думать? Все эти статусы во «ВКонтакте» о семейном положении, типа «всё сложно». Вот, мать вашу, когда действительно всё сложно. Всегда хотел спросить у таких людей: Что сложного? Тебя либо примут, либо отвергнут, ЧТО ТУТ СЛОЖНОГО? Подобрал сопли и вперёд, на амбразуру. Если, конечно, тебе за это голову не отсекут, как в моём случае.

– Какая встреча, – произнес кто-то за моей спиной. – Вижу, вы не танцуете?

Я знал, что он меня найдёт, поэтому не очень удивился увидев отца Дитриха.

– Святой отец? Вы что здесь делаете?

– Святой? Что за глупости ты говоришь? Просто отец Дитрих. Я хотел лично познакомиться с тобой и... поболтать, так скажем.

Ага, как же. Дитрих-душегуб? С ним надо держать ухо востро. Однако, его слова о непричастности к святым, заставили кое о чём задуматься. Что здесь за вера? Они верят в Иисуса Христа, или ещё в кого-то? А у кого лучше об этом

спросить, как не у этой змеи?

– Вы не поверите, но я тоже хотел бы с вами побеседовать.

– Вот как, – не на шутку удивился Дитрих. – И о чём же пойдёт речь?

– Здесь слишком шумно, вы не находите? Может, отойдём в сторонку?

– Вы правы. Я видел свободную ложу на втором этаже. Для беседы лучше места не найти. Только захватим вина, а то в горле пересохло.

Мы направились к ближайшему столу, протискиваясь между танцующих пар. Я только сейчас заметил, что музыка изменилась. Это не был «другой трек» – выражаясь современным языком. Просто история, рассказываемая талантливыми музыкантами, достигла своего пика. Добавились новые инструменты, увеличился темп и громкость. Все вокруг оживились, и танец приобрел новый характер.

Некстати вспомнились слова Владлена. Я понимал, что должна чувствовать Юлианна. В её глазах я герой, а на деле... Разве я спасал их? Вот уж не думаю. Скорее, я просто пытался не быть собой. Не повстречай я Калхена, Ричарда, не заключи ту сделку, стал бы я помогать им? Ведь это лишь желание исправить содеянное. Мне никогда не было дела до других людей. Я свято верил, что у каждого достаточно сил, чтобы помочь самому себе. Все остальные просто нытики. Но так ли это на самом деле?

Я слышал много историй о людях, чьи достижения каза-

лись невозможными, пока не происходило нечто, ломающее их изнутри. Не многие могли оправиться. Теперь, прокручивая всё это в голове, раз за разом я задавал себе один и тот же вопрос. Кем же я был всю свою жизнь? На что потратил большую её часть? На осуждение других?

– Пожалуй, это сгодится, – голос Дитриха вернул меня в зал. – Король не поспешил. Лучшего вина здесь не найти. Хороший был год.

Подумать только, он ещё и в вине разбирается?

Взяв бронзовый кубок и два бокала, Дитрих кивнул в сторону одной из лестниц, ведущих на второй этаж.

– Нам туда. Вы не возьмёте это? Боюсь, сейчас начнётся настоящее безумие. Я постараюсь расчистить нам дорогу. Мы ведь не хотим пролить такой дорогой напиток?

Я согласно кивнул и, взяв кубок, последовал за ним. Дитрих оказался прав. Мы не прошли и половины пути, когда музыка дошла до финала и весь зал словно взбесился. Я не мог их осуждать. История музыкантов не оставляла им выбора.

Отец Дитрих ловко распахивал людей, не особо церемонясь при этом. Я следовал за ним как за ледоколом. На нас смотрели осуждающе, порой даже зло, но всякий раз отступали, едва поняв, кто перед ними.

«Да. Далеко же дошла твоя слава, раз люди бояться ответить на такое варварство».

– Вино в порядке?

С наигранным опасением спросил Дитрих, когда мы оказались перед огромной винтовой лестницей. Она тремя большими кольцами уходила вверх. Скорее всего, это был мрамор или очень похожий на него камень. Ума не приложу, как можно было сделать нечто подобное? Сколько я не пытался найти хоть один шов, или намек на неоднородность, все оказалось тщетно.

– Всё, на месте.

– Хвала создателю. И музыка, наконец, смолка. Не пойми меня неправильно. Я вовсе не против музыки и танцев. Людям нужно как-то развлекаться, иначе недолго потерять вкус к жизни. Другое дело, что эти разодетые вельможи только тем и заняты. Демоны в открытую нападают на людей, а им бы только веселье.

– Хорошо, что вы всегда на посту. Не так ли?

– Таково моё призвание. Ты не единственный, я многим не нравлюсь. Но, смею заметить, выбирая между всеобщей любовью и очищением мира от скверны – я выбираю второе. Как и ты. Я прав?

«С радостью очистил бы мир от тебя».

– Многие так думают. Не стоит так удивляться. Я очень хорошо понимаю людей.

Последнее слово Дитрих выделил особо. Не стоило и гадать к чему он клонит.

«Что ж, все карты на столе. Осталось определиться с козырями».

Когда мы поднялись в ложе, там ворковала пара молодых девиц. Завидев отца Дитриха, они тут же умолкли и присев в реверансе поспешили как можно скорее скрыться, едва не сбив меня с ног.

– Ах, эта молодежь. Всё куда-то спешат, – он подставил бокалы, и мне пришлось их наполнить. – Я тоже был таким же. Всё рвался вперёд сломя голову. Немало дров наломал. Но давай покончим с любезностями. Не думал, что ты вообще захочешь разговаривать со мной. Тебе ведь известно моё прозвище?

– Которое из них? – я даже не стал скрывать усмешки. – Ваша слава бежит впереди вас.

– Люди вечно придумывают друг другу прозвища, будто им имени недостаточно. У тебя на родине было прозвище?

– Во многих компаниях меня называли по-разному.

– Вот видишь, не так уж я и далек от тебя.

– Вы вроде хотели покончить с любезностями?

– А разве я любезничаю? – теперь он насмехался надо мной. – О чём же ты хотел поговорить со мной? Мои мотивы тебе ясны, ведь так? Я же напротив – не на шутку заинтригован. Редко кто ищет общения со мной.

– Вы ведь уже знаете, что я не из этих мест. Там, откуда я родом, люди верят в Бога. Во множество его проявлений. А на чём основывается ваша вера? Что говорится в вашем святом писании?

– Святой отец. Святое писание. Ты произносишь стран-

ные слова. Разве может человек быть свят? И разве может быть свято написанное им?

– Что же, по-вашему, свято?

– Наш создатель. Только он свят. Однако, если верить нашему писанию, мы и есть создатель. Всё, что нас окружает, есть ни что иное, как форма, принятая им. Но, я так понимаю, ты хотел услышать не это? Позволь тогда узнать, во что же верят на твоей родине? Ведь я впервые слышу о том, что может быть более одной истины. Это как-то нелогично, согласен? Я вижу только два варианта: истина либо затерялась среди множеств её проявлений, либо истины и вовсе не существует.

– Вы правы. Там, откуда я родом, есть множество истин. Но всё сводится к одной простой мысли: Не делай другим то, что не понравилось бы тебе. Однако я всё же отвечу на ваш вопрос. В моём конкретном королевстве, верят в сына Божьего – Иисуса Христа. Он был послан на землю, чтобы нести слово своего Отца. Всё закончилось плачевно. Его убили. Он погиб, но тем самым искупил грехи людские. Позже Отец воскресил его, дабы показать людям насколько они слепы и глухи. Нам же осталось святое писание, то самое слово, что принёс в мир Иисус Христос. Следуя ему, и только ему, можно попасть на небеса, в место, созданное Богом для тех, кто следует за его сыном.

– Что же случается с теми, кто не следует святому писанию?

– Они попадают совсем в другое место, и там их ждут вечные муки.

– Вечные? То есть, конца им не будет? Как же можно заслужить вечные муки, прожив около пятидесяти лет? Это как-то слишком даже для меня. А я порой заставляю людей страдать месяцами. Но рано или поздно даже я признаю, что мукам пора положить конец.

– Уж не самим ли Богом ты себя возомнил? Сравниваешь себя с Ним? Это слишком – даже для тебя!

– Вижу, вежливые речи закончились? Да ты выпей, а то лопнешь ненароком от злости.

Дитрих поднял бокал, намереваясь что-то сказать, но я залпом выпил всё вино, мысленно пожелав ему катиться напрямиком в ад и страдать там даже после судного дня. Не знаю, что меня злило больше – его высокомерие или наглость.

Он лишь пожал плечами и, сделав пару глотков, изобразил райское блаженство.

– Поистине великолепный напиток. Но пришла моя очередь. Твоя реакция меня убедила.

– В чём же?

– В истинности твоих слов. Ты и правда веришь в этого сына, как ты сказал, Божьего? Да-да, я просто играл. Приношу свои извинения и, поверь, они искренни. Но твой рассказ просто удивителен. Я должен был убедиться, что это не просто история, выдуманная пару минут назад. Чувства напрямую зависят от веры. Одно не может существовать без

другого. Стоило мне поставить себя на одну ступень с тем, во что ты веришь, и ты тут же вышел из себя. И ведь это не было игрой, а уж я умею распознавать ложь. Именно за это меня и прозвали «видящим». Второе прозвище я получил именно благодаря этому дару. Когда мне лгут, я просто вынужден прибегать к крайним мерам. Разве это делает меня монстром?

– А разве нет? Порой люди не хотят говорить правду, ведь её можно истолковать двояко.

– В точку. Но вернёмся к нашей теме. Итак, с чего начать?

Создатель или, как ты выразился, Бог... Лучше с начала.

Итак, представь, что очень давно не существовало абсолютно ничего. И в этом «ничто» и пребывал Создатель. Понимаю – это противоречие. Ведь если в «ничто» есть «нечто» – оно уже не «ничто». Но это тупик. Умом этого не осознать, просто прими как данное.

Так вот, Создатель пребывал там многие тысячи, а, возможно, и миллионы лет, пока в один прекрасный момент ему не стало одиноко. Только представь его одиночество! И тут его посетила «мысль», а мысль породила «сознание». Осознав себя, он ужаснулся. Нет ничего, кроме Него. Он и есть всё....

По мере того, как Дитрих рассказывал, на меня вдруг навалилась огромная тяжесть. Что-то происходило, но я никак не мог понять, что. Зевок вышел сам по себе, на что он тут же обратил внимание:

– Мой рассказ кажется тебе скучным?

– Вовсе нет, – я, как мог, постарался привести себя в чувство, но веки становились всё тяжелей. – Видимо, я просто устал.

– Меня тоже всегда утомляли подобные мероприятия. На чём я остановился? Ах, да...

Он был всем и ничем. Просто «сознание». И ему стало любопытно, что же он такое? Где он? И почему один? Но раз нет ничего, то не на что и смотреть. Более того, смотреть ему было нечем. И тогда он решил изменить часть себя, сделать её видимой, осязаемой. Так появился свет. Он сам стал его источником, а эти источники стали его глазами. Так появились звёзды и солнце.

– Солнце тоже звезда.

Сдерживая очередной предательский зевок, поправил я отца Дитриха.

– Правда? Хм... интересная мысль. Мы ещё обсудим это.

Так вот, используя способность «видеть», он стал всматриваться в пустоту, но там ничего не было. Он знал, что он там, в пустоте, но разве можно увидеть сознание, пребывающее в пустоте? Это всё равно, что разглядеть тень, глядя прямо на солнце.

И тогда он создал землю, чтобы хоть как-то рассмотреть себя. Но что это ему дало? Он знал, что земля это он. Но как он не пробовал спросить сам у себя, что же он такое, ответа не находил. Камень есть камень, разве может он вести

диалог? Ему нужен был кто-то, кто ответил бы на тысячи его вопросов.

Тогда он решил создать хоть что-то, отдаленно напоминающее его самого. Так стали появляться растения и животные. Его радости не было предела. Наконец-то он может спросить сам у себя, кто же он? Но ни одна его частица не могла найти ответ, ведь они были столь примитивны, что даже вопрос вызывал у них недоумение. Вскоре они перестали даже слушать, став самими собой в отдельности. Что оставалось делать? Создать самого себя, во множестве. Это уже не было подобием.

Всего себя он разделил на множество равных частей, придав им форму и объём. Множество частей его самого бродили по земле, задавая одни и те же вопросы: Кто я? Что я? Где я? Но разве мог он сам себе ответить на вопросы, ответов на которые не знал? Тогда он пришел к выводу, что нельзя найти ответ на вопрос, оставаясь собой, пусть и разделенным на части.

И вот тогда его снова посетила мысль. Нужно забыть вопрос. Забыть, что всё вокруг это и есть он. Это была последняя его мысль. Единственное, что он оставил неизменным – это свое любопытство. Ведь если есть любопытство – появятся вопросы. Их будут сотни, тысячи, миллионы. Многие будут бесполезны, но найдя ответ на один, непременно получишь новый. И так до тех пор, пока одна из его частиц не озвучит тот самый вопрос.

– И откуда же людям, то есть частицам самого его, стало известно всё это, если они забыли абсолютно всё?

Я уже не мог бороться со сном. Веки настолько отяжелели, что я открывал их лишь затем, чтобы снова сомкнуть.

– Поговорим об этом позже. У нас будет уйма времени.

После его слов кто-то мягко подхватил меня под руки. Я попытался рассмотреть незнакомцев, но понял лишь, что это две девушки. Перед глазами всё плыло, словно марево над асфальтом в жаркий солнечный день. Если бы не длинные волосы, они так и остались бы для меня размытым пятном.

– Нет... я не могу... Юлианна... вы не понимаете.

– Оооо, – услышал я напоследок, – Это ты, похоже, ничего не понимаешь. Ну, это мы исправим. Всё должно выглядеть натурально. Не попадитесь Вильяму, вам же хуже будет. Всё ясно?

Я не расслышал, что ему ответили, а дальше была только череда образов, не имеющих никакого смысла.

Жирдяй!

Сны бывают разные. Порой ты мечтаешь поскорее открыть глаза, чтобы кошмар закончился, и неважно, что тебе снится. Быть может, за тобой охотится маньяк? Или же ты в ловушке и не можешь выбраться? У каждого свой кошмар.

Помню, однажды, я посмотрел «Заклятье», и всю ночь мне снилась кукла, от которой я никак не мог убежать. Я просыпался в ужасе, радуясь, что это был лишь сон и всё, наконец, закончилось. Но стоило закрыть глаза, как всё начиналось снова.

Но бывают и хорошие сны. В такие моменты не хочется открывать глаза. Ты уже понимаешь, что это сон, слышишь, как на кухне кипит чайник и пытаешься продлить эти ощущения хоть на несколько секунд.

Как бы то ни было, уже через несколько минут ты не можешь вспомнить всех деталей, лишь общую картину. Никогда не понимал, почему так происходит? Я не жалуясь на плохую память. В школе мог прочесть параграф по истории и на следующий день рассказать его практически наизусть. До сих пор помню все прочитанные мною книги.

Некоторые люди перечитывают свою коллекцию по несколько раз. Я же просто не способен на это. Неважно, как давно я читал то или иное произведение. Читая его второй раз – я откровенно скучаю.

Я уже говорил, что мне часто снится Ричард? И, как ни странно, эти сны я помню досконально. Каждая деталь, каждая мелочь – всё отпечаталось в памяти навсегда.

Я снова был в той пещере. Выход завален камнями, вокруг крошечная тьма и кто-то наблюдает за мной. Страх не было. Я почему-то понимал, что он мне не враг.

– Здесь кто-то есть?

Собственный голос был мне незнаком. Будто я был в чужом теле. Темнота не позволяла удостовериться в этом, и, как назло, отсутствовало приобретенное в этой же пещере ночное зрение.

– Что происходит? Я сплю?

– Тебя чем-то опоили.

Я сразу узнал этот голос. Ричард. Это мог быть только он.

– Ричард? Почему я не вижу тебя? Что здесь вообще происходит?

– Прости. Одну минуту. Только не пугайся.

«Почему я должен испугаться? Это ведь Ричард»?

Не знаю, откуда шла эта уверенность, но это был он.

Только вот на деле всё оказалось куда сложнее.

В одно мгновение пещера наполнилась светящимися огоньками, и я увидел Калхена, сидящего на троне из черепушек. Естественно, первой реакцией была мысль бежать. Но куда? Выход завален, а меча при мне нет. Паника не успела захватить моё сознание, как Калхен заговорил голосом Ричарда:

– Прежде чем ты бросишься бежать, посмотри на себя. Ты выглядишь не лучше. Это всё последствия той дряни, что подмешали в твой бокал.

Только теперь я оторвал от него взгляд и посмотрел на свои руки.

– Какого...

Мои ладони были изуродованы. Кто-то расплющил мне пальцы, вырвал все ногти и вбил туда ржавые гвозди. Кожа, вплоть до самых локтей, отсутствовала напрочь. Её срезали с ювелирной точностью, не повредив при этом внутренние ткани.

«Кто мог сделать такое? Я же просто истеку кровью. Надо найти, чем перевязать раны. Вот только как это сделать с раздробленными пальцами?».

– Я бы дал тебе зеркало, но, боюсь, ты просто сойдёшь с ума.

– Почему ты выглядишь как Калхен? И кто сделал со мной всё это?

– Я бы и рад поболтать, но у нас мало времени. Ты снова влип в неприятности, но на этот раз всё куда сложнее. Скоро ты сам всё поймешь. А пока прими мой совет. Ложь никогда не доводит до добра. Но правда, в твоём случае, может убить.

– В моём случае? А попроще нельзя объяснить?

– Надеюсь, ты найдешь золотую середину. Тебе главное протянуть как можно дольше, помощь уже в пути. Надеюсь, ещё увидимся.

– Постой, я хотел спросить...

Мой вопрос так и остался не оглашённым. Сверху, прямо на голову, обрушился поток просто чудовищно холодной воды. Я ещё успел удивиться, как при такой температуре (явно отрицательной) вода не преобразовалась в огромную глыбу льда? Хотя тогда я, скорее всего, был бы мертв.

Едва эта мысль пронеслась в голове, как весь мир просто перестал существовать. Единственное, что осталось, это головная боль. Звучит вроде не так страшно, но позвольте не согласиться. Такой головной боли ни до, ни после я не испытывал. Словно кто-то вогнал мне в виски две раскаленные иглы, а к ним подключил электрический ток высокой мощности. В затылок же вбили огромный железнодорожный гвоздь, к которому и подключили некое устройство, срабатывающее при малейшем намеке на мысль. Любую мысль. При срабатывании иглы раскалялись добела и по проводам подавали электрический ток. Боль, вызванная этим процессом, заставляла мечтать о немедленной смерти, а эта мысль, само собой, снова активировала адское устройство. Получался замкнутый круг.

Наверняка все слышали о способности монахов Шаолинь во время медитации впадать в глубокий транс, тем самым прекращая любую деятельность мозга. Только вот не был я монахом Шаолинь. Я вообще не представлял, как можно заставить мозг ни о чем не думать?!

– Смотри, не спали ему мозги, иначе окажешься на его

месте. Я буду у себя. Как только он будет готов, пришлешь за мной. И упаси тебя Создатель разбудить его раньше, чем я спущусь.

– Да я бы...

– Ты хренов садист. Думаешь я не знаю, что ты просто мечтаешь активировать устройство забавы ради?

– Я об этом даже не думал.

– Я тебе поражаюсь. Знаешь ведь, что меня невозможно обмануть? Даже не думай открыть свой поганый рот. Лучше займись делом.

Голоса были какие-то странные, отдаленные. Как будто мне в уши запихали ваты и говорили шепотом. Но один голос я всё же узнал. Дитрих. Точнее, отец Дитрих, но в тот момент я окрестил его множеством совсем уж неприличных слов. Некоторые я даже выдумал, но от этого звучали они не менее вульгарно. Расплата не заставила себя ждать. Отвлечшись на голоса, я на время вновь стал прежним, живым человеком, но мысли о Дитрихе и о том, что я сделаю с ним, когда выберусь, снова замкнули круг адской машины. Мир снова превратился в нескончаемый поток боли и мыслей о смерти.

Сколько времени я так страдал? Секунда, проведенная в аду собственной боли, приравнивалась если не к вечности, то уж никак не меньше, чем к нескольким сотням лет. Хотя на деле это лишь ощущение. Время перестало существовать вместе с остальным материальным миром. Иногда я на

мгновения вырывался из оков собственной беспомощности и в эти мгновения слышал веселый свит. Скорее всего, это и был мой мучитель. Я поклялся самому себе, что буду навистывать этот же мотивчик, наматывая его внутренности на вертел. Или лучше... Круг замыкается.

– Думаю, настало время поговорить по душам.

Ворвался в сознание знакомый и уже ставший ненавистным голос Дитриха. Я вновь ощутил себя живым. Ушла боль, всё это время сковывающая голову, исчезла беспомощность. Правда, тут же выяснилось, что насчет второго я погорячился. Открыв глаза и осмотрев место, где очутился, я обнаружил себя в небольшой комнате, прикованным к холодной и шершавой стене. Каменные стены, от сырости давно покрывшиеся плесенью. Пол, присыпанный опилками, с темными пятнами проступившей крови. Окна отсутствовали, и свет давала единственная свеча, стоящая на столе напротив. Там же обнаружился Дитрих, сидящий на стуле. Положив локти на стол, сцепив пальцы в замок, он с интересом осматривал меня.

Я попытался схватить эту сволочь за горло и только тут понял, в каком бедственном положении оказался. Руки широко разведены в стороны и продеты в металлические кольца, сжимающие запястья. Шея тоже оказалась опоясана, хорошо хоть гадский ошейник был сделан из грубой кожи или чего-то очень схожего, иначе каждое движение грозило бы нешуточной травмой. И это был довольно продуманный ход,

дававший мне возможность слегка поворачивать голову в стороны и в то же время не позволяющий нанести вред самому себе. А такая мысль, уверен, посещала многих, кто находился в этой комнате до меня. Но я видеть не мог, но давление, ощущавшееся чуть выше стоп, ясней любых слов говорило о кандалах.

– "Значит, решил, что спеленаешь меня как младенца, и я буду так же беспомощен? А вот хренушки!"

Не особо задумываясь над тем, что и как делать, я просто решил выплеснуть на Дитриха ту силу, что обрел в пещере при помощи хрустального шара. Задействовав весь свой гнев, вызванный таким обращением, оскалившись как голодный хищник, почуявший добычу, я представил, как этот мерзавец бегаёт по комнате на манер живого факела и вопит. Вопит так, как может только заживо сгорающий человек. Картинка оказалась на удивление точной, и мои новые способности пробудились. Поначалу это было тепло, разгорающееся где-то в районе груди, но спустя несколько мгновений там хлопотал водопад Силы. Именно её я выплеснул в мир, чётко обозначив цель. Дитрих. Подлый и ненавистный Дитрих.

Результат превзошёл все мои ожидания. В помещении раздался крик, и я с ужасом понял, что кричу я сам. С меня словно кожу живьем содрали, а открывшиеся внутренние ткани щедро окропили кипящим маслом. На короткий миг я, кажется, даже отключился, а когда вновь пришел в себя – наткнулся на осуждающий взгляд Дитриха.

– Право, это даже оскорбительно. Неужели ты решил, будто я притащил бы тебя сюда, заранее не озаботившись своей безопасностью? Видишь ли, в чём дело, – деловым тоном поведал мне Дитрих. – Ещё в те далекие времена, когда по нашей прекрасной земле толпами шастали подобные тебе, Орденом было изобретено одно полезное устройство. И только что, на собственном примере, ты мог убедиться, что оно не позволит тебе использовать Силы, не доступные простому человеку.

Последнюю фразу он произнес, остановившись напротив, и с ожиданием всматриваясь в моё лицо. Тон, которым он выделил это нехитрое словосочетание, не оставлял никаких сомнений. Дитрих для себя уже всё решил. В его глазах я был ничем не лучше той твари, что пыталась уничтожить его родной Лидендэйл. И, видимо, ему было совершенно плевать, что я сыграл далеко не последнюю роль в её уничтожении.

Наконец, так и не дождавшись от меня какой-либо реакции, и сочувственно вздохнув, Дитрих вновь заговорил, обращаясь к кому-то, находящемуся слева от меня и всё это время остававшемуся вне поля зрения.

– Что ж, видимо, придётся познакомить нашего гостя с ещё одной особенностью работы нашего устройства.

Кивнув в темноту, Дитрих снова вернулся за стол и, достав откуда-то потрепанную книгу в кожаном переплёте, устался в неё. Очевидно, его не сильно интересовало предстоящее развлечение, чего не скажешь о жирдяе, вынырнув-

шем из темноты.

Вы не подумайте, я вовсе не осуждаю полных людей. Скорее, напротив, считаю их самыми счастливыми. Ведь в частности это добрые, щедрые и отзывчивые люди. Но не жирдяй, которого я сразу окрестил именно так и никак иначе.

Его мелкие глазки, никак не вяжущиеся с тремя подбородками, жадно оценивали меня. В предвкушении он даже облизнул губы. Когда же он поднял потную ладонь и протянул её к моему лицу, я инстинктивно попытался отпрянуть, не скрывая отвращения. Жирдяй это заметил и ухмыльнулся, на миг явив миру два ряда гнилых зубов.

– Ничего, сейчас ты и не так задёргаешься.

По-своему оценив мой жест брезгливости, произнёс он охрипшим голосом, и его рука хищной змеёй скользнула куда-то за левое ухо, и эту область словно молнией прошило, а следом накатило...

Я был всё в той же комнате, только на этот раз лежал на столе, всё так беспомощно скован. Ещё не совсем понимая, что же на самом деле произошло, я решил осмотреться, как вдруг почувствовал, что кто-то ползает по моим ногам, царапая их острыми коготками. Как это ни странно, но шея была свободна от каких-либо оков, и я мог видеть обладателей противных когтей. Вот только лучше бы я этого не видел. КРЫСЫ. Целая толпа откормленных, но явно голодных в данный момент крыс. Матерые тварюги бесцеремонно выскивали самые лакомые, по их мнению, места, обнюхивая

каждый сантиметр. По всему телу пробежала волна предательской дрожи, а разум забился испуганной птицей, попавшей в клетку.

– Пошли вон, твари. Прочь. Убирайтесь.

Голос сорвался на щенячий визг. Никогда не любил крыс. Отвратительные твари, не брезгующие даже своими сородичами, они у кого угодно вызовут страх, что уж говорить обо мне, не способном даже пальцем пошевелить. Жалкая попытка сбросить их обернулась тем, что оковы, стягивающие ноги, порвали кожу, и вниз побежала тонкая струйка крови. Словно они только этого и ждали, твари победно запищали и набросились на такую сладкую плоть. Собственный крик, раздавшийся в тот момент, когда несколько десятков челюстей, стали рвать мои ноги, заглушил и их писк, и мерзкие хлюпающие звуки. Вскоре крик перешёл в поросячий визг, а я изо всех сил пытался вырваться из оков и убежать прочь, как можно дальше. Тщетно. Даже сознание отказывалось угасать, заставляя в полной мере ощутить всю полноту происходящего. Беспомощность и безнадежность заглушили даже те крохи надежды, что присущи любому человеку в любой ситуации. Ведь надежда есть всегда. Даже падая с крыши небоскреба, человек до самого конца надеется, что сможет выжить, пока не встретится с поверхностью тротуара. Только не в моём случае. Я был уверен, что подлые создания сожрут меня целиком, а после ещё долго будут пировать над моими останками. В какой-то момент я возжелал быстрой,

мгновенной, безболезненной смерти. Кажется, я даже молил Создателя, чтобы он оказал мне такую милость. Вот только не в его стиле отвечать на призыв о смерти, а воззвать к другим силам я не рискнул. Даже в тот момент мысль продаться тьме пугала меня больше, чем перспектива быть съеденным заживо.

Пытка длилась ровно столько, сколько необходимо трём десяткам голодных тварей, чтобы не спеша обглодать всю плоть и добраться до костей. Об этом я узнал только по характерному звуку, так как смотреть на это зрелище отказывался напрочь. Когда же услышал звук, очень похожий на скрежет зубов по кости, я с такой силой сжал челюсти, что услышал, как лопнула зубная эмаль. Звук оказался настолько неестественным, словно во рту разбилась фарфоровая чашка, и я даже не успел удивиться, как вдруг всё закончилось. Будто невидимый фокусник взмахнул волшебной палочкой и всё исчезло.

Я снова был в пыточной, всё так же скован в вертикальном положении. Напротив стоял ухмыляющийся садист. Вновь обретенный ошейник не позволял посмотреть вниз, но, пошевелив пальцами ног, я едва сдержал вздох облегчения. Похоже, дьявольское устройство каким-то образом воздействовало на мозг, навевая не отличимую от реальности иллюзию.

– Смотри-ка, – деланно удивился мучитель. – Я думал от этой вашей штуки он будет скулить и просить о пощаде, а он только обделался и всего-то. Может, в тех записях что-то

напутали? Или я что-то неправильно прикрепил. Попробуем по старинке?

Вопрос явно был адресован Дитриху, но он всё так же пялился на меня, оценивая, как это делает мясник, глядя на тушу свиньи перед тем, как нанести удар топором. Этот взгляд привел меня в бешенство. Всё, что я мог сделать в тот момент, это плюнуть в ухмыляющуюся рожу моего мучителя. Именно так я и проступил. Плевок вышел отменный и угодил в один из его мелких глазёнок. Жирдяй завопил, будто ему в глаз попала ядовитая кислота.

– Ах ты, сукин сын, – срываясь на визг, вопил он. – Да я тебя на ремни порежу. Я из тебя все кишки...

– Пошел вон, – сквозь зубы прошипел Дитрих. – Ещё одно слово и, клянусь, через пять минут ты будешь болтаться в петле. И уж поверь, на этот раз веревка выдержит.

После такого заявления Жирдяй захлопнул челюсти с такой поспешностью, что мы оба услышали характерный щелчок. Скорее всего, такая ретивость не прошла безболезненно, так как он мгновенно заткнул рот своей потной ладонью, чтобы оттуда ненароком не вырвалось новое ругательство, и вышел за дверь, которая оказалась недоступна моему взору. Я бы позабавился над ним, если бы не испытал в тот момент брезгливого отвращения.

– Видишь, с кем приходится работать? Мерзкий ублюдок. Лет пять назад его поймала стража. Эта свинья немало народу выпотрошил ради собственного удовольствия. Его суди-

ли и приговорили к казни. Я как раз проезжал мимо, когда веревка не выдержала и оборвалась. Не смог удержаться и решил разузнать, в чём там дело. Как выяснилось, он очень полезен в некоторых вопросах. Скажешь, совпадение? Я вот в совпадения не верю.

Небрежно так, с ленцой, обратился ко мне Дитрих. И ведь умеет, сволочь, говорить на, вроде как, отстраненные темы, в то же время подразумевая совсем иное. Даже паузу выдержал, чтобы я всё осознал. Затем, вспомнив что-то, поморщился и продолжил.

– Клянусь, когда необходимость в нём исчезнет, с радостью посмотрю, как его сжигают живьём. Не дело, чтобы всякая тварь почём зря землю топтала.

И снова камень в мой огород.

– Что тебе надо, ублюдок?

От злости, сквозившей в каждом слове, ужаснулся даже я. Нельзя так бездумно поддаваться эмоциям. А в тот момент я думал только о том, как сверну шею Дитриху, а потом возьмусь за Жирдяя. С ним у нас будет долгая беседа. Для начала отловлю больше крыс и как следует поморю их голодом...

Эмоции пьянят хуже алкоголя. Сколько ошибок совершают люди, идя у них на поводу? Сколько ошибок я совершил за прожитые годы? Поддавшись злости, страсти, вожделению. И сколько сожалел потом. Ведь всего-то и стоило – отключить их, обратиться к разуму, а не к мимолетному чувству. Но поздно. Потом – это уже слишком поздно. Есть

только здесь и сейчас, второго шанса не будет. Именно поэтому я заглушил клокотавшую внутри злобу и посмотрел на всё отстраненно. Чего он добивается? Хочет выглядеть нормальным человеком? Ведь недаром даёт повод задуматься об ошибочных суждениях. Он, дескать, не злодей какой-то и сам их презирает.

Пока я размышлял, Дитрих совсем натурально вздохнул и развёл руки в стороны, пожимая плечами.

– Ответы. Ответы на вопросы, которые я сочту нужными.

– Отчего же просто не спросить? – вернув привычный, спокойный голос, спросил я. – Ты ведь, вроде как, видишь ложь? К чему вся эта показуха? Мог ещё на пиру задать свои "нужные" вопросы.

– Ты не перестаёшь меня удивлять, – всплеснул руками Дитрих. – Ведь не дурак, совсем даже наоборот. Ложь я, разумеется, вижу, но ведь можно и вовсе не отвечать, когда за твоей спиной стоит благодарный король и его брат. Ладно, спишем всё на пережитый шок. Не советую отмалчиваться. Сам понимаешь, терпение моё не безгранично. Я человек занятый. Итак, откуда ты на самом деле?

В ожидании ответа он полез под стол и вынул лист бумаги с неровными краями. Следом появились чернильница и перо. Окунув перо в чернила и осторожно стряхнув лишнюю каплю, в нетерпении он уставился на меня.

– Ну? Не вынуждай меня снова звать этого ублюдка. После каждой встречи с ним мне кусок в горло не лезет.

Я же молчал нарочно, но не из упрямства. Мне вдруг вспомнились слова Ричарда. Как он там сказал? "Ложь, бывает опасна – но правда может убить"?! Кажется, так. Следовало хорошенько обдумать ответ. К тому же, неплохо бы проверить, на самом ли деле у него есть дар, или же это пустая болтовня, и ему просто не попадались талантливые лжецы.

Вздыхнув, делая вид, что сдаюсь на волю судьбы, я стал нести полную ахиною, смачно приправленную деталями. Ведь именно отсутствие, казалось бы, ненужных, но абсолютно необходимых и ничего не значащих деталей, рушит на корню даже самую продуманную историю.

– Я родился на юге, очень далеко отсюда. Не совсем чтобы юг, но уже и не север. Зимы, конечно, и у нас бывают, но щадящие. Как далеко отсюда мой родной город и как он называется – сказать не могу. Нам пришлось бежать оттуда, когда я был ещё слишком мал, чтобы хоть что-то запомнить. Отец как-то по пьяни повздорил с местным бароном, ну тот и приказал его казнить.

Мать решила не испытывать судьбу, схватила меня и брата и подалась в бега. Деревня, куда мы попали, называется Ростов. Не берусь сказать точно, где она находится, я ведь и сюда не знаю, как попал. Вроде как заплутал и не могу найти дороги назад. Знал бы, как вернуться, не стал бы дожидаться осады и постарался свалить ещё до резни. Доволен?

Ближе к концу рассказа, я уже не скрывал злости, делая

вид, что вынужден рассказывать такие простые, но личные сведения какому-то проходимцу. Последнее слово я выпалил, гневно уставившись ему в лицо. На деле же я ждал его реакции, и, как выяснилось, дар у него всё же был. Помолчав пару секунд, записывая всё на листок, Дитрих откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди и не скрывая усмешки.

– Очень любопытно. Разумеется, полнейшая чушь, с кучей правдивых деталей. Про бегство с матерью из города, который на самом деле не родной тебе, к примеру. А вот отца твоего никто не казнил. Он ведь ещё жив?

– Более чем. Надеюсь, ещё столько же проживет.

Вернул я Дитриху усмешку. Хотя внутри всё сжалось. Страшно это, быть на допросе у человека, который видит любовь, даже незначительную ложь.

– Название родного города ты тоже помнишь, хотя и не вижу смысла скрывать его. Признайся, ты ведь решил устроить мне небольшую проверку? Достойный восхищения поступок. Немногие стали бы так рисковать. А вот название города, а это именно город, в котором жил последние годы, подлинное. Это порождает множество вопросов, ведь в ордене я был в числе лучших учеников. Что касается мирознания, я был в числе первых. Однако ни о каком Ростове никогда не слышал, а это попросту невозможно. Но, ты и впрямь не знаешь, как туда попасть. Что же о твоей пылкой речи, о немедленном возвращении, едва найдёшь дорогу – полная чушь. Никуда ты уходить не собираешься.

Вот тут уж я спасовал и не смог скрыть своего удивления. Дитрих, разумеется, заметил это и рассмеялся во весь голос. Его моя реакция позабивала как хороший анекдот. Он даже слезу пустил, продолжая смеяться.

– Вижу, ты удивлен, – успокоившись, произнес он, тыльной стороной ладони смахнув слезу. – Разве ты не знал, что люди врут не только другим людям, но и самим себе? И замечу, что себе они врут даже чаще, а порой растягивают вранье на всю жизнь. Хочешь – верь, хочешь – нет, но никуда ты уходить не собираешься, это откровенный самообман. А вот это как раз любопытно. Что же тебя здесь держит?

Дитрих снова поднялся из-за стола и подошел ко мне, заложив руки за спину. Правда, дистанцию он всё же держал, помня, как метко я умею плевать.

– Нас ждёт довольно интересная беседа. Но у меня есть и другие обязанности. Сейчас я должен покинуть тебя. Скоро принесут еду, пожалуйста, будь паинькой. Не вынуждай меня присылать Бубу и насильно тебя кормить. Ты ведь не хочешь, чтобы он делал это своими мерзкими ручонками? – я в ужасе округлил глаза и только открыл рот для возражения, но он не дал мне и слова сказать. – Правильное решение. Я предпочел бы голодную смерть, чем пищу из рук этой мрази. Клянусь Создателем, я ещё не встречал таких отталкивающих людей. Однажды необходимость в его услугах отпадёт и вот тогда он за всё ответит. Не переносу пыток, но с удовольствием посмотрю, как его кишки наматывают на вертел.

Он ведь настоящий садист, ты, верно, заметил? Только представь – он насвистывает, когда режет людей на кусочки.

Внезапно Дитрих тряхнул головой, словно отгоняю лезущие в голову воспоминания и, вернувшись к столу, задул свечу. В наступившей темноте вновь раздался его голос:

– Мне нужно многое обдумать, подобрать правильные вопросы. Ты ведь так просто не сдашься. Будешь юлить, хитрить, пытаться провести меня, говоря одну лишь правду, но утаивая суть. Но я всё же добьюсь своего. Поверь, у меня вовсе нет желания держать тебя здесь. Это лишь необходимость. Работа такая. Знаешь, порой мечтаю, что однажды проснусь, а проклятье исчезло. Никак не возьму в толк, зачем люди постоянно лгут? Себе, родным, близким, друзьям. И ведь у каждого находится веская причина. Кто-то из сожаления, кто-то из жалости, чаще же из страха, но врут абсолютно все. Возможно, когда-то всё и изменится, а пока я вынужден нести свое бремя. Отдыхай.

Из темноты слышались торопливые шаги, скрип отпираемой двери, хлопок и звук, очень похожий на щелчок дверного замка. Хотя это и странно. Зачем запирает дверь, если уверен, что пленник не сможет самостоятельно сбежать? Простая мера предосторожности, или Дитрих опасается, что кто-то может меня найти? Может об этом говорил Ричард, когда пообещал, что помощь уже в пути? Выходит, мне надо и дальше тянуть время, подсаживая в его сознание всё новые вопросы.

Что ж, правила игры теперь ясны нам обоим. И пока Дитрих обдумывает, как разыграть свою партию, я займусь своей. Нет в мире оружия страшней и опасней, чем разум человека. Он способен разрушать, но способен и созидать. Надо лишь уметь им пользоваться и чаще пускать в ход.

Оставшись один на один с тьмой, окутавшей всё вокруг, я принялся с остервенением прокручивать в голове все возможные варианты развития событий. Есть старая как мир, но оттого не менее ценная поговорка: "Предупреждён – значит вооружён". Намекнув на то, что не считает меня "просто человеком", Дитрих тем самым выдал себя с потрохами. Не трудно догадаться, какие именно ответы его интересуют.

Не знаю, сколько времени я провел в раздумьях, но отвлёк меня уже знакомый щелчок дверного замка и в помещение ворвался пляшущий на стенах свет, как если бы вошедший держал в руках факел. Когда же слева медленно выплыла низкорослая женская фигура, с подносом в одной руке и масляной лампой в другой, я понял, что настало время кормежки.

Это слово вновь всколыхнуло унявшуюся было злобу. Меня собирались кормить как какой-то скот, независимо от того, хочу я этого или нет. К тому же пища могла быть обычными помоями. Я уже хотел выплеснуть всё недовольство вошедшей персоне, как вдруг она повернулась, держа в руке миску, и слова комом застряли в горле. От стыда за свою несдержанность хотелось провалиться сквозь землю, прямо в

бездну.

Ребенок. Этот гад прислал девочку-подростка, с виду лет двенадцати. На ней была дурацкая шляпа, похожая на шлемофон танкиста, тот, что с ушами, и длинный халат, из-под подола которого выглядывала пара плетеных башмаков. Миска в её руках исходила паром, разнося запах по всей комнате. Должен признаться, запах был настолько соблазнителен, что рот тут же наполнился слюной.

– Отец Дитрих попросил накормить Вас.

Не знаю, что он там ей наплел, но детский голосок дрожал, как и руки, крепко сжимавшие миску.

– Не бойся, – как можно дружелюбней обратился я к ней. – Я не обижу тебя. Спасибо, что согласилась. Я очень хочу есть, но, может, ты сперва дашь мне немного воды?

Девочка обрадованно кивнула и, поставив миску на стол, схватила кувшин с водой. Одним махом наполнив бокал, она бросилась ко мне, как к утопающему, улыбаясь во весь рот. Пить было жутко неудобно, не имея возможности хоть немного запрокинуть голову. Всею виной был дурацкий ошейник, плотно прижимавший затылок к холодному камню. Напившись, я одарил её самой доброй улыбкой из своего арсенала.

– Спасибо тебе. А могу я узнать, чему ты так обрадовалась?

Она кивнула, не переставая улыбаться, но вновь бросилась к столу, так и не ответив. Вернувшись с миской, она за-

черпнула ложкой содержимое и замерла, нахмутив личико.

– Не люблю я этот подвал. Здесь всё время кто-то кричит. Сегодня тоже кричали. Когда отец Дитрих попросил меня спуститься и накормить какого-то гостя, я страшно испугалась, – понизив голос до заговорщического шёпота, она поведала мне страшную тайну. – Здесь водятся призраки. Это они всё время кричат. Так отец Дитрих сказал. Раньше он не разрешал мне сюда спускаться.

На мгновение она над чем-то задумалась, смешно нахмурившись, но быстро опомнилась и всё-таки сунула ложку мне в рот. Каша с сочной мясной подливой оказалась настолько вкусной, что я только чудом не проглотил ещё и язык. Со стороны это, должно быть, выглядело нелепо. Девочка-подросток, макушкой едва достигающая моей груди, кормит с ложечки здоровенную дылду. Для этого ей даже приходилось вставать на носочки.

– Отец Дитрих сказал, что прогнал всех призраков, и меня здесь ждёт один человек, который очень-очень хочет кушать. Я всё равно жутко боялась, но он сказал, что вы его друг. Вы, правда, его друг?

"Ну и сука же ты" – подумал я про себя. Ну не мог же я взять и вывалить на бедного ребенка всю подноготную этой твари. И ведь специально, гад, прислал именно её, вместо обычной прислуги. Мне ничего не оставалось, кроме как ляпнуть "да".

– Ничего, – отправив очередную порцию, улыбнулась

она. – Когда отец Дитрих отдохнёт, он спустится и обязательно освободит вас. Он очень устал, когда выгонял призраков. Это они вас сюда затащили?

Я в очередной раз поклялся убить эту сволочь. Уж не знаю, кем ему приходилась эта девочка, но он почему-то оберегал её от всех происходящих здесь ужасов. Возможно, она и жила в своем розовом мире, но тут я даже поддерживал Дитриха. Не должен ребенок с детства видеть весь ужас нашего мира. Его бы отправить в наше время, чтобы раз и навсегда навёл там порядок и закрыл доступ в интернет всем детям мира. Заодно отчихвостил бы их родителей. Ведь росли же мы как-то без всего этого? Бегали во дворах, играли в игры, названий которых теперь нигде не услышишь. Спросите любого подростка, что такое "казаки-разбойники"? Только не забудьте перед этим забрать у него телефон, а то найдет ответ в гугле.

Нет, я вовсе не хочу сказать, что мы росли с шорами на глазах. И фильмы с участием звёзд Голливуда, держащих в одной руке бокал виски, а в другой сигару, имея при этом огромные бицепсы и рельефный торс, разумеется, смотрели. Это сейчас, уже повзрослев, недоумеваешь, как эти вещи могут сочетаться? Ведь обладатель золотой медали олимпийского чемпиона не станет щеголять на публике с подобными атрибутами, пороча сама суть спорта.

Но то сейчас, а в детстве мы все хотели походить на образ крутого героя, навязанный нам с экранов телевизора. И

пускай у нас не было сигар, да и что такое виски мы узнали лишь годы спустя. Но ведь был «Беломорканал»? Какими крутыми мы себя считали, пуская кольца дыма! Но ведь сейчас маразм достиг своего апогея. Люди готовы абсолютно на всё, ради мига славы, и плевать им, что чаще их просто высмеивают. Вот и растёт поколение, наблюдая как на их глазах разделявают тушу погибшего животного, а то и того хуже. Со всех экранов летят возмущённые возгласы, не забывая при этом показать отрывок такого вопиющего события. И если мы стремились походить на героев боевиков, то не стоит удивляться онлайн играм, где в конце ребёнок должен покончить с собой.

Многие из вас сочтут меня жалким хлюпиком, накручивающим выше всякой меры. Этого ведь уже не избежать, даже я готов признать тщетность таких попыток. Слишком уж укоренились в нашем сознании новые шаблоны. Ведь и я тоже не могу обойти их, описывая те события. А иначе вы просто не стали бы читать такое произведение. Но как же порой раздражает такое положение дел. Вот, я даже слишком увлекся, докучая своей моралью...

Прокляв Дитриха, заставившего меня впасть в меланхолию, я сделал страшное лицо и посмотрел на девочку.

– Они, кто же ещё? Злющие как чёрт, – и дождавшись, когда она испуганно ойкнет, снова улыбнулся. – Только отец Дитрих прогнал их. Слыхала, как они вопили, когда он их метлой гонял? Сейчас их нет, только ты всё равно не ходи

сюда больше. И отцу Дитриху передай, чтобы больше не посылал тебя. Пусть лучше взрослые приходят. А когда он отдохнёт, сразу же освободит меня, и мы ещё поболтаем. Договорились?

– Честное-пречестное, – до забавного серьёзно кивнула она. – А что это за штукovina у вас на голове? Вам, наверное, больно?

И, не дожидаясь ответа, сунула в рот очередную порцию, от чего я чуть не подавился.

"Это же надо, какой болван. Ведь она может мне многое поведать. Где я нахожусь? Кто ещё живет наверху? Что, в конце концов, за хреновина на моей голове?" Не уверен, что это хоть как-то поможет моему освобождению. Но и информация лишней не будет. Вот только надо быть очень осторожным. Вдруг Дитрих предупредил её, чтобы не отвечала на мои вопросы и сразу же шла к нему? В этом случае я рисковал ждaть следующей трапезы неизвестно сколько, а этой ещё и половины не съел. Но в том, что она уйдет, едва закончив меня кормить, сомнений не было. Уж об этом он просто обязан был позаботиться.

Новая догадка повергла меня в ужас. Ведь Дитрих спланировал всё это заранее.

Отсутствие обычных пыточных инструментов, свежие опилки, которыми посыпали пол. Пятна, что я принял за кровь, скорее всего обычное масло, или ещё что-то темное. Дитрих позаботился, чтобы девочка не увидела ненароком

чего-то лишнего и пугающего. А пятна, принятые мною за кровь, лишь маскарад с целью внушить страх и трепет. Ведь именно так поступают с военнопленными.

Прежде чем начать пытаться, необходимо подарить надежду на спасение, чтобы поговорчивей был. А ведь приговор уже вынесен. Смерть. Всё происходящее просто кричало об этом. Он, дескать, против любого насилия. Пыток не выносит, вот и держит при себе Жирдяя. А так, безусловно, лично казнил бы тварь. И девочку подослал нарочно. Знал, что не посмею обидеть, (наверняка наслышан о том, как я рисковал ради Юлианны, что уж и говорить о беззащитном ребенке) зато поверю, что он никакой не злодей, просто "работа такая". Вот разберется со всем, удостоверится, что я не несу окружающим опасности, извинится и отпустит на все четыре стороны. В городе, конечно, не оставит, но и убивать не собирается. Так, что ли, выходит?

Вот же зараза. Если он настолько умён, хитёр и расчётлив, я действительно влип по-крупному, как и предупреждал Ричард. Болван, кретин, олух. Да тебя чуть не провели, как сопливого мальчишку. И даже его невинный вопрос не казался теперь праздным любопытством. А я тупица, возомнил себя гением. Снова.

Детали. Сколько информации я ему подкинул? Весь мой спланированный разговор летел коту под хвост. Теперь он на шаг ближе к цели, которая мне неведома. Я могу лишь гадать, что ему от меня нужно, но, как показала практика,

все мои суждения могут оказаться ошибочными.

Перспектива отдать концы в этом подвале, в куче собственных испражнений, вызывала новую вспышку гнева. И снова я потерял контроль и поддался эмоциям, что не укрылось от цепкого взгляда ребенка. Громко пискнув, она отскочила назад, а я только сейчас обратил на нее внимание.

– Что такое? Я тебя чем-то напугал? – спросил я, заметив, что она трясется от страха. – Ты ведь знаешь, я не обижу тебя.

– Не правда, – заикаясь проскулила она. – У Вас были такие глаза, как будто вы призрак увидели. А потом они стали злые. Я таких злых никогда не видела. Вы плохой. Плохой...

В отчаянье выкрикнув последнее слово, девочка не выдержала и, бросив миску, бросилась наутёк. Пока она в панике пыталась отпереть дверь, я услышал её плач. Наконец, справившись, она зарыдала во весь голос и, бросив дверь незапертой, быстро умчалась. Ещё какое-то время я слышал её всхлипывания и дробный стук башмаков, а затем всё стихло.

Каким же глупцом я был? Осознав происходящее, я понял, что потерял над собой контроль, позволил эмоциям выйти наружу. И ведь я был не просто зол, да я был в бешенстве!

Всему виной Дитрих? А может, я сам? Возомнил себя гением? Снова?

Решил, что могу кого угодно обвести вокруг пальца? Снова?

Сперва Калхен, теперь Дитрих. Неужели я настолько глуп? Ведь только дурак делает одно и то же, надеясь на иной результат. И он же считает себя умнее всех. Выходит, вот кто я? Дурак?

Не успела эта мысль как следует укорениться в моей голове, как внезапно и громко хлопнула дверь, а следом появился довольно улыбающийся Жирдяй.

– Ты напугал Вилиссу. Дитрих просто в бешенстве. «Она – невинное дитя», – произнес он явно заученную фразу, всем своим видом показывая истинное отношение к ней. Уж он-то вдоволь бы с ней поиграл, а потом выпустил кишки наружу, наблюдая, как медленно угасает её жизнь. – Велено как следует тебя проучить. Но сперва надо поесть. Силы тебе ещё понадобятся.

– Не смей приближаться ко мне, ты, грязный выродок...

Мою гневную тираду, направленную только то, чтобы хоть как-то сохранить остатки гордости, Жирдяй (я категорически отказываюсь называть его каким-то там Бубой) прервал самым наглым образом. Он просто сгреб с пола пригоршню каши, не особо переживая по поводу попавших туда же опилок и, сжав челюсти одной рукой, так, что рот открылся против моей воли, сунул содержимое внутрь.

Пресекая попытку выплюнуть всё обратно, он бесцеремонно заткнул мне рот своей потной ладонью, вдобавок пе-

репачканной жирной кашей. Приступ отвращения не позволял мне проглотить эту мерзость. Но Жирдяй не собирался сдаваться. Второй рукой закупорив мне нос, он лишил возможности дышать и, вплотную приблизив лицо, выставил напоказ полусгнившие зубы.

– Лучше не зли меня. Глотай. Приказ я выполню, даже если ты нечаянно при этом сдохнешь.

Очевидно, это была лучшая шутка из его репертуара, так как он заржал во весь голос, сотрясаясь всем телом и запрокинув голову. Я ещё какое-то время боролся, пытался хотя бы цапнуть его руку, не желая признавать поражения, но вскоре остро захотелось вдохнуть хоть глоток кислорода, и я всё же проглотил, признавая поражение.

Процедура повторялась снова и снова. Пару раз бунтующий желудок пытался исторгнуть содержимое наружу, и всякий раз этот слизняк вовремя оказывался рядом, не позволяя этому произойти. Так продолжалось около получаса, во время которых я даже пытался закрыть глаза, чтобы не видеть его отвратительную тушу. Стало только хуже. Воображение только добавляло в его образ новые детали, вроде тех, что он делал этими руками до того.

Хвала всем богам, вместе взятым, это издевательство всё же закончилось. Ужасно хотелось запить всю эту дрянь водой, смыть его пот с лица и губ. Но у Жирдяя на этот счёт было своё мнение, и новое испытание ещё только предстояло.

– Дитрих велел как следует поработать над твоим поведением. Жаль, конечно, запретил трогать лицо, а то я бы зубы тебе повыдергивал, чтоб больше не плевался в людей, – мечтательно закатив глаза и почесав все три подбородка, он театрально вздохнул и тут же оскалился. – Ну да шут с ним, с лицом. Есть ещё куча интересных мест.

В следующее мгновение он таки заставил меня удивиться и взглянуть на него совсем другими глазами. Даже будь я свободен от оков, полон сил и решимости, я бы не смог ничего ему противопоставить. Не зря поговаривают "не суди людей по внешности". Это как раз и относилось к этому слизняку. Чрезмерно полный, он казался этакой неповоротливой клячей, только и способной уничтожать гамбургеры да протирать задом диван. Однако момент удара я всё же прозевал. Если в мире существуют разжиревшие мангусты, то он отлично вписался бы в их компанию.

Молниеносное движение, легкий толчок в левый бок, и вот он снова стоит, замерев в ожидании. Чего именно он ждал, я понял буквально спустя пару секунд. Кажется, в определенных кругах, такой удар называется "хлебни пивка", или как-то так – всего не упомнишь. Вот только наносится он сзади, в район одной из почек. Последствия очень схожи с алкогольным опьянением. Вначале кружится голова, темнеет в глазах, подкатывает тошнота, и лишь затем приходит боль. Не спрашивайте, как он смог нанести его сбоку, ответа я не знаю. Видимо, за годы служения Дитриху, под-

наторел в искусстве избиения и пыток.

– "Только не вздумай снова блевать, – забила паническая мысль. – Больше я тебе такого удовольствия не доставлю"

Каким-то чудом я всё же поборол накатывающие позывы, на что Жирдяй досадливо чмокнул губами и нанес новый удар. Надо отдать ему должное, бить умел, и хуже того, знал, куда именно. А дальше началось форменное избиение.

Не имея никакой возможности дать отпор, (да и разве смог бы?) я мечтал забиться в самый дальний угол и сжаться в комок. Тот случай заставил меня заново взглянуть на прожитую впустую жизнь. Ведь и в моём родном мире порой влипаешь в неприятности, что уж говорить о том месте, куда меня забросила мерзавка судьба.

Твердо решил, что, когда выберусь (надежда на это всё же не покидала меня), обязательно найду себе достойного наставника. Ведь не дело это, когда каждый проходимец может безнаказанно тебя шпынять. И одно дело, когда на кону стоит только твоё здоровье и твоя жизнь, а что прикажете делать, если на твоём месте окажется родной и любимый человек? Только законченные идиоты будут надеяться решить всё словами. Не думаю, что, говоря "подставь другую щеку", Иисус имел в виду именно это.

Жирдяй, разумеется, был редкостной тварью. Шанс столкнуться с таким человеком в жизни очень невелик. Но всё равно люди гибнут лишь от того, что неспособны постое-

ять за себя. Не каждый сможет дать отпор, кто-то просто не способен на это вследствие отсутствия мышечной массы. Но ведь можно хотя бы бегом заняться? Шакалы сильны лишь на коротких дистанциях. Против тренированного организма, способного с легкостью пробежать несколько километров, слегка сбив при этом дыхание, шансов у них нет.

В какой-то момент, обезумев от узконаправленных и весьма болезненных ударов, я готов был молить о пощаде, скуля как щенок, застрявший в заборе. И лишь упрямство и мысль, сколько удовольствия испытает при этом Жирдяй, останавливали меня. Как выяснилось чуть позже, именно на такой результат он и рассчитывал.

В какой-то момент он просто прекратил избиение, зло сплюнул и, разочарованно раздувая ноздри, покинул помещение, выместив своё разочарование на ни в чём не повинной двери. От громкого хлопка с потолка посыпалась солома.

Фонарь он гасить не стал, видимо, решив таким образом наказать меня за неоправданные ожидания. Видеть перед собой такой близкий, и такой недоступный кувшин с водой казалось пределом человеческой жестокости. Ведь знал же, что после жирной каши я должен хотеть пить? Разумеется, знал. Как и о том, что после такого избиения, во рту образовалась самая настоящая пустыня, разве что песок на зубах не скрипел, и на том спасибо.

Однако, я всё же переоценил его умственные способно-

сти. Не прошло и пяти минут, как дверь снова открылась, и возвратившийся мучитель принялся за уборку. Подняв с пола миску, он небрежно бросил её на поднос и уже хотел уйти, прихватив с собой и фонарь, когда я всё же смог разлепить пересохшие губы.

– Я так понимаю, – с трудом выталкивая слова наружу, всё же решил я на попытку. – Давать пленникам воду у вас не принято?

Жирдяй резко обернулся, и я прочёл в его взгляде уготованную мне участь, если я ещё раз открою рот. Но мне было откровенно наплевать. Уж лучше стерпеть несколько новых ударов, чем изнемогать от жажды неизвестно сколько времени. Поэтому я всё же продолжил:

– Думаю, Дитрих очень расстроится, если обнаружит пленника, неспособного внятно отвечать на его вопросы. А уж я приложу к этому весь свой талант. Думаю, мы оба знаем, к каким выводам он придёт. Верно?

Ещё несколько секунд он буравил меня глазами голодного падальщика, но страх вызвать недовольство Дитриха всё же возымел должный эффект. В очередной раз сплюнув, не забыв отправить в мой адрес порцию отменной брани, он бросил поднос на стол и, схватив кувшин, подошёл ко мне.

– Ну, сейчас ты у меня напьешь. На, пей. Пей голубчик... До смешного предсказуемая и ожидаемая реакция. Решил, что если начнет с бешеной скоростью вливать в меня весь кувшин, я стану захлебываться и, в конечном итоге, по-

жалею о своей выходке? О таких говорят "ни ума, ни фантазии". Я бы на его месте сперва плюнул в воду, а уж потом проделал всё остальное. Тогда бы я действительно пожалел о попытке шантажа.

Всего-то и надо было не позволять живительной влаге попасть в дыхательные пути, время от времени сжимая зубы и делая осторожные глотки. Лишняя вода просто выплескивалась на пол. Поняв, что кувшин вот-вот опустеет, я не стал делать последний глоток и, едва он убрал пустой сосуд, повторил свой (уже ставший коронным) номер. Выплеснув в его довольную рожу всю воду, я не удержался и призывно подмигнул, в открытую насмехаясь над его тупостью.

– Тварь, – побагровев от бешенства, завопил он, вытирая лицо, и зачем-то снова повторил, с той же интонацией, – Тварь.

Я ожидал новых ударов, но они не последовали. Вместо этого, Жирдяй наклонился и прошипел мне в самое ухо:

– Знаешь, – сотрясаясь от едва сдерживаемых эмоций, поведал он мне. – Дитрих пообещал, что, когда закончит, отдаст тебя мне. Когда ты начнешь харкать своей кровью, я спою тебе мою любимую песенку. Я пел её всем своим жертвам, ещё до всего этого.

Думаю, не стоит даже упоминать, на что он рассчитывал, открыв мне уготованную судьбой смерть. Только вот дождался он совсем иного.

Я задумался на секунду, радуясь, что не смог побороть се-

бя и решил подразнить палача. Моя выходка дала неожиданный результат. Нет, угроз и гневных обещаний я, разумеется, ожидал. Новых пыток, само собой тоже. В конце концов, он мог не вынести унижения и убить меня в порыве неконтролируемого гнева. Он же самый настоящий больной извращенец. Но вот то, что он в открытую поведал мне о планах Дитриха, удивило меня. Разве можно быть настолько тупым? Ведь, наверняка, не раз предупреждали держать язык за зубами. Вон как побледнел, увидев, что я вовсе не испугался, а лишь задумался.

Решив, что уже достаточно, и он сам понял совершенную только что ошибку, я хмыкнул и посмотрел ему прямо в глаза.

– Значит, я был прав? При любом раскладе увидеть солнце и глотнуть свежего воздуха мне не дано, так? Спасибо за информацию, я это учту. Ну, за воду тоже, – добивая его окончательно, я улыбнулся и закончил с торжествующей улыбкой. – Освежает, не правда ли?

Не уверен, что он понял двусмысленность последней фразы, но улепётывал он как от самой смерти. Даже забыл поднос и фонарь. Опомнился только возле двери. Громко помянув всех подлых обманщиков, которым, скорее всего, был именно я, (хотя при чем здесь обман, скажите на милость?) вернулся и, схватив всё в охапку, так же стремительно выскочил. Ну, хоть не совсем растерял мозги, замок всё же запер. Я, не скрываясь, смеялся, наблюдая за его паникой. Но,

едва щёлкнул замок, как смолк и мой смех.

Сдаваться я не собирался. В голове завертелись шестерёнки натренированного интеллекта. Я просто обязан был найти способ выжить, сломать навязанные Дитрихом условия.

Благодаря Жирдяя за причинённые увечья, не дававшие мне провалиться в сон, я всё упорней подбирал необходимые мне ответы. Привычка во всем искать плюсы, даже в тот момент заставляла испытывать чувство благодарности к Всевышнему. Невинная девочка, которую я ненароком напугал, оказалась настоящим подарком свыше. Дитрих решил, что умнее всех? А ведь только недавно я чуть было не признал, что полный кретин. С этим я, видимо, поторопился.

– Ещё посмотрим, кто из нас кретин, – вслух произнес я. – Однажды и я возомнил себя чуть ли не Господом Богом. Пришлось дорого за это заплатить. Я сделаю всё, чтобы и ты поплатился за гордыню и высокомерие. И пусть я могу проиграть, но кто не рискует, шампанского не пьёт.

И на этот раз я даже не пытался поставить себя на одну ступень выше противника, выше самой смерти. Мне хватило ума усвоить урок. Просто на этот раз я был готов и обладал большей информацией, чем считал оппонент. Пусть и дальше остается в неведении, я же буду играть отведенную мне роль, оставаясь, по сути, сценаристом и постановщиком всей картины.

Предстоящие вопросы и необходимые мне ответы, сами собой укладывались в отведенные им ячейки. Лгать я не мог,

поэтому оставалось только одно. Продумать всё так, чтобы ответы были чистой правдой, но скрывали некоторые моменты. Дитрих сам натолкнул меня на эту мысль, намекнув, что я собираюсь лгать, говоря одну правду. И лишь на один вопрос я не мог найти подходящего ответа. А ведь он, несомненно, затронет его. Просто не сможет обойти стороной. Да весь мой план выводил на этот вопрос. Но иного пути не было.

Значит, я просто не дам его озвучить, а дальше будь что будет. Главное сделать всё от меня зависящее. Остальное возложим на Всевышнего, надо было лишь довериться Ему. А сомневаться в его существовании я больше не мог. Время сомнений прошло, настало время Веры.

Я не собирался пускать сопли и читать заунывные молитвы, посчитав, что искренней просьбы не дать мне сгинуть в неизвестности, будет достаточно. Ну не мог же он настолько отстраниться от своих созданий, чтобы не прийти на помощь в час нужды? Ведь я не просил золотые горы, сидя на диване. Лишь чуточку везения, пусть и займы. А уж долг я обязательно верну, приложив к этому максимум усилий.

Прошло, по моим скромным подсчётам, около суток, прежде чем дверь снова распахнулась. Никто не удосужился за это время поинтересоваться, не голоден ли пленник. Скорее всего, Дитрих решил преподнести мне урок. Или я играю по его правилам, или рискую умереть голодной смертью. Я и сам чувствовал себя паршиво, напугав Вилиссу. Разум

пытался утихомирить совесть, ссылаясь на банальную случайность, но легче от этого не становилось. Именно поэтому звук открывшейся двери прозвучал как любимая песня.

Первым появился Жирдяй, с фонарём в руках. На меня он даже не посмотрел.

"Страшно тебе, гнида? Вот и правильно. Не в моих интересах выдавать твою оплошность. Пока..."

Следом за ним шествовал Дитрих, о чём-то задумавшись. Пора было начинать игру.

– Ах ты, долбаный ублюдок, – брызгая слюной, заорал я. – На кой чёрт ты прислал девчонку. Совсем мозгов нет?

Дитрих бросил на меня задумчивый взгляд, и стал зажигать свечу, используя для этого лежащую на столе лучину. Закончив, он кивнул Жирдяю. Тот схватил лампу, бросил на меня вымученный взгляд и исчез.

– Вилисса, – с неожиданной теплотой в голосе произнес Дитрих, когда дверь за ним закрылась. – Я не хотел, чтобы ты заартачился, вот и прислал её. Зачем, скажи на милость, ты напугал бедного ребенка?

– Ах ты... – с ненавистью заглянув ему в глаза, я тут же опустил взгляд и продолжил извиняющимся тоном. – Я не хотел. Это вышло случайно. Она в порядке?

– Пустое, – отмахнулся Дитрих, заметно повеселев. Не знай я о его намереньях, счел бы это за хороший знак. Не мог же он действительно надеяться, что я не со зла? На счёт меня у него совсем иное мнение. До чего скользкий тип. И

ведь как натурально играет. – Что взять с ребенка? Вчера захлебывалась слезами, рассказывая, как в тебя вселился злой дух, а сегодня всюду развлекается. Дети быстро забывают пережитые обиды и страхи.

– Спасибо. Теперь я спокоен.

– А вот я напротив, – возразил Дитрих, – В полном смятении. Размышляя о нашей вчерашней беседе, я всё не могу понять один момент. Может, прольешь свет на мучающий меня вопрос. Это касается твоего города. Как, говоришь, он называется?

– Ростов.

Без раздумий ответил я, прекрасно понимая и терзавшие его сомнения, и то, что название он помнит лучше меня самого.

– Ага, Ростов. Где, говоришь, он находится?

– А разве я говорил, где он находится? – вполне естественно удивился я. – Да я понятия не имею, где он.

– Ложь, – стукнув кулаками о стол, от чего пламя свечи испуганно мигнуло, выкрикнул Дитрих, но тут же взял себя в руки. – Не заставляй меня снова звать Бубу. Так знаешь ты, где он находится?

"Разумеется. В галактике Млечный Путь, в одном из менее опасных районов. Планета Земля, если быть точнее. В славном государстве Российская Федерация, в одной тысяче километров от столицы, города Москвы".

– Знаю.

– Так-то лучше. И как туда попасть?

– Хотел бы я знать. Увы, тут я ничем помочь не могу.

– Как такое возможно? – Дитрих от негодования аж подскочил. Ещё бы. Оба ответа чистейшая правда. – Выходит ты знаешь, где он находится, и, в то же время, не знаешь, как его найти? Это же полный бред. Пусть дороги ты и не знаешь, но хотя бы направление? Север, юг, восток, запад? В какой он стороне?

Я ненадолго задумался, следуя продуманному сценарию. Он может хоть голову себе об стену расшибить, а ответа не найдет. Я ведь и сам его не знал.

– Я не могу сказать даже этого. Не знаю, и всё тут.

– Бред какой-то, – зачем-то повторил Дитрих и рухнул на стул. – Сюда же ты как-то попал? Раз уж я не слышал ни о каком Ростове, он должно быть очень, очень далеко от Лидендэйла. Возможно, путь занимает около года. Ближе просто нет и не может быть ничего подобного. Хочешь сказать, ты не запомнил ни одного ориентира?

– Что ты заладил, – не выдержав, сорвался я на крик. – Сказал же, не знаю. Закрыв глаза в одном месте, открыл уже в другом. Вот всё что я могу сказать.

– Да чтоб тебя, – в сердцах выругался Дитрих и устало потер виски двумя сведенными вместе пальцами, указательным и средним. – Хорошо, пусть будет по-твоему. Тем более, это правда. Где ты оказался, когда открыл глаза?

– В какой-то пещере.

– Пещере? Где она? Сможешь показать на карте?

– На карте, – задумчиво ответил я. – Не ручаюсь, но можно попробовать. С картами я всегда не ладил.

В принципе, после смерти Калхена в пещере осталась лишь его кладовая с кучей хлама, да горы костей. Пока он будет всё проверять, смерть мне не грозит. Всё как и планировалось мною ранее.

– Рядом, разумеется, никого не было? И как там оказался, ты не знаешь?

– Я уже сказал. К чему повторять всё снова?

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Дитрих. – Но своя теория на этот счет у тебя есть?

– Теория? – не выдержав, я даже рассмеялся. – И сколько правды в ней будет? Да и вообще, будет ли она там? В любом случае, это лишь догадки. Вот пусть ими и останутся.

Дитрих заиграл скулами, признавая мою правоту, что только разозлило его.

– А меч? Его ты принес с собой? Или лучше сказать, тебя принесли вместе с ним?

– Нет. Меч я нашёл после, в той же пещере.

– Буба, – неожиданно громко выкрикнул Дитрих, от чего я даже вздрогнул. – Живо неси сюда карту. Не заставляй меня повторять дважды.

Из-за двери раздался грохот, чертыханья и затем всё стихло. Жирдяй, по всей видимости, всё это время стоял за дверью, нагло подслушивая. Я догадываюсь, зачем он делал.

Ждал, пока я выдам его? Оставалось порадоваться его тупости. Другой бы на его месте сам всё рассказал, едва поняв, что я веду какую-то игру.

– Неуклюжий кретин, – скривился Дитрих, и поднялся из-за стола. Ожидая, пока принесут карту, он мерял комнату шагами, заложив руки за спину. Коломбо недоделанный. – Что было дальше?

– После того, как нашёл меч? – для проформы уточнил я и принялся рассказывать. – Выбрался наружу, отправился искать людей. Я ведь был сбит с толку. Случайно набрел на банду грабителей. Хотел по-тихому слинять, но меня заметили и поймали. Несколько трупов и один пленник говорили сами за себя. Решил купить свободу, показав ту самую пещеру. Там ведь не только меч был, золотишко тоже имелось. Бандиты решили взять пленника с собой. Имя Ричард тебе о чём-то говорит?

– Говорит, – осуждающе ответил он. – Продолжай.

– Так вот. Глыба, так звали их главаря, и двое его подельников потащили нас к пещере...

– На что ты надеялся? – неожиданно зло перебил он меня. – Покажешь им пещеру с золотом, и они отпустят тебя на все четыре стороны? Ты не выглядишь настолько безмозглым.

– Чем всё это закончится, я и сам не знал. Да только был ли у меня выбор? Они бы прикончили нас на месте, уж это я понимал. А так, был хоть какой-то шанс. Свою ошибку я

понял, едва мы добрались до пещеры. Глыба решил ни с кем не делить сокровища. Свидетели ему тоже были не нужны. Сперва он прикончил своих поделщиков, а затем и нас хотел отправить вслед за ними. Вот только Ричарда он недооценил. Тот всё же погиб, но и сволочь эту успел прихватить с собой.

– Жаль, – искренне вздохнул Дитрих. – Ричард был достойным человеком. Пожалуй, единственным, кто никогда не лгал. И так глупо погиб. Это в его стиле – пожертвовать собой ради спасения другого. Ты хоть осознаёшь, что ради тебя погиб такой человек?

– Осознаю, – зло ответил я, едва сдерживая рвущиеся наружу слезы. Всплывшие воспоминания вернули и забытые, было, чувства. – Думаешь, я хотел, чтобы так вышло? Да будь у меня возможность всё изменить, я бы с радостью поменялся с ним местами. А вместо этого должен выслушивать нотации от какого-то ублюдка. Да ты сам ничем не лучше тех животных, на которых я наткнулся.

Дитрих досадливо поморщился, прекрасно понимая, что я прав. Как ты не оправдывайся: работа такая; долг перед страной; вынужденная необходимость. Да только пустое всё это и никак не меняет саму суть. В какой-то степени Жирдяй даже лучше его. Ведь он не скрывает своих намерений, чувств, желаний. Да, он больной на всю голову подонок, любящий потрошить людей, но ведь и оправдания себе не ищет. Дитрих же делает, по сути, то же самое, прячась за маской борца со злом, вдобавок, чужими руками. Интересно, како-

во ему так жить? И кто из нас занимается самообманом?

Не успел он подобрать достойный ответ, как дверь с грохотом отлетела в сторону и в комнату вбежал Жирдяй. В руках он держал свернутую в трубочку и пожелтевшую от времени карту. Жадно хватая ртом воздух, он пытался что-то сказать, но Дитрих лишь поморщился и вырвал карту из его руки.

– Идиот, – отвесив ему звонкую пощечину, чему я был несказанно рад, он развернул карту и сунул мне в лицо, прикрываясь ею, как щитом. Мой плевок он отлично запомнил. – Здесь Лидендэйл. А вот место, где тебя обнаружил посланный на поиски Ричарда отряд. Где пещера?

Карта была отвратительного качества. Некоторые названия просто невозможно было прочесть.

– Не могу разобрать, что там написано? Хребет Защитника? Что ещё за Защитник?

– Один из таких же, как ты, – с презрением пояснил он. – Маг, живших несколько столетий назад. Раньше там был обычный лес, но потом с юга пришли дикари верхом на странных лошадях. Они грозили стереть с лица земли все города, что попадутся им на пути. Им пытались дать отпор, но тщетно. Слишком уж много их оказалось. Вот тогда-то и появился Защитник. Махнул рукой, и на тебе, пожалуйста. На месте леса выросли неприступные горы, навсегда отрезая путь варварам с юга. Пещера находится там?

– Южнее того места, где меня нашли солдаты. Точнее ска-

зять не могу, уж больно паршивая карта.

– Ещё бы, – усмехнулся Дитрих. – Она сохранилась ещё с эпохи Истребления Магов. Ей почти восемьсот лет.

Осторожно свернув карту, Дитрих вернулся к столу и забрал лист, куда записывал весь наш разговор.

– Буба, – бросил он, уже уходя. – Распорядись, чтобы его накормили, а сам убирайся вон. И только попробуй сунуться сюда до моего возвращения. Тебе всё ясно?

Жирдяй устало махнул рукой, всё ещё пытаюсь восстановить дыхание, и поплелся следом. На меня он больше не смотрел, уверовав, что сдавать я его всё же не собираюсь. Болван.

"Что ж, – усмехнулся я, когда дверь за ним закрылась. – Первый раунд за мной".

Но кое-что всё же омрачало вкус пусть и временной, но всё же, победы. Истребление Магов? Не по этой ли причине я там оказался? Если всех магов истребили ещё восемьсот лет назад, за способность воздвигать целые горы взмахом руки, то становятся ясны и мотивы Дитриха.

Люди всегда боятся тех, кто способен с легкостью их уничтожить. А может, и не боятся вовсе, а лишь завидуют? До чего же может опуститься человек, которому недоступно желаемое? Женщина, сделавшая неправильный выбор, легко может пасть от руки разочарованного влюбленного, несмотря на то, что он мог этой любви и не проявлять вовсе. А сосед, неожиданно добившийся в жизни большего "чем заслу-

живает", может обнаружить на месте дома пепелище.

Вот и Дитрих разумно счёл, что я могу возжелать большего, чем имею. Кто тогда остановит меня? Я стал жертвой упреждающего удара? Превентивные меры? И ведь он прав. Где гарантии, что я не пойду именно этим путем, осознав себя непобедимым? Вот же влип.

Избитый Жирдяем организм больше не изнывал от боли, да и усталость всё же взяла верх, поэтому я незаметно для себя задремал. Проснулся от звука скрипнувших дверных петель.

В комнату вошла дородная женщина с подносом в руках. Разговаривать она напрочь отказывалась, но я видел, что ей в тягость находиться рядом со мной. Быстро впихнув в меня всё ту же кашу с подливой, она дала мне напиться и молча ушла. Насытившись, я провалился в исцеляющий сон без сновидений.

Дитриха не было около трёх дней. Я вёл отсчет времени по периодическим кормежкам. Теперь это делала всё та же молчаливая женщина. В какой-то момент я не выдержал, и попытался объяснить ей, что люди не только едят, но и в туалет иногда ходят. С малой нуждой я давно решил не заворачиваться, трезво расценив, что все мои попытки ни к чему хорошему не приведут. А как прикажете быть с нуждой побольше? Не в штаны же гадить?

Именно это я и сказал, лишив себя тем самым ужина. Женщина выбежала вместе с подносом, едва я закончил

гневную триаду. Зато снова появился Жирдяй с сапожным ножом в одной руке. Я уж было решил, что сейчас последует очередная пытка, но он просто срезал с меня штаны и ушел, бросив напоследок "не благодари". Какая уж тут благодарность? Унизительно – это даже не то слово. Подходящего слова, скорее всего, просто не существует.

Вернувшись лишь на следующее утро (а может снаружи был вечер), он сгреб лопатой все нечистоты в заранее приготовленное ведро и присыпал все свежими опилками. Перед уходом он прицепил мне фартук, скрывающий причинное место и, пообещав накормить меня всем этим, когда стану бесполезен, ушёл. Вскоре вернулась моя кормилица, старательно избегая встречи с моим униженным взглядом.

Дитрих появился лишь на третий день, сразу после ужина. – Как ты себя чувствуешь? Знаю, – не дав мне выплеснуть на него весь накопленный гнев за пережитые унижения, поднял он руку, останавливая срывающиеся с губ проклятья. – Но и ты пойми меня. Не могу же я подвергать риску своих людей? Человек ведь и без магии на многое способен. Ты уж извини, но это вынужденная мера. А теперь вернемся к нашему разговору.

Усевшись за стол, где появилась новая свеча и неизменный лист с чернильницей, Дитрих уставился на меня изучающим взглядом.

– Мы нашли ту пещеру. А в ней множество интересных вещей. Особенно настораживает наличие целого моря костей.

Кто, или что обитает в том проклятом месте?

– Насколько мне известно – никто. Хотя гарантий я не дам. Пещера, судя по всему, простирается вглубь на сотни метров. Я изрядно поплутал в поисках выхода.

Дитрих досадливо хмурил брови, записывая мои слова. Хорошо хоть Калхен был мертв, иначе мне бы не отвертеться. Ведь я не лгал, в пещере никто не обитает. Уже не обитает.

– Мы нашли два тела неподалеку от входа. От них мало что осталось, но можно сказать с уверенностью, что их закололи в спину, что подтверждает твои слова. Но ни тела Ричарда, ни, так называемого, Глыбы, найти так и не удалось. Где же они?

– Я их сжег.

– Обоих? – не стал скрывать удивления Дитрих. – Довольно странно, не находишь? Я могу понять, что ты решил не оставлять гнить тело человека, спасшего твою шкуру, но бандит? Его-то ты зачем сжёг? Или ты просто хотел уничтожить все следы?

– Ничего я не уничтожал. Я просто... не знаю, я не могу этого объяснить. Просто решил, что раз они погибли вместе, вместе и уйдут. Больше мне добавить нечего.

– Как именно они погибли? Это тоже немного странно.

– Тут, как раз, всё просто. Глыба вонзил меч Ричарду в живот, а тот, в свою очередь, придушил его, после чего умер от полученной травмы. Я тогда ещё не знал, что мог спасти

его при помощи меча. А обычные способы, известные мне, ничего бы уже не изменили.

Дитрих уважительно кивнул, хотя, скорее всего, это относилось к последнему поступку Ричарда. Я ведь и сам тогда поразился, откуда в нём столько силы духа, что он даже смерть заставил дожидаться, пока он задушит Глыбу? Поистине, ВЕЛИКИЙ подвиг.

– Кое-что не сходится. Ты говоришь, что долго искал выход. Почему же не ушел сразу, как только обнаружил его? Я бы постарался как можно быстрее унести ноги из этого места. А ты ещё полез обыскивать всё вокруг. Зачем?

– Я бросился к выходу, как только увидел свет. И кости я обнаружил, только когда споткнулся об один из черепов. Естественно, я запаниковал, а как иначе? Кто знает, что ждёт меня снаружи? Отправляться в неизвестность, не имея даже захудалого ножа? Ну не такой же я дурак. Пришлось, правда, изрядно потрудиться, прежде чем отыскался подходящий меч. Сам же видел, сколько там ржавого хлама.

– А откуда взялись способности к колдовству? Или они были всегда?

– Нет, не было раньше ничего подобного. Уже после смерти Ричарда я вернулся в кладовую в поисках хоть какого-то инструмента. Инструмента я так и не нашёл, поэтому и решил сжечь тела. Зато там обнаружился небольшой постамент, а над ним парил хрустальный шар. Он как-то странно светился, и я случайно прикоснулся к нему. Что произошло

дальше, даже объяснить трудно. Казалось, меня вдруг объ-
яло пламя, а когда я пришёл в себя, не было ни постамента,
ни шара. А о приобретенных способностях я узнал намного
позже, когда случайно сжёг стрелу, летящую прямо в меня.
Как оказалось, оставшиеся бандиты всё это время ждали на-
шего возвращения. Скорее всего, они не ожидали, что вме-
сто подельников, вернусь я один. Как это ни странно, но я
снова набрел на них.

– И всё-то у тебя складно. И всё случайно. Вот только
трактовать это можно по-всякому.

– Это как же?

Не удержался я от вопроса, хотя сам понимал, куда он кло-
нит.

– Ну, скажем, ты случайно наткнулся на кого-то, кто к ро-
ду человеческому никакого отношения не имеет. Повторюсь,
совершенно случайно. Но как быть дальше? Жить ведь хо-
чется? Недаром же готов был отдать в лапы бандитов целую
пещеру с золотом, лишь бы не убили. Мы там столько на-
шли, хватило бы отстроить небольшой городок. Выходит, ра-
ди спасения жизни, ты на всё готов? Даже продаться силам
зла? Не так ли? Кто ещё был в этой пещере? Кроме тех, о ком
ты рассказывал ранее. Ты никого там больше не встретил?

Хитрый сукин сын. И ведь не проведёшь его. Он подо-
брался довольно близко. К этому вопросу я ещё был готов,
но знал, что последует далее. Пора было заканчивать второй
раунд и надеяться, что выдержу последствия, а они не заста-

вят себя ждать.

Изобразив человека, не лишённого проблем с забывчивостью, я упорно делал вид, что не совсем уверен. Наконец, заставив его гневно скрипеть зубами, я чуть ли не восторженно воскликнул:

– Белка, – была бы свободна хоть одна рука, я бы ещё по лбу себя стукнул, для наглядности. – Как же я мог забыть? Ну, точно, там же ещё белка была. Чип.

– Чип? То есть тварь, назвавшаяся Чипом, приняла обличие белки?

– Что? Да нет же. Обычная белка. Забавная такая. С пушистым хвостом и капризным характером. А Чипом это я её прозвал. Хотя всё думаю, а вдруг это самка была? Тогда нехорошо получается. Самка, и вдруг Чип?

– Какая, к чёрту, белка, – не выдержав, заорал Дитрих, вскакивая из-за стола. Уперевшись сжатыми кулаками в столешницу, он гневно сопел. – Ты за идиота меня держишь? Решил поиздеваться?

– Да чтоб тебе провалиться, – ничуть не хуже, чем Дитрих, в свою очередь взорвался я. – Чего ты добиваешься? Хочешь знать, не продал ли я душонку за тридцать сребреников? Так вот хрен тебе. Моя душа принадлежит только мне, а не каким-то там силам зла. Думаешь, я не понимаю, чем всё это закончится? Да этот жирный урод давно выдал с потрохами весь твой паршивый план. Хочешь узнать, как всё было? Расписать во всех деталях, а когда добьешься своего,

пустить меня в расход? Я ведь угроза всему вашему образу жизни? Так вот облезешь. Больше я не отвечу ни на один твой дурацкий вопрос. Можешь делать всё, что хочешь. Ну же, зови своего ручного садиста.

– Бубаааа....

Ох и видели бы вы его рожу. Помидор, и тот показался бы редкостным блондином, на фоне его побагровевшего лица. Ничего хорошего Жирдяю не светило. Разумеется, он мог тут же отдать меня на растерзание этому недочеловеку, но как же быть с вопросами, терзавшими его пытливый ум? Ведь он правильно всё сопоставил. Но начальство обязательно потребует полный отчет, и плевать они хотели на такую мелочь, как несговорчивый подозреваемый. Так же вели себя нацисты во время Второй мировой.

Жирдяй влетел в комнату, бледный, как мел. Я злорадствовал, видя, как он скулит и молит о пощаде. Но Дитриха это не остановило. Он лупил его как котенка, нагадившего прямо за обеденным столом, не переставая осыпать отборным матом. Даже у меня, всю жизнь прожившего в стране, где без мата не обходятся даже интеллигенты, от такого разнообразия уши чуть в трубочку не свернулись. Отдельно стоит отметить пожелания в адрес родителей, у которых хватило наглости подарить этому миру такого идиота. Это очень щадящий вариант, цитировать его слова я не стал бы, даже будь это дозволено.

Наконец, закончив пинать ногами сжавшего и жалко ску-

лящего болвана, Дитрих вновь обратил внимание на меня.

– Ты всё равно расскажешь мне всё. Даже если придется лично пытаться тебя.

– Ага, держи карман шире, – рассмеявшись ответил я. – Я всё равно покойник, так зачем облегчать тебе жизнь? Мои секреты уйдут вместе со мной. О, как много я мог бы тебе поведать. Только шиш тебе.

Нарочно намекнув, что тайн у меня полно, (рассчитывая на его способность видеть правду) я, тем самым, подарил себе такое необходимое время.

Дитрих в сердцах выругался, и снова пнул Жирдяя.

– А ну вставай, тварь. И чтоб к моему возвращению он сам умолял позволить ему всё рассказать. И упаси тебя Создатель, если он умрет раньше срока.

Сказал и вышел, не дожидаясь пока тот поднимется с пола. Едва за ним закрылась дверь, Жирдяй перестал корчить из себя умирающего и, резво подскочив, от души впечатал пудовый кулак мне в грудь. От резкой вспышки боли перехватило дыхание. Я разевал рот как рыбка, не рассчитавшая свои силы и выпрыгнувшая из аквариума. Со стороны это, должно быть, выглядело пугающе, даже Жирдяй чертыхнулся и остановил на полпути новый удар.

– Нет, – едко прошипел он. – Умереть я тебе не дам. А вот молить о смерти ты будешь, это я обещаю.

И, не дожидаясь пока я приду в себя после чудовищного удара, вновь активировал прибор. Мир просто утонул в че-

реде образов.

К тому времени, когда Дитрих вернулся полюбоваться прогрессом, я испытал море ощущений. Потоки кипящей лавы, внезапно обрушивающиеся мне на голову. Сотни стрел, пронзающих податливую плоть, а затем выдерживаемые обратно лучником с изуродованным лицом. Стаи насекомых, бесцеремонно пробирающихся в нос, рот и уши, жадно спешащих, а после копошащихся в кишках. В какой-то момент я с ужасом понял, что ещё немного, и разум откажет мне. Находясь там, во власти дьявольской машины, я искал хоть какой-то способ отвлечься.

Убедить мечущееся в панике сознание в том, что это лишь иллюзия, не было никакой возможности. Я попробовал несколько раз, (в те редкие мгновения передышки, пока Жирдяй примерялся, какую бы кнопку нажать) как-то подготовиться, убедить мозг, что сейчас последует очередной обман. Он не имеет ничего общего с реальностью. И всякий раз разум давал сбой. Иллюзия говоришь? Так вот стрела, вполне себе реальная, торчит из твоей груди. А боль, она тоже иллюзорна? Нет, она очень даже реальна. Где же тут обман? Это ты пытаешься меня обмануть, списать всё на глюки. Да только мне видней. Это ты там, в грязном подвале, а я здесь, и меня вот-вот разорвут на части лошади, к которым я привязан. Так что оставь свои сказочки при себе.

Что-то подобное происходило всякий раз, едва включался подлый прибор. Но хуже всего было уже потом, после

возвращения в реальность. Именно диссонанс между реальностью и грёзами грозил свести меня с ума. О смерти я ещё не молил лишь ввиду отсутствия такой возможности. Не успевали скачущие галопом мысли собраться в кучу, внося хоть какую-то ясность в происходящее, как Жирдяй вновь и вновь активировал устройство.

Клянусь, я бы в конечном итоге выжил из ума, если бы внезапно не вспомнил лицо Юлианны. Сожалея, что так и не имел возможности остаться с ней наедине, поведать о чувствах, обуревавших меня в тот миг, когда увидел её впервые, словно "спящую принцессу" одной известной сказки, перекроили что-то внутри меня. Я должен держаться. Должен ещё хоть раз заглянуть в её глаза, услышать её звонкий смех, коснуться её волос.

"Ну нет. Я не сойду с ума. Я просто не имею права превратиться в пускающего слюни идиота. Я справлюсь, чего бы это ни стоило. Ещё немного, совсем чуть-чуть. Скоро придет Дитрих. Обязан прийти".

Именно эти мысли и образ улыбающейся принцессы, протягивающей мне платок, не дали угаснуть остаткам разума. А вскоре вернулся и сам виновник "торжества".

– Ну что, готов продолжить беседу?

Я с трудом разлепил веки. Его лицо упорно не желало оставаться в фокусе, всё время норовя ускользнуть, смазаться. Несколько секунд я упорно старался поймать его взглядом, но ничего не выходило.

– Согласно первому закону термодинамики, работа может совершаться только за счет тепла, или другого вида энергии. Но Анна Коренина всё равно погибает в конце истории. И о чём, по-вашему думал Чапаев, когда Менделееву приснилась его таблица? Ни за что не поверю, что Эйнштейн не учел всё это, когда солил свою яичницу. А ведь ему говорили – "не лезь поперек батьки в пекло", так нет же...

Дитрих заревел как паровой котел и вновь набросился на Жирдяя.

– Ты что наделал, идиот? – пиная его со всей силы, кричал он. – На, тварь. Получай, садист хренов. Ты же ему все мозги спалил.

Под конец он даже сорвался на фальцет. Меня изрядно позабавила такая картина. Но нельзя было переиграть. Выживший из ума я ему точно не нужен. Что за этим последует – и гадать не стоит. От ненужного хлама обычно избавляются. Вдоволь потешившись над беспомощностью одного и унижением второго, я решил вернуть статус-кво.

– Дитрих? – словно только сейчас увидев его, прошептал я. – Что происходит. Я ещё жив?

Он застыл, не веря своему счастью. Даже Жирдяй посмотрел на меня с надеждой. Не только надо мной повисла угроза смерти.

– Ты в порядке? Можешь ответить, где находишься?

– Я? Что?

Я изобразил упорную работу мозга, пытающегося понять,

что происходит. Но затягивать с этим не стоило.

– Ах ты ж тварь, – заорал я в бешенстве, прилагая все усилия, лишь бы только вырваться и добраться до его горла. Хотя тут я вовсе даже не играл, желание было реальным и вполне обоснованным. – Ублюдок, да чтоб тебе сдохнуть самой страшной смертью. Я думал, у меня мозги закипят. Ну, погоди, дай только выбраться. Ты на себе испытываешь эту долбаную хреновину.

Дитрих спокойно выслушал всё и вздохнул, не скрывая облегчения.

– Фух, пронесло. Я уж думал, он тебе мозги поджарил. А ты, – ещё раз пнув виновника, который тоже несказанно обрадовался моему внезапному исцелению, прошипел Дитрих. – Ну-ка повтори, что говорилось в инструкции о продолжительной работе устройства? Живо.

– Я не знаю, – пуская сопли, заскулил он жалобно. – Я запомнил только куда иглы втыкать. Там дальше скучно рассказывают.

– Скучно? – чуть не задохнулся от возмущения Дитрих. – Скучно говоришь? Я не за этим столько сил потратил, обучая тебя чтению. Там ведь ясно сказано: При длительной работе устройства, наблюдается помутнение рассудка, вплоть до полной невменяемости. ПОЛНОЙ НЕВМЕНЯЕМОСТИ! Знаешь, что это значит? Хотя, мне плевать, знаешь ты или нет. Пошёл вон, и только попробуй вылезти из своей норы.

– А как же завтрак? Я здесь всю ночь...

– ДА МНЕ ПЛЕВАТЬ!!!

Меткий удар – и голова Жирдяя чуть не слетела с плеч. Обувь у Дитриха оказалась добротная, что гарантировало, как минимум, головную боль, а может и полноценное сотрясение со всеми вытекающими.

Решив больше не испытывать судьбу, Жирдяй на четвереньках пополз к выходу, бестолково болтая головой, чем-то и правда напоминая побитую собаку. И поделом ему.

– Что же до тебя, – схватив меня за челюсть и сверкая глазами, Дитрих совсем забылся и допустил огромную ошибку. – Не думай, что всё кончено. Пока отдыхай, тебе надо восстановится. А после... ах ты ж...

"Да братец, не стоило подходить так близко".

Я уже мог претендовать на звание чемпиона мира по количеству удачных плевков. И хотя метил я всё же в глаз, вышло всё куда лучше. Рука, сжимавшая нижнюю челюсть, не позволила, как следует плюнуть. Если бы он не приблизился вплотную, в результате чего плевков плавно перекочевал в рот к новому владельцу, я бы просто испачкал себе грудь.

Дитрих оказался более устойчив к подобным выходкам. Сплюнув мне под ноги, он даже сохранил холодное выражение лица.

– Можешь забыть о еде. Пока не извинишься. А ты ведь не станешь, я прав? Это оставляет всё меньше времени для наших бесед. Это досадно, но отпускать тебя я всё равно не собирался. Ты лишь сократил остаток своей жизни. Но я всё

же надеюсь, что ты прислушаешься к доводам разума, – и добавил, печально улыбнувшись, – ну или желудка.

"Идиот". С какой-то мстительностью подумал я в тот момент. И ведь знал, что Дитрих такой наглости не стерпит. Знал. А вот устоять всё равно не смог, слишком уж велик был соблазн. Ну как не воспользоваться таким удачным моментом? А что в итоге? Пытался выиграть хотя бы одну лишнюю минуту и сам же похерил все старания. Сколько человек может продержаться на одной только воде? Кажется, в Англии, лет пятьдесят назад, один полоумный решил провести подобный эксперимент. Он умер на семьдесят шестой день.

Хотел бы я понять, что им двигало? Не было в то время такого понятия, как блогер, и быть не могло. Выходит, вовсе не появление интернета и телевидения заставляет людей поступать необдуманно и откровенно глупо? Всемирная сеть лишь дает возможность наблюдать за ними, что ещё глупее. Природа человеческой глупости уходит своими корнями ещё в те далекие времена, когда Колумб открыл Америку и привез оттуда злосчастный табак? Или ещё дальше, в тот день, когда пала Троя, посчитав за подарок Богов деревянного коня высотой с небольшой дом? Ну разве не глупо?

Но я снова отвлёкся. Проясню лишь один момент. Не стоит свято верить во всё, что видите, слышите или читаете. Всё необходимо подвергать сомнению, в том числе и собственные суждения. Вдруг они ошибочны?

Что же касается интересующей темы, то средний показа-

тель жизни человека, лишённого пищи, сводится к трём – четырём неделям. Точной цифры не существует. Даже эти показатели зависят от множества факторов: таких, как состояние здоровья, среда обитания, стрессоустойчивость. Не у всех железные нервы. Кто-то способен истощить ресурс организма в разы быстрее, одними лишь переживаниями. Что уж говорить о моём положении? Чего только стоят предстоящие истязания. И ведь прав был Дитрих. Не стану я просить у него прощения. Пусть я и пережил уже достаточно унижений – это будет последней каплей. Как потом прикажете (если это "потом" наступит) жить? Всю оставшуюся жизнь испытывать ненависть к самому себе за проявленную слабость? Ведь Ричард никогда бы до такого не опустился, а именно он стал для меня примером во всем. Он, и его последняя просьба "жить по совести". Я не мог пойти против его воли, а, значит, мне осталось жить в лучшем случае неделю-полторы. Да и это при самом удачном стечении обстоятельств.

Последняя надежда, что его слова о помощи, которая уже в пути, не были просто игрой опьянённого наркотиком разума, медленно, но верно угасала. А в том, что сон был предупреждением, я убедился уже на следующее утро. Решив не терзать себя пустыми размышлениями и экономить силы, я вскоре уснул, ведя отсчёт от тысячи к нулю.

И, словно и этого было мало, мне снились люди, увиденные когда-то давно на черно-белых фото. Все они были жертвами блокады Ленинграда. Страшно, просто чудовищно ис-

худавшие, они напоминали скелет, который по какой-то злой насмешке судьбы, все ещё оставался жив. Сытый не поймет муки голода. Так вроде говорят? Можно хоть вечность гадать, каково это?

Часто ли кто-то из вас не ел хотя бы сутки к ряду? А двое? Трое суток? Что должен ощущать человек на десятый день? И пусть самая ужасная война за всю историю человечества давно окончена, разве это что-то меняет? Ведь и по сей день есть места, где дети умирают от голода, а весь мир трубит о благах цивилизации. Кошмарная ирония, но, увы...

Всю ночь меня преследовали живые скелеты, протягивающие ко мне руки, в надежде получить хотя бы крохи пищи. Но я не мог им помочь. Я всё так же висел, прикованный к стене и молил у них прощения. В какой-то момент мне стало страшно. Они, вскоре, заполнили почти всю комнату и не было способа избежать их голодных взглядов. Их глаза жадно поблескивали в свете единственной горящей свечи, оставленной Дитрихом догорать на столе. Страх медленно пробирался всё глубже, заставляя умолять их уйти, оставить меня в покое. Что я им сделал? Ведь это не я заставил их пройти через весь тот ад? Зачем же они пришли именно ко мне?

– Нет. Прочь. Убирайтесь вон. Вы все давно мертвы.

Я кричал, захлебываясь собственными слезами. Голос походил на жалкий скулёж, выставляя напоказ все те чувства, что я испытывал. Тот переломный момент, когда всё изменилось, я вспоминаю с содроганием, и пишу лишь при свете

дня, страшась грядущей ночи.

Они просто застыли. Десятки пар глаз, взирающие на меня безжизненным взглядом. Будто остатки жизни разом покинули их, заставив замереть в тех позах, в каких смерть всё-таки настигла бедняг. Протянутые ко мне руки, едва не касавшиеся лица, полуоткрытые рты, до этого жалобно просящие есть. Зрелище, само по себе способное напугать даже самого искушённого зрителя, воочию предстало предо мной. Меня била крупная дрожь, и, даже зажмурившись, я видел их всех сквозь веки, ставшие внезапно прозрачными. Но дальше я уже не просто испугался, я подвывал от ужаса. Позади застывших покойников кто-то был. Кто-то живой, хрипло сопящий. Я слышал, как скрипят его суставы, лопается обтягивающая их кожа. И этот некто двигался в мою сторону, втискиваясь между застывшими трупами.

– Нет. Пожалуйста, не надо. Прощу, только не подходи. НЕЕЕТ.

Тщетно. Он уже совсем рядом. Я слышу, как противно шуршит его кожа, трущаяся о кожу застывших каменным изваянием бедолаг. Мой крик перерос в писк, когда вперёд высунулась бледная и ужасно холодная рука, схватившая меня за горло и сдавившая его так, что даже хрип не мог пробиться наружу. Паника, отчаянье, ужас. Это оказалось лишь началом. Вскоре, вслед за рукой, появилась голова, с грязными, спутанными волосами. Точно покойник, выбравшийся из могилы самостоятельно, пробиваясь сквозь толщу земли.

Когда же он поднял лицо, я с ужасом узнал в нём Юлианну. Она выглядела так же, как в нашу первую встречу. Но если тогда она мирно спала, и вызывала только сочувствие, то сейчас её глаза были открыты и зияли пустыми провалами.

– Пора просыпаться, – почему-то голосом Жирдяя произнесла она и залепила мне пощечину. – Вставай, подлый обманщик.

Я хотел спросить, зачем она так поступает? Куда делись её глаза? Откуда взялись все эти люди? И почему, в конце концов, я вдруг стал обманщиком?

Новая пощечина – и вот я с воплем открываю глаза и вижу перед собой ухмыляющуюся морду Жирдяя. Сердце колотится в бешеном ритме, грозя вот-вот выпорхнуть из груди. Тело всё ещё сотрясает дрожь, а по щекам текут слезы. Но осознание происходящего всё не приходит.

– Что, кошмары мучают? Это хорошо, очень хорошо.

Кошмары? Так это был всего лишь сон? Очередной подарок от воспалённого после пережитых зверств сознания? И ведь как не кстати. Какие, к чертям, полторы недели? Да так можно и помереть во сне. Ведь до чего же правдоподобно. Даже долбанное устройство на фоне приснившегося кошмара – просто игрушка для запугивания непослушных детей.

– Я долго размышлял, – прозвучал за спиной Жирдяя голос Дитриха, после чего тот отошел в сторону, давая мне возможность как следует рассмотреть и обладателя голоса, и огромный молоток, лежащий на столе. – Как мне с тобой

поступить? Дать умереть от голода, что ты, несомненно, и собираешься сделать. Или же продолжить включать устройство. И тут меня осенило. Ты каким-то образом нашел способ его обмануть? В записях говорится, что испытуемые не выдерживали и нескольких часов. Ты же в порядке после целой ночи. Ну не совсем в порядке, видок у тебя ещё тот, и всё же. Так как ты смог обхитрить его создателя?

Я молча смотрел Дитриху в глаза, все ещё не придя в себя после ночи. Он же расценил моё молчание как упрямство и огорчённо покачал головой.

– Так я и думал. Ну что ж, ты не оставил мне выбора. Приступай. Я подожду тебя наверху. И не забудь, что я сказал. Повтори?

– Голову не трогать, к прибору не прикасаться, – монотонно стал перечислять Жирдяй. – Не допустить его смерти, но и особо не церемониться. В противном случае вы придумаете, как растянуть мою казнь на целый месяц.

– Верно. Нарушишь хоть пункт, пеняй на себя. Да, и ещё, – уже у выхода вдруг вспомнил Дитрих, – Если он захочет поговорить, сразу бросай всё и зови меня. Понятно?

– Куда уж понятней. Сразу же звать вас. Ага, ясно.

Бросив на меня последний взгляд, но так и не обнаружив признаков паники, Дитрих ушел, плотно притворив дверь. Только тогда я позволил себе в ужасе посмотреть на молоток, так и оставшийся лежать на столе. Жирдяй проследил за моим взглядом и оскалился в предвкушении близкой рас-

платы.

– Можешь плевать, сколько хочешь, – вплотную приблизив свою мерзкую харю, так что я уловил запах гнилых зубов, произнес он. – Ну, чего же ты ждешь? Ты же только и горазд слюни пускать? Чего застыл?

– Ещё не решил, в какой глаз плюнуть на этот раз. А может вообще, в твой гнилой рот? Пожалуй, всё же в рот.

Плевать я больше не собирался, он ведь только этого и ждал. Но слова мои ему не понравились, даже ухмылка исчезла.

– Все вы только и можете, что словами обидными бросаться. А как доходит до дела, начинаете скулить, молить пощадить. Прошу, не надо, – продолжил он, изменив голос и подражая кому-то из своих жертв. – Лучше просто убей. Я же всё рассказал. Умоляю.

Не переставая канючить, он подошёл к столу и, взяв молоток, принялся поглаживать его.

– Я их всё же убиваю. Но ведь быстро – не значит интересно? А тебя я и убить-то не могу. Сам слышал, что сказал Дитрих. Ну, так он ещё сказал не церемониться. А вот это уже интересно.

И тут он направился ко мне, вертя молоток в руке и навистывая уже слышанную мной мелодию. Именно в тот момент я вспомнил сон с участием Ричарда. Даже не сам сон – один лишь момент. Я смотрю на свои кисти, раздробленные, с тягучими каплями крови. Слишком ярким оказалось вос-

поминание. Настолько, что я всё же спасовал и вздрогнул, поняв, что произойдет дальше. Жирдяй, хоть и был безмерно туп, всё же правильно расценил мой жест и даже замер на месте. А через мгновение взорвался в приступе истерического смеха.

– Я ещё даже не начал, а на тебя уже смотреть жалко. И куда только подевалась вся храбрость? Может, ты ещё попросишь позвать Дитриха? Снова решил меня обмануть?

Последняя мысль заставила его ускориться. Не став дожидаться ответа, он резво подскочил и, замахнувшись, опустил молот на указательный палец правой руки. Весь мир исчез, погас во вспышке боли, раскаленной иглой вонзившейся в мозг. Боже, как же я тогда кричал. А ведь это был только первый, но далеко не последний палец.

Он нарочно не давал мне передышки, я ведь мог испортить ему всё "веселье" и позвать Дитриха. Остановился он лишь на миг, когда пальцы на правой руке закончились. Подумав немного, он стал с остервенением колотить по и так уже изуродованной руке, словно решил, во что бы то ни стало, окончательно уничтожить её. Вскоре он добился своего. Я больше не верил, что смогу хоть что-то сделать правой кистью. Самой кисти, разумеется, не было видно, но на что там смотреть? Я гвозди никогда не заколачивал с той силой, с которой он лупил по несчастной кисти. И ведь не было возможности даже от стены её оторвать. А ведь была ещё вторая рука. И он уже примерялся, как бы половчей разделаться и с

ней, когда дверь распахнулась и я услышал "достаточно" от появившегося Дитриха.

Сознание, получившее короткую передышку, решило использовать эту лазейку и покинуть меня. Новый удар в и так уже искалеченную руку вернул меня в чувство.

В такт биению сердца перед глазами пульсировали кровавые всполохи. Лишь запредельные усилия не позволяли отключиться. Я просто не хотел заработать очередной удар, вот и цеплялся за реальность. Во рту появился металлический привкус, должно быть, я прикусил язык, не позволяя сознанию угаснуть.

– Скажи спасибо Вилиссе. – снова раздался голос Дитриха, хотя самого его я не видел. Я вообще ничего не видел, лишь всполохи и мутные силуэты заклятых врагов. – Твоя выходка не прошла даром. Она забилась под кровать и не хочет вылезать. Ты что, не мог заткнуть ему рот? Хотя, это моя вина.

Жирдяй лепетал что-то в свое оправдание, дескать, раньше этого не требовалось. Да и подумаешь, поорал немного пленник, так ведь всё строго следуя указаниям. Ведь велено же было особо не церемониться. Дитрих выругался сквозь зубы и приказал ему захлопнуть пасть.

– Вот как мы поступим, – вновь заговорил он, обращаясь ко мне. – Сейчас он воткнёт тебе кляп, и продолжит уродовать оставшиеся части тела. В таком случае ты не сможешь его прервать, даже если очень этого пожелаешь. Я же отправ-

люсь успокаивать бедную девочку и вернусь только утром. К тому времени от тебя мало что останется. Повезёт, если вообще жив будешь. Или, – он сделал паузу, давая мне время осмыслить его слова. – Или же ты прямо сейчас даёшь мне слово продолжить нашу милую беседу. Обещаю, пытки на этом прекратятся.

Жирдяй гневно засопел, почуяв ускользящую из лап добычу.

– Более того, я пришлю лекаря. Спасти руку не обещаю, да и к чему она покойнику? Сам ведь всё понимаешь. Зато он даст тебе некоторые снадобья из своего запаса. Это снимет боль и поможет тебе уснуть. А утром, сразу после завтрака, мы продолжим разговор. В конце тебя ждёт быстрая и безболезненная смерть. Ну, что ты решил?

– Катись в безду...

Даже такую элементарную фразу я произнес с третьей попытки. А ведь изначально хотел разбавить ответ проклятьями в его адрес, касающимися его сексуальной принадлежности, и тем фактом, что тут явно не обошлось без участия Жирдяя. Да вот только сил на это не нашлось, вот и пришлось ограничиться такой банальностью.

– Да ты, никак, решил поиграть в героя? Тянешь время? Надеешься, что кто-то придет тебя спасти? Зря стараешься. Тебя, разумеется, ищут. Весь город на уши подняли. Да толку-то? Кроме меня, об этом месте знает лишь один человек. А он сейчас...

– Ждёт немедленных объяснений. Что это ты здесь устроил?

Третий голос, так неожиданно ворвавшийся в комнату, был мне совершенно незнаком. Я даже не успел удивиться, когда всё же проиграл борьбу с собственным организмом и отключился.

Густав!

В себя я пришёл, со слов Вильяма, две недели спустя. Всё это время меня поили каким-то отваром, не позволяя просыпаться. Леорик пообещал казнить всех «шарлатанов – дармоедов», если они не восстановят мне утраченную кисть. А сделать оказалось не так-то просто.

Первая попытка с треском провалилась, и виной всему, как бы удивительно это не прозвучало, послужил не раз спасавший меня меч. Его целебные свойства поставили в тупик лекаря, вызвавшего меня лечить. Рука заживала на глазах, но в этом и крылась вся загвоздка. Меч, каким-то образом, стократно ускорял процесс регенерации тканей, но оказался беспомощен против раздробленных костей. Хвала Всевышнему, парень оказался вовсе не дурак. Здравомысленно рассудив, что пальцы, скрюченные самым немыслимым образом, не смогут работать нормально после процесса заживления, он тут же забил тревогу и приказал отложить меч в сторонку, пока не найдет решение проблемы.

На это ушли почти сутки жарких споров с коллегами, но, в конечном итоге, он смог убедить остальных, что кисть придётся заново ломать и ставить все кости по местам. Леорик поклялся привязать его к коню и таскать по полям пока не падёт скакун, если что-то пойдёт не так. Парень не струсил и принялся за дело. С помощью всё тех же коллег, он больше

недели день и ночь, корпел над моим бесчувственным телом. Всё это время я плавал в омуте беспамятства, вызванного искусственно.

К концу упомянутого срока, едва не теряя сознание от усталости, они всё же добились намеченной цели. Тогда же мне вернули меч и, удостоверившись что всё идет, как и задумано, отправились отдыхать. Я так и не смог поблагодарить лекаря за проявленную инициативу. Едва подтвердилось, что с рукой всё будет в порядке, парень спешно покинул город, не желая соблазнять людей полученным от короля вознаграждением. А там было, на что покуситься. Правда, золото было не из казны. Я всё-таки заслужил благодарность, но ведь всему есть предел. Хватило и того, что меня почти неделю безуспешно искали по всему городу. Да и то, лишь благодаря Юлианне, не поверившей, что я оказался настолько пьян, да ещё и в компании двух сомнительных персон.

Она настояла, что у меня просто не было времени так напиться. После слов Владлена, поведывавшего всем о том, что я, скорее всего, воспользовался его советом (благо хоть о принцессе он разумно не упоминал) и неплохо провел время, её доводы казались нелепыми. Однако, она всё же настояла на поисках, хотя бы ради успокоения совести. Не выдержав её напора, король всё же сдался, но попытка не дала никакого результата. Ни меня, ни тех двух особ, так и не удалось обнаружить. Тогда-то аргументы Юлианны оказались подкреплены фактами. Ну не могли же три человека бесследно ис-

чезнуть?

Дальше даже Владлен не смог отрицать очевидного и выделил в помощь городской страже две сотни человек и одного следопыта. Им оказался тот самый "лесной житель", прикончивший тварь метким выстрелом из баллистры. Только вот старались они напрасно. Убежище Дитриха не вызывало ни у кого подозрения. Обычный особняк, принадлежавший какой-то знатной семье. Тогда ещё никто не знал, что жильцов давно нет в живых. От жившей там семьи осталась только Вилисса, их единственная дочь. Ну не соваться же к уважаемым людям с требованиями пустить их в подвал?

О том, что уже несколько лет родителей Вилиссы изображают люди Дитриха, знал только один человек. Им оказался Настоятель Ордена Ищущих. Что именно они ищут, я не так и не смог узнать. Настоятель Олав покинул город в тот же день. В горах уже выпал снег и со дня на день он обещал завалить единственный перевал, что сделает его непроходимым до прихода весны.

Оказалось, Дитрих послал почтового голубя сразу после "битвы во имя двух королей", как окрестили её сразу же после моего тоста. Олав не стал дожидаться подробностей, и решил сам взглянуть на появившегося из небытия мага. Не прими он поспешного решения, я бы так и сгинул, не оставив и следа.

Что же касается Жирдяя...

Олав, как объяснил мне Вильям, мог читать ауру людей.

Едва взглянув на этого извращенца, он приказал Вильяму (который оказался вместе с ним в том подвале) казнить его на месте. Вмешался Дитрих. Он убедил Вильяма, что эта тварь просто не заслужила легкой смерти. Почитав записи, любезно предоставленные самим Дитрихом, он признал его правоту. Жирдяй умер на колу, немного не дождавшись своего пробуждения. Я бы с радостью ещё раз плюнул ему в рожу, но тогда и сам ничем не отличался бы от него. Главное, своё он получил, остальное я просто выбросил из головы.

– Где Дитрих?

Спросил я у Вильяма, едва открыв глаза. Поначалу я даже не понял, где нахожусь, и реально ли происходящее? Но, обнаружив дремавшего в кресле Вильяма и меч, мирно покоившийся в заживающей руке, сделал соответствующие выводы.

– Очнулся, – совсем не приветливо откликнулся он. – Отец Дитрих-то. Уехал вместе с Настоятелем Олавом. Его помощь потребовалась Ордену.

– Помощь? Да он же самый настоящий...

– Кто? – не скрывая злости, выпалил, прервав меня Вильям. – Ну же, продолжай? Урод? Садист? Душегуб? Ты ведь это хотел сказать?

Я даже опешил, не совсем понимая, что происходит. Почему Вильям ведёт себя так, словно я пытался опорочить святого человека. Именно это я и спросил. Он устало провел ладонью по лицу и ответил уже спокойней.

– Я был в том подвале, – вымученно улыбнувшись, поведал он. – Дитрих оказался прав. Олав это подтвердил. По его словам, на тебе "печать зла". Пусть душу ты и не продал, но замарать её не побоялся. Думаешь, почему я торчу здесь, вместо того, чтобы спать в своей кровати? Я жду объяснений. О том, что произошло в подвале, знают только трое. Четвертый уже кормит червей. Скажи ещё спасибо, что Настоятель не дал мне убить тебя на месте. Печать почти исчезла. Такое возможно, только если умерла тварь, поставившая её. Выкладывай!

Последнее слово он произнес с нажимом. Хотя я вовсе не собирался отмалчиваться. Мне с лихвой хватило пережитого, чтобы вновь пойти этим путём. Да и пора было с кем-то поделиться, и, раз уж так сложилось, пусть это будет Вильям. К тому же, он не плохой человек. А ведь мне ещё предстояло выполнить кучу обещаний. Найти наставника, выучиться приемам самообороны, убить... хотя тут я безнадежно опоздал.

И не забывайте, что я ещё задолжал кое-кому. Ведь кроме как удачей, моё спасение не назовёшь. И во всем этом мне мог помочь человек, сидящий напротив и ожидающий моего рассказа.

Я поведал ему абсолютно всё, не скупясь на детали. И о своём родном мире, и о том, как именно попал в пещеру, о сделке с Калхеном. Мой рассказ занял почти полдня.

– Да уж, – заметно успокоившись хмыкнул он, когда я, на-

конец, закончил и устало прикрыл глаза. – Хотел бы я знать, что за сила забросила тебя к нам. С одной стороны, ты вроде как случайно обрел способности, считавшиеся безвозвратно утерянными для всего человечества. Да взбреди тебе в голову – можешь весь город спалить к такой-то матери...

– Да я ни за что...

– Верю, – рассмеялся Вильям. Но затем наигранно нахмурил брови. – Разве я хоть раз перебил тебя? Будь добр выслушать мнение старого вояки. Так вот – это лишь одна сторона монеты. Ведь, благодаря той же случайности, ты вернул артефакт, также считавшийся утерянным. Я бы, на твоём месте, не стал так уж корить себя за смерть Ричарда. Из того что я услышал, выходит, что он и так был уже не жилец. Ну не потащил бы его в пещеру, и что с того? Сгинул бы где-нибудь в канаве? А так он остался верен своим принципам. Как жил достойно, так и умер достойно. Да ещё и спас кучу народа, ты так не считаешь? Не сам, разумеется, но с твоей помощью. Жаль только, никто кроме нас об этом не узнает. Ещё, конечно, Настоятель Олав. Он будет здесь, едва сойдет снег. Рассказывать Дитриху или нет, решишь сам. Раньше я тоже недолюбливал его, но записи... Тебе обязательно надо на них взглянуть. Сто восемь имён, включая тебя, и он ни разу не ошибся. Девять покушений на короля, три уничтоженных в зародыше бунта... Да чтоб мне провалиться, если я не поблагодарю его при встрече.

– А остальные имена? – предпринял я отчаянную попытку

не согласиться с ним. Хотя его слова относительно Ричарда принесли умиротворение и долгожданное облегчение. Трудней простить себя, чем кого-то постороннего. Вильям помог мне избавиться от груза вины. Но Дитриха я простить не мог, как не старался. – В чем провинились они?

– Сплошь ублюдки. Убийцы, насильники, любители поиграть с детьми во взрослые игры. Да он сделал для города больше, чем я, когда-либо смогу. Хотел бы я иметь его дар.

– Поверь, ты бы этого не хотел.

Вильям ненадолго задумался, а затем кивнул, соглашаясь.

– Пожалуй, ты прав. Страшно это, должно быть. Его ведь все ненавидят как раз за его способности, а он вынужден терпеть такое отношение, продолжая помогать им. Чем-то он напоминает мне Ричарда. Нет, того-то как раз все уважали, но сходство всё же есть.

– Да уж, – улыбнулся я в ответ. – Неожиданный поворот.

– А жизнь вообще полна сюрпризов, – воскликнул Вильям, воздев руки к небу. – Тебе просто повезло больше остальных.

Мы долго смеялись над моим "везением", а после Вильям ушёл, сказав, что и так проторчал здесь две недели и мечтает смыть с себя всю грязь и пот. Я поблагодарил его напоследок, от чего он просто отмахнулся и, оставив меня выздоравливать, отправился отдыхать. Я же какое-то время полежал, бестолково улыбаясь своим ощущениям, и вскоре вновь уснул. Впервые в этом странном мире, я засыпал, не сожалея

ни о чем и мечтая поскорее увидеть Юлианну. Раз уж решил снять груз с души, то надо идти до конца. И пусть мои чувства к ней не были тяжким бременем, но и отмалчиваться я больше не собирался. Будь что будет!

Проснулся я от сладкого аромата свежеиспеченного хлеба и куриного супа. Желудок требовательно заурчал, и лишь усилием воли удалось его уговорить. Не зверь же я, чтобы вскакивать с постели и набрасываться на еду?

Открыв глаза, я обнаружил у изголовья кровати тумбу, на которой стояла миска бульона и лежал ломоть горячего хлеба. Так и не найдя, кого поблагодарить за такую заботу, я пошевелил пальцами правой руки. Шрамы выглядели просто чудовищно, но этим всё и ограничивалось. Как в старом анекдоте, про слесаря со сломанными пальцами и игру на пианино. Он снова мог играть, хотя это и странно. Раньше ведь не мог!

Посмеявшись над такой подходящей шуткой я не спеша приступил к еде. Как никак две недели провёл без сознания. Должно быть, меня поили всё тем же бульоном. Но кто его знает, вдруг и нет? Нельзя набрасываться на пищу после продолжительной голодовки. Или я это уже говорил?

– Проснулся? – вихрем влетел в комнату Вильям. – Ты с едой полегче. Две недели на одной воде да сонном отваре.

– Не учи учёного. Лучше объясни, почему даже не пробовали кормить? Только не говори, что врач запретил.

– Врач, – нахмурился Вильям. – Если ты имел в виду ле-

каря, то да, именно он. Я не понял и половины, но что-то там про несовместимость любой пищи и сонного отвара. Хотя знаешь, давай по порядку...

Пока я ел, он поведал мне описанные выше события. Я лишь кивал и продолжал трапезу. Новость, что именно Юлианна настояла на моих поисках, согрела похлеще горячего супа. Именно в тот момент я признался в своих намереньях относительно принцессы и тут же об этом пожалел. Вильям ржал как конь, заставив меня позеленеть от злости.

– Чего ты ржешь? Я ему о высоком, а ему бы только поиздеваться.

– Ой, не могу, – схватившись за живот, он продолжал смеяться. – Ну и насмешил. Ты и правда такой кретин? А ведь с виду не скажешь.

– Да, она принцесса, ну и что с того? Я ведь не собираюсь просить у короля её руки. Не такой уж я кретин.

– Правда не понимаешь? – совсем искренне удивился он – Эх, как доходит до баб, все мужики кретины. Скажи, у тебя раньше-то женщины были?

– Во-первых, это не твоё дело. А, во-вторых, – были, и не одна.

– Ясно. А принцесса тебе на кой? Пополнить список достижений?

– Да что ты несёшь? Я, по-твоему, Дон Жуан какой-то? Ну, то есть, бабник?

– Да нет. Самый обычный кретин. Всё. Всё, успокойся, а

то лопнешь от злости. Так вот, юный ты гений, дам тебе один совет. Если хочешь заслужить любовь настоящей принцессы, держи свой рот на замке. Думаешь, её тронут твои откровения? Да любая баба за километр чувствует обращенные на неё взгляды. Или считаешь, они настолько глупы, что им надо всё разжевывать? Держи карман шире. Оставь это сопливым бардам, распеваящие такие же сопливые песни под окном очередной возлюбленной. Всё, чего они добьются, это мимолетного влечения, легкой интрижки. Ну, переспят пару раз, в лучшем случае, а дальше разбегутся, и конец истории. Любая женщина мечтает видеть подле себя сильного человека, не разменивающегося на мелочные признания в любви и бла-бла-бла... Самому не смешно?

Смешно мне как раз не было. И ведь я знал всё это и сам. Отчего же вдруг растерял последние мозги? Чуть не повел себя как сопливый мальчишка.

– Да расслабься ты. Это даже хорошо, что ты рассказал мне первому. Не успел наломать дров и упасть в её глазах. Или считаешь, она хлопотала о тебе из чувства благодарности за своё спасение? Не будь болваном. Однако, теперь можно сказать с уверенностью, что твои чувства искренние и идут от самого сердца. Это подростки испытывают мнимую влюбленность к каждой встречной. В нашем возрасте такое случается редко. Цени это чувство. Да, не стоит так же забывать, что она, всё-таки, голубых кровей. Удивить её будет очень непросто, уж поверь мне. А о титуле даже не думай. И

мои прежние слова забудь. Я думал, ты очередной бабник, а оно вон оно как. Любовь-морковь, и всё такое.

– А почему, – придя в себя, начал я, уже зная ответ. – Почему я не должен думать о титуле? Кто я, и кто она? Сам же сказал, голубых кровей.

– Да потому что кровь у неё такого же цвета, как и у тебя.

– Буду иметь в виду. Кстати, кто оплатил моё лечение? Надеюсь...

– Расслабься. Ты сам же его и оплатил. Забыл, что показал Дитриху пещеру? Он был настолько щедр, поняв, что чуть было не допустил ошибку. Кстати, тебе ещё кое-что причитается. Не прям чтоб уж много, но на пару лет безбедной жизни хватит.

– А можно тебя кое о чём попросить? Мне нужен наставник. Меч у меня есть, а вот обращаться с ним я толком не умею. Да я и без меча мало чего стою.

– Ну, ты это, не принимай мои слова за чистую монету, лады? Махать мечом любой дурак сможет. Только женщинам....

– Да что ты заладил? Я что, по-твоему, в самом деле похож на кретина? Дело вовсе не в твоих словах. Просто, когда я был там, в подвале, наедине с этим ублюдком...

– Ах, вот в чём дело. Ну, прости, погорячился. Хочешь быть способен дать достойный отпор мерзавцам, вроде нашего покойничка? Этого я тебе обещать не могу, всё зависит от твоего упорства. А вот с учителем помогу, нет проблем.

Только ты не подумал, что в начале неплохо бы подобрать себе жильё? Или ты решил поселиться у меня навечно? Нет, я, конечно, не возражаю. Два парня живут под одной крышей, ну что тут необычного? Подумаешь...

– Завязывай. Друг.

Вильям рассмеялся во весь голос.

– Ну, тогда собирайся. Друг. Нас ждёт насыщенный денек.

Вот так, вроде бы в шутку, но мы стали самыми настоящими друзьями, чему я был несказанно рад. Всё-таки непросто понимать, что ты один в огромном, неизвестном и пугающем (или завораживающем?) мире. Но отныне я не был одинок.

Денёк, и правда, выдался насыщенный. Вильям посоветовал мне одеться потеплее, подобрав одежду из его гардероба. Клепаная из кожи и утепленная лисьим мехом куртка идеально сидела на мне. Плюс высокие сапоги и шерстяные штаны. Меховая шапка дополнила образ.

Выйдя на улицу, я понял, что ощущал Монте-Кристо, наконец, выбравшись на свободу. Мир вдруг показался настолько живым, чарующим. Всё вокруг предстало в новом свете. Боже, как же глуп я был, не замечая всех этих мелочей, что делают жизнь поистине прекрасной, насыщенной. Запахи кружили голову, а морозный воздух, предвестник наступающей зимы, пьянил.

Я замер на пороге дома Вильяма, вдыхая этот сладостный аромат свободы и жизни. Хотелось сорваться с места и обнять каждого встречного. Улыбка не сходила с моего лица.

– Да, неплохо они тебя обработали. У тебя сейчас лицо треснет.

– Мир так прекрасен. Почему я раньше этого не замечал?

– Ай, – отмахнулся Вильям. – Это скоро пройдет. Такое бывает после битвы, если конечно тебе посчастливилось выжить. Жизнь прекрасна, мир вдруг обретает яркие краски. Выкинь всё это из головы и просто наслаждайся моментом. Пошли, нам надо в банк.

– В банк?

– Именно. Твоя доля сейчас на счету Ордена. Что-то около двухсот монет. Ах да, забыл спросить, ты в местных ценах разобрался?

– Нет, – честно признался я. – Не хотелось бы остаться у разбитого корыта. Поможешь?

– Разумеется. А корыто тебе зачем?

– Просто к слову. Ну, пошли?

Вильям кивнул, и мы направились в банк. По дороге он стал объяснять мне особенности местного рынка. Буханка хлеба, к примеру, стоила два медяка. А чтобы прилично одеться, придётся раскошелиться и потратить около трёх золотых. Ну, и главное: одна золотая монета равнялась десяти серебряным, и так далее...

Неизменное отношение людей к деньгам, – будь то золотые монеты или же бумажные рубли, – всегда поражало меня. Вокруг может кипеть нешуточная битва, свистеть пули, рваться мины, а человек будет думать, как бы сохранить свои

сбережения. Это, безусловно, логично и оправданно. Все хотят вкусно поесть, тепло одеться, отдохнуть на курорте. Но есть те, кто ставят деньги превыше всего. Даже имея сотни миллионов в кармане, они будут продолжать трястись над каждой копеей, сожалея, что не смогут унести всё на тот свет. Именно с таким человеком, клерком банка «Стальной Кулак», я и столкнулся.

Здание, напротив которого мы остановились, внушало доверие и соответствовало своему названию. Два этажа, сложенные из добротного камня толщиной в локоть, сразу говорили о его принадлежности к финансовой сфере. А окна, окованные толстыми железными прутьями, вызывали чувство безопасности. Удивляло только отсутствие надежной охраны. Ну не считать же таковой, двух скучающих стражников, лениво слоняющихся перед распахнутой дубовой дверью.

– Они что же, совсем не опасаются бандитов? – удивлённо спросил я. – Или вся охрана внутри?

– Внутри... – на мгновение задумался Вильям. – Не замечал. Так, несколько клерков, прислуга, ну и местный владелец. Тот ещё упырь. Ты главное запомни: стой на своем. Тебе пока хватит двадцати золотых монет. Остальное пусть останется на хранении. Стальной Кулак славится своей мстительностью по отношению к злоумышленникам. Последнее ограбление было лет пять назад. Украли-то всего пару сотен золотых и немного серебра. Всё, что было доступно. В хра-

нилище болваны так и не смогли попасть.

– Не удивительно, что их всё же ограбили, – усмехнулся я, когда Вильям направился к стражникам, уверенно чеканя шаг. – С такой-то системой безопасности.

– Ты лучше выброси эти мысли из головы. Знаешь, какую награду назначили за их голову? Тысяча золотых за каждого. А их было семеро. Вникаешь? До сих пор как вспомню их вопли, когда на их головы лили расплавленное серебро, всякий раз вздрагиваю. Ты пока помалкивай.

Вот тебе и меры безопасности. Зачем платить десяткам натренированных вояк, если никто в здравом уме не сунется урвать лакомый кусок? Не удивлюсь, если тех бедолаг сдали их же подельники. Ну а со всякой пьяной шпаной и эти два молодца справятся.

– Мы к управляющему.

Один из охранников придирчиво осмотрел нас и вяло махнул рукой, мол «валяйте», мне-то какое дело?

Внутри здание оказалось довольно просторным. Несколько столов, за которыми сидели скучающие клерки, две огромные люстры, вот, пожалуй, и всё. Однако выглядело всё довольно богато и со вкусом. Пол украшала мраморная мозаика с изображением сжатого кулака, обвитого стальной лозой. На стенах висели портреты каких-то людей в дорогой одежде и с жадным взглядом. Я решил, что это, должно быть, основатели и продолжатели банковской системы.

– Что угодно господам? – натянуто улыбнулась появив-

шаяся словно чёртик из табакерки девушка в длинном платье, идеально облегающем формы. А посмотреть там было на что. – Желаете сделать вклад или получить ссуду?

– Нам нужен управляющий.

С каменным лицом потребовал Вильям. Девушка всё так же улыбалась, хотя глаза выдавали её. Она была расстроена отсутствием возможности пожить за счет очередного бедолаги.

– Следуйте за мной.

Всю дорогу, пока она вела нас на второй этаж запутанными коридорами и парой лестниц, я старательно делал вид, что не смотрю, как она нарочно покачивает бёдрами. Вот же мерзавка. Решила в отместку подразнить нас? Вильям и тот едва сдерживался, чтобы не сглотнуть слюну, заполнившую рот. Да что там Вильям, я сам был готов спросить, не занята ли она этим вечером. Как же трудно порой противостоять соблазну. Тем более, если обратное в твоей природе. Стыдно это признать, но Юлианна, по сравнению с ней, выглядела вполне обычной и ничем не примечательной девушкой. Зло скрипнув зубами, я всё же отвел взгляд. Пусть она и обладала отменной фигурой и идеальным бюстом, но всё же во многом уступала принцессе. Не думаю, что Юлианна позволила бы себе такой вульгарный наряд, не говоря уже о постыдном поведении.

Наконец, искусительница остановилась перед дверью, где красовалась вывеска с причудливыми завитушками букв.

«Управляющий Лидендэйлского филиала банка «Стальной Кулак» Густав Варлонский» – гласила надпись.

– Вам сюда, – словно мы были не в состоянии прочесть надпись, язвительно промурлыкала девушка и отступила на шаг. Но затем, став на миг похожей на вполне нормального человека, сжалась и добавила. – Он сегодня не в духе. В последние дни работает на износ. Вы там поосторожней.

Вильям вежливо кивнул, но остался недоволен. С такими людьми как Густав Варлонский, «воротилами большого мира», и так-то не просто вести дела, а тут ещё такая новость. Я приготовился чуть ли к битве с очередным порождением бездны, когда Вильям громко постучал в дверь. Девушка тут же растворилась, не желая получить взбучку за то, что привела незваных гостей. «Не хочешь мозолить руки – не мозоль глаза начальству». Видимо она не понаслышке знала эту мудрость.

– Кого ещё черти принесли, – прогремел из-за двери раздраженный голос. – Я занят. Приходите в другое время.

Вильям выругался и решительно толкнул дверь, входя внутрь. Я не стал ждать особого приглашения и последовал за ним.

– Я что, не ясно сказал, – вскочив из-за стола, завопил Густав. Им оказался на удивление молодой парень, лет двадцати пяти. Подтянутый, не страдающий излишним весом или же болезненной худобой. На управляющего целым филиалом он никак не походил, и лишь глаза выдавали в нём

скрупулёзного банкира. – Может, мне охрану позвать? Они вмиг вам шеи...

– Мы по поручению Ордена, – властно остановил его Вильям и зачем-то полез под куртку. – Вот бумаги. Можете сами удостовериться.

Очевидно этот их «Орден Ищущих» имел немалый вес. Густав гневно уставился на протянутый свиток и, скривившись, выхватил его из рук Вильяма.

– Подождите за дверью. Мне надо всё проверить.

– Ничего, – с усмешкой ответил Вильям и плюхнулся на стул, стоящий слева у стены. – Мы не будем вас отвлекать.

А дела он умел вести, чему я был несказанно рад. Никогда не мог стерпеть подобного отношения. Он же оставался хладнокровен, словно и не замечал неприкрытого презрения Густава.

Я сел рядом, всё ещё не зная, как себя вести. Чувствовал себя нашкодившим первоклашкой, которого мама привела к Директору. Однако снаружи я оставался равнодушен. Пусть Густав и обладал высоким постом, так и что с того? Как ранее сказал Вильям, я мог спалить весь банк к такой-то матери, возникни у меня такое желание. Эти мысли вызвали улыбку, что не укрылось от Густава. Зло зыркнув на меня, он уселся за стол, заваленный книгами, свитками и бумагами, и принялся изучать документ, принесенный Вильямом.

Возился он довольно долго, где-то около двадцати минут. Я уже начал закипать от нетерпения и желания скорее по-

кончить с этим. Сколько можно возиться? Там ведь всего несколько предложений, две подписи и печать на сургуче. Специально тянет время, пытаюсь найти способ выставить нас за дверь. Да не тут-то было.

Скрипнув зубами, Густав отложил документ в сторону и по очереди посмотрел на нас.

– Кто из вас так называемый Эндрю с равнинных полей?

Теперь уже я заиграл скулами. Вот ведь дали прозвище. С каких таких полей? Я поле помню только по школе, когда мы всем классом ездили очищать его сорняков. Раньше ведь все через это проходили. Это сейчас у детей столько прав, что они обнаглели настолько, что подают иски против родителей за рукоприкладство. Можно подумать, им просто так всыпали ремня. Но о своих проступках они стараются умалчивать. Бедные родители вынуждены терпеть унижения, выслушивая нотации от социального работника. И ведь попробуй потом наказать паршивца, он же снова побежит жаловаться. А мы и ремня получали, и в поле, во время летних каникул, грядки тяпали. Зато сколько воспоминаний осталось. Постоишь в углу, на горохе, задумаешься, стоит ли без спроса брать деньги из бабушкиного кошелька. А ведь раньше ещё и пионеры были. Эх, жаль не застал я те славные времена.

– Это я.

– Ага, – кивнул Густав. – Присаживайтесь за стол. А вы подождите за дверью. Вас это не касается.

Вильям вздохнул, но всё же покинул комнату. На что рассчитывал Густав? Принял меня за простофилю? Решил, будто без поддержки товарища, я стану бляеть как овечка, выпрашивая положенное мне вознаграждение? Как бы ни так.

Пододвинув стул, я уселся и лениво окинул Густава взглядом. Неприятная личность. И ведь, наверняка, дома он совсем иной. Да и не родился же он таким прохиндеем? Стоит задуматься о последствиях выбора профессии. Ведь некоторые из них не принесут тебе ничего, кроме нервов, озлобленности на весь мир и кучи всяких болячек. Нужно быть поистине нестигаемым, чтобы, нарушая всё стереотипы, оставаться самим собой, не позволив обстоятельствам перекрыть тебя самого. К несчастью, Густав относился именно к той категории людей, что ставят работу превыше моральных и человеческих принципов.

– Итак, Эндрю, что вас интересует?

– Сотри ухмылку со своей рожи, – неожиданно зло начал я. – Мне, знаешь ли, в последнее время надоело общаться со всякой шушерой. Что там в документах? Какая сумма мне причитается от Ордена?

Густав несколько раз поменялся в лице. Нашёлся тоже, сопляк наглый. Решил тут главного из себя строить? Знаем мы, какой ты главный. Сидишь в своём замкнутом мирке, получая жалование от хозяев, которые, наверняка, и в грош не ставят все твои старания.

– Двести двадцать семь золотых, что ровняется одному

проценту от поступившей на счёт банка суммы. Плюс с вас процент за услуги...

– Процент вычтешь с поступившей суммы. Мне чхать на твои услуги. Тебе за то и платят.

Густав аж позеленел от злобы, став больше забавным, чем страшным. Несколько секунд он пытался взглядом испепелить меня, чем напомнил меня самого, в тот момент, когда я пытался использовать Силу против Дитриха. Такое сравнение заставило меня устыдиться самого себя. Ну что я, в самом деле, разошелся? Парня и так работой завалили, а тут ещё я со своими выходками. Мне стало жаль его. Ну, подумаешь, хотел немного сбросить накопившуюся усталость и нервное напряжение? Что я, развалился бы на части, подыгрыв ему?

– Ладно, прости, – умерив пыл, вновь заговорил я. – Мне в последнее время пришлось не сладко. Сам видишь.

Я несколько раз сжал и разжал заживающую руку. Густав вздрогнул, обратив внимание на уродливые шрамы, отсутствие ногтей, и совсем ещё молодую кожу. Сочувственно покачав головой, он провел ладонью по лицу, словно стирая остатки бывшего высокомерия.

– Ты тоже меня пойми. Я уже почти три недели безвылазно сижу в кабинете. Подкинул мне Орден работенки, – с пылом, так присущим молодым юношам, он поведал мне о событиях этих двух с лишним недель. – Заявились, понимаешь ли, с целой кучей монет. Медь, серебро, золото. На

одни только подсчеты ушло три дня. В общей сумме двести двадцать семь тысяч золотых. Медь и серебро уже никуда не годятся, всё на переплавку. Да и среди золота попались монеты, которые уже двести лет как вышли из оборота. А есть и такие, что нам никогда не попадались. А, уж поверь, мы-то о золоте всё знаем. Вот сам и думай. Всё переплавить, заново отлить по нынешним стандартам, ввести в оборот, разослать информацию во все отделения. Ты хоть представляешь, сколько у нас филиалов? Тридцать семь, и каждый необходимо оповестить.

Цифра меня хоть и не впечатлила, но заставила задуматься. Это ведь довольно непросто – иметь такую сеть, при отсутствии способа мгновенной передачи информации об изменении состояния счета очередного клиента. Не удивительно, что он завел речь о процентах за услуги банка. Нехилые такие услуги, скажу я вам. Густав заметил мой задумчивый вид и довольно улыбнулся.

– Вот я тебе о чём и говорю. Работаю как проклятый, – повторил он слова нашей провожатой. – Ладно, забудем разногласия. Вижу, ты человек не глупый, приятно иметь с таким дело. А то бывают тут всякие... да уж, всякие. Так, о чём мы? Ах, да. Так уж и быть, проценты я возьму на себя. Потери в процессе переплавки никто пока не отменял, – он задорно подмигнул мне и спросил. – Желаешь открыть счет, или заберёшь всю сумму сейчас?

– Пожалуй, это слишком. Лучше открою счет. Может, по-

советуешь что? Я в долгу не останусь.

Густав обречённо вздохнул, предчувствуя новую головную боль, но слова о вознаграждении принял с достоинством. Выходит, не такой уж он и скряга, каким показался в первые минуты.

– Я бы, конечно, предпочёл, чтобы ты забрал всё и больше не появлялся, но клиент всегда прав, – хлопнув в ладоши, он полез под стол и достал кипу бумаг. Какое-то время он искал что-то, шумно сопя, и, наконец, выудил нужную связку листов. – Итак, давай посмотрим. Есть у меня один договор, но он для особых клиентов. В Лидендэйле только несколько человек удостоились чести, но ты ведь у нас личность известная?

Он замолчал, хитро посматривая на меня. Это что же выходит? Он всё это время знал, кто я такой и на что способен, но ни капли не боялся меня? Что это? Глупость? Смелость? Упрямство? А, быть может, парень просто понимал, что за сила находится за его спиной? Ведь не зря же банк имел название «Стальной Кулак». Даже любители лёгкой наживы не решались сунуть лапу к ним в карман. Достоинство уважения.

– Хотелось бы всё же озвучить условия.

– Кто бы сомневался, – усмехнулся Густав. – Условия очень простые. Платишь десять процентов в пользу банка и становишься его постоянным клиентом. В отличие от стандартного договора, выплата по процентам разовая. При последующих операциях, банк берёт все расходы на себя. Сам

понимаешь, что при сумме двести двадцать семь золотых, подобные сделки попросту невозможны. Однако, повторяюсь. Ты личность довольно известная, о тебе весь город трубит. Да и прибыл ты с бумагами от Ордена. Можно сделать предположение, что прозябать в нищете – не твой удел. Будем считать это вкладом в будущее сотрудничество. Ах да, совсем забыл. Если ты вдруг разживешься золотишком и решишь внести его на счет, банк вычтет из этой суммы свои десять процентов. Вроде всё. Ну, так что, по рукам?

– По рукам. И не забудь про один процент... «банку» – я подмигнул Густаву, – за столь щедрое предложение.

Густав в ответ широко улыбнулся и снова полез под стол.

Примерно через час, когда были соблюдены все формальности, я покинул его кабинет. Я последовал совету Вильяма и, после пересчёта всех процентов и получения наличных, на счету осталось ровно сто восемьдесят золотых. В мешочке же, что теперь висел на моей шее, позвякивали полученные монеты. Брать всё золотом было глупо. Не каждый мог позволить себе иметь в наличии разменную монету. Золотых было только десять монет, на приличную одежду и внесение первого взноса за проживание. В придачу к этому Густав вручил мне бланк, разукрашенный всё тем же сжатым кулаком со стальным плющом. Поверх изображения вписывались все данные касательно имени владельца и состояния его счета. Также там был указан вид оказываемых услуг.

Едва я вышел, Вильям бросил на меня насмешливый

взгляд.

– Ну как? Сколько этот кровопийца из тебя вытянул? Ну, дай взгляну?

Я протянул ему заполненный бланк и, увидев его реакцию, насмешливо спросил:

– Всё в порядке? Не сильно он меня облапошил? Я ведь человек новый, мало что смыслю в здешних делах.

– Кончай издеваться, – поморщился он в ответ, и тут же задумчиво прищурился. – Парень, хоть, жив? Не стоит подтверждать теорию Дитриха. Иначе весь Орден...

– Ой, да расслабься ты, – я забрал документ обратно, потешаясь над его настороженностью. – Я что, по-твоему, в самом деле кретин? Густав славный малый. Сам сделал мне щедрое предложение, ну не отказываться же! И, чтоб ты знал, угрозы и шантаж – не мой стиль.

– Тогда как?

Я улыбнулся и похлопал друга по плечу.

– Немного сочувствия и понимания. Плюс актёрская игра. Одним словом, «дипломатия». Когда-нибудь я тебя научу.

– Да иди ты. Не поверю. Знаешь, что говорят о «Стальном кулаке»?

– Догадываюсь. Ладно, может, пойдём уже? Мне что-то есть захотелось. К тому же, сам сказал, ещё жильём надо обзавестись.

Вильям бросил недоверчивый взгляд мне за спину, ожидая, что оттуда во-вот выскочит злой, как сам чёрт, Густав и

помчится с докладом к начальству. Но, разумеется, ничего подобного не произошло.

– Ну, горазд, – улыбаясь, он хлопнул меня по спине так, что я чуть не слетел с лестницы. – Ладно, пошли. Знаю я одно местечко. Народу обычно немного, да и кормят прилично. Кстати, платишь ты.

– Само собой, – даже обиделся я. – Неужели ты подумал, что я настолько неблагодарен?

Вильям пожал плечами и зашагал вперёд, старательно делая вид, что не замечает моего возмущения. Вот ведь жук. Это он таким образом решил проучить меня? Это только повысило моё уважение к этому человеку до немыслимых высот. Больше никогда я не позволял себе считать его простым воякой. Напротив. В первую нашу встречу, да и после, он отдавал распоряжения, командуя вверенными его талантам людьми. Суровый, решительный, не терпящий неповиновения. Мне он тогда не доверял, как и положено командиру королевской стражи. Кто бы мог подумать, что он настолько разносторонняя личность? И ведь наверняка сейчас идёт и лыбится.

Айлис!

Таверна, куда привел меня Вильям, полностью соответствовала его описанию. В зале стояли всего несколько столов и стульев. Посетителей оказалось только трое. С виду – простые работяги. Они сидели за столом в центре зала, пили пиво, ведя жаркий спор. Но, едва мы вошли, в зале повисла мертвая тишина. Вся троица уставилась в свои кружки, избегая взглядов в мою сторону.

– Чего это они? – вспомнив слова Густава, шепнул я Вильяму на ухо. – Обо мне что, в самом деле, весь город только и говорит?

– А ты чего хотел? – так же шепотом ответил он мне и, уже громче, обратился к хозяину таверны. – Эй, уважаемый! Ты чего там застыл? Может, нам в другое место пойти?

Владелец заведения, до этого старательно протиравший стойку, а при нашем появлении замеревший с тряпкой в руках, опомнился и бросился к нам. Может, обо мне и насочиняли баек, каждый раз добавляя в образ страшного колдуна новых деталей, но свою выгоду он не желал упускать. Страх никогда не был помехой для делового человека.

– Чего изволят господа? – кивнув, спросил хозяин. На вид ему было около шестидесяти, и он заметно хромал. Я решил, что раньше он был солдатом. Человек, далекий от службы, просто не мог так цепко выхватить говорящие о многом де-

тали. Меч, шрамы на правой руке, выправка Вильяма. Сделав соответствующие выводы и признав в нас своих, он продолжил, заметно потеплев. Даже страха больше не выказывал. – Это ведь вы помогли отбиться от той твари? Эх, жаль, меня с вами не было.

– Скучаешь по былым временам? – сочувственно посмотрев на покалеченную ногу, Вильям кивнул, приветствуя его. – Наслышан о твоих подвигах. Это ведь ты отправил к предкам барона Эзельштауна?

– Мерзкого и подлого предателя, решившего пойти против короны? – усмехнулся хозяин. – Сколько наших полегло, пока пытались пробиться в замок. Но мой меч всё же вкусил поганой крови. Вон он, на стене висит, – гордо кивнул хозяин, указывая на двуручник, висевший над барной стойкой. – Давно это было. Не думал, что кто-то ещё помнит ту свору. Командующий первым полком Айлис, к вашим услугам. Бывший командующий, разумеется.

– Мы все помним те времена, – уважительно поклонился Вильям, и я не смог остаться в стороне. Мало в мире людей, прошедших сквозь горнила войн и спокойно ушедших на пенсию. Такие люди вызывают восхищение и трепет. С недавних пор, командующий королевской стражей Вильям. А это... Постой-ка.

Вильям хлопнул себя ладонью по лбу, вспомнив, что упустил один важный момент, и требовательно протянул руку. Я вздохнул и вновь передал ему документы, составленные в

отделении банка. Он около минуты хмурил брови и беззвучно шевелил губами. Айлис, всё это время молча переводящий взгляд со шрамов на моей руке к мечу, и снова возвращаясь к руке, наконец, не выдержал:

– Что-то не так?

– Андрей Емельянов, – по буквам прочитал Вильям. – Это что, твоё настоящее имя?

– Уж лучше, чем Эндрю с равнинных полей, – пожав плечами, я спрятал бумаги обратно. – А что, разве я не представился, когда... ну, когда рассказывал тебе свою историю? Прости, вылетело из головы. Вообще-то у нас принято говорить Емельянов Андрей. Но, для вас, просто Андрей.

Айлис кивнул и указал на один из свободных столиков.

– Прошу вас, господа. Присаживайтесь. Я сейчас принесу бутылочку варлонского, и распоряжусь накрыть на стол.

Вильям при упоминании сорта вина удивленно вскинул брови. Только и ожидавший этого Айлис, улыбнулся и, чуть ли не силой, потащил нас за стол.

– Я берег её для особого случая. Когда ещё удастся послушать о битве «во имя двух королей» из первых уст? Вы ведь не откажете старику в такой малости? – вопрос он задал лично мне, ну а отказать я не смог из уважения, поэтому согласно кивнул. – Вот и ладушки. Вы пока располагайтесь. А на этих не обращайтесь внимания. Они уже, небось, в штаны от страха наложили.

Последнюю фразу Айлис адресовал троице выпивох, всё

это время с опаской косящихся в нашу сторону. Мужики в ответ возмущённо что-то пробубнили и, быстро допив пиво, покинули таверну.

– Не подумал бы, – произнес Вильям шёпотом, сев за предложенный столик, – что сам Айлис, сокрушитель щитов и гроза Лидендэйла – и вдруг хозяин таверны. Ну, подумать только, скажи?

– А он что, действительно крушил щиты?

– А ты посмотри на меч. Знаешь, в своё время он неплохо с ним обращался. Мало кто мог с ним сравниться.

– А с виду не скажешь. Хотя я уже успел убедиться, что внешность бывает обманчива.

Вильям хотел сказать что-то ещё, но тут вернулся Айлис, бережно держащий в руках бутылку из тёмного стекла, запахнувшую сургучом.

– Вот, – торжественно произнес он, осторожно поставив её на стол. – Из личных погребов мерзкого предателя. Приберёг одну, чтобы выпить за павших товарищей, да всё не решался открыть.

– Отец, у нас не хватит монет расплатиться. Может, всё же оставишь её для более состоятельных клиентов?

Айлис отмахнулся от слов Вильяма, как от надоедливой мошки и уселся за стол.

– Состоятельных клиентов, как же. И чего это они тут забыли? К тому же, – посмеиваясь ответил он, – после вашего визита моё заведение прославится на весь город. Вида-

ли как эти трое вылетели? Уже, небось, всем растрезвонили, что своими глазами видели знаменитого владельца легендарного меча. Это, кстати, он?

Я кивнул и, не дожидаясь просьбы, протянул ему меч, отцепив от пояса ножны. Айлис сперва не решался к нему прикоснуться, но, заметив, как Вильям приглашающе кивнул, всё же вытащил его из ножен. Проведя рукой по лезвию, он удивленно воскликнул:

– Сколько лет прошло, а всё ещё острый, а? Эх, на славу защитник постарался, – произнес он с трепетом, а затем отвернулся и крикнул куда-то за стойку, – Мэрвис, чтоб тебя. Поторапливайся, люди есть хотят. Вот щас как встану....

– Я здесь, хозяин.

Из-за стойки вынырнул щуплый парнишка, лет шестнадцати. В руках он нёс исходивший паром казанок, держа его за ручки специально предназначенными для этого перчатками. Поставив казан на стол, парень снова умчался и вернулся с тремя глиняными мисками и деревянными ложками. В третий раз он принёс медные кружки, буханку хлеба и нож.

– Вот, хозяин, как вы и просили.

– Ступай, – по-отечески распорядился Айлис. – И прибе-
рись на кухне, а то развёл бардак.

Парень молча кивнул и ушёл. Я заметил у него на лице явные признаки умственной отсталости, но мог и ошибаться. Айлис, ножом срезая сургуч с горлышка бутылки, вновь заговорил.

– Славный парнишка, с головой, правда, совсем плохо. Нашёл его пару лет назад, когда на него стая собак напала. Голодный был парнишка, а с мозгами туго, вот и полез к ним за едой. Ну, собаки – они на то и собаки. Животные, стало быть. Еле отбился. Думал и меня на части разорвут, ага. А он даже толком объяснить не может, кто он и откуда. Ведь наверняка родители от него избавились. Ему тогда уже пятнадцать стукнуло. Ну, это я так решил. А у них ведь как? Ежели в поле работать не можешь, или, скажем, нет у тебя талантов каких, плотника там или ещё кого, так они на улицу и выбрасывают. А парнишка-то работающий, чтоб мне пусто было. Нашёл бы мерзавцев... Да вы накладывайте, не стесняйтесь, я вот сейчас... – Айлис натужно крякнул и выдернул пробку. – Готово.

Разлив темный напиток богов по бокалам, он поднял свой бокал, приглашая к нему присоединиться. Я не очень любил вино, но, как и на пиру, отказаться было стыдно. К тому же, судя по всему, напиток стоил небольшое состояние. Разве можно устоять против любопытства?

– Ну, за победу во имя двух королей, и за тех, кто отдал в тот день свои жизни.

Гордость от сопричастности тем событиям, омрачалась воспоминаниями воина, погибшего от милосердного удара Вильяма. Никогда не забуду, как его броня плавилась, а плоть слезала с костей. Его вопль навечно отпечатался в моей памяти. Видимо, те же мысли посетили и Вильяма. Он с

грустью кивнул и залпом опрокинул бокал, забыв, что пьёт не какое-то дешёвое пойло.

– Ты что ж творишь? Разве принято такой нектар махом опрокидывать?

– Прости, отец, – Вильям виновато заглянул в кружку, – просто гадко всё это. Нехорошее у меня предчувствие. Будто гроза надвигается, а туч не разглядеть.

– Так ты не молчи, рассказывай, давай. Мне уже недолго осталось, я все ваши тайны с собой в могилу унесу, слово даю. Слухи разные ходят, да то слухи. В самом деле, что ли, колдун объявился?

Айлис посмотрел на меня вопросительно, но опомнился и стал быстро раскладывать еду по тарелкам. В казанке оказалось жаркое из кролика с тушеными овощами и специями. Оно удивительно гармонировало с вином, которое точно соответствовало своей цене, какой бы высокой она не казалась.

Первым слово взял Вильям, а дальше подключился и я. После божественного напитка в голове появилась легкость и все переживания казались забытыми. Старик изредка останавливал нас, требуя подробностей. Как вычислили гада? Правда ли, что он дрянью плевался, от которой земля гноилась и новые гады лезли? Всё в таком духе. Мы поочередно пересказывали события битвы, каждый со своей точки зрения. Наконец, когда от вина остались одни воспоминания, а в желудке больше не было места даже для крошки хлеба, я всё же решился на эксперимент.

До этого я использовал Силу только случайно или же в гневе, и это мне совершенно не нравилось. Припомнив то ощущение, что испытал в подвале Дитриха, я закрыл глаза и по памяти восставил произошедшее, стараясь не переусердствовать. Когда же я вновь открыл их, обнаружил парящий над раскрытой ладонью небольшой огненный шар.

– Вот те на. Всамделишный колдун, – поразился Айлис. Но тут же опасливо смотрелся по сторонам и добавил. – Ты только это, не спали мне тут всё к такой-то матери, ага?

Я тут же сконцентрировался и погасил огонёк, внутренне ликуя. Я справился. Смог. У меня получилось. Я маг. Я МАГ? На что ещё я способен? Вильям в разговоре натолкнул меня на мысль, что это далеко не предел моих новых способностей. Его поразил тот факт, что лошадь не сбросила меня, обезумев от страха. А ведь и правда, странно это. А вдруг я каким-то образом смог воздействовать на неё? Вывод только один: с помощью магии. Неосознанно, как и в случае с теми бандитами.

– А мне вот что интересно, – прервал мои мысли Айлис, – чего эта подлюка вообще к нам сунулась? Она ведь и показываться не хотела, пряталась в толпе. Выходит, не души она собирать пришла. Может, оно, конечно, и не так, и я ошибаюсь, но сдаётся мне – другая на то причина была.

– Так, а я о чём, – согласился Вильям. – Я сперва решил, что за мечом пришла. Да только недавно узнал, что не могла она о нём знать. Мы ведь о предстоящей битве давно зна-

ли. Три месяца оборону укрепляли. А меч совсем недавно нашёлся. Никак она о нём знать не могла. К тому же принцесса...

Он осекся и, посмотрев по сторонам, продолжил, понизив голос:

– Принцессу ведьма околдовала. Если бы не объявился наш маг-кудесник, аккурат к осаде и померла бы. Спланировано всё было. И очень грамотно спланировано.

– Выходит, прав ты, парень, – стукнув кулаком по столу, с пылом воскликнул Айлис. – Гроза надвигается. Уж не затем ли колдун наш с мечом объявился? Может, он тучи и разгонит? Ведь не могло так совпасть? Тьма зашевелилась, козни против людей строит. Ведьмы, и те из нор повылезали. Ну, как считаешь?

Они оба уставились на меня.

– Эй, вы тут спяну навывдумываете. Я что, по-вашему, спаситель рода человеческого? Да я вообще случайно меч нашел. И способности обрел... случайно...

Я уже и сам не верил во все эти случайности. Собственные слова казались мне жалкой попыткой уйти от действительности.

Так ли случайно я попал в этот странный мир? Случайно нашел меч? Случайно встретил Ричарда? Случайно убил Калхена? Случайно обрёл способности к магии? Случайно убил тварь, посланную ведьмой за жизнью принцессы? Случайно обнаружил ещё одного демона? Случайно выжил в

подвале Дитриха? Сколько же это случайностей получается? Кто так бесцеремонно играет моей жизнью? Зачем бросает меня из пекла в пекло, вновь и вновь заставляя бороться? К чему меня готовят неведомые мне силы? Кто этот загадочный кукловод? Создатель? Бог? Высший разум? Карма? Откуда вдруг у меня, человека из мира высоких технологий, желание научиться давать отпор, сражаться? Мне ли принадлежат собственные мысли и желания? О Боги, как же всё сложно.

От нахлынувших эмоций мне вдруг стало дурно. А может, вино оказалось крепче, чем я мог предположить? Я вдруг почувствовал, что меня вот-вот вырвет.

– Ээээ, парень, ты чего это? – Айлис первым успел заметить неладное. – Неслабо тебя развезло. Ну-ка Вильям, помоги мне, а то что-то наш колдун совсем слабоват оказался.

– Всё в порядке, – отмахнувшись, я потрянул головой, прогоняя наваждение. – Вильям, разве нам не надо подыскать мне жильё?

– Верно, – поднявшись из-за стола, он кивнул и протянул руку Айлису. – Спасибо за обед и, особенно, за вино. Оно стоит тех трех сотен золотых, что за него просят. Рад был знакомству. Будет чем перед внуками похвастаться.

– Нашёл тоже подвиг.

Айлис невесело усмехнулся, прекрасно понимая, что ему просто повезло выжить там, где другие сложили головы. В его глазах читалось сочувствие. Может статься, Вильям раз-

делит его судьбу, а быть может и нет.

Едва мы распрощались, пожав руки, в помещение ввалилась шумная толпа мужиков. Я сразу же узнал троицу знакомых любителей пива. Заметив меня, они стушевались, но тут слово взял один из верзил.

– Этот, что ли, – кивок в мою сторону. Вильям как бы невзначай положил ладонь на рукоять меча. – Что-то больно он шуплый. Да и на колдуна не смахивает.

– Ты глаза-то разуй, – с угрозой ответил Айлис. – Перед тобой люди, спасшие твою жалкую шкуру, чего ты явно не заслуживаешь. Мне самому тебе морду надрать, или позволить колдуну спалить тебя к такой-то матери?

Мужик разом растерял напускную храбрость и виновато поклонился.

– Прошу прощения. Забылся спьяну, – на меня он даже не смотрел, обращаясь к хозяину заведения. Видимо его он опасался больше, чем вшивого колдунишку, – Нам бы это, пожрать чего да пивка хлебнуть. В горле пересохло.

Вильям сразу же расслабился, а Айлис расплылся в широкой улыбке.

– Вот это другой разговор. Ежели монета в кармане завалялась, отчего бы не накормить доброго человека?

Толпа согласно закивала, намекая что деньги, дескать, есть. Айлис, даром что бывший рубака, оказался весьма расчетлив. Боюсь, моя скромная персона обрастёт новыми деталями. Да и цены поднимутся в разы, кто ж за просто так

станет делиться отличной историей?

Больше мы не стали смущать посетителей и скоро покинули таверну. Едва оказавшись на улице, Вильям оглянулся по сторонам и, не обнаружив лишних ушей, обратился ко мне.

– Ты куда сорвался-то? В чём дело?

– Надо кое-что проверить. Кажется, у магии есть своя цена.

– Хочешь сказать ты поэтому... пошли. Не надо, чтоб нас все видели. Слухи, может, и ходят, только зачем лишний раз народ пугать.

Я кивнул, думая о том же самом, и последовал за ним.

Вильям вёл меня одному только ему известными безлюдными переулками и дворами. Минут через двадцать мы оказались возле полуразрушенного каменного здания.

– Здесь раньше жила ведьма, – пояснил Вильям. – Конечно, никакой ведьмой она не была, но это не мешало ей есть человечину. Как сам видишь, в мире и без монстров хватает монстров. Здесь нам никто не помешает.

Я поёжился, представив, как должно выглядеть жильё людоедки внутри. Полу обвалившаяся крыша, отсутствие окон, болтающаяся на одной петле ставня, сгнивший деревянный порожек без ступенек и перил... И как нас в детстве манили подобные места? Сейчас мне что-то совсем не хотелось заходить внутрь.

– Может, ну его? Проверим мою теорию в другой раз? К тому же, нам ещё надо...

– Да не дрейфь ты. Орден давно уничтожил всё следы её пребывания. С этим у них строго. Ну, пошли, что ли?

– Пошли.

Вздыхнув, я решительно взобрался на пошатывающиеся остатки порога и толкнул дверь. Та, не стерпев такого хамского отношения, в последний раз скрипнула прогнившими петлями и рухнула внутрь, подняв облако пыли. Немного подождав пока всё выветрится, я шагнул внутрь и с облегчением выдохнул. Никаких баночек с отрубленными пальцами или чего-то подобного не наблюдалось, лишь мусор, бывший когда-то мебелью, и куча пыли.

– Лучше не придумашь. Ну-ка, помоги мне.

Поднатужившись, мы подняли дверь и, перетащив её в дальний угол, прислонили к стене.

– Готово. Будет вместо мишени. Слушай, я не знаю, что произойдёт дальше. Может, ты лучше снаружи подождёшь? Не хочу, чтоб тебя задело. Трудно будет объяснить всё взбешённому Леорику.

– И пропустить такое зрелище? Да ни за что. Только ты это, – добавил он, осматриваясь в поисках убежища, – Давай поосторожней, лады? Насчет короля не знаю, а вот жenuшка моя точно голову тебе снесёт, это она может.

– У тебя есть семья? – удивился я. – И когда ты собирался мне рассказать? Я ему всю подноготную, а он даже не представил меня. Ну и кто ты после этого?

– Да я бы представил, – отчего-то разочарованно ответил

Вильям, – Только она уперлась. Не пойду, мол, к колдуну и хоть ты тресни. Суеверная, понимаешь ли. Не к добру, видите ли, колдун в доме. Вот и не хотел я ничего говорить. Стыд и срам. Еле уговорил не выгонять тебя, пока новое жильё не подыщем. Но она у меня умница. Колдун, не колдун, а есть всем надо. Или ты решил, будто это я тебе бульоны стал варить?

– Передашь ей мою благодарность. И извинись за причинённые неудобства.

– Ага. Может, начнём уже? – спохватившись, он вдруг добавил, – Только учти, если снова придется переть тебя на своём горбу, начну брать плату. Давай уже, чего лыбишься?

Я представил, как он тащит меня домой, поминая, на чём свет стоит. Ну как тут не лыбиться?

Наконец, повернувшись лицом к «мишени», я вновь вызвал уже привычное чувство Силы в районе груди. На этот раз я не стал закрывать глаза для концентрации. Пора было как-то приспособливаться к новым способностям, а ну как придётся применить? Может, и времени на концентрацию не будет.

Бросив в дверь образовавшийся в результате огненный шар, я тут же пожалел об этом. Грохнуло так, что только чудом не лопнули барабанные перепонки. Взрывной волной меня отбросило назад и, сбило с ног, как и Вильяма, и мы оба рухнули в пыль. Мне ещё повезло, я упал сверху, а вот Вильяму... Судя по брани, направленной в адрес «всех про-

клятых магов-самоучек», приложился он знатно.

– Ах, чтоб тебя. Слезай уже с меня. Ведь просил поосторожней, так нет же. Ты нас обоих чуть не угробил.

– Прости. Я ведь предупреждал. Зато теперь хотя бы знаем, что в закрытых помещениях лучше не колдовать.

Я был доволен произошедшим, несмотря на его ругань. Теперь, в случае чего, у меня имелся туз в рукаве. Бабахаящий и поджигающий всё вокруг туз.

– Твою ж мать. Туши давай, пока сюда стража не набежала. Хотя, сдаётся мне, этого как раз и не избежать. Наверняка вся округа слышала, как ты тут... эй, ты чего это? Не смей здесь концы отдать. Эндрю? Эндрю...

Дальше я уже ничего не слышал. Моя теория подтвердилась. Ничто в этом мире не дается бесплатно. У всего есть своя цена. Использование магии, очевидно, истощало организм. И если раньше, применяя новые способности, я был здоров и полон сил (не считая мимолетной слабости после битвы во имя двух королей) то за прошедшие две недели исхудал и ослаб. Ещё в таверне почуяв неладное, я всё же надеялся на банальное нервное напряжение и стресс, вызванный словами Айлиса (не безосновательными, смею заметить), то теперь всё встало на свои места. Магия была опасна не только для окружающих, но и для меня самого.

Гвенделин!

На следующее утро, не особо вслушиваясь в гневную речь Вильяма, возмущенного тем фактом, что он вынужден был целый час таскать меня по городу, полному всполошившейся после моей выходки стражи – я вновь проснулся в его доме. Как бы это не вошло в привычку. Забавно было наблюдать, как он морщится, в деталях описывая все прелести пребывания в сточной канаве, где он (а вместе с ним и я), успел побывать трижды, пережидая пока скроется очередной патруль. Я не сдержался и рассмеялся, поражаясь его способности так детально всё описывать.

А вот с магией я всё же переборщил. Мало того, что нас чуть не угробил, так и ещё и пожар устроил. Дверь после моего броска разметало в щепки, которые, в свою очередь, неплохо так занялись пламенем. Это я помнил и сам, но дальше стало только хуже. Вильям просто не знал, что ему делать дальше? То ли меня спасти, то ли начавшийся пожар тушить? Принять решение, ему помогли возбуждённые голоса, раздавшиеся снаружи. Стража-таки разобралась, откуда прогремел взрыв, и решила выяснить, что стряслось.

– Пришлось выкинуть тебя в окно, – мстительно сказал мне Вильям. – Надеюсь, ты не сильно ушибся?

– Огонь потушили?

– Куда там, – махнув рукой, пренебрежительно бросил

он. – Горело будь здоров! Едва к полуночи потушили, зарево на весь город видно было. Давно пора было снести эти развалины. Меня, сразу после этого, вызвал Леорик. Он же не дурак какой, выводы соответствующие сделал.

– И что ты?

– А что я? – вопросом на вопрос ответил Вильям. – Рассказал, как всё было. Видел бы ты лицо принцессы, когда она услышала, что ты чуть копыта не откинул. Я думал, бедняжка в обморок упадет. Хорошо хоть не упала. Побледнела вся, но не упала. Наш король быстро смекнул бы, что к чему.

– Чтоб тебя. Ты это нарочно сказал?

– А то. Должен же я хоть как-то поквитаться с тобой. Я четыре раза лежал лицом в сточной канаве.

– Ты же говорил три раза?

– Три, четыре, – от негодования он аж подскочил. – Какая разница? Хоть бы и один, что с того? Ты мордой в дермо хоть раз нырял?

– Совсем недавно я ходил под себя. Или ты забыл?

– Ладно, – смилостивился он. – Забыли, чего уж там. Только постарайся не повторять подобных фокусов, ага? Это с виду ты хилый, а весишь – будь здоров! Еле дотащил.

– Спасибо. За всё.

Вильям кивнул с самым серьёзным видом и тут раздался стук в дверь.

– Да заходи ты уже, – дверь приоткрылась, и в комнату с опаской заглянул парнишка лет пятнадцати. Сходство с Ви-

льямом яснее слов говорило о том, что он утаил от меня не только наличие жены. – Знакомься, это мой сын. Глен. Орёл, только взгляни.

– Рад знакомству, – приветливо кивнул я. – Меня зовут...

– Лис, – перебил меня Вильям. – Зови его Лисом.

– Это ещё почему?

Я даже не знал, удивляться мне или возмущаться. Я что, животное какое-то? Однако Вильям быстро всё пояснил.

– Сам-то как думаешь? Имя у тебя странное для здешних мест, а Эндрю тебя не устраивает. Сам же выдумал, и сам же недоволен? Вот и пришлось придумать тебе прозвище попроще. А что, Лис вполне тебе подходит. Знаешь, у нас этому созданию приписывают разные черты характера, но преобладают хитрость и коварство. Всё у тебя продуманно наперёд, вон, даже шкурой рисковал, проверяя предел своих возможностей. Хитёр ты, как тот самый Лис.

– Может это и прозвучит странно, но у нас на родине есть множество сказок с участием хитрого лиса. Вот так совпадение, никогда бы не подумал. Только знаешь, обычно к концу истории он всё-таки влипает в неприятности.

Вильям рассмеялся и, усадив сына на колени, произнес, всё ещё посмеиваясь.

– Так а я о чём толкую? Лис, и всё тут.

– Отец сказал, что это вы устроили пожар?

Ломающимся голосом спросил Глен, чем заслужил подзатыльник от отца.

– Я тебе что сказал? Болтай об этом поменьше. У стен тоже...

– Это вышло случайно, – прервал я его, спасая бедного парнишку. – Немного не рассчитал свои силы.

– А покажите, как вы это делаете? Никогда не видел живого колдуна. Мама говорит, их всех перебили ооочень давно. Ну, покажете?

Теперь уже я не выдержал и рассмеялся, заметив, как у Вильяма вытянулось лицо. У него только что глаза на лоб не вылезли. Видимо, решил, что я сейчас снова, как тогда в таверне, стану хвастаться приобретенной в пещере Силой. Ответить я не успел, в комнату вошла молодая женщина с подносом в руках. Под её осуждающим взглядом я подавился своим смехом и стал громко кашлять.

– А я тебе что говорил? Представь, что бы она с тобой сделала, угрожь ты нас обоих?

Уточнять, как же именно она смогла бы сделать со мной хоть что-то, в случае нашей совместной и, безусловно, безвременной кончины, Вильям не стал. Зато удостоился брошенного в ответ взгляда жены, после которого проглотил довольную улыбку и сделал вид, что изучает потолок комнаты.

– Нас не представили, – откашлявшись, я сел на кровати, всё ещё ощущая слабость во всем теле. – Мое имя... эм... с недавних пор меня прозвали Лисом. Я бы хотел извиниться за причиненные неудобства. Даю слово, сегодня же я покину ваш дом. Вот только оденусь и сразу же уйду...

Я попытался встать с кровати, но чуть было не рухнул на пол. Благо, тумба оказалась под рукой. Она и спасла меня от постыдного падения, когда ноги оказались удивительно ватными и напрочь отказались подчиняться.

– Немедленно прекратите, – топнула она ногой и, передав поднос спешащему на выручку Вильяму, настойчиво уложила меня обратно. – Пока не окрепнете, мой дом вы не покинете. Где это видано, чтобы гость без сил выползал из моей двери? Хотели оскорбить меня своей выходкой?

– Простите, я не подумал. Просто Вильям говорил...

– И что же он говорил?

Хитро прищурившись, посмотрела она на мужа. Проклиная свой язык, вечно болтающий лишнее, я виновато пожал плечами, поймав на себе осуждающий взгляд приятеля. Ох и влетит ему за такие откровенности.

– Вы не подумайте, я вовсе не считаю вас опасным. Просто, – вздохнув, с неожиданной яростью выпалила она. – Эти набитые дуры только и могут, что шептаться за спиной. Колдуна приютила. Рассадник зла у нас, видите ли. Уже забыли, как тряслись от страха, забившись по углам, детей в подвалах прятали, а? Да не появившись вы в городе, на собственной шкуре познали бы, что такое молодой и разгоряченный от пролитой крови воин.

– Это кто это такое говорит? – рявкнул Вильям. – Да я их всех...

– Да все говорят, – чуть не срываясь на слезы, прошептала

женщина. – На рынок сходить спокойно нельзя, разве что камнями ещё кидать не начали. Зато в спину плевать – это они умеют. Ненавижу.

– Почему же ты раньше молчала?

– А что бы ты сделал? Стал избивать всех и каждого? А может, пожаловался королю? Что дальше, я тебя спрашиваю? Он уйдет, а нам как жить?

– Что-то я не подумал. Ты права.

– А когда это я ошибалась?

Лукаво спросила она, взяв себя в руки. Мудрая женщина. Мудрая и сильная. Даже мужу жаловаться не стала, разумно посчитав, что сделать он все равно ничего не в силах, а вот проблем у него и так хватает.

– А вы, – уперев руки в бока, чем-то напоминая моего воспитателя из детского сада, строго приказала она, – даже не смейте вставать с кровати, пока я не позволю. Эти пустышки вечно что-то болтают. Поводом меньше, поводом больше. На самом деле они завидуют новому назначению Вильяма. Он ведь теперь глава личной охраны нашего славного короля Леорика, да продлятся его годы. Кстати, а тебе разве не пора на службу?

Вильям спохватился, вернул ей поднос и, выругавшись сквозь зубы, умчался исполнять свой долг.

– Ума не приложу, что бы он без меня делал?

Улыбнувшись, она поставила поднос на тумбу. Запах стоял просто обалденный. Сразу вспомнились завтраки в дет-

ском лагере. В столовой каждый раз пахло именно так. Особенно выделялся один, запах компота, сваренного из сухофруктов.

– А ты иди, займись делами. Тебе что велено было?

– Да, матушка, – вздохнул парнишка и поплёлся к двери, упорно изображая из себя обречённого, – полей цветы, убери в курятнике...

– Ах ты, мелкий паршивец. Ну, я тебе сейчас всыплю.

Глен не стал дожидаться обещанной трепки и, задорно подмигнув мне, проворно увернулся от затрещины и умчался, не переставая смеяться.

– Вот же гадёныш. Почему мужики ведут себя как дети? Что один, что второй. А ещё ходит, перья распушил, ну точно петух. Ай, да что там говорить. Вы так и умираете, детьми. Вы пока завтракайте, я займусь делами. Если что-то понадобится, не стесняйтесь. Дом у нас небольшой, слышимость превосходная. Я сразу же примчусь, – уже у двери она спохватилась и улыбаясь добавила, – Совсем из ума выжила, надо же, забыла о манерах! Гвенделин, к вашим услугам!

– Рад знакомству, – вернул я ей улыбку. – И спасибо за гостеприимство.

– А вам – за спасение города. Только прошу, не втягивайте Вильяма во всё это, договорились? И ему не слова об этом разговоре.

Пригрозив мне напоследок кулачком, Гвенделин прикрыла за собой дверь, оставив меня наедине со своими мысля-

ми. Ох и паршиво же мне было. Все вокруг считают, что я спас город, потому что храбрый и отважный герой. Только вот не так это. Прав был Вильям. Хитёр я на самом деле. Хитёр и коварен. Я ведь до жути боялся предстоящей резни. Поджилки тряслись. Да будь возможность – с радостью свалил бы подальше. Только вот её как раз и не было. А тут подвернулся такой шанс. Что страшного в том, чтобы рубануть тварь поперёк горла, предотвратив, ну или на худой конец, отсрочив бойню? А ведь именно так я и планировал в тот момент. Кто же знал, что конь плюнет в меня какой-то дрянью? Ну а дальше снова не осталось выбора. Неужели, я действительно готов на всё, лишь бы спасти свою шкуру?

Вильяму очень повезло с женой. Умная и рассудительная женщина, достойная именно такого человека. Ведь он без страха и сомнений бросился в бой, поведя за собой конницу. Это он бился с мерзкими шимпанзе, подарив мне время и оттянув основные силы на себя. Кровавую жатву собрали в тот день богомерзкие порождения бездны. Вот кто истинный герой. Вот кто достоин настоящей принцессы, хоть и без соответствующего титула.

Уже не молодая, но все ещё обаятельная, Гвенделин могла поставить на место любого мужика, будь он хоть трижды гордый и сильный. Лишь минутная слабость, проявленная ею во время беседы, всё же выдавала в ней представительницу слабого пола. Вот только не была она слаба. Решительная, но нежная. Несгибаемая, но всё же женщина. Именно такой

она выглядела. Именно такой она была. Как же ухитрилась она совмещать в себе и любящую жену, и заботливую мать, и в то же время не позволять козням завистниц отравить свою душу? Вот кто действительно Героиня. Ведь именно женщины толкают нас на великие подвиги. Только они способны вдохновить любого из нас, добиваться немыслимых высот. Это ради них льются реки крови и заново отстраиваются города.

Кто же мы без них? Индюки, важно вышагивающие по улицам. Смешно и мерзко... Мерзко на душе. Хочется выть на луну, проклиная самого себя. Ведь очевидно, Юлианна и в самом деле заинтересовалась мной. Пусть и со скуки, ведь только представьте, каково ей жить в её мире?

Это нельзя, то нельзя, сюда не ходи, к этому даже прикасаться не вздумай, держи спину прямо, кивай головой, не смей ещё раз такое ляпнуть... Это же сущий ад. Не удивительно, что она обратила на меня свой взор. Ещё бы, герой, спасший ей жизнь, а затем и жизни других обитателей её родного города. Вот только не догадывалась она, сколь мерзок и отвратителен я был внутри. Сколько гнили скопилось там за годы жизни, проведенной в поисках способа возвыситься над остальными, доказать всему миру, что я лучше, умнее, талантливей, самый самый.... Тьфу, да и только.

Нельзя даже близко подпускать к себе Юлианну. Нельзя, пока не стану достоин её. Женщину нужно заслужить, а не добиваться. Тогда, и только тогда, чувства будут взаимными,

а любовь – истинной. А пока... пока, я просто поем и буду набираться сил. Предстоит ещё многое наверстать, многое переосмыслить, клетка за клеткой перекраивая собственный мозг, меняя собственные принципы и устоявшиеся правила. Ведь нет ничего зазорного, в том, чтобы перестать, наконец, обманывать окружающих и себя любимого. И пускай предстоит пройти долгий и тернистый путь, копаясь в лабиринтах собственного сознания. Пускай придется наделать гору новых ошибок и набить множество шишек.

Это только предстоит сделать, но не сейчас. Сейчас только я, моя новая цель и тарелка горячего супа. Возможно, уже к вечеру силы вернутся, и я возьмусь за задуманное, но первый и самый важный шаг уже сделан. Признание. Казалось бы, мы все рождены для чего-то великого и достойного, ведь не зря же дети мечтают стать космонавтами, пожарными, спасателями, а женщины – танцовщицами и балеринами, звездами большого театра, даже волшебными феями. Как много среди нас тех, кто остался верен своей детской мечте? Кто из нас помнит, о чём он грезил, ложась спать и слушая очередную сказку любящей матери? Как же быстро мы всё забыли, променяв мечту на суровую реальность. Как легко предали сами себя. Но кто сказал, что люди не меняются?

Не забывайте, это лишь мои доводы, и верить им стоит так же, как и тем же фильмам. А вдруг, я не прав? Что, если это я ввожу вас в заблуждение? С чего это я возомнил себя всезнайкой? И вовсе это не так. Сами уже убедились, сколь оши-

бочно бывает первое мнение. Сколь много глупостей можно натворить, уверовав в собственную правоту. Не верьте. Сомневайтесь. Ищите. Как говорил один величайший философ: «Я знаю только то, что я ничего не знаю»!

И с чего вдруг я посмел, даже в мечтах, надеяться, что судьба вдоволь потешилась и решила отпустить меня на все четыре стороны?

Трижды «ха»!

Трижды «позор»!

Мне ещё только предстояло пройти путь, уготованный подлой мерзавкой. Хотя, сложись всё иначе, разве писал бы я сейчас эти строки? Разве обрёл бы истинное счастье? Разве стояла бы за моей спиной та, чья любовь и забота, сделали меня тем, кто я есть? Это она, страстно целуя меня в шею и требуя внимания, вынуждает отложить все дела в сторону и, подхватив её на руки, отправиться в спальню, чтобы уже утром разбудить меня ни свет, ни заря, требуя объяснить, что ещё за принцесса такая? Почему это я посмел так восхвалять кого-то бы то ни было, пусть даже принцессу, в то время, когда она рядом? Это она, до утра будет всматриваться в монитор, выискивая ошибки и помечая моменты, которые я буду вынужден исправить. Я знаю всё это. Как знаю и то, что ей ещё только предстоит обо всем узнать.

Она не может долго обижаться. Просто не способна на это. Она всё простит. Даже принцессу. Простит, потому что всё ещё считает описанное красивой игрой слов. Вымыслом.

Фантазией. Каково же ей будет, когда...

А впрочем, не важно. Это будет потом.

Завтра.

Через восемь лет.

А сейчас? Сейчас только она и я.

Я и миска горячего супа.

Страстная любовь, вынуждающая падать без сил на подушку.

Миска горячего супа, обещающая скорое восстановление сил.

Только она, я и миска горячего супа.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА!